

Виктор Морт

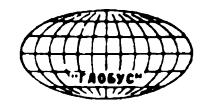
ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

1978 г

В. МОРТ.

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

1978
Сан Франциско

"ГЛОБУС"

Эта книга посвящается
хорошим, в сущности людям, а
МАРИИ ДМИТРИЕВНЕ ЯВОРОВСКОЙ
— в особенности.

Автор.

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В МАЕ 1947 года, из далекой Германии, еще не оправившейся от ужасов войны, мы получили в самодельном конверте, из поселка Тегинг, письмо. Там был рассказ «Любовь до гроба» и короткая записка. Вот с этого времени и по сей день у нас неразрывная связь с писателем Виктором МОРТ.

Тридцать долгих лет постоянного и преданного сотрудничества, которым мы так дорожим и которое приветствуем в связи с тридцатилетним юбилеем. Имя писателя достаточно известно в Америке, Европе и Австралии. После переезда в США, он одаривал наших читателей чудесными юморесками на советские темы, а потом освоившись и ознакомившись с эмигрантской жизнью, стал писать и о нас. Писал весело, смешно, остроумно, но не зло, а тепло и добродушно. Так прошло несколько лет, до выхода в свет его первой книги «Хэппи энд» и тут мы увидели другого Морта. Его «Маленькая мама», «Синий Шевроле», и «Липочка», прогремели на всю русскую Америку, если не дальше. Серьезная, почти трагическая тема «отцов и детей», зазвучала, как никогда в эмигрантской литературе!

А главный рассказ в книге «Хэппи энд», помимо печати, был озвучен в потрясающем исполнении автора, которое слышали русские люди Сеаттля, Торонто, Нью Йорка, Лос Анжелоса и Ванкувера. Как это миновало наш Сан Франциско трудно понять и объяснить!

Книга «Хэппи энд» (в издании В. Камкина), разошлась очень быстро и ее уже не достать. В этой книге впервые наша эмиграция познакомилась с неунывающими путешественниками Костичем и Гришей, которых автор увековечил в ряде повестей: «Неудачники», «Под небом знойным...», «Прожигатели жизни», «Картинки с выставки» и совсем недавно «Пятна на солнце». Этот юмор, бьющий полным ключом со страниц этих повестей до того приятен, до того свеж и до того «первоклассен», что по признанию многих читателей, они через некоторое время перечитывают эти приключения опять и опять.

Если очень внимательно, а не поверхностно, присмотреться к творчеству В. М., то можно с уверенностью сказать, что тот верный путь найденный писателем, в полной мере отвечает его художественным склонностям и таланту. Основа его творчества СЕМЬЯ и ее большие и малые конфликты и именно эта тема прекрасно разработанная сделала имя В. М. большим. Одновременно, со злободневным юмором появляются серьезные полотна вроде «Белой вороны» (эта вещь вышла отдельной книгой на английском языке). «Тихоня» и огромный роман — трилогия «Ржавчина», «Брачные узы» и «Эпилог», где проблема отцов и детей в эмиграции, автором поставлена во всей остроте и блестяще разрешена после ряда серьезных конфликтов. Роман «Алиби» (у нас он был опубликован под названием «Гадина»), если так можно выразиться «выпадает из ансамбля», но семейная тема продолжает превалировать.

После ряда серьезных рассказов, вроде: «Трус», «Сладкий яд», «Мираж», «Женское сердце», «Опасная игра», «Любимый город» и многих других, в Славянском издательстве выходит большой том «Мера подлости».

Хочется попутно отметить еще один талант писателя, прекрасно известный читателям нашей газеты. Виктор Морт является блестящим мастером театрализованного конферанса и его приезды в Сан Франциско и выступления на вечерах Литфонда и на юбилее Кредитного Союза, сопровождались шумным и заслуженным успехом!

В прошлом году вышла его книга «Мечты... Мечты...» с довольно рискованной темой, которую можно было бы назвать «Тайны кремлевского двора». Но и здесь, писа-

тель использовал советскую «придворную жизнь» для того чтобы показать, как гибнут маленькие люди, попавшие в липкую паутину сталинского окружения. Эта книга тоже распродана. А недавно, в марте этого года на страницах нашей газеты прошел роман В. М. «Гримасы». Со смелостью ему присущей, писатель попытался отойти от русской тематики и взял жизнь современной Америки. В исправленном и дополненном виде роман выйдет отдельной книгой, с добавлением во втором разделе книги лучшими, избранными рассказами на наши эмигрантские темы.

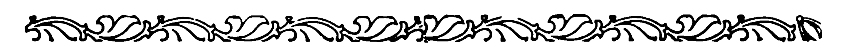
Если читатель заметил, что писатель очень скуп на описание внешности своеих героев и в то же время два-три ярких мазка с писательской палитры и портрет готов. Посмотрите и убедитесь сами. А характеры? Нет скрупулезных «копаний» в мозговых извилинах и душевных переживаниях своих героев, а уж через несколько страниц один-другой штрих, одна-другая фраза и читатель уже понимает и чувствует, что кроется за этими кажущимися на первый взгляд «пустяками». Мы бы это назвали скупой щедростью высоко одаренного человека.

Необходимо сказать об одной удачной идее В. М., создавшего в нашей газете тип «кирюшиной мамы», с ее изумительными монологами на бытовые и политические темы, рассказываемыми языком простой, полуграмотной женщины.

Интересно отметить, что так и нельзя твердо решить какой же жанр более присущ перу писателя? Мнения читателей очень различны, но большинство все-таки пришло к выводу, что серьезная тематика и юмор одинаково легко даются В. М. и каждый из его жанров имеет своих поклонников, ибо читаются его вещи с одинаковым удовольствием и увлечением. Можно не боясь утверждать, что он мастер своего дела и нам, газетному руководству и всем его (по) читателям остается пожелать Виктору Морт, писать и радовать нас своим писательским талантом.

Будьте здоровы, дорогой Виктор Константинович!

Редакция старейшей,
на западном побережье Америки,
газеты «Русская Жизнь».

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

(РОМАН ИЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКИ)

И только беспокойнее скрываю
Боль тайн былых от близких-дорогих.
Чем меньше за себя переживаю,
Тем больше беспокоюсь о других!

Д. Ковалев.

1. ЗНАКОМТЕСЬ, ПАТ!

ГДЕ-ТО дымились пожарища, в развалинах лежали тысячи городов и под грудами кирпича и железа разлагались погибшие, а сотни тысяч людей успевших спастись, брели по дорогам мира, ища еду, пристанище и покой.

Война шла к концу... Еще кое-где погромыхивали орудия, раздавались редкие выстрелы, но это уже было не то. Страшное осталось позади и Германия склонив окровавленную голову, отдавала себя на милость победителя. А милость была разная: там, где земля занималась союзными войсками — устанавливался относительный порядок и видимость налаживающейся жизни. Советская же сторона сводила счеты жестоко и беспощадно. Мстила за все! За разрушенные города и деревни, за миллионы погибших мирных людей и военных, а может быть и за неосуществленную мечту о... свержении советской власти и гибели коммунизма. Были и такие мстители.

Какова бы не была месть, но больше всего страдали женщины. Красной армии было дозволено все, и они этими правами пользовались со всей разнузданностью

дикарей, которым насилие и грабеж были даны в награду, за смелость и храбрость. Впрочем, во всех войнах это было, как правило. А войны были и будут.

Что-же будет, когда грянет третья с ее страшной техникой и атомными бомбами? — Господи, хоть бы не дожить! Жутко подумать!

И еще: имена ученых, изобретателей, художников, писателей помнят многие, но и то память о них с годами предается забвению, а вот те, кто начал войну и погубил миллионы человеческих жизней, те никогда не забудутся. И так уже было и так тоже будет... Конечно, можно утешить себя мыслью, что ко времени наступления грядущих ужасов мы будем там, где «несть ни печали, ни воздыхания», ну, а наши дети, наши внуки?! То-то!

◆ ◆

Жители той части Германии, куда вошли американцы или французы или англичане — считали себя счастливыми. Слава о победоносной Красной армии, далеко опередила ее приближение и немцы с ужасом думали о грядущем возмездии. Но в Баварии уже твердо знали, что к ним идут американцы и в маленьких городках, поселках и деревнях спешно вывешивались белые флаги сооруженные из любого материала и любых вещей, лишь бы белых. Шли в ход простыни, наволочки, полотенца и рубахи. Особой популярностью пользовались — женские. Так было всюду и так же сделали и в Тёгинге, маленьком фабричном поселке, знаменитым тем, что в нем был большой алюминиевый завод, работавший на оборону. Обслуживался он иностранными рабочими, привезенными со всех концов земли. Немцы только руководили. Как-то так получилось, что завод до конца войны так и не разбомбили, да и весь поселок и небольшой городок — в десяти километрах — Мюльдорф — остались целы. И когда американцы вошли, они, как деловые люди, сразу же поставили у завода охрану. Рабочие в спешном порядке отправлялись на родину по домам. Не спешили только советские, но и их отправили. Не желавшие ехать — разбежались. Всякие беженцы гнездившиеся в школе, были развезены по лагерям, прописаны, пронумерованы и им было предложено ждать решения своей судьбы от организаций ведавших лагерями. Жизнь налаживалась. Хозяевами положения стали американцы и баварцы были этому неимо-

верно рады. Победители, по существу, в распорядок немецкой жизни не вмешивались, предоставив немцам самим руководить населением... Небольшая воинская часть несла охрану завода и жила при нем. Жила сытно, пьяно и весело, чего нельзя было сказать о коренных жителях поселка. Нужда была страшная. Только благодаря их муравьиному усердию, по карточкам давалась мизерные доли хлеба, мяса, масла, сахара и молока. Мало, очень мало, но если немцы умудрялись это давать и во время войны, то теперь было значительно легче. Ушла угроза смерти. А как ели американцы — видели все потому что около завода была свалка куда кухня выбрасывала остатки. Остатки! Легко сказать! Немецкие дети, посылаемые туда матерями приносили домой куски пушистого белого, как снег хлеба, жестяные банки на дне которых были кусочки вкуснейшего мяса, а так-же детвора тащила домой и обертки от шоколада, в которых хотя ничего и не было, но дурманящий запах ванили и какао напоминал о былых радостях Великой Германии, — сейчас, как нищая копавшаяся в сорных ящиках победителей. — Солдаты ходили по поселку выискивая себе «симпатию», нося в брезентовой, зеленой сумке непочатый край сытости и довольства. Какая голодная девушка устоит против ласковой улыбки, сопровождаемой плиткой шоколада, банкой консервов и куском масла? Были такие дипломаты, которые угощали и ничего не требовали взамен. Но приманка действовала и «враг» сдавался. Матери молчали, матери бунтовали, но и матери тоже хотели есть... Брали и матери. Не все солдаты занимались акциями соблазна и не все немецкие женщины шли на это...

Пат О'Коннор был ирландец. Нет, конечно, он прежде всего был американец. Это отец его родился в Дублине, а он в Клевелэнде, штата Охайо. Но все равно он праздновал день святого Патрика, читал книги на родном языке и любил свою маленькую родину, которой не знал и не собирался навещать. Но он был ирландцем по характеру: упрям, настойчив и честен. Дома, в Америке он оставил жену с малышом-сыном и часто писал им письма, беспокоясь и давая советы. Ведь, когда он был дома и работал, все шло гладко и хорошо. Он имел золотые руки, был мастером-мебельщиком самой высокой квалификации, но самое главное был резчиком по дереву, обладал большим вкусом. Когда на фабрике ему показывали каталоги в

красках и спрашивали его мнения, он улыбался и говорил: — «И хорошо и красиво, а я сделаю лучше!» и делал!

Хозяева его очень ценили потому что одно дело — мебель по шаблону, стандартная, делаемая конвеерным порядком, а другое, когда мастер «краснодеревщик» вытачивает узорные ножки, подлокотники и спинки кресла так, что оно получается, как отлитое из формы, с вычурным рисунком, безукоризненной выточки и крепости. Такие кресла, шкафы, диваны, письменные столы и кровати делались не считаясь с расходами на материал и оплату труда. Заказчики платили втридорога, но имели вещь музейного вида, которую не стыдно было показать другим и похвалиться. А когда Пат предложил дирекции выпустить свой каталог с цветными образцами мебели его выделки и она на это пошла, то от заказов не было отбоя. Получалось, что он не только мастер, но и художник-моделер, предложивший то, чего нет у других. Труд его прекрасно оплачивался и ему давался месячный отпуск, чтобы он набрался сил и отдышался от «духа» различных лаков и политур. Хотя у Пата были помощники и подмастерья, но каждая вещь проходила через его руки. И вот — война, мобилизация и все пошло вкривь и вкось.

До войны он женился на «чистокровной» американке, познакомившись с ней в кафе, где она работала официанткой. Веселая, улыбающаяся, симпатичная, подвижная и энергичная, она нравилась посетителям за свой ласковый (вмеру) нрав и умение угодить. И как это часто случается, Пат пригласил ее в кино, отвез домой, не напрашиваясь зайти. Так мало по-малу у обоих появилась взаимная симпатия и тяга друг к другу. У нее, где-то в провинции были родные, а у него в далекой и дождливой Ирландии тоже кто-то имелся. Он рассказал ей о себе. Где работает, сколько получает, как его ценят и спросил просто, по деловому, не захотела бы она развязаться с надоевшими подносами и грязными тарелками и заняться своим хозяйством?

— Вы предлагаете мне сожительство?

— Нет, совместное жительство, на правах мужа и жены.

После его рассказов о его заработках, она решила, что будет дурой если упустит этот случай и.. свершилось. Они сняли небольшую квартирку и засучив рукава Эн взялась за создание своего гнездышка. И тут оказалось,

что все эти улыбки и ласковые взгляды были дежурными и декоративными. Она предстала перед мужем очень серьезной и целеустремленной. Начав семейную жизнь, она поставила своею целью приобретение своего дома и... ухода Пата с фабрики.

— Ты чудак, — говорила она, увидев в магазине мебель его выделки. Зачем тебе работать на чужих, когда ты можешь открыть свое дело. Небольшое, но верное и тогда вся прибыль пойдет в твой карман, а не часть.. — Пат об этом никогда даже и не думал. Потом она разъяснила этому простаку, что нет смысла жить в большом городе, где все дороже, чем в провинции; да и конкуренции достаточно.

— А вот переехать в небольшой город и там открыть свое дело, где заказов будет хоть отбавляй.

Пат пожимал плечами. А она написала отцу, навела справки и даже послала мэру города, где жили родные запрос, приложив фото-снимки сделанной Патом мебели. Тот был в восторге и ответил, что работой ее муж будет обеспечен. В отпуск они поехали туда, на разведку.

Пат был из категории мужей о которых говорят:

— Жена не толкающая своего мужа вперед — тянет его назад!

Так и тут. Он знал свою профессию прекрасно, любил ее и мог работать по 10-12 часов в день, когда увлекался, а вот отстаивать свои интересы, добиваться чего-либо или строить деловые планы, — это было не в его духе и возможностях. И тут Эн была очень кстати...

Все оказалось в высшей степени заманчивым. Мэр города был очень любезен и показал себя весьма заинтересованным в переезде в его город такого мастера. Уже сейчас, как делец, он руководился политикой дальнего прицела.

— Чем больше внимания и поддержки ты окажешь этому мебельщику, тем больше у тебя надежды, что он тебе сделает всю обстановку значительно дешевле, чем другим — сказал он себе.

Мэр возил их по городу в своей дорогой машине, показывая помещения для работы (уже заранее раздобыл адреса), одновременно советуя не открывать мебельного магазина, — налоги значительно выше, — а начать с мастерской, имеющей большую витрину для показа изготовленной по заказу мебели. Он сразу раскусил эту пару и в

основном обращался к Эн, видя в ней главное действующее лицо. Пат только согласно кивал головой на высказынавия жены. Мистер Джэксон готов первым заказать кое-что, чтобы к ним потянулась и остальная городская «знать».

Пат ходил следом и внутренне улыбался своим мыслям. Эн обнадежила его, что кажется он будет отцом и это его несказанно радовало.

Остановили выбор на бывшем магазине готового платья. С фронта большая комната с витриной, где будет рекламироваться, но не продаваться результат усидчивости Пата, а сзади две комнаты для мастерской, а наверху небольшая квартира для жилья. Чего же лучше? Расходы предстояли огромные: купить хотя бы не новые машины, аренда, материал.. Кредит-кредитом, но платить надо и жить надо. Эн сказала, что она не задумываясь пойдет работать, хотя бы первый год, чтобы облегчить начало.

— А ребенок? — испуганно спросил Пат.

— Ну, с этим можно и повременить! — отрезала жена.

Она верила в своего Пата, а он побаивался. Там в Клевелэнде было просто: отработал восемь часов, помыл руки, одел пиджак и вольная птица. А тут крылья будут здорово подрезаны. Но семья! Это обязывает.

Уход Пата с фабрики очень огорчил хозяев. Они предлагали ему еще на сто долларов больше в месяц, лишь бы он остался, но зная, как молодые жены влияют на своих мужей в начале брака — ничего поделать не могли. Одно только сказали на прощанье:

— Когда-бы ты захотел вернуться, — место для тебя всегда есть!

На этом простились и семья О'Коннор переехала в провинцию. Все свои сбережения, что были у молодоженов, они ухлопали на начало дела. А мэр кстати посоветовал не начинать с дорогой мебели.

— Простая скорее пойдет, а потом уж начнете соблазнять отборной и вычурной. На такую должны быть любители и деньги.

И он оказался прав. Здесь люди предпочитали купить готовую металлическую кровать, а стул покрепче и попроще. Одним словом в пределах своих возможностей. Однако сказать, что работы не было — нельзя. А когда на витрине появилось кресло в стиле «рюсс», перед ней всегда стояла публика. Представьте себе: материал —

красное дерево, ножки — лапы медведя, подлокотники — два топора вонзенные в сиденье, спинка кресла русская дуга, а в ней двуглавый орел. Ну, не красота? Кресло не продавалось, но была только надпись, что любая мебель, как по каталогу, так и по рисунку заказчика может быть выполнена в этой мастерской. Как-то на витрине появился целый гарнитур спальни из «карельской» березы. Конечно, она не была карельской, а местной, но это название Пат вычитал в каталоге. Кровать и шкафчик, два низких стула, скамеечки, выдержанные в одном стиле были светлые, радостные и поражали воображение непритязательных американцев. Туго, со скрипом, дело шло, но по 12-14 часов в мастерской, тоже не сладко. А надо было, иначе-б ничего не вышло. Ускоряя выполнение заказа приходилось засиживаться до-поздна. Конечно, можно было взять помощников, но ведь их надо оплачивать, а так все шло Пату. Вопрос отцовства тоже отпал, оказалось, что это «ложная тревога» и Эн была устроена мэром в буфет при городской управе. К устранению «ложной тревоги» Эн приложила руки, но знать об этом мужу не полагалось. Ах, да! В местной газете появилось объявление о мебельной мастерской и приглашение зайти (это вас ни к чему не обязывало) и познакомиться с каталогами мебели всего мира, Дании, Германии, Италии и так далее. Советского только не было. Ну, кто-же пришлет каталог на табуретку, сундук и кровать-раскладушку?..

Время шло. И все же через год Эн сказала, что готовится стать матерью. Она рассудила так: дело налажено, Пат работает не покладая рук и она имеет право на отдых, тем более, что это его так обрадовало. Ему уже помогал старичок-пенсионер, который звезд с неба не хватал, а черновую работу выполнял хорошо и был полезен.

А с войной все пошло вкривь и вкось. Резко сократились заказы, трудно было доставать материалы, да и не до вычурной, красивой мебели было публике, когда в стране богатой и обильной ввели всяческие ограничения. Но война, — есть война! А это еще не все: Эн родила сына, а Пата мобилизовали и он ушел с большой болью в сердце. Эн его утешала, как могла, видя слезы на глазах у мужа.

— У других хуже, а я оставшись со старичком-мастером, как нибудь сведу концы с концами. На жизнь хватит,

а потом когда можно будет ребенка передоверить матери, я опять пойду работать в управу.

Джэксон, хотя и ушел с поста, но остался попрежнему одним из ведущих лиц в городе. У него была адвокатская и нотариальная контора и он еще был пайщиком в большом деле по торговле недвижимым имуществом. Он обещал Эн всяческую поддержку, а мебель Пат ему сделал. Мало того, что Пата забрали, но уже через две недели он был отправлен в Европу.

2. НА ЧУЖБИНЕ.

Так вот его-то часть и стояла в Тёгинге по охране завода и... по соблазну населения консервами, маслом, сладостями и сигаретами. Ах, на что только не пойдешь, чтобы накормить голодного ребенка, да и самой съесть что-нибудь вкусненькое?! В этот день, Пат шел по поселку оглядывая аккуратные, стандартные домики рабочих аллюминиевого завода. Рабочих то не было, они все были в армии, а тут жили только их жены и дети. Жили тяжело, голодно, но терпеливо, Немецкий народ был очень дисциплинирован. Скудный паек по карточкам не укрощал голода и не будил розовых надежд на будущее. Одно было ясно — война проиграна и Родина разбита. А наличие американских войск на немецкой зоне говорило о многом. Все пропало. Фюрер в которого так верили и любили — ведь он обещал своему народу молочные реки и кисельные берега — оказался глиняной игрушкой, сломанной и выброшенной на свалку истории, а народ теперь расплачивался за свою веру!

Как-то Пат проходил мимо одного домика, — у небольшого сарайчика стояла рослая, молодая немка и тяжелым топором колола дрова. Ведь кухоньки, да и все домики отапливались здесь дровами. Так вот, раньше это делал муж, а теперь она. Когда ее Франц вернется, все должно быть в порядке, в пределах ее возможностей. Пат остановился, закурил и начал смотреть на ее работу. Как у этой хорошо скроенной женщины ладно получалась эта рубка. Поленья были сосновые и с легким звоном раскалывались с одного-двух ударов. И все же это было не легко. Докурив, Пат открыл калитку, подошел к женщине, взял у нее из рук топор и указывая на дверь сказал: — Иди!

Она поняла и отошла в сторону, но в дом не пошла.

— А вдруг унесет топор! А если да, то что надо делать? Кричать? Отнимать? У них уже и так все отнято. Американский солдат взял полено и начал его нюхать и гладить, как будто оно было живым существом. Разве эта женщина знала, что запах сырого дерева пробудил у этого человека былые желания?! Он закрыл глаза и вспомнил дом, мастерскую, стружки и запах, тот неуловимый, прекрасный запах, который знает и поймет только человек любящий свою профессию. Так, как он любит! Солдат вздохнул и начал расставлять поленья в ряд, штук по десять, в одну линию. А потом только взмахивал топором и рубил. И вмиг на земле лежало двадцать кусков дерева, годных для печи. И как быстро и как складно. Она засмеялась. Какой красивый смех и как украсила улыбка это простое, приветливое лицо. Она не была красива, но столько было в ней свежести, здоровья и привлекательности, что может быть другая женщина и красивая и молодая не выдержала бы сравнения с прекрасным цветом лица, улыбкой и зубами, как на подбор, у этой немецкой Гретхен...

Вот они незримые нити взаимного притяжения. Почему Пат остановился именно здесь, у этого домика? Потом он себе объяснил, что звук «хакающего» топора и звонкий ответ сосны на его «поцелуи», запах сырой древесины, привлек его внимание. Пусть будет так, но важно, что это случилось. Именно случай подчас меняет человеку всю его жизнь.

— Гут? — спросил он.

— Гут — откликнулась она и ушла в дом. Он продолжал рубить. Она вышла с чашкой горячего кофе-эрзац. Пат пил его, чтобы только не обидеть хозяйку. Помои. Да, разве американец будет пить такое кофе ежедневно?

— Гут? — спросила она.

— Гут! — ответил он.

Порубив все что было, солдат заглянул в сарайчик. Там стояли плахи дров, которые еще надо распилить на три части, прежде чем колоть. Ну, это уж совсем не женская работа. Натужив память Пат выжал из себя слово:

— Морген — и указал на себя пальцем, а потом сделал жест изображающий пилку дров.

— Гут — улыбнулась она, а он порывшись в кармане, достал жевательную резинку и дал ей. Она поблагодари-

ла, а он ушел насвистывая «Янки-Дудль». Женщина начала заносить дрова в дом.

А на другой день он не пришел и не потому что не хотел или забыл. О, нет. А просто ему пришлось идти в наряд вместо заболевшего товарища.

— Вот, — подумал Коннор, — она ждет, поверила на слово. Такие, как эта верят, а я ее обманул не хотя. И даже объяснить ей не могу ни по телефону — да разве он у нее есть? — ни на словах, когда увижу. Для такого рассказа надо переводчика с собой тащить. Сложная история. Да и при чем тут телефон? А ее имя? Фамилия? Адрес? Он же ничего этого не знает, а думает о телефоне. Смешно. Американская привычка. Чуть что — за телефон!

Сдав дежурство, он в десять часов вечера, взяв с собой плитку шоколада (начинается?), кусок сыра и буханку белоснежной булки, помчался извиняться. Не в правилах ирландца, дав слово, его не сдержать. Было достаточно темно, все домики были как один и он не нашел где она живет. Мимо него торопливо сновали уже ранее определившиеся солдаты или спеша к своим симпатиям или же возвращались обратно в часть. А он, как дурной ходил по улице — да и по той ли? — ища знакомые серые глаза и венок из сплетенных кос, этой Брунгильды... Так и не нашел. Злой и огорченный возвращался он в бараки, когда встречная женщина сказала ему:

— Гутен абенд, америкен!

Он остановился и отдал ей все, что нес своей избраннице. Но честно говоря, он не мог бы ее так назвать в «солдатском» смысле слова. Нет! Ну, хорошо, а чем же все-таки она ему понравилась? Чем? Да, конечно ее внешний вид сыграл свою роль. Она была приятна на взгляд, она была аккуратно и чисто одета и она была — то, что любил Пат — трудолюбива. Колоть дрова не женское дело, а она это делала и умеючи и с охотой. Сейчас, в данный момент Пат меньше всего смотрел на нее, как на женщину, а подумав, что там, дома, его Эн тянет на себе все — и ребенка и дом и мастерскую — он захотел помочь этой женщине. Только поэтому.

И в этот же вечер написал домой длинное письмо в котором проявил большую заботу об Эн и малыше. Спрашивал, давал советы и просил писать чаще. Но он знал, что где-где, а в Америке все же жить легче всего. И на другое утро, покончив со своими нескладными армейски-

ми обязанностями, он помчался к немке, чтобы сдержать слово и попилить дрова этой симпатичной женщине. О, Господи! Да ведь каждая улочка в этом поганом поселке, точная копия соседней. А он не знал ни номера дома, ни названия улицы. Попробуй — найди. Ну, что-ж, это не Клевелэнд. Обойдем весь поселок и где-то найдем то, что ищем. И он пошел, не торопясь и внимательно приглядываясь к женщинам копошащимися у своего хозяйства. Его пристальное внимание было истолковано по иному, а наличие зеленой, чем-то набитой сумки, ясно говорило, чего он хочет. Кое-где ему улыбались, кое-где выходили навстречу и спрашивали что-то, но он отмахивался и шел дальше.

«Кто ищет, тот всегда найдет!» поется в какой-то песне. Так и тут. О, Боже мой! Она стояла у козел, на них лежала четырехфутовая плаха соснового дерева и эта женщина пилила (фут в диаметре) ее ручной пилой! На такой процесс, да еще с таким орудием в руках, надо было ухлопать по полчаса, чтобы отпилить от этой махины только футовый кусок. Плаху надо было пилить на четыре части. Ведь печи-то в кухнях малые. Потом только узнал Пат, что вся жизнь в этих домиках теплилась в кухоньках, а спать шли наверх, на второй этаж, в холодные нетопленные комнаты, а у некоторых и с открытыми окнами. Только перины и спасали. Но спалось здорово! Уже подходя, Пат начал горячо объяснять Эльзе (так ее звали) почему не пришел когда обещал. Поняла ли она? Он бросил сумку на землю, а сам взял из ее рук пилку, с досадой говоря, что такой пилят доски, а не дрова. Женщина пожала плечами, вошла в сарайчик и вынесла огромную крупно-зубую пилу, пятифутовой длины, для работы на двух человек.

— Гут? — спросила она улыбаясь.

— О, гут-гут! — обрадовался он. И работа закипела. Как складно и хорошо с ней работалось. Два часа эта пара работала не отдыхая и все было сделано. Пат, вытирая вспотевший лоб, закурил и сел на козлы. А Эльза была так же свежа, только раскраснелась и расстегнула кофточку, у красивой гладкой шеи. Глядя на нее солдат подумал: «Красивая грудь», а она поймав его взгляд, сразу же покраснела, резко повернулась и вошла в дом. Тогда только вспомнил Пас о сумке. Он схватил ее и побежал следом.

— Вот это тебе — сказал он, высыпая сокровища на стол и увидел на полу маленькую девочку, лет четырех, игравшую примитивными игрушками. Схватив плитку шоколада, он присел к ребенку.

— Нейн! — сказала мать и положила ее обратно на стол.

— Почему? — удивился гость.

— После обеда — объяснила Эльза и жестом указала на раскладываемые ею тарелки. Она убрала подарки в сумку и повесила ее на стену. Они обедали втроем и для дорогого гостя были сделаны, из запасов отложенных для другого случая, «кнэдли». Гость ел и похваливал, а хозяйка улыбалась. С кем было хорошо разговаривать Пату, это с девочкой. Ее звали Рези. На все его вопросы — по английски, конечно, — она отвечала по немецки и оба были дооволньы друг-другом. Не видел Пат, в это время, взглядов Эльзы, обращенных на него. А жаль!..

Когда Пат захотел закурить и попросил разрешения, достав пачку «Честерфильда», Эльза подумала, что он предлагает ей и сказала: — Нейн! — а он подумал, что курить тут нельзя и вышел на улицу. Покурил, взялся за топор и пошел «отмахивать», весело покрякивая.

Соседки с завистью поглядывали на чудесного работника Эльзы.

◆ ◆

Да, язык, язык. Теперь только понял Коннор почему его приятели обзавелись какими-то книжками, что-то выписывали и твердили наизусть. Этот поляк-проныра Стефан Юзминский, ездил в Мюнхен и доставал англо-немецкие словарики и здесь их продавал втридорога! Пришлось купить и Пату. Старался он изо всех сил и потихоньку лед тронулся. Примитивно сколоченная фраза все же доходила до собеседницы, а она старалась отвечать поодносложнее, чтобы он скорее понял ответ. Солдат рассказал (не скрывая как другие), что он женат и у него сынок, как Рези, что он скучает за семьей и болеет душой за них. Эльза понимающе кивала головой и думала о своей жизни.

Соседки были уверены, что у этой пары уже «все в порядке» и на их откровенные намеки Эльза густо краснела и возмущенно оправдывалась, а сказать Пату, чтобы он ушел и больше не появлялся, она не хотела и... не

могла. Он был хороший, уделял много времени ребенку делая из щепок прямо волшебные вещи: шкафики, кроватки, столы стулья и все это не грубо и кустарно, а художественно и красиво.

— Как это получается? — ахала мать.

— Я гордо заявлял Пат — делаю это дома, только для взрослых и продаю. И объяснил ей свою профессию... Странная вещь: вот уже полгода, как они знакомы и в свободные дни он забегает к ним, но никогда не пытался притянуть Эльзу к себе и поцеловать. Нельзя было сказать, что она ему не нравилась, — но она стала совсем «ручная». Весело хлопала его по плечу, смеялась, радовалась его приходу (но не в сумке было дело), а вот так просто, бескорыстно. Сколько раз, когда он уходил, уходил запросто, как от хорошей знакомой, она стояла у окна и сквозь занавеску следила за исчезающим силуэтом. А если бы он, уходя, обнял ее и поцеловал, разве она бы возражала? Нет, не только не оттолкнула, а сама бы ответила горячим, искренним поцелуем. Нет, он, здоровый и крепкий, довольствовался малым. А так хотелось большего.

Раз в неделю, в Тёгинге, по воскресеньям, давался кино-сеанс и тогда вся свободная солдатня с уже определившимися подругами, была там. Пату тоже хотелось пойти с Эльзой, но как же Рези? Он сказал о своем желании и мать ответила:

— О, я очень хочу пойти в кино и я могу ее оставить. Она сама ляжет спать.

— Нет, — ответил Пат, — одного ребенка нельзя оставлять в доме. Мало ли что может случиться. Это же ребенок!

Этот ответ очень понравился Эльзе и она подумала:

— Какой хороший отец. И вообще он хороший! — и в следующий его визит сказала, что договорилась с соседкой. Рези останется у той и они пойдут. Так и сделали. Пошли. Показывали старый немецкий фильм «Доктор Мабузо». Зрители ахали, стонали, потом сидели затаив дыхание, а американцы смеялись в самых страшных местах, прижимая к себе испуганных подружек. Когда пришли домой, Эльза посмотрела на окна соседки и сказала:

— Она уже спит. Я возьму Рези утром. Пойдем пить кофе.

Он вошел и видел, что Эльза слишком подвижна и нервна, но приписал это кино-фильму. Говорила она много, но он половины не понимал и когда поднялся уходить, то увидел большие голубые глаза, какие-то необыкновенно яркие и блестящие сегодня.

— Останься — хрипло сказала она, притягивая его к себе! Это он понял и ушел только через два часа. Ужасно холодные спальни у немцев!

3. РОМАН.

И теперь у них отношения стали нормальными, как у всех солдат торопливо шагающих по поселку с сумкой в руках. Каждый знал, куда идет, к кому и зачем... А как этот скромный солдат любил возиться с печкой. Когда Эльза смеясь спрашивала:

— Ну, что же в этом интересного? — то он отвечал:

— А то, что я никогда не разжигал печи. Все на электричестве или газе. Ведь я родился не в Ирландии, а в Америке. А тут, живой обжигающий огонь. Как хорошо! А слушать, как дрова горят и потрескивают. Ведь это же музыка!

— Ну, мне эта музыка — вот тут — и она показывала на горло.

А то бывало так, что он задерживался до вечера, что-то мастеря или чиня в доме и тогда Рези хотела, чтобы он ее уложил спать. Пат нес ее наверх, а Эльза оставшись внизу слышала их веселый смех и болтовню, которую никто из них не понимал, да и не нуждался в этом. И сидя в теплой кухне, она готовила ужин и думала и сравнивала Пата со своим налитым пивом Францем. Ведь тот, приходя с работы, выпивал за обедом огромную кружку пива и отходя ко сну — тоже.

— Чтобы во сне цех не приснился, а то пить захочется.

А работал он в горячем цехе аллюминиевого завода, где всегда было душно, жарко и шумно. В воскресенье, после церкви, он шел в «Бирхалле». где мог сидеть часами, с товарищами и пить пиво, разговаривая о разной ерунде. По субботам угощал Эльзу своей «любовью», в которой не было ни радости, ни сладости. Так шла ее супружеская жизнь, а она слышала и о другой. У них в поселке не стеснялись похвастаться интимными отноше-

ниями. Впрочем, у большинства фабричных рабочих она была одинакова. К ребенку муж был равнодушен. А этот американец, возьмет Рези за ручку и идет гулять. Оба разговаривают. Как они понимали друг-друга, она не могла взять в толк. Она любовалась этой парой и на душе у нее становилось и радостно и тепло. Немки удивленно выглядывали из дверей и окон. Они еще не видели американских солдат гуляющих с таким «возрастом». Они знали только тех, кто предпочитал их взрослых дочерей и их самих. Эльза думала иначе! А раз, а это бывало не часто, он уложив Рези, остался и она сказала:

— Слушай, солдат, не зеленой сумкой с повидлом и сгущенным молоком, ты завоевал меня. Нет, ты завоевал меня собой! Какие в тебе достоинства и какие недостатки, я не хочу ни думать, ни обсуждать, но знаю, твердо знаю, что если мой Франц вернется, я ему расскажу всю правду и останусь с ним ради ребенка, но женой его я больше никогда не буду. Кроме тебя я не хочу знать никого, а так как ты солдат и ты уйдешь из моей жизни, то ее у меня, настоящей, человеческой, какая может быть у жены и у матери никогда не будет. Но ничего, я узнала, что такое коротенькое счастье и благодарна Богу за него, если он не решит, что меня надо наказать за мой грех перед моей и твоей семьей.

А потом целовала заокеанского гостя с исступленным отчаянием чувства грядущей потери. А Пат удивлялся почему она так много души вкладывает в обыкновенные человеческие отношения. Вот, другие солдаты, если рассказывают, так только веселые вещи и их немки не плачут. Но, правда, Эльза хорошая. У нее деньги не главное, а его Эн всегда во главу угла ставила только доллар. Есть они — все хорошо, но надо еще и еще. Надо жить и иметь вещи лучшие чем у других: и дом, и автомобиль, и мебель и наряды. Ну, одним словом материальное благополучие — это все, а всякие разговоры о любви — удел книжек в ярких обложках.

— Ты бы не мог мне объяснить, почему так получается в жизни, не всегда, конечно, о далеко не всегда, что судьба сводит людей слепым случаем?

— О чем ты? О нас?

— Да. Ну вот, смотри: ты шел по моей улице. Почему по моей, а не по соседней? Ты остановился около моего дома, а не напротив у Луизы, которая совсем одинока и

свободна. Почему? И ты предложил мне помочь пилить и рубить дрова, в то время, как это же самое могло случиться в другом месте нашего поселка. Ведь правда? А вот судьба толкнула тебя ко мне...

— Это просто случайность. Я на звук топора и на запах дерева откликнулся.

— Я верю, что ничто другое тебя не привлекло, но что эта встреча значит для меня — ты не знаешь. Ты чужой и равнодушный к моей жизни человек показал и доказал, совершенно не стараясь, что можно завоевать сердце женщины так, что оно само пошло к тебе, а за ним пошла и я. И вот теперь ты самый любимый для меня человек, дороже Рези, потому что она от нелюбимого и чужого, хотя и мужа. Я знаю, что не могу претендовать на тебя. Ты имеешь жену и ребенка. Любишь их. Ждешь их писем, пишешь сам, а я? Что я? Случайность. Шел солдат и споткнулся о сердце женщины. Нагнулся, поднял и забрал ее всю. Я каждый день с ужасом думаю, что тебя отправят домой и ты даже не вспомнишь и не напишешь той, которая с твоим отъездом будет жить только воспоминанием о том коротком, маленьком счастье, что ты дал мне.

— Я дал тебе счастье? Чем?

— Да, вот тем, что появился в этом доме, подошел ко мне и ребенку по человечески и не потребовал за свою зеленую сумку с консервами жену побежденного солдата в награду. Я сама тебе себя предложила, но не за сумку, а за радость, что ты а никто другой остановился у калитки моего дома. Ах, Пат, Пат, не поймешь ты, как и многие мужчины не понимают, что значит обоюдное счастье. Это же дар Божий!

И под ее горячий шопот о ее чувстве, он засыпал, а она смотрела на его лицо — лампа была прикрыта цветным платком — и мечтала... О чем? А вот, он завтра придет к ней и скажет:

— Эльза, я остаюсь с тобой. Я убегаю из армии. Спрячь меня. Здесь меня искать не будут. Подумают, что я бежал в Мюнхен и там пропал. А потом американцы уйдут, я останусь с тобой и Рези, буду работать и мы будем счастливы! А потом у нее другие мысли:

— Пусть так, а что будет если Франц вернется? Какие глупые фантазии...

Вторая зима с победителями была в поселке отмече-

на лучше, чем при немцах. Пат начал уговаривать солдат своей части устроить ёлку для немецкой детворы.

— Мы дадим туда, — говорил он — часть своего законного солдатского пайка, да еще прибавим незаконного. Затем обратимся к начальству, оно тоже даст. Договоримся с бургермайстером, чтобы в зале, при кирхе, поставить большую ёлку. Родители ее украсят игрушками, а мы более ценными вещами: продуктами!

Это предложение было встречено восторженно. Во-первых, потому что многие из солдат имели дома, куда они ходили в «гости». Детворы в поселке было достаточно, пока еще своей, созданной до войны. Во-вторых, собрание такого количества женщин в зале значительно облегчит новые знакомства, которые в дальнейшем могут обернуться в дружеские отношения, со всеми вытекающими из этого последствиями... Дело закипело и в первый день Рождества кирха была переполнена т. к. присутствовали не только немцы, но многие из солдат и офицеров. В три часа дня началось торжество. Все прошло в высшей степени хорошо. Поляк Юдзинский был Санта-Клауз (он знал язык) и раздавал подарки. Пат был главным «заводилой» и сияющая Рези не отходила от него ни на шаг. Эльза — если бы она могла посмотреть на себя со стороны не сводила глаз с Пата и где бы он не был и, чтобы не делал, сияющие, голубые глаза, с восторгом смотрели на его игры с детьми, а душа пела радостную песню любви и преданности.

— Он мой! Он самый лучший из всех здесь! — и она сказала Луизе, сидевшей рядом, — моя тохтер влюблена в Пата!

— Ее мать не меньше! — Эльза покраснела и ничего не сказала. Да, она и не могла скрывать своего, большого, неповторимого чувства к этому чужому, который так просто, не прилагая никаких усилий, вошел в ее жизнь.

— Вот, что бывает у людей — думала часто она — вот это и есть любовь. Я и не знала, что это такое великолепное, огромное чувство. Сколько оно дает радости и... сколько еще даст слез и горечи. Ну, что-ж в жизни всегда так бывает. Дождемся и их. И дождались!

В один из вечеров Пат пришел и с улыбкой сообщил, что всю его воинскую часть переводят в Мюнхен, а оттуда возможно начнется отправка домой. С улыбкой!.. И он мог ей говорить эти слова улыбаясь, не подумав, что они

как острые ножи вонзаются в ее сердце. Ведь это конец! Конец ее короткой счастливой жизни, которую Бог послал ей в награду за тусклые и бесцветные дни ее замужества. Теперь только надо вернуться ее Францу и начнется страшное, если не наступит худшее... Если она не решится уйти из жизни совсем. Ведь муж не простит ей измены, а она не захочет быть его женой. Так разве можно жить вместе?! Да, он ее и не отпустит. Разводы у них в поселке просто небывалая вещь!

А Пат улыбается!

— Но пойми же, Эльза, — говорила она себе, — глядя на Пата — пойми, что он сейчас думает о себе, о жене, о сыне, о любимой работе и родине. Разве это неверно? Ну, что ему какой-то поселок, какая-то немка с ее пилкой дров и убогой жизнью фабричного рабочего? Ты эпизод в его жизни, который он забудет уже попав в огромный шумный и веселый Мюнхен. А уж дома, в Америке, он и не вспомнит о таком пустяке, как истерзанная душа Резиной матери! Кто думает о такой ерунде, когда впереди столько радостного! Родной дом! Родная семья! Родина!

Эльза побледнела и встала. Именно потому что она увидела его улыбку, ей мучительно не хотелось показывать ему всю свою силу своего горя. Улыбнулась и она. Но что это было?

— И скоро?

— Будто-бы на будущей неделе.

И ни слова больше. О, Господи, ну скажи, что тебе горестно нас покидать, что ты — не говори, что любишь — будешь скучать, что тебе жаль нас, что тебе не хочется уезжать отсюда. Ну, скажи, что нибудь — утешь! Нет, он сидел курил и улыбался. Он уже был дома. Рассудок говорил женщине, что так и надо, а сердце болело и плакало. Пату было чуточку грустно, но мысль о возврате в родную Америку, к жене и сыну и к любимым станкам побеждала все! Каждый день он успевал забежать хотя бы на часик посидеть, поговорить, покушать кнэдли или зауербратен к которым привык и даже полюбил. Ну и конечно, что нибудь приносил. Как видно большего он не хотел, а Эльза осунувшаяся и гордая в своем замкнувшемся горе, старалась изо всех сил не показать, что с ней творится. Но удивительно, что маленькая Рези, которая ни своим умом, ни сердечком, не могла понять материнских страданий, все же что-то чувствовала и когда Пат

приходил, она взбиралась к нему на колени и прильнув к нему, молча сидела пока тот разговаривал с мамой. Молча! И это та, которая могла говорить беспрестанно. Бедное дитя! Мать это видела и ей было еще больнее. Значит обе они, эти «женщины» любили этого человека. А он?

— Да, — как-то сказал он — в субботу мы будем ехать через поселок и на углах улиц будем останавливаться, чтобы солдаты могли проститься со своими «свитхартами».

— А.. А в котором часу это будет?

— Начнем собираться с утра, а после двенадцати тронемся.

Она спрашивала машинально потому что знала, что на улицу не выйдет, будет дома, будет стоять у окна и ждать... И ждать!

Так и было, как он сказал. Огромная грузовая машина остановилась на углу и сердито загудела. Четверо солдат выскочили и побежали к «своим» домам. Пятым был Пат. Он с тяжелым мешком пошел к ее дому, а она держа Рези на руках, ждала.

— Мама, чего ты плачешь?

— Так надо, тохтер, так надо. Любить не всегда сладко!

Он вошел взволнованный и не зная, что сказать начал развязывать мешок. — Не надо, Пат, не надо! — хрипло сказала она.

— Да, но я его должен забрать, это военное имущество. — Он высыпал «сокровища» прямо на пол и Рези довольная и веселая, начала их сортировать.

— Ну, — сказал он неумело, — будем прощаться?

— А как это?

— Ну, хочешь пойти наверх?

— О, нет. Теперь это уже не нужно. И он не настаивал. Он обнял эту женщину, которая вдруг зарыдала так громко и с таким надрывом, что он даже испугался.

— Ну, что ты? Ну, чего там? Смотри, как все на улице стоят и весело разговаривают.

— Там не любят.

Он целовал ее мокрое от слез лицо и у него только теперь шевельнулась мысль, что он бы мог быть с нею счастливым.

— Ну, иди, — сказала Эльза — иди. Тебя ждут, но помни, что если тебя там будут так любить, как я тебя люблю, то мне больше ничего не надо.

И вдруг, сам этого не ожидая, он сказал:

— Эльза, поверь мне. Если бы я был свободен, я бы забрал тебя и Рези с собой, в Америку. — Сунул руку в карман, выхватил оттуда пачку сигарет, бросил ее на стол и выбежал. Солдаты уже усаживались в грузовик и тот пыхтя покатил к следующему углу для прощальных объятий, прохладных поцелуев и неискренних слов. Когда все затихло Эльза удивленно заглянула в открытую пачку. Там были тесно смятые долларовые бумажки. Как аккуратная женщина и немка к тому же, она их пересчитала. Оказалось 63 доллара.

— Что-ж — подумала она горестно — солдатская расценка.

А счастливая Рези строила пирамиды из банок, плиток, пакетов и коробок...

Так кончился роман американского солдата с женой немецкого.

Так ли?

4. ДОМОЙ.

В Мюнхене солдаты окунулись совсем в другую жизнь. Тут, среди развалин нашлось место и для пивных и для маленьких театриков и для ночных ресторанов, где главной приманкой были доступные певички и официантки. Все было примитивно и подчас даже без элементарных удобств, но факт оставался фактом — жизнь налаживалась и если было убого и весело, то уже через несколько месяцев будет и комфорт. Немецкий народ копаясь среди руин погибшего города, думал уже о будущем. Главное, что выжили! Конечно, это главное. Даже те, кто потерял семью и остались одинокими начали приспособляться к новой жизни.

Особенно это касалось женщин. Ведь они не воевали и растеряв своих близких должны были искать кусок хлеба любыми путями, не говоря уже о крыше над головой. Люди ютились в полуразрушенных домах в которых не было ни воды, ни света, ни тепла, но с надеждой, что будет же лучше! Немецкое самоуправление делало при помощи американского командования, все возможное, чтобы наладить снабжение продуктами, подыскивать людям работу из которой главная была — очистка улиц

от обломков домов и создание хотя бы какой то видимости возрождающегося порядка. Оказалось, что среди коренного населения города появилось много пришлаго, совсем не немецкого народа, бежавшего от бомб, смерти и ненавистной советской власти. Они тоже требовали внимания и забот. Для них тоже начали создавать лагеря перемещенных лиц, вселяя их в бараки, бывших когда-то казармами немецких войск, расквартированных в лесах и пригородах баварских городов. Этих беженцев опекали американские организации и тогда махровым цветом расцвела спекуляция. «Черный рынок», как его принято называть, рос, расширялся и стал предлагать такие товары о которых люди и не мечтали! Со складов американских войск и беженских лагерей потек могучий поток краденых вещей, начиная с сигарет и кончая обмундированием, а в золотой середине его плыли бутылки виски и джина, банки мяса, буханки хлеба, бруски сыра, жестянки меда и мармелада, круги колбас, сыр, шоколад, коробки с конфетами и печеньем. Только имей деньги! Не имеешь — плати натурой!

Пат был далек от этого. Он писал домой письма и болел душой за домашние дела. Жена, как всегда, отвечала скупо и успокаивала, что все на месте и ждет хозяина. В то время, как другие солдаты от ничего-неделания с головой окунулись в мутный мир спекуляций и развлечений, Пат ждал с нетерпением, когда соберут комплект в 1.200 человек, чтобы всех отправить пароходом на родину. А от безделья было и тоскливо и горестно. В темный и подозрительно веселый мир его не тянуло. И из всех «радостей жизни» он предпочитал прогулки по городу и визиты в пивную, где за тяжелой, большой кружкой, холодного мюнхенского пива, можно было часами сидеть с такими же бездельниками, как и он. Этот напиток ему нравился так как в Америке он алкоголя не употреблял. Немцы прекрасно знали, что будь в Мюнхене не американцы, а русские, то не было бы у них ни заморских товаров, ни пивнушек, ни танцулек, ни ночных ресторанов, где второклассные куплетисты высмеивали победителей. Американцы смеялись вместе со всеми. Русские бы показали немцам, что значит быть побежденными. И все-же сознавая это баварцы яростно ненавидели янки и это проявлялось и на театральных подмостках и на надписях появлявшихся на развалинах. Мало того — находились

горе-патриоты, которые сидя в пивных распевали песни времен Гитлера и вспоминали фюрера громким звоном пивных чаш, приветствуя друг-друга, при встречах, громким «Хайль Гитлер». А американцы смеялись — чем бы дитя не тешилось! На стене винного погреба, старого Бурга, уцелевшего от бомбардировок, появилась свежая надпись «Наши стены разбиты, но наши сердца — нет!». Так вот в этой пивной с ее гулкими сводами часто бывал Пат. Очень любил он прогулки по Английскому саду с рекой Изаром, бурно мчавшейся через этот парк.

Бывали столкновения и в пивных и в ресторанах. А тогда уж, если вмешивалась военная полиция «М. П.», тогда попадало всем. Палки, висевшие на поясах полицейских, лупили и правого и виноватого.

А впрочем, вряд-ли бывали правые. Виновными были обе стороны. И раз случилось такое: Пат с группой таких же демобилизованных (а они считали себя такими т. к. службы не несли и никаких военных обязанностей не выполняли) пошел в «Бир-халле», знаменитую тем, что в ней Гитлер начинал свою карьеру народного фюрера. Эта пивная была, в свое время, огромной, но бомбы союзников разрушили главный зал, где когда-то сотни сынов Германии слушали пламенные речи будущего Вождя и распалялись надеждой, что «Германия превыше всего!». Теперь наспех досторили боковые залы, опять поставили тяжеленные столы и скамьи, за которыми сидели постаревшие, усталые и изверившиеся бюргеры, радуясь тому, что остались живы, потеряв семью и дом! И чаще всего в таких пивных происходили рукопашные схватки, где американцы применяли бокс и манеру драки виденную дома на экранах телевизоров, когда в «салунах» ковбои крошили друг-друга только кулаками. Немцы предпочитали более верное дело — огромную, тяжелую стеклянную кружку емкостью в полгалона. Такая, даже без пива, могла раскроить череп противнику и уложить его надолго в госпитальную кровать, в мирное время!

Солдат предупреждали в драки не ввязываться и в одиночку никаких злачных мест в Мюнхене не посещать. Это — де не провинция. Здесь уголовного элемента достаточно, да и не уголовный ведет себя «под парами» довольно вызывающе, особенно если видит, что перевес на его стороне. Так и случилось. С Патом пришло еще четверо и заказав напиток, они уселись недалеко от входа. К пиву

были поданы и соленые крендели. Это было очень вкусно. Назывались они «прецели». Подавальщицы были крупнотелые, крутозадые и крепко скроенные немецкие женщины. Да, на этой работе слабая и не устоит. Ведь приходится проталкиваться между столами и скамьями, имея в руках шесть больших кружек с пивом. Это, как правило. А сколько раз в течение рабочего дня пробежит она от буфета к заказчикам, с такою тяжестью в руках. Но былой навык не подводил и женщины с опытом и силой в руках, очень ценились. Кроме того на крепкое словцо надо улыбаться, а на гулкий шлепок по заду не огрызаться. Это входило в права посетителей любой пивной Германии. И таким правом пользовались многие. А ведь женщина несущая в руках шесть массивных кружек с пенящимся пивом, получив такой дружеский «привет», должна не дрогнуть и не расплескать драгоценную жидкость, которую так ждут за ее столом... Солдаты беседовали на больную тему скорого возвращения домой и не обращали внимания на соседей.А эти, повидимому, тоже были когда то солдатами, но теперь сменили надоевшую серую униформу на баварский костюм: тужурку с зелеными отворотами и костяными пуговицами, короткие кожаные штаны (чем грязнее, тем почетнее), тяжелые ботинки, а на голове мягкая шляпа с массой неизменных перышек и металлических украшений вокруг. Таков должен быть баварец! Он может быть и мирным и благодушным, но военный дух еще не выветрился и горечь жестокого поражения давала себя знать; а враг сидел рядом! Косые взгляды в сторону заморских гостей и взрывы смеха, ясно давали понять, что разговор и шутки относились к заокеанским пришельцам. Но американцы не обращали внимания на соседей и говорили о своем, ну и смеялись тоже конечно.

— А над чем может смеяться янки сидя в немецкой пивной, на баварской земле? Ясно, что над людьми потерявшими все. «Патриоты» распаляли сами себя! И вот тогда и случилось то, что приводит к жестоким побоищам, когда дерутся не двое, не четверо, а десятки людей, ослепленные ненавистью и горькой обидой. Тут вымещалось и на себе и на других то, что нельзя выместить на своем человеке, а на иностранце, да еще на победителе — с наслаждением! Тем более, что победа обеспечена так как в пивной много своих и совсем мало чужих. Даже если мы

одни на них навалимся, то и то нас десятеро, а тех «облезлых» только четверо. И вот, когда женщина нагруженная шестеркой тяжелых, налитых кружек, подошла к столу Пата, один из баварцев, соседей, наотмашь ударил ее ниже спины, но с таким рассчетом, чтобы она пошатнулась. Так и случилось и пиво из одной кружки пролилось на голову янки. Хохот покрыл удачный «выстрел». Женщина успела поставить кружки на стол и возмущенная повернулась к обидчику, но Пат встал и сказал:

— Ничего, ничего, идите! — и она выругавшись ушла. Тогда Пат взял кружку с пивом, шагнул к столу хохотавших немцев, снял с одного из них шляпу, вылил все содержимое в нее и опять надел на лысую голову баварца! Это было сделано очень быстро, неожиданно и ловко так, что засмеялись люди даже за соседними столами. Последующие действия противников были более чем ясными. Облитый вскочил, рванул Пата за гимнастерку левой рукой, а правой замахнулся для удара, но Пат вспомнил школьные годы, схватил партнера двумя руками за уши и ударил его же головой об свой лоб. Это было не так больно, как неожиданно. Баварец в столь близкой позиции не мог хорошо ударить, а Пат повторил маневр и теперь уже нос противника был разбит по настоящему и хлынула кровь. Приятели пострадавшего вскочили и бросились на американцев. Они знали крепость своих кулаков, но били наотмашь, в то время, как «гости» вспомнив родное кино и телевизорные передачи, били «прямой наводкой» — боксерского удара, вкладывая в него весь прошлый опыт, радость драки и сладость нападения. А ведь лучшая оборона это нападение!.. Мешали столы, мешали скамьи, вокруг раздавались крики поощрения и злобы и американцы понимали, что немцы если не возьмут качеством, то подавят их количеством! И если они дерутся испытывая удовольствие от того, что можно размять кости и отвести душу на чужой физиономии, то баварцы были охвачены ненавистью к победителям, которые сытно ели, покупали их женщин и торжествующе ходили по их земле. Такое не прощается и возможность избить группу затесавшихся в их пивную «ауслендеров» была и заманчива и реальна. Удары сыпались в удвоенном количестве, а желающих «смазать» янки по физиономии, было более, чем достаточно. Немцы видели, что победа в их руках и можно будет искромсать врага не прибегая к кружке.

— Ребята, отступайте компактно к выходу. Держитесь вместе и не давайте им зайти нам в тыл — затопчут «наци»!

Солдаты были уже достаточно истерзаны и избиты. Сколько можно выдержать против преобладающего и наседающего противника тем более, что он зверел и чувствуя близкую победу, удесятерял усилия. Можно было прямо сказать, что дела Пата и его приятелей были плохи.

— Ребята — крикнул он — разбивай кружки и обороняйся осколками, держа их в руках!

Призыв был понят и схватив посуду за их стеклянные ручки, солдаты со всего маху разбивали их об стол. И теперь у них в руках угрожающе засверкали ручки с острыми и зазубренными краями. Такой метод драки был в Америке распространен, когда держа бутылку за горлышко, ее разбивали и имели в руках опасное и острое оружие. Немцы сразу же остановились так как идти и напороться на острые, как ножи края бывшей кружки — охоты не было. Это дало временную передышку янки, чтобы еще ближе продвинуться к выходу. И вдруг, о, радость! Двери распахнулись и не менее десятка американцев ворвались на место боя. Во главе их был крупный негр, который скаля зубы и яростно что-то крича, ринулся в самую гущу дерущихся. Ах, с каким великолепием и точностью, он наносил огромными черными кулаками, свои сокрушающие удары. Он упивался дракой, он вопил, он орал, может быть и сам не зная что, а гортанный клич и призыв к бою воодушевил избитых и они с новой яростью, бросив свое опасное оружие, обрушились на врага. Но это временное подкрепление могло быть смято, когда хозяева положения освоятся. Ведь их-то было хорошая сотня в пивной, а «оккупантов» не было пятнадцати. Но пока, в первые минуты бой шел с явным преимуществом у меньшинства. Наконец, какой-то высокий немец, повидимому из бывших офицеров, начал подавать команду и руководить дракой внося в нее известную систему и порядок, как в оборону так и в нападение. Стратегия и тактика!

Временное упоение победой и отказ от разбитых кружек, был большой ошибкой обороняющихся и этим воспользовались нападающие. Получалось, что тех приходилось по несколько человек на одного американца... Такое

сражение проиграет, кто угодно. Дайте только время. Самый бурный водоворот был вокруг негра. Он успевал на три удара врага ответить пятью своими, причем по силе и мощи наносимых ответов с ним никто не шел ни в какое сравнение. Дрался он весело и с упоением, и хотя лоб был разбит и гимнастерка порвана, но он был свеж, силен и его черное лицо мелькающее среди белых, было особенно приметно и притягивало каждого желающего сокрушить американца.

— К дверям, братцы, к дверям!

Пат никак не думал, что приятно бить человека, который бьет тебя. Свирепость была распаляема жаждой причинить врагу, как можно больше боли, а то и вывести из строя! Особенно он старался добраться до своего обидчика, но в этой свалке искать трудно и надо быть самому на чеку, сторонясь чужих кулаков, избивая тех, кто подворачивается, в тужурках с зелеными отворотами. Звук удара ожесточал и хотелось большего, а вид крови — радовал. Пат понял, что если бы у него в руках было ружье со штыком или даже самый простой нож — они бы пошли в дело. А ему ведь всегда казалось, что он никудышний солдат и воевать он не сможет. А тут... Оказалось, что ничего подобного.

Стратегия боя была хорошо усвоена и отступление к выходу стало уже полупобедой. Немцы это понимали и старались изо всех сил отрезать выход этой изнемогающей кучке. О, тогда бы они искромсали врага так, чтобы его забрала скорая помощь! Чего хотел добиться этим маневром негр, но он вскочил на стол и заплясал на нем, весело выкрикивая что-то по адресу теснивших их баварцев. Цель была слишком заманчивой чтобы удержаться от соблазна и огромная кружка пущенная в него чьей-то мощной рукой, со свистом рассекая воздух, летела с предельной точностью к голове черного солдата, а он не видя этого выбивал чечетку на столе пивной, где выступал когда-то сам Фюрер! Разве это не позор для немецкой нации?! Оставались секунды и Пат увидя летящий «снаряд», дернул негра за ноги так, что тот грохнулся на стол, не ожидая такого предательства, и в ту же секунду стеклянная смерть с громким звоном разбилась над его головой о стену пивной. Тогда он понял.

Но двери распахнулись и с улицы ворвались вызванные хозяином армейские полицейские. Беспощадно ору-

дуя палками, они разделили врагов. Это было единственное сражение с немцами, в котором принимал участие Пат и вышел он из него с честью, хотя и не совсем целым. Самым обидным было то, что никого из баварцев не арестовали, а американцев «М. П.» побросала в машины и увезла, причем Пата и негра пришлось отправить в госпиталь т. к. у первого была разбита надбровная дуга и совсем затек глаз, а у Джо острый осколок падавший от стены, сильно надрезал ухо и его пришлось потом даже пришивать. И уже в машине, когда их везли в госпиталь, «герои» обменивались веселыми репликами и вспоминали удачные удары. Но Джо был боксером-профессионалом и эта тренировка на баварских «личностях», да еще вражеских, доставила ему много радости. Он был готов повторить... Когда Пата выписывали он распрощался с Джо, как со старым приятелем, с которым вместе проливали кровь. Но он попал под арест и сидел в казарме до дня отъезда. И этот день наступил, такой для многих долгожданный и радостный. После десятидневного странствования по волнам бывших солдат выбрасывали, измученных качкой, теснотой и отсутствием привычных удобств, в портах Нью-Йорка, Сеаттля, Сан-Франциско и Сан-Диего, откуда они уже поездами, автобусами, а то и аэропланами добирались к своим. Тяжелый этап военной службы закончен, начиналась нормальная жизнь! Сойдя в Сеаттле, Пат отправился на автобусную станцию, чтобы попасть в свой родной штат, который по красоте своей природы так же, как и штат Вашингтон, назывался американской Швейцарией.

5. СЕМЬЯ.

Все мысли были сосредоточены на жене и сыне. Интересно, как они выглядят. Один раз он получил карточку Чарли, но она ничего не говорила. А работа? Развернуться, расширить дело, сделать деньги и стать крепко на ноги, чтобы семья не чувствовала никаких недостатков. Ведь сколько времени было упущено. А что ушло, уже не вернешь! Домой! Домой!.

Он не устоял перед телефонным звонком и за час до отъезда позвонил домой, но никто трубки не взял. Это и не удивительно: Эн могла быть в мастерской или у род-

ных, а сын в школе. И когда он вышел из автобуса, в своем родном городе и зашагал с вещевым мешком к дому, он понял, как ему все это дорого: и город и улицы и те двери в которые он постучит. Почему постучит? У него есть ключ, он откроет и войдет. И понял, как он волнуется от предстоящей встречи. Ведь его не было дома пять лет! Это огромный срок для разлуки. Он жил на всем готовом, а жена должна была обо всем подумать сама. Слава Богу, что ее родители здесь... Да, вот и дом, вот и окно мастерской. Там горит свет и старый его помощник копошится над каким-то стулом. Значит жизнь теплится? Не угасла? Боже мой, почему так бьется сердце?! Вот оно все это родное и близкое. Вот оно, тут! Все войдет в колею.А самое волнующее и самое желанное — встреча с женой и сыном. Ну, как не радоваться?!

Он толкнул дверь и вошел, старик оглянулся, но его не узнал. Вытирая руки о тряпку, он пошел навстречу и спросил:

— Что вам угодно?

— Мне? Обнять тебя старый, верный друг! Поблагодарить за то, что ты здесь, за то, что наша мастерская дышет, за то...

— О, Пат, дорогой Пат! Какая радость! Вернулся?! Будем работать? — Он засуетился, вытирая этой же тряпкой влажные глаза. — Ты еще не был дома? Ты с вокзала? Ты уже на совсем?

— А где жена?

— Она? Она еще не спускалась. А может пошла за Чарли в школу.

— Значит все в порядке? Все хорошо?

— Да, да, конечно — засуетился мастер — все вполне хорошо. Ну, иди наверх, умойся, переоденься, повстречай своих. Вот когда начнем работать по настоящему, с тобой.

— Ах, Олаф, как я рад, что я дома, что я тут. А какой запах здесь хороший. То, что мы с тобой любим: дерево и лаки.

Пат пошел по лестнице из мастерской, в дом, на второй этаж. К двери тоже был ключ. Он открыл и вошел, стараясь не шуметь — ну до чего же он волновался — прошел к спальне и распахнул дверь. Эн, его Эн, сидела перед зеркалом и наводила красоту. Она обернулась.

— Ооо! — закричала она с радостью и некоторым смущением — Пат, это ты?! — и бросилась к нему — Слава Богу наконец то станем жить по человечески. Все живут уже, как люди, а тебя все нет и нет. Мастерская ждет тебя!

— А ты?

— Ну, конечно же! Глупый вопрос. Чарли в школе, мы пойдем его встречать. И они быстро спустились вниз. — Хотя нет, поднимись наверх и переоденься в штатское. Хватит этой солдатни. Я обожду тебя внизу.

Он пошел, а она не обращая внимания на Олафа набрала какой-то номер телефона и что-то сказала, быстро и торопливо. Пат одел первый попавшийся костюм и спустился вниз. Эн его критически осмотрела.

— Олаф, мы идем за нашим сыном — крикнул Пат. — Мы идем!

А старик стоя у окна, смотрел им вслед, покачивая головой. Так началась жизнь Пата после окончания войны, в своем доме, около своей семьи... Когда они подошли к школе, уроки уже кончились и детвора шумной волной выливалась на улицу.

Они шли, Эн что-то говорила, а Пат шел и думал, что он ожидал другой встречи с женой. Ему казалось, что жена заплачет, горячо обнимет его, наговорит ему много радостных слов и будет целовать так, как он ее целовал при встрече. Нет, она оказалась холодной и практичной, несмотря на пятилетнюю разлуку. Эти годы ей ведь тоже не легко дались. Это надо понимать и посочувствовать. Он шел и все время смотрел на жену. Она не подурнела, нет, но косметика играла роль в ее внешности. Как всякая американка она уделяла этому большое внимание... Пусть.

— Ну, отец, ты бы узнал своего сына?

— О, Эн, я думаю, я надеюсь, но... но я не уверен.

— Я уверена, что нет.

С большим волнением вглядывался Пат в школьников идущих им навстречу, но так и не узнал своего первенца и когда мальчик подбежал к ним.

— Мама, а почему ты не на машине? — Она ответила указывая пальцем:

— Смотри, это твой папа вернулся с войны.

— Да, — равнодушно сказал ребенок, — а почему ты не на машине?

— Папа, захотел пойти тебя встретить. Ну, поцелуй же его, поцелуй!

— Окей, — равнодушно ответил сын и обнял присевшего на корточки отца, слегка прикоснулся губами к его щеке. Но не выдержал Пат. Он схватил сынка и тиская, покрывал поцелуями его лицо. Слезы блестели у него на глазах, а улыбающаяся Эн стояла рядом. Странная у нее была улыбка. Когда шли домой мальчик все время болтал с матерью. Пату было все равно. Он — дома! Вот его Эн, вот его Чарли, вот его город и вот его родная страна — Америка! И он жив! Он — вернулся! Повернув голову, только чуть-чуть, он видит профиль родного лица, опустив голову — своего малыша, а подняв голову — голубое небо под которым он вырос. Ну, как же не радоваться и не благодарить Бога за то, что он цел и невредим и опять около своих близких и таких нужных в его жизни — людей...

Эн рассказывала, как трудно жилось, как приходилось выкручиваться и как благодаря Джэксону, Олаф получал небольшие заказы и мастерская существовала через пень-колоду.

— Ничего, выжили, дорогая. Теперь только давайте работу и Пат О'Коннор покажет на что он способен.

Не успели войти в дом, как весело (так показалось Пату) зазвонил телефон и Джэксон поздравил его с приездом. Он приглашал их всех в ресторан, чтобы отпраздновать возвращение «блудного сына». Пат был удивлен осведомленности Джэксона, но тот объяснил, что звонил в мастерскую, а Олаф сообщил ему о приезде хозяина. Все очень просто.. Пат поблагодарил и отказался так как хотел побыть дома, с семьей.

— Я понимаю, я понимаю, — ответил Джэксон, — но хочу сказать, что теперь приложу все усилия к одному делу, а именно модернизировать нашу церковь. Я хочу новые резные хоры, такие же скамьи, обновить колонны, обшить их деревом, но с каким нибудь особенным рисунком. Твоим рукам найдется, что делать. Лишь бы утвердили смету и пошло бы Правление на эти переделки. Ну, а насчет новой мебели не беспокойся — заказы будут, я постараюсь.

Передавая жене этот разговор Пат хвалил Джэксона за то, что тот не забыл о нем и даже позвонил в первый же день его приезда...

Вечером, Пат ждал его, они сидели в гостиной, у телевизора, тесно прижавшись и если Эн вникала в суть картины и интересовалась ею, то Пат сидел закрыв глаза, чувствовал теплоту ее тела, ее дыхание, слышал ее короткие реплики и восклицания и наслаждался тем, что есть и что будет... В спальне, тут горел ночник, это был изогнутый дракон, который в открытой пасти держал фонарик из китайского шелка, а внутри тепло и уютно горела электрическая лампочка. Этот ночник был им подарен своей жене в первые дни их брака. Но Эн скоро заснула, а он не хотел спать. Да, он устал ото всех этих треволнений, от близости жены и своих ласк, но сна не было. Его переполняла радость общения со всем тем, что было утеряно в течение этих лет. Эн была какая-то вялая и не такая пылкая, как прежде, но ничего, она отвыкла. Ведь пять лет разлуки, это огромное время для женщины. Не беспокоя жену, он тихо встал и накинув халат на голое тело, пошел в спальню к сыну. Тот спал радостно посапывая, а рядом с ним лежал крупный бархатный медведь. Они «спали» обнявшись. Подарок Пата — ружье и каска — валялись на полу. Отец тихонько поцеловал пятку высунувшейся из под одеяла ножки и улыбаясь своей огромной радости отца и мужа пошел в кухню, где сделал себе бутерброд и медленно жуя и улыбаясь, сидел и думал о будущих днях... Проснулся поздно, жены в кровати не было, он пошел в ванную и еще там нежился в воде. Торопиться не хотелось. Все впереди: и труд, и забота и любовь Эн и сына. Все есть и все будет. Он отдыхал душой и телом. Как хорошо, когда любим и любишь!

— Пат, сколько можно? — услышал он голос жены. — Иди есть, твои любимые блинчики.

— Ох! — ахнул он и надев халат поспешил на кухню. Да, его слабость — блинчики с сиропом, душистое кофе со сливками и слегка поджаренный хлеб с маслом и мармеладом. Что еще может быть лучше? Да, еще приготовленное руками любящей жены. Потом он спустился в мастерскую, одел рабочий костюм, провисевший пять лет на своем месте и вместе с Олафом начал перечищать и смазывать все машины, чтобы они работали безотказно и не шумели.

— Олаф, сказал Пат, — я сейчас для пробы выточу несколько шахматных фигур, чтобы проверить «верность

прицела». Интересно, как часто моя рука дрогнет и сорвется с нарезки.

— О, не думаю, но конечно надо привыкнуть.

А на другой день, приодевшись, Пат пошел с визитом в те места, где его знали и помнили. В парикмахерской его встретили радостными восклицаниями и засыпали вопросами. Но не все клиенты вернулись с фронта военных действий. Кое-кого не досчитали. В банке, хотя он был и не весьма важной персоной, встреча была радушной и приветливой. Управляющий сказал, что небольшой заем для развития дела весгда ему обеспечен. Об этом ему даже звонил мистер Джэксон. А слова этого человека что-то значат. Хотя он уже не мэр города, но развернул свое дело купли и продажи недвижимости в большую контору с представителями в провинции. Он принимает огромное участие в жизни церкви. Он там кем-то в роде председателя церковного совета, да жертвователь один из первых. Пат сказал, что слышал от Джэксона о какой то переделке в церкви.

— О, да. Не о какой-то, идет речь о генеральной модернизации. Архитектор уже и план предложил наружной и внутренней отделки.

— Да, о внутренней со мной и было говорено.

А через неделю Джэксон позвонил и просил Пата приехать к нему. Да, это был размах: человек восемь сотрудников по купле и продаже. Столы, телефоны, секретарши. Пришлось обождать приема, а потом самая радушная встреча и задушевный разговор. Оказывается, что у Джэксона есть фотографии внутренней отделки самых знаменитых церквей мира, но где мрамор преобладал над деревом. Правда, он был обточен, отделан и вырезан с такой тщательностью, что лица людей, звери, цветы, птицы и все прочее было самого высшего качества и работа поражала своей точностью и красотой.

— Мы, конечно, этого не можем. Это не для нас, но взять это, как образец и стараться хотя бы приблизительно подойти к этим образцам — это наша мечта. Вот, — загорелся Джэксон — колонны! Какие гирлянды цветов вьются от подножия и уходят в высоту собора! А вот хоры: чего стоят эти перила лестницы, этот барьер. Ведь это же красота. И это дерево. Вот и возникает вопрос — смогли бы мы так украсить нашу церковь. Такой деревянной резьбой и такой красотой из твердой породы.

— Да, смогли бы — спокойно сказал Пат. — Но это требует времени и больших денег. Тут должен работать не я один, а несколько человек, но мы сделаем. И вот еще: у нас колонны круглые, а это значительно осложняет отделку их деревом. Оно не картон, им не обкрутишь колонну вокруг. И я подумал, что если мы сделаем эти колонны квадратными, то тогда работа значительно упростится. С четырех сторон будут наложены деревянные листы облицовки с резьбой на них.

— Да, но как же превратить круглую колону в квадратную?

— Очень просто: поставим квадратные рамы и зальем цементом снизу до верху. Станут немного шире, но все дефекты заливки будут потом закрыты деревянными пластинами с нашей резьбой на библейские темы или еще что нибудь. Это дело заказчика.

Джэксон с удивлением посмотрел на Коннора.

— Ну, это идея, что называется! Здорово и просто — и засмеялся. — Ну, Пат, мы с вами не пропадем. Я скажу архитектору. Ну, а сколько же времени займет вся отделка церкви?

— Зависит от масштаба работы. Перила, баллюстрады, колонны. А если вы еще захотите стены отделывать деревом с фигурами апостолов и в натуральную величину, да скамьи с резными спинками. Это может занять до двух лет большой и усидчивой работы.

— Так долго?!

— Да, ведь работа то какая!

— Но как же нам совершать богослужения, если вы будете работать, ставить леса? Я думал об этом.

— Да, конечно, но ведь пять дней в неделю мы можем работать никому не мешая, а на субботу и воскресенье леса будут закрываться брезентом или разбираться.

— Сложновато, но иначе, по-видимому — нельзя.

— Взять хотя бы такое — продолжал Пат с увлечением, — скамьи можно делать новые, а можно делать резьбу на старых и давать ее накладной, на клею.

— Нет, уж, лучше новые, но все это обсудит комитет — Джэксону нравилось, что Коннор так свежо соображает и дает дельные советы. А Пату было радостно, что он весь свой талант, все свое уменье вложит в эту работу, которая покажет на что способен он, простой мастер по дереву.

— В конце концов, — сказал Пат прощаясь, — мы можем иметь на стороне большую мастерскую и там делать все, а уж в церкви крепить к стенам или менять, удаляя старое и ставя новое, выточенное в мастерской. Скамьи? Новую привезли, поставили, а старую увозим. И так ряд за рядом.

— Пат, — воскликнул Джэксон — у вас светлая голова и мы рады, несказанно рады вашему возвращению.

А все мысли, все желания Пата были сосредоточены на том, чтобы дать жене и сыну, как можно больше комфорта, удобств и иметь возможность исполнять их желания...

6. СУРОВЫЕ БУДНИ.

Время не шло, а летело. И засучив рукава, в буквальном и переносном смысле Пат О'Коннор бросился в море своей работы. Ему казалось, что его прежнее безделье дает ему право и обязанность работать по 10-12 часов в сутки. Были бы заказы. А их не было так много, как хотелось. Да, почти каждую неделю появлялись на витрине какая нибудь новинка, сделанная по заказу и Пат выговаривал у заказчика право подержать сделанную вещь несколько дней на окне витрины, с табличкой «сделано по заказу мистера и мистрисс таких-то». Люди читали и думали: — А почему бы и нам не заказать, что нибудь у этого волшебника?

Как-то появилась кровать старинного образца, какими пользовались в конце прошлого века и вначале этого. Она была красного дерева, по углам возвышались витые столбики, сделанные в виде змей, а на их четырех головах покоился балдахин из шелка вишневого цвета, а по бокам были тяжелые портьеры так, что затянув их спящий (или спящие) оказывались в уютном полумраке двухспальной кровати. И ножки ее были точеные и боковые доски имели рисунки (тоже ручная резьба) с амурами, стрелами и пронзенными сердцами. Одним словом все было со «спальной тематикой». А вот змеи? Ну, может быть намек на чье-то коварство и холодность. У витрины всегда толпились люди, весело обмениваясь мнениями и намеками, уместными для мебели такого назначения. Но нравилась кровать всем! На этот раз фамилия заказчика указана не была.

◆ ◆

А вопрос о модернизации церкви продвигался очень туго. Составленная смета пугала правление прихода своими огромными расходами, но с другой стороны, было очень соблазнительно увидеть ее такой, как заманчиво призывали фотографии и эскизы Коннора. Пат уверенно, на одном из заседаний утверждал, что они преодолеют все трудности и возможность выполнения заказа пусть не волнует правление, а вот только вопрос денег — важнее всего, потому что начав работу ее уже нельзя бросить наполовину сделанной. Какой же тогда будет вид у костела? Было предложено самообложение прихожан, но с таким рассчетом, чтобы собранная сумма превысила смету, имея в виду возможности вздорожания материала и труда. И, конечно, впереди всех оказался мистер Джэксон давший очень крупную сумму. За ним кряхтя потянулись и остальные. Но до предельной цифры было далеко. А пока Пат работал не покладая рук, но Эн казалось, что и этого мало. Она хотела дом, но не рядом с мастерской, а в лучшем районе города, где живут обеспеченные люди, хотела прекрасную мебель, датскую или шведскую, ковры, хорошую спортивную машину «Ягуар» или «Феррари». Одним словом, она имела вкус, но все это требовало денег и денег. И когда она заикнулась, что могла бы пойти работать, чтобы усилить бюджет семьи — Пат возмутился: — Я не для того работаю не отдыхая для тебя и для сына, чтобы еще и ты работала. Ты же видишь, что я все отдаю тебе, но я хочу в полдень прийти домой позавтракать и увидеть тебя, перекинуться с тобой парой слов, поцеловать твою ароматную шею. Хочу обедать с тобой и сыном — видеть тебя довольной, не уставшей, заботливой женой и матерью...

А как раз этого Эн меньше всего хотелось. Ей казалось, что она не рождена, чтобы возиться среди кастрюль и посуды или же убирать и стирать. Хотелось бы иметь негритянку, хотя бы приходящую для этой прозаически скучной работы. Но конечно, об этом нечего было и заикаться. Но за то она не отказывала себе в хороших дорогих платьях и одевала сына, как картинку, не в пример другим мальчикам с их улицы. Отец не возражал, но в душе не оправдывал, считая, что надо жить как все. Это и легче и нужнее. Мальчишка в задрипанной майке, с

чудернацким рисунком на ней, в «джинсах» и в резиновых, шнурованных туфлях, казался ему более обычным и родным на улицах города, чем его сын в выглаженных брючках и желтых кожаных туфлях. Но мать хотела иного и Пат не вмешивался. Чарли всегда прислушивался к голосу и мнению матери, зная, что та никогда не откажет в любом его желании, а с другой стороны, он с восторгом смотрел на волшебную работу отца, когда тот из простой, казалось, палки делал кобру с раздутым мешком у шеи и раззявленой пастью украшенной смертельными зубами. И такие переплетенные между собой три змеи служили ножками для небольшого столика на котором мог стоять телефон или цветок в красивой вазе. Его папа делал их и они дня не застаивались на витрине. Выдумкам и идеям отца не было предела. Много воды утекло пока лед отчужденности между ними начал таять. Только потом понял подросток, что отец любит его сильнее, чем мать. А он думал, что его мама души в нем не чаяла. Может быть и так, но она видела в нем красивую игрушку, которую было приятно показать людям нарядной и чисто вымытой. Отец как-то сказал:

— А ты знаешь, мальчик, что если бы ты захотел, ты бы научился так-же вытачивать фигуры, как и я. Для этого надо три вещи: терпение, усидчивость и любовь к этому делу. У меня все это есть и поэтому работа удается и получается подчас лучше, чем я ожидал.

Чарли попробовал и сразу же сильно порезал палец. Влетело им обоим.

— Человек, после первой неудачи отказывающийся от желаемого — не заслуживает уважения. Ничто в жизни не дается легко за исключением жевания, да и то надо сначала заработать, чтобы было, что жевать...

Эн заметила интерес сына к профессии отца и возмутилась:

— Я хочу, чтобы он был врачом или адвокатом или дельцом, а никак не рабочим!

— Я тоже, — ответил Пат.

— Так зачем же ты его учишь этой ерунде? Чтобы грубели руки и чтобы он...

— Эн, я как и ты хочу сыну хорошую и достойную профессию, но иметь «сбоку» другую, никогда не помешает, даже, как «хабби».

— Глупости, все глупости — она стала почему то очень раздражительной. Чем она недовольна? Ведь его нельзя обвинить в лености и нежелании сделать для нее и для сына, все что в его силах, а она дуется, ворчит. Что же может он еще сделать кроме, как работать и работать без устали, без отдыха, а иногда и по воскресеньям? Он сделал для Джэксона шахматный (хотя тот и не играет) столик в подарок, для украшения его гостиной. Это была оригинальная выдумка: четыре женских руки были ножками стола и на четырех углах, четыре изящно выточенных ладони держали его поверхность, на котором цветными сортами дерева была сделана шахматная доска. Даже не шахматисты (стоя у витрины) любовались столиком. Для модели Пат несколько раз просил Эн держать руку вытянутою вверх, сжимая в ней угол какой нибудь книги. Он это зарисовал и в результате столик для Джэксона стоял на руках его жены. Тот был очень тронут подарком, подчеркнув, что не знал раньше о красивых руках Эн. А о подарке настояла именно Эн, чтобы ускорить ход дела с модернизацией костела. Она очень рассчитывала на этот заказ. Ей хотелось поехать в Европу. Многие дамы — жены дельцов — уже съездили и были в восторге. Пат поехать не сможет (а работа?), но Эн спутницу себе бы нашла, это не трудно... Да, да, она становилась раздражительной так как ее мечта стать богатой и независимой, как многие семьи в городе не подвигалась вперед. Да, Пат прилично зарабатывал, но как видно для хороших денег в Америке надо быть не ремесленником, а дельцем-бизнесменом, чтобы ворочать большими суммами и на них зарабатывать тоже не малые. А эта убогая мастерская может только кормить и одевать, не давая им положения в обществе. Идею поездки жены в Европу Пат одобрил вполне искренне. Ах, если бы он мог, он бы сделал все для любимой женщины, но выше головы не прыгнешь. Еще год бесцветной жизни прошел. Пат был вполне доволен тем, что у него есть, а особенно сыном. Мальчик серьезно заинтересовался профессией отца, хотя мать продолжала возражать. Все подарки Чарли делала Эн потому что деньгами ведала она и конечно покупала любовь сына исполняя все его желания. Видя, что они довольны (хотя бы временно) был рад этому и Пат. Как-то летом мать и сын поехали на Гавайи, где загорели, посвежели и вернулись полные впечатлений от океана, солнца и прекрасных пляжей рай-

ских островов. И отец был доволен, особенно еще потому, что видимо с весны будущего года можно будет приступить к отделке внутренности костела. Правление решило, что средств достаточно и они будут еще поступать от благотворительных обедов, лоттерей и различных мероприятий. А Пат не сомневался, что вся его работа будет одобрена так как он, хотя никому и не говорил, но он уже приготовил много эскизов будущей отделки стен, колонн, скамеек и даже наружная лестница, которая вела к храму, по его мечтам должна иметь перила из сухостойкого материала, рисунок которых будет перекликаться с внутренней темой. И тут случилось то, чего он совсем не ожидал. Джэксон вызвал Пата к себе, усадил в кресло, предложил сигару — Пат их не курил — и после целого ряда комплиментов, его будущей работе, сказал:

— Мы с вами люди дела и поэтому должны понять, что каждое мероприятие должно приносить прибыль людям его делающим, в частности тебе Пат. Ведь судьба всей нашей затеи в твоих руках. Ты будешь и творцом и создателем будущей красоты нашего собора, но — он сделал паузу — я тоже не мало потрудился, чтобы провести этот заказ через все подводные камни и вывести наше судно в тихие воды делового договора, который будет скоро с тобой заключен. Львиная доля прибыли пойдет, конечно, тебе Пат, но и я не хочу быть обижен.

— То-есть? — не понял Коннор.

— Ну, скажу проще. За все мои усилия и хлопоты я должен иметь 20 процентов с суммы договора.

— С кого же?

— Ну, не с церкви же. С тебя! Я устроил этот заказ для тебя и хочу получить комиссию. Это нормально и по деловому, не только в Америке.

— Но это ж для церкви?!

— А мы с нее лишнее и не берем, а с тебя.

— Значит, я так понимаю, я со своего заработка должен оторвать пятую часть и отдать ее вам?

— Совершенно верно.

Пат был возмущен свыше меры: — А если я не соглашусь?

— Ну, — посуровел Джэксон, — тут два варианта: или же мы вообще откажемся от этой затеи из-за дороговизны или же выпишем мастера из другого города. Не один же ты в Америке? Пусть хуже, но сговорчивее.

Пату стало противно продолжать этот разговор и он встал.

— Я поговорю с женой. Что она скажет.

— Конечно, конечно и подумай хорошо Пат. Будет очень досадно, если твоя работа будет передана в другие руки, а вам то деньги нужны я знаю. И когда Пат ушел Джэксон набрал номер телефона Пата и сказал Эн:

— Слушай, Эн, есть для тебя приятный сюрприз и заодно серьезный разговор, деловой так сказать. Хорошо было бы увидеть тебя у меня в конторе после конца работы.

— Но это же как раз такое время, когда Пат приходит с работы обедать и любит когда мы все вместе за столом.

— Ну, один раз можно нарушить распорядок в твоих интересах и наших!

— Я буду, конечно, я буду — и занялась своей внешностью.

В конторе никого не было, кроме Джэксона. Он встретил ее очень приветливо и заперев наружную дверь, провел Эн в свой кабинет.

— Какой же сюрприз? — был первый ее вопрос.

— А вот, — он подошел к огромной карте своего штата, висевшей на стене и потянул за шнур. Карта взвилась и за нею оказалась дверь.

— Прошу вас, мадам — сказал он кланяясь. Удивленная Эн подошла к двери распахнутой гостеприимным хозяином и вошла в другую комнату. Он за нею, закрыл дверь и было слышно, как с сухим шорохом в его кабинете опустилась на стене карта — таким образом — продолжал мужчина — с той стороны двери нас не видно и никто не догадается, что мы здесь!

И только сейчас увидела порозовевшая Эн, в комнате ту самую кровать, что когда-то стояла на витрине мастерской ее мужа. Джэксон обнял ее:

— Видишь ли, если государственные деятели позволяют себе такой комфорт и удобства, чтобы отдыхать не уходя с работы, то мне и сам Бог велел. Я устал, я хочу полежать, даже соснуть часок. Так что же я должен ехать домой, когда у меня через час важное заседание? Нет, я иду сюда, ложусь и сплю или просто набираюсь сил, обдумывая свои планы.

— Но она такая огромная?

— Заказывая ее твоему мужу, я думал и о тебе тоже!

— О, Освальд, какой ты хороший!

— А потом, зачем уединяться по отелям, когда здесь так тихо и безопасно. Тут уж никто не постучит в дверь и не оторвет нас от наших дел...

— А какой же серьезный разговор?

— А вот будем отдыхать и я расскажу тебе в чем дело.

Когда они разделись и улеглись, Джэксон потянул шнурочек у изголовья и шелковый потолок у балдахина пополз в сторону, собираясь складками и... над ними оказалось огромное зеркало, в котором отражались лежавшие.

— Ой, — воскликнула Эн, натягивая на себя легчайшее одеяло.

— А разве — засмеялася Освальд — не интересно видеть себя отраженным вверху, когда лежишь рядом с красивой женщиной — и он ее обнял, сбросив одеяло... Потом он рассказал ей о своем разговоре с Патом.

— Пусть твой наивный чудак поймет, что деловой человек делает деньги, где только может тем более, что я туда, на церковь, жертвую больше, чем получу с этого заказа. Объясни ему, что так принято, вне зависимости от того, что лежит на столе Библия или журнал «Плэйбой».

Эн с восхищением смотрела на своего любовника и все обещала.

— А что это за несгораемый шкаф стоит в углу и почему здесь?

Джэксон засмеялся, подошел к шкафу, покрутил какие то ручки и открыл дверь. Оказалось, что это был обыкновенный рефрижератор, но сделанный под точную копию несгораемого шкафа, с секретным яко-бы замком и тяжелыми ручками.

— Это последняя модель выпущенная для смеха и удовольствия. Вместо денег и деловых бумаг тут и виски и сода и ветчина и овощи и фрукты. Все для утоления аппетита в другой области. Поняла, моя птичка?

— Ну, будь здоров, мой дорогой. Можешь не сомневаться, он согласится.

— Я знаю — ты умница. Возьми, как всегда, там в тумбочке, себе пятьдесят долларов. Купи духов или белья.

— О, спасибо, милый. — Приехав домой, она объяснила, что ездила смотреть модели новых платьев у Магнина.

— Ну, и выбрала себе что-нибудь? — спросил улыбаясь Пат.

— Нет, слишком дорого, слишком. Это не для нас. Я взяла белье.

А вечером, уложив сына, она узнала от мужа о вымогательстве Джэксона. И когда они легли спать, чары Эн сделали свое дело. Пат — согласился.

— Если и ты так считаешь, что я должен отдать ему часть моего заработка... Пусть будет так. Это несправедливо и жестоко, но как видно таков мир!

7. ТРЕЩИНЫ.

Пат слепо доверял Эн. Он знал только одно; работать и работать. Он подписал договор, дав слово Джэксону отдавать ему постепенно его долю. Комитет по модернизации возглавлял он же и все предложения Пата принимались без возражений т. к. все знали добросовестность и честность Коннора. А уж он старался, как для себя. Ему так хотелось, чтобы его работа была лучше из всех созданных в этой области и поэтому в каждый проэкт он приносил еще долю своей фантазии художника и энтузиаста. Баллюстрада поставленная на хорах поразила всех своей красотой. Каждый столбик перил был каким либо цветком, но сделанным с предельной верностью. И каждый сидящий внизу, на скамье, подняв голову мог узнать цветок по его выточке абсолютной точности и по лепесткам и листьям присущим только этому цветку. Да, работа была исключительной!

Все были довольны началом и ждали и знали, что Пат О'Коннор выполнит заказ наилучшим образом. И Пат был полон радости, а вот только Эн становилась все более нервной. Он это заметил давно, а ведь так старался ей угодить, отдавая все деньги и заботясь о доме, о ней, о сыне, который за эти годы уже стал подростком. О, Господи, как летит время! Но чего же ей не хватает? Любимый муж, любимый сын. Мир и лад в семье. Ну, не совсем так. Она так часто сердилась без причины, а он старался отделаться шутками. Он понимал, что кроме своего трудолюбия и обожания жены и сына, он ничего им дать не может. А разве это в жизни не самое важное? Ведь он безупречный муж и отец, отдававший семье всего себя и думавший только о ней... Эн заявила внезапно, что хочет

ехать к морю, отдохнуть от кухни. А Пат, этот вечный труженник, вдруг сказал:

— А это хорошая мысль, я уже столько лет не отдыхал. Поедем все втроем, а?!

Это предложение никакой радости у Эн не вызвало.

— Втроем! О, Господи, да какой же это отдых втроем? Все те же надоевшие лица? Нет, я хочу одна, а может быть с миссис Краут, этой вдовой. Она собиралась.

— О, конечно, конечно — сразу же угас Пат. — Ну, тогда хоть сына возьми. Сейчас лето, он загарит, поправится, подышет морским воздухом. А я? Я даже по настоящему не имею права отдыхать. Вот тут, одному адмиралу в отставке делаю кресло-качалку: боковые стороны два толстых морских каната, сиденье круг, что бросают утопающим, а спинка огромный якорь. Я запросил 500 долларов и показал ему мой набросок. Он сразу согласился.

— Значит надо было просить 600!

— Ой, что ты? Пятьсот это тоже огромная сумма. Я же знаю цены. Поезжай к морю, поезжай. Ты все нервничаешь. Может быть хочешь обрадовать меня дочерью?

— Еще этого не хватало! — вспыхнула от гнева Эн. — Да, поеду, но и без Чарли. Отдохнуть так отдохнуть. А на две недели я возьму сюда маму, на хозяйство.

— Да, нет же. Зачем? Мы и сами управимся с сыном.

— Нет, нет. Ему нужен и завтрак во время и обед и чтобы все было вкусное и свежее, а ты уже чуть свет копошишься в костеле. Ну, как там у вас дела?

— О, — засиял Пат — уже некоторые колонны имеют облицовку из деревянных панелей. Красота! А на стенах будут библейские темы. Я думаю...

— Ну, хорошо. Тебя только зацепи, так ты часами будешь рассказывать. Надоело. А то, что безропотный муж согласился так легко на ее поездку, было и радостно и приятно.

— Я буду писать и звонить вам каждый день, только не скупись дай денег.

— Боже мой, когда я для вас скупился?

И она стала ласковее, добрее и улыбчивее. Пат прекрасно понимал цену этих ласк и внимания. Все это было за что-то. А разве нельзя любить человека только за то, что он есть в твоей жизни? Забыл Пат про Эльзу. И как легко и свободно разговаривала Эн с мужем на любые темы, готовясь к этой поездке. Она уехала. Муж и сын

провожали ее на аэродром. Она была весела и жизнерадостна, сын безразличен — у него уже появились свои интересы, — а Пат... О, как бы ему хотелось полежать на мягком песке, греясь под горячим солнцем и чувствуя рядом тепло жены. А потом, взявшись за руки, побежать с ней к ласковым волнам океана и поплавать... Мечты, мечты. Нет, он должен работать. Разве не радостно ему от того, что его жена, мать его сына и сын обеспечены всем и им нет ни в чем отказа?..

Правда, она позвонила через три дня и сказала, что все прекрасно и что она напишет, как она отдыхает. А когда Пат позвонил к Джэксону, чтобы навести какую то справку, в связи с его работой, то бойкая секретарша, узнав кто звонит, сказала, что босс выехал в Чикаго на конференцию. Он будет звонить оттуда, что ему передать? Пат ответил, что это не так важно. Он обождет...

Это были сказочные две недели. Эн даже не представляла себе, что так можно жить и не две недели, а всю жизнь. Отель был очень дорогой и ее денег ей хватило бы может на три-четыре дня. Для гостей в любое время предоставлялись лимузины с шофером для загородных поездок. Впереди здания устроены два бассейна для плавания, причем в одном вода подогревалась. Рядом тенисные корты. Внутри два кино-зала (в одном картины не совсем приличные). Рулетка и казино, два бара и танцевальная площадка, другая на открытом воздухе. И наконец геликоптер, который безо всяких хлопот доставлял постояльцев вместе с багажом, непосредственно на аэродром. А ранний завтрак в постели, когда тебе его привозят прямо в номер, а второй завтрак в тропическом саду, где летают птицы. А ужин на яхте, в открытом океане?! Да, да, вот это жизнь и все это ей дал ее Джэксон, ее Освальд. Он ей показал как надо жить и как должны жить, вместо прозаической мастерской ее мужа и нудных забот о еде и уборке. С ума можно сойти при мысли о возвращении. Лучше бы ей этой роскоши и не видеть. По крайней мере не знала бы, что другие люди живут в сказочном мире довольства, роскоши и комфорта... А она?

А как-то в припадке «откровенности» Эн заикнулась перед Джэксоном о том, что может быть мальчик его сын, но тот только усмехнулся.

— Дорогая, я эти штучки хорошо знаю. Многие женщины идут на такие фокусы, приглашают адвокатов и

подают в суд. Одним словом надевают хороший ошейник на мужчину. Но ты же замужем. К чему это? Со мной это не выйдет. Забудь об этом. Так будет лучше для нас обоих.

И она забыла, а он испугался и когда однажды поехал с Чарли в зоопарк, то по дороге заехал к знакомому врачу и попросил его взять кровь у ребенка и у него и сравнить.

И доктор через неделю его успокоил:

— Кровь у вас, обоих, совершенно разного класса.

Но Джэксон этого не забыл.

— Значит эта женщина может на многое пойти для достижения своей цели. И с тех пор был на чеку.

«Конференция» кончилась в день возвращения Эн домой. Джэксон посвежел, загорел и выглядел прекрасно. Эн тоже, Пат был в восторге от внешности и настроения жены.

— Ну, ничего — сказал он — может быть в будущем году все поедем, втроем. Вот уж накупаюсь и отдохну рядом с вами.

— Да, да, конечно — рассеянно отвечала она, думая о своем. И уже через неделю начались ее придирки и недовольство. Она была отравлена поездкой.

Все было не так, все было неправильно. Бедный Пат, а он уж так старался. А время шло, время бежало. Как это он так просмотрел, что его мальчик ростом догнал мать, а ему по плечо? О, время! Как ты мчишься не считаясь с людьми, с их желаниями и планами. Уже и девчонки — говорит мать — ему звонят по телефону и этот мальчик, который когда-то играл с плюшевым медведем и игрушечным ружьем, сейчас говорит о том, что было бы не плохо стать моряком или объездчиком по охране национальных парков Америки. Город его тяготил. Он любил природу и только раз вырвалось у него в разговоре с отцом:

— А все таки мама должна была взять нас с собой, к морю. Она знала, как тебе нужно отдохнуть. Мне не важно, я еще молодой.

— А я старик?

— Нет, ты не старик, но ты устал. Я же знаю, как ты работаешь. Я вижу, папа.

— Ах, ты, дорогой мой, наша мама тоже имеет достаточно возни с нами. Мы, хоть в воскресенье отдохнем, а она нам готовит еду всегда.

Сын, как-то странно посмотрел на отца, махнул рукой и вышел из комнаты. Трещина ширилась. Пат сознавал, что больше того что он делает он дать не может. Он — ремесленник. Понимала это и Эн. Это ее мучило. Своими руками Пат может дать какой то максимум, а Джэксон работающий головой, способен на любые коммерческие комбинации и делает это блестяще. Он ей сам рассказывал, как узнав, что город намечает к сносу целый ряд домов в связи с постройкой автодороги («фривэй»), он скупил у перепуганных домовладельцев их дома, зная уже наверняка, что проэкт постройки изменен и дорога пойдет в другом направлении. Став владельцем чуть ли не сорока домов, он их на скорую руку покрасил, подремонтировал кое-где и продал желающим. А район был хороший, зеленый и недалеко от центра города. Дома были раскуплены и он в течение полугода положил в карман около пятидесяти тысяч. Вот он и отпраздновал этот «куш» поездкой к океану вместе с Эн. Конечно, в отеле они жили под другой фамилией. Там к таким гостям привыкли и в суть дела не вникали. Лишь бы платили.

Эн знала, что если бы Джэксон только заикнулся о том, чтобы она стала его женой, она бы не задумываясь ушла, несмотря на ее большую любовь к сыну. Да и кто его знает, может быть Чарли и ушел бы с ней. Вот, где бы она создала для сына все условия чудесной жизни. Ведь он скоро заканчивает среднюю школу, а там университет или колледж. Интересы его часто менялись: то увлечение медициной, а потом забросил и занялся географией. Вкус мальчика окончательно не определился. Но еще и Джэксон ее нервировал. У него где-то была жена и двое детей и он держал Эн в состоянии вечного ожидания. Казалось, что вот-вот он скажет решающее слово, но дальше забав под балдахином и денежных подарков — дело не шло. А ведь связь длительная, чуть ли не через год после ухода Пата в армию. А у мистера Джэксона была заветная мечта (после окончания переделки костела и большого торжества, где бы он играл главную роль), опять влезть в политику, но роль мэра его уже не устраивала. А вот стать губернатором штата — это идея! Его теперешние связи, хорошо поставленное дело продажи покупки недвижимостей — давали много шансов на выставление кандидатуры. Да и деньги помогут, кое-кого можно купить. Но... губернатор без семьи — жена живет в одной сторо-

не, а он развлекается в другой — в Америке большое препятствие. Даже у президента должно быть в этой области все безупречно. Значит? Значит, лучшим выходом будет опять сойтись с женой, а Эн побоку! А потом, после получения этого поста можно завести себе миловидную секретаршу-стенографа, которая бы удовлетворяла всем требованиям работы, кроме канцелярской. Ведь многие сенаторы так делают и им сходит! Это тоже принято и на это смотрят сквозь пальцы, но надо бояться этих чертовых репортеров, которые в погоне за сенсацией и своей карьерой, могут человека смешать с грязью, сделав из мухи слона и превратив его из величественного слона в раздавленную муху. Джэксон, как всякий делец был жаден. Он вызвал Пата.

— Друг, большая неприятность. Садись. Приехал представитель одной чикагской фирмы. Видел твою работу — в восторге. Видел твои проэкты — бесподобны. — Но — он сказал, — мы эти вещи вам можем все подать из прессованного картона, безо всякой усидчивой работы по дереву, а просто будем штамповать картон. А он у нас пущен под дерево и на любые темы: библейские, светские, спортивные, фауна и флора. Ну, что хотите и наши машины это сделают за месяцы, а не за годы. Мы отделываем стены клубов, церквей, театров, частных домов, ресторанов и магазинов. Одним словом только скажите, что вам нужно и мы вам отшлепаем. Никогда не отличите наш картон от вашего дорогого дерева. Делаем любого цвета, не все же хотят «махогони».

— Ну и что же?

— Нам надо избавиться от него. Потому что если он начнет будоражить народ, то сразу же найдутся желающие съэкономить и опять начнется кутерьма, пересмотр смет, протесты и желание окончить подешевле и поскорее. И, конечно, мы в этом заинтересованы сильно, но твои интересы могут значительно пострадать, так что... эту тысячу отступного в его карман должен дать ты, а не мы!

— Я?!

— А кто же? И будешь себе продолжать работу, а так все остановится и я уверен, можешь не сомневаться, что церковное управление решит перейти на картон.

И опять Эн сказала «дай!». И Джэксон получил свою тысячу шутя и играя. А она ему была нужна, как комунибудь — десять центов.

— Мы с тобой — сказал он Эн — ее прогуляем!

И эта легкость обращения с деньгами сводила ее с ума. В один из своих визитов в комнату «под балдахином», она пожаловалась Освальду.

— Мне Пат просто противен становится, а ты отравил меня своей легкой жизнью. Эта возможность быть сегодня в Лондоне, а завтра в Риме. Сегодня лежать на жарком пляже Гавайев, а завтра кушать французские блюда в Монте-Карло — ведь это же доступно не многим.

— Ох, ты не думай, что все это так легко дается. Все это нервы, бешенная трата энергии, частые бессонницы и необходимость принимать всякие таблетки от того и для этого. Ведь я могу быть так же обманут, как и тот, кого я хочу обдурить. Пощады в этом нет. Иногда закупаешь строительные материалы вагонами, а потом оказывается, что они резко упали в цене. А продававший уже об этом знал. Э... Да, что об этом рассказывать. Если стану губернатором, то эта погоня за деньгами сразу же прекратится и я буду делать политику. Конечно, это тоже не спокойное дело, но лучше, чем покупать и продавать акции и не знать, что ждет тебя завтра.

— Да, но если ты добьешся своего, то я потеряю тебя, Освальд.

— Почему же? — ответил он. Хотя и был уверен, что так и будет.

— Слишком твоя жизнь будет на виду и губернатору штата не к лицу будет встречаться с бывшей официанткой и женой простого рабочего. Ты знаешь я тогда умру...

— То-есть как это умру?!

— А так. Мне и сейчас тошно жить в моем убожестве, а тогда зная, что все кончено и ничего хорошего впереди, я уйду из жизни.

— Какие глупости — сказал он спокойно, думая о своем.

— Да, и тебя потяну с собой!

— Что?! Как это понимать?!

— А так. И тебя застрелю и себя. Пойдем на небеса вместе! — и сказано это было так спокойно, так уверенно, что даже холодно стало Джэксону.

— Ты, что с ума сходишь? — испугался он — я наоборот думаю тогда устроить твою жизнь получше. Став губернатором, я разведусь и...

— Ты женишся на мне, мой дорогой?

— А почему же нет? — врал он, успокаивая и ее и себя — внешность у тебя богатая, а вот только ты не сможешь выступать на конференциях и женских съездах с речами и докладами.

— О, я возьмусь, я подтянусь. Меня сын научит.

И никакой жалости к тому, который всю свою жизнь думал о ее благе. Лишь бы быть рядом с этим богатым человеком, таким решительным, деловым и смелым. И после таких речей Джэксона она еще пламеннее целовала его, а дома почти не разговаривала с мужем. Таким замученным и усталым казался он ей после встреч «под балдахином». А иногда ей становилось жаль Пата, но мысль о себе, о своем благополучии, забивала все. Да, только любовь к сыну оставалась неугасимой. Она потребовала от мужа, чтобы он поставил себе другую кровать т. к. своими ранними подъемами он-де ее будит и беспокоит.

И он это сделал не споря.

8. КРУШЕНИЕ.

Торжество окончания работ и обновления внутренности храма было огромным. Был губернатор штата, мэр города, репортеры многих газет Америки и операторы кино-студий. Число приглашенных было строго ограничено. После особенно торжественного молебна, был сервирован банкет, при зале костела, где Пат был усажен на почетном месте (рядом с Джэксоном). Жена и сын его сидели слева. Говорили речи, восхищались работой художника-резчика и хвалили тех, кто решился на такой подвиг реставрации, тянувшейся несколько лет. Но было, что хвалить. И уже в тот же день на экранах телевизоров американских городов, показывали стены, колонны, скамьи и перила хоров, сопровождая пояснениями, что все это выточено руками человека и что это единственный храм в стране, украшенный с таким размахом и вкусом. Затем появились снимки в газетах и журналах, не говоря уже о специальной книжке, выпущенной для туристов. Тут было все: и Пат дома и Пат на лесах и за машинами и он же дающий пояснения членам строительной комиссии. Было несколько снимков Джэксона, как организатора и вдохновителя этой изумительной идеи.

— Пригодится, когда полезу в губернаторы, — думал он, издавая эту книжку за свой счет. Учитывая, что это прекрасный агитационный материал, он заказал 25 тысяч экземпляров.

А посмотреть на эти колонны у стен и посреди храма нельзя было не восхищаться. На одних вилась виноградная лоза, украшенная тяжелыми гроздьями созревшего винограда, на других початки кукурузы, вязки чеснока и лука, на третьих литые зрелые помидоры, морковь и другие овощи и все это так красиво и так убедительно правдиво, что будь оно выкрашено в естественные цвета, их можно было бы принять за живые. Стены были отделаны панелью, в рост человека, на библейские темы. Левая — ветхий завет, правая — новый. Фон ореховый, фигуры коричневые. Христос среди учеников. Он — в Кане Галилейской, Он — в Гефсиманском саду, моление о Чаше, Он идущий с крестом на Голгофу, распятие, воскресение... И все это резьба по дереву, с тщательностью превосходящей все возможности. Складки на одежде апостолов, были до того естественны и просты, что поражали знатоков своею сложностью. Все это не опишешь на бумаге. Все это надо было видеть и осязать, чтобы умилиться изысканности вкуса этого простого и скромного человека, который водил гостей по храму и давал объяснения любопытным. Он был в черном костюме, с галстуком и чувствовал себя неловко. Он так привык к рабочему комбинезону, а тут вдруг... светский человек с грубыми ладонями и многочисленными порезами на пальцах. За столом во время банкета, Эн улыбалась и даже обращалась к нему с вопросами. Чарли был горд своим отцом.

На другой день Эн была «под балдахином» и сказала Джэксону:

— Почему меня так тянет к тебе? Почему?

— Это ты должна спросить себя, а не меня.

— Да, я и спрашиваю. И ответ по моему один: ты мужчина моего типа, энергичный, деятельный предприимчивый. Ведь ты же начинал свою жизнь с ничего? Так? А теперь? И вот то, что ты не останавливаешься на достигнутом и стремишься к чему то высшему, достойному тебя, к званию губернатора, мне тоже очень импонирует. Ну, а мой? Кроме работы, кропотливой и усидчивой, часами, днями, месяцами, годами, он ни на что не способен.

— О, твой муж очень талантлив, очень! Ему Бог дал великое дарование, а он его отдает людям. Разве ты не видела, какой восторг вызвала у гостей его работа? Ведь он художник, высоко одаренный человек и кроме своей работы его ничто не интересует. Вспомни знаменитых художников Италии, и вспомни нашего Эдисона.. А я вот, бросаюсь на все, всего хочу добиться, во всем хочу преуспеть и иногда сомневаюсь — стоит ли?

— Почему? Почему? Разве это не радостно стоять во главе целого штата, встречаться с людьми занимающими высокое положение и... даже помечтать о посте президента!

— Все это так, все это приятно, но и стоит много здоровья и нервов. А тебе бы импонировало стать женой губернатора?

— О, Освальд, еще бы!

— И ты бы оставила и мужа и сына?

— Мужа хоть сейчас, а вот сына. Ведь он точная моя копия. Но оставит ли он отца? Он его по своему и любит и жалеет.

И хотя Джэксон говорил с ней на эту тему, а сам думал, что ей никогда не быть женой губернатора. Слишком проста, да и манеры... Внешность — это еще далеко не все на «посту» жены губернатора. Опытные и прожженные политики говорят ему, что лучшим ходом в этой шахматной игре за губернаторское кресло — опять сойтись с прежней женой и этим убить многих зайцев в глазах избирателей. А что касается «побочной» дамы сердца, то кто из власть имущих ее не имеет. Только надо делать это умеючи, чтобы не наскочить на скандал, за которым следует вынужденная отставка...

Взяв свои пятьдесят долларов (на мелкие расходы) Эн ушла, а Джэксон заснул. Эн знала, что она уйдет по первому зову, а Освальд знал, что она этого зова не дождется, а скорее он с нею совсем расстанется, в интересах дела. Опыт жизни ему подсказал, что для достижения цели надо уметь «шагать по людям». А в это же время Пат думал, как и чем сохранить любовь Эн и сделать жизнь семьи счастливой. Заказов было очень много.

А спустя две недели был устроен пикник для всего прихода независимо от числа прихожан. Были и знакомые и любители и просто чужие люди, наслышавшиеся о красоте обновленного собора. Город выделил в парке, у озе-

ра, куда свезли с полсотни лодок, огромную площадь под пикник, послал с полдесятка конных полицейских для наблюдения за порядком, подновил печи на которых гости могли жарить и варить, что кому заблагорассудится, а правление прихода обеспечило концертную программу. День выпал на редкость хороший. Уже с утра чистое небо и яркое солнце сулило людям радость и веселье в часы их отдыха. Энергичный и деловой, как всегда, мистер Джэксон поспевал всюду. Он действовал с политики дальнего прицела. Ведь эти горожане, а их тут может быть более полутысячи — могут в свое время отдать ему свои голоса при выборах губернатора. Так пусть же видят, что их будущий «вождь», даже в таких мелочах, как пикник продумал его организацию до мелочей. Продавалось пиво и Кока-Кола и два платных буфета работали, обслуживая тех, кто не удосужился захватить с собой еду. Детской площадкой, с ее развлечениями ведали дамы прихода и среди них старалась во-всю и Эн. Джэксон просил ее об этом, здесь где голоса избирателей завоевывались через заботу о их детях.

Чарли с приятелем поехали на лодке, а Пат с Олафом, уже сильно постаревшим, наслаждались покоем и бездельем собственных рук. Как это было непривычно и... приятно! Трава, вода, зелень, солнце, свежий воздух и его трудолюбивые руки лежат на коленях. Как это было непривычно для Пата. И он подумал:

— Как я тружусь, как я стараюсь. И все для них, моих близких. А что мне нужно? Только их хорошее отношение — вот и вся награда. А ее и нет! Хотелось ему и на лодке покататься, но их сразу расхватали. Он только видел, как его Чарли (в яркой майке) с двумя подростками, обгоняли других, кружась по озеру, в разных направлениях. Они с Олафом попивали пивцо, к которому Пат пристрастился со дня появления второй кровати в его спальне. Он даже в таверну захаживал. Потом он прилег и заснул под монотонную болтовню Олафа. Старик сидел рядом посасывая свою трубку. Мальчики катались, а потом вдруг Чарли сказал, что хочет на ту сторону и хотя приятели возражали, он настоял на своем. Он знал, что его потянуло туда. Он увидел в одной из лодок Джэксона со своей матерью. Те ехали на другой берег озера.

Эта пара весело смеялась и на веслах сидела его мама, в своем ярко оранжевом, идущем к ней платье. Джэксон

и Эн вышли раньше, а Чарли причалил футах в пятидесяти ниже. Он велел приятелям его ждать, а сам прыгнул в сторону. Эта часть озера могла свободно считаться лесом: густые кусты, высокая трава и узкие тропинки. На этот берег предпочитали высаживаться рыболовы и влюбленные парочки. Чарли волновался. Он следит за своей матерью! Почему? Зачем? Что заставляет его совершать этот некрасивый поступок? Ревность? Любопытство? Недоверие к матери? Нелюбовь к Джэксону? Но какая то сила заставляла его идти следом за этой парой, а те ничего не ведая, болтали, смеялись и шли по тропинке в глубину леса. И если бы не яркое платье матери, Чарли мог бы сразу потерять их из виду. Но он приближался к ним все ближе и ближе. Ему мало было видеть мать с чужим человеком, ему хотелось услышать о чем они говорят. Такой оживленной и веселой он давно уже не видел свою маму. Дома она совсем другая. В одном месте обе фигуры мелькнули перед ним и он увидел на мгновенье и даже покраснел от этого: его мать шла обнявшись с этим человеком!

— Как же это? — не понял юноша. — Почему? Разве так можно? — Неужели? И сердце забилось тревожно и учащенно... Тут людей совсем не было. Они предпочитали кататься на лодках, а не высаживаться вдалеке от всех... А вот его мать нашла в этом удовольствие, чтобы забраться в такую глушь с этим человеком, который всегда был дружеские расположен к Чарли и делал ему подарки. Ах, вот она цена этим подаркам! Он опять услыхал смех матери, какой-то неприятно визгливый и даже неестественный.

Где-то, в каком то месте пара остановилась и женщина закинув руки на плечи спутника, прильнула к нему горячим поцелуем. Чарли хотел крикнуть, но что-то сдавило ему горло. У него даже голова закружилась от стыда за мать. Юноша стоял совсем недалеко от них, на небольшом пригорке, среди густых кустов, а влюбленные на маленькой лужайке, с густой и сочной травой. Их освещало солнце. Они уже не разговаривали, а целовали друг-друга и мужчина первым опустился на землю и потянул женщину к себе. Та легла рядом...

— Мама! Что ты делаешь, мама?! — крикнул сын и ломая кусты и ветки побежал к берегу. Эн вскочила, как будто-бы ее кто-то ударил.

Он здесь? Он ее видел?! О, Боже?!

— Ты что? Что с тобой? — спросил Освальд, лежа на траве — ложись!

— Ты слышал? Это же Чарли крикнул! Это он был здесь! Что я наделала!

И не слушая увещаний своего спутника, Эн побежала к берегу...

— Эй Чарли, что случилось? Подрался? — (на лбу у того была большая царапина от ветки) — с тревогой спрашивали приятели юношу, но он ничего не говоря, прыгнул в лодку, закрыл лицо руками и жестом велел им отчаливать. Они только услышали, как он крикнул: «О, я убью его!», но так ничего и не поняли. А Эн, взволнованная, со слезами на глазах, вскочила в стоявшую у берега лодку и погнала ее на другую сторону. Она не знала, что будет делать, но хотела, как можно скорее удалиться от места ее позора. Когда будущий губернатор подошел к месту их причала — там никого и ничего не было.

— Вот дура! — взорвался он и начал отчаянно сигнализировать катающимся. Когда кто-то подъехал, он сказал:

— Вы подумайте, украли мою лодку. Перевезите меня на ту сторону, пожалуйста!

Чарли знал, где отдыхает отец и хотел его сразу же забрать и уехать домой, но потом решил сначала успокоиться и отца не тревожить. Он не так любил своего отца, как жалел. Он видел и понимал, что у этого человека другой жизни, кроме заботы о семье не было. И когда стоял в раздумье, то увидел мать идущую от берега. Он резко повернулся и пошел к машине. Он не смог бы сказать матери ни одного спокойного слова, а вмешивать отца он низачто не хотел. Не нужно... Не нужно.. Зачем? А что же? Неужели он сам думал развязать этот жестокий узел. Такие семейные конфликты не под силу детям. Юноша и сам не понял и не почувствовал, как он сразу повзрослел и какая ответственность легла на эти молодые плечи. Ведь от его же решения- и дальнейших поступков зависит судьба их семьи! И он решение принял. Было ли оно правильное — не ему судить. Ведь и посоветоваться ему было не с кем. Он опять пошел к берегу, где сидел отец с Олафом. Матери нигде не было. Чарли сел рядом с отцом.

— О, — обрадовался тот -- нагулялся? Ездили на лодке? Купался?

Юноша лег рядом и закрыл глаза. — Отдыхай, отдыхай. А мама сказала, чтобы мы ее не ждали и ехали домой. Она останется здесь помочь с уборкой.

Чарли молчал. Замолчал и отец. А Олаф спал тихонько посапывая...

Утром Чарли к завтраку не вышел из своей комнаты и притворился спящим, потом тихонько оделся и не покушав уехал на автобусе в контору мистера Джэксона. Страшно подумать — он взял с собой нож!

Великолепная секретарша, удивилась столь раннему посетителю и сказала:

— Мистер Джэксон раньше десяти не приходит.

— Я подожду — вяло сказал юноша.

— А может быть я могу вам помочь? — засияла прекрасными зубами девушка.

— Нет, это личное дело.

Точно в десять босс прошел ни на кого не глядя к себе. Она за ним.

— Сожалею — сказала секретарша выходя — но мистер Джэксон сегодня не принимает. У него масса срочных дел и три заседания.

— А у меня только одно — поднялся Чарли и пошел к дверям кабинета.

— Нельзя, нельзя — испуганно пролепетала девица, гордо поднятой грудью защищая покой своего начальника, но юноша отодвинул «стража» в сторону и вошел. Джэксон сидел за столом, а одну из стен украшала карта штата.

— О, Чарли. Я же сказал, что я занят. У меня...

— Это не важно. Я не на долго. Я пришел вам сказать, чтобы вы оставили мою мать в покое. Поняли? Я был вчера в лесу и понял ваши отношения. Они должны быть немедленно прекращены...

— Но позволь, Чарли...

— Нет, я не позволю. Я не хочу впутывать сюда отца и я защищаю сейчас его честное имя... Я хочу сказать, что знаю ваши претензии на пост губернатора, на блестящую карьеру и говорю вам, что если сейчас, здесь, не выходя из этой комнаты, вы не пообещаете мне никогда больше не встречаться с моей матерью, я публично, где нибудь на большом собрании или на конвенции, дам вам по физио-

номии и тут же объясню делегатам или гостям за что я вас ударил. И буду бить не раз! Решайте!

Наступило молчание. Джэксон рассматривал этого честного юношу, а тот бледный в своем порыве благородного гнева, ждал. Джэксон сразу же понял, по тону говорившего, что свое обещание тот сдержит.

— Общественно-политическая карьера или надоевшая связь с бывшей официанткой городской управы? Что важнее? Женщин много, а карьера одна!

— Чарли, — вставая серьезно сказал Джэксон — я даю себе слово, что больше я с твоей матерью не встречусь — и протянул юноше руку. Тот ее не принял, повернулся и ушел, провожаемый восторженным взглядом секретарши. Она-то все слышала, на то она и правая рука босса.

Этот нервный порыв не так то легко дался Чарли. Приехав домой он тихонько ушел в свою комнату и проходя мимо открытой двери гостиной, увидел мать сидевшую в кресле. Ее лицо было закрыто ладонями обеих рук. Войдя к себе он лег думая, что он может быть не так поступил, что надо было иначе, что Джэксон может его обмануть, что... Лег и почувствовал в летнем жакете что-то ему мешающее. Он вынул из внутреннего кармана нож и бросил его на тумбочку у кровати. И вдруг он услышал, как дверь его комнаты скрипнула. Да, он не ошибся, входила мать. Ее лицо было залито слезами и быстро подойдя к кровати она опустилась на колени.

— Чарли, мальчик мой, прости меня! Прости меня, я больше не буду так поступать! Поверь, что я так поступила потому что этот человек так много делал для нас. Ведь в его руках была судьба этой большой работы для папы. Сейчас она окончена и я тоже свободна от этого шантажа! Слышишь меня, мой сын? — и странно что она сама верила в свои слова. — Я клянусь тебе моей любовью к тебе, что больше никогда я не буду встречаться с этим человеком. Как бы он не настаивал и не просил — все кончено. Ты мне дороже всех на свете и я... — она взяла его руку и прильнула к ней долгим поцелуем. — Чарли молчал. — Ты прощаешь меня, сыночек? У каждого в жизни бывают ошибки. Сделала ее и я, но сделала в интересах семьи, а не для чего либо другого!

Ей казалось, что она говорит правду, настолько убедительно звучали ее слова для ее же слуха. Она даже не думала, что у нее так получится.

— Хорошо, мама. Я постараюсь, я попробую забыть, но и ты помни свое слово. Нарушишь — потеряешь и меня и папу — и он отвернулся к стене. Она вышла.

9. ИЗ ДОМУ.

Да, Эн переменилась. Она стала заботливой хозяйкой, матерью, но стать хорошей женой не смогла. Полное равнодушие к Пату она и не пыталась себе объяснить. Бывает так в жизни, но когда она задумывалась над случившимся, — то ей казалось, что не будь его, она бы уже (с сыном), жила вместе с Джэксоном и занимала бы какое то положение, а не довольствовалась случайными встречами и денежными подачками. Она не сомневалась, что Освальд ждет ее звонка, но не знала, что в тот день и час когда она стояла на коленях у кровати сына, он со своей секретаршей сидел в кафе и описывал ей прелести отдыха у океана.

Значит муж был препятствием в ее жизни, а помня данное сыну слово, она и не пыталась искать встреч с любовником или даже звонить ему, но звонка его ждала ибо была твердо уверена, что он будет... Но звонков не было и не было. Освальд замолк. Это и удивляло и оскорбляло Эн. Странно, но с того рокового дня он словно в воду канул. Она никогда бы не допустила мысль о том, что сын имел объяснение с Джэксоном. Никогда! Что случилось? Только доверчивый и добрый Пат не замечал, что творилось за его спиной. Да, сын бывает молчалив, резок, неразговорчив. Ну, что-ж взрослый юноша, мало ли у него проблем... Эн? Она давно чуждается его и игнорирует, хотя за столом, когда они втроем едят, она становилась другой и была внимательна к обоим. А раньше и этого не было. Спасибо и на этом! И Чарли это заметил и в душе был благодарен матери. Пат был буквально завален работой. После шумного «бума» вокруг модернизации и отделки костела со статьями, фотографиями и даже одним интервью по телевизору — он стал знаменитостью. Но это было ему безразлично, а вот что заказы посыпались со всех сторон — это важно. Главы некоторых

крупных контор в их городе захотели иметь кабинеты отделанные резьбой знаменитого мастера, но в духе того дела которым они заворачивали. Как пример «изысканности» вкуса заказчика достаточно упомянуть о креслах в кабинете директора «Пепси-Кола», ножки которых должны быть в виде бутылок из под этого напитка, а компания «Гудриш» отделала стены кабинета главного босса резьбой на тему добычи каучукового сока из деревьев этой породы. Пат понимал, что искусства тут нет, а он просто ремесленник, как тот сапожник, что делает туфли по указке заказчика. А ему хотелось другого. Он вспоминал, как работая над идеей отделки собора, он посетил одного китайского ученого и тот показал ему альбом, где были снимки с храма Лазоревых облаков — Биюньсы — прославленного пятьюстами статуй вырезанных из дерева. Каждой из этих позолоченных фигур буддийских святых, искусные резчики придали неповторимое своеобразие черт и позы, у каждого что-то в облике подчеркнуто, утрировано и это делает вполне земной человеческий образ, как бы отмеченным свыше, накладывая печать святости. Хитроумно размещенные статуи создают полную иллюзию собрания живых людей — движущихся, говорящих, смеющихся, увещевающих, созерцающих... Это была работа гениальных мастеров древности, а теперь... бутылки!

Коннор сознавал, что работа в костеле — это единственное, где была вложена его буйная фантазия художника-резчика, не имевшая предела и где ему не ставили никаких условий и легко соглашались с его идеями. А как это нужно настоящему художнику! И в этом конечно, была большая заслуга мистера Джэксона...

Все мы знаем, как быстро летит наша жизнь и наступил день, когда Чарли призвали в армию. Да, этот чудесный мальчик, который казалось совсем недавно катался на трехколесном велосипеде, играл с детьми на школьной площадке и учился в школе, этот мальчик, ее Чарли, оденет солдатскую форму и будет стрелять из настоящего ружья. Господи, слава Тебе, что нет войны! Но это все равно, его заберут от нее и она останется с надоевшим мужем, который кроме своих резцов, ножей и резьбы ничего не знает... Большего оскорбления для женщины не может быть, когда человек вчера ее целовавший — сегодня ее не хочет видеть. А Джэксон поступил именно

так. Эн видела, что Пат стал выпивать и это уже тянулось не первый год. Правда, это не носило угрожающего характера, но могло отразиться со временем на его работоспособности. Он был щедр, он почти все деньги отдавал ей. Она имела все: наряды, дорогое белье, обстановку в доме, ее личный автомобиль «Ягуар». Отказа не было ни в чем. А она, как милостыней иногда расплачивалась с мужем своей близостью. Но не была щедра на ласку. А большая душевная борьба не прекращалась. Разум говорил ей, что раз Освальд не звонит, значит... А душа кричала:

— Это ничего не значит. Позвони, поговори, узнай!

А здравый смысл убеждал: — Ты же взрослая. Ты понимаешь. Мужчина которого ты любишь — не зовет тебя больше. Разве это не доказательство?

— Да, но пусть он мне скажет об этом. Пусть скажет!

И она решила позвонить сама. Она уступила своей страсти и сдалась. Эн знала, что (если ничего за это время не изменилось), Джэксон приходя на работу, сидит один в кабинете и рассматривает почту приготовленную старательной секретаршей. Так было всегда. Это было самое удобное время. А рядом, за стеной, уютная комната и там под балдахином... Когда она позвонила, трубку взяла секретарша, но...

— Кто спрашивает? — задала она вопрос. Эн назвала себя. — Сию минуту. — Пауза. — Мистер Джэксон просит вас его больше не беспокоить! — Трубка звякнула и замолкла. Эн даже бросило в жар.

— Как резко, как зло и как решительно! Неужели эпизод в лесу так повлиял на него, что он...

Так или не так, но она была отвергнута окончательно...

Да, Пат выпивал. Скромно, в меру, но в таверну захаживал. Вместо ушедшего на покой Олафа он взял приезжего шведа, неплохого резчика по дереву и с ним пропускал стаканчик-другой, заходя в эти полутемные, со специфическим запахом табака, пива и дешевой парфюмерии, длинные помещения с полированной стойкой и высокими стульями около. Зашел, оседлал и уже знакомый бартендер наливает холодного пива, а за ним и стаканчик винца. Эта смесь действовала удивительно быстро и «утешающе». Хотелось говорить, улыбаться, слушать собеседника и все

они казались милыми, добрыми и задушевными. И темы находились легко и быстро, чего за собой Пат никогда не наблюдал. Великая сила алкоголя!

Там было всегда шумно, дымно, накурено, но по своему уютно. В углу под потолком тускло мерцал телевизор, обычно показывающий футбольные или безбольные соревнования. Слабое, скудное освещение таверны молодило лица, скрадывало морщины и ушедшую молодость. Особенно это было важно для женщин. Они были тоже частыми посетительницами, а то и завсегдатаями этих учреждений, где люди искусственно разгоняли тоску и залечивали душевные раны, начинавшие саднить сердце на другой день опять. Кто были эти дамы, хорошо одетые и занимательно разговаривающие? Искательницы приключений или просто «дети улицы», в приличном возрасте? Да, были и такие, конечно. Тут было значительно легче завести знакомство и увести «клиента» к себе. В теплоте и уюте, в шумных разговорах и радио-музыке, да еще с профессиональным навыком легко удавалось то, что на ветру и под дождем требовало усилий в поисках случайного попутчика и покровителя.. Но, нет в таких тавернах бывали и приличные женщины: вдовы, одинокие и обеспеченные, которым было значительно приятнее скоротать вечерок с человеком интересно говорящим или внимательно слушающим. А потом взяв такси (или даже в своей машине) уехать домой в свою хорошо обставленную квартиру.

А бывали жены и матери семейств, которые дома не могли себе позволить регулярную выпивку, при детях и муже. Это могло бы плохо кончиться, а вот уходить (не ежевечерне) на два часика и тихонько насасываться за дружеской беседой с незнакомцами — этого права некоторые жены добивались и даже сердобольные мужья потом приезжали за ними, увозя свою подругу жизни домой, иногда сознавая, а иногда и нет, что «чем дальше в лес, тем больше дров». А что они могли поделать? Хотя об успехах лечения алкоголизма — слышали.

Пат никак не мог подумать, что он со временем станет в ряды алкоголиков, если не остановится. Пока он знал меру и ее не преступал. Сначала он ограничивался тем, что выпивал и уходил, а теперь предпочитал и посидеть и поговорить, в собеседниках недостатка не было. Только начни... Заговаривали с ним и дамы. Он сначала

отмалчивался или уходил, а потом привык тем более, что ему приходилось только слушать, а не говорить самому. Одна обратила на него свое пристальное внимание и когда он заходил, она сразу же меняла свой «насест» и пересаживалась к нему, чтобы быть рядом. Она не только говорила, но она и спрашивала. Она так умно сумела проявить участие, понять или показать вид, что понимает душевный мир Пата, что один раз попросила его проводить ее домой. Они сели в ее машину. Хотя она и была под хмельком, но вела ее уверенно и ровно. Говорить не переставала. И когда приехали, то попросила Пата зайти. То, что она разведенная и живет одна, он уже знал. Зашел. Квартира (дом она с мужем продала и деньги поделили) была хорошо обставлена и состояла из трех комнат, со всеми удобствами. Она призналась, что вполне обеспечена, имеет сбережения и кроме всего прочего получает хорошую пенсию. Хозяйка угостила его душистым кофе (турецкое), тортом и даже отвезла домой, чтобы он не искал автобуса. Эн было безразлично, что Пат после работы куда-то уходил. Ну, пусть в таверну, выпьет там пива. Ему тоже что-то надо, если он ничего дома не имеет. Ей даже бы показалось бы странным если бы муж пригласил ее в кино или пройтись. Да, ей ничего этого и не хотелось. Отъезд Чарли в армию, как то надломил ее силы. Она поняла, что она жила только сыном и для сына, а теперь вдруг тишина и его пустая комната, то-есть не пустая — все вещи на месте, но не было самого главного — не стало их хозяина! А Пат все более привыкал к обществу своей новой знакомой. Он рассказал ей о своей жизни, о жене, о сыне. Она очень сочувственно приняла его исповедь и закончила:

— Ну, а если все так, то почему вам не развестись?

— Нет, нет. Это моя первая любовь и другой не будет. И сын которого мы так любим. Это нас и связывает и объединяет. Я живу для них, но не смогу сказать, что они живут для меня!

Когда он рассказал Дорис о своей профессии, она воскликнула:

— О, позвольте, позвольте! — и бросилась к этажерке — вот два журнала, где воспроизведена часть стен и вход в этот храм. Так это ваша работа?!

— Да — просто сказал Пат.

— Это же гениально! Чтобы человеческие руки могли

создать на дерсве, без красок подобные чудеса — надо быть высоко одаренным человеком!

Пат только пожал плечами. И натиск Дорис усилился, но вела она себя очень дипломатично. Она охаживала Пата, как дикое животное, которое надо приучить есть из рук и не бояться своего укротителя, а наоборот научить любить его. И к этому шло. Главное, что Пату никогда не было с ней скучно. Она всегда находила о чем с ним говорить. Рассказывала об интересных книгах, о новых кино-картинах и пьесах, хотя в театры не ходила, не имея спутников. Раз уговорила Пата пойти с ней на фильм «Дочь Райана» и он был в восторге, а потом вернувшись к ней, они совместно обсуждали картину и ее прекрасную постановку...

Эн начала задумываться над поведением мужа, но не имея возможности ничего предложить ему — терялась в догадках, но была твердо уверена, что никакой женщины в жизни Пата кроме нее быть не может. Он всегда рад ея ласковому слову и был счастлив когда она разрешала ему спать около нее. Но это бывало так редко. И он хорошо видел и понимал, что она принимала его ласки по необходимости, стиснув зубы. Как мужчина он ей не был нужен...

Дорис сама поломала так хорошо налаженную дружбу. Ей показалось, что Пат «готов» и его жалобы на холодность жены и ее равнодушие к нему, надо разогреть своей близостью, хотя он никогда не протянул к ней рук и даже никогда не высказывал желания ее обнять и поцеловать. Конечно, она была старше Эн, но выглядела хорошо для своих лет и очень следила за своей наружностью. Дорис решила, что пора переходить в решительное наступление и когда Пат приехал к ней (минуя таверну), она его встретила в красивом бархатном капоте, подведенная, подкрашенная и соблазнительно ароматная. Он это заметил, но не придал значения. После вкусного ужина с крепкими напитками гость размяк и сидя на диване, рядом с хозяйкой, сказал:

— Как это странно. У нас достаточно денег дома, чтобы тоже вкусно кушать и не плохо жить, а все-таки жена готовит лишь бы и как нибудь, зная что я не буду возражать или требовать разнообразия. Правда, при сыне она старалась, да и то больше для него.

— Пат — сказала Дорис млея — а у вас никогда не

являлась мысль, что вы мне далеко не безразличны и нравитесь?

— Нет, я об этом не думал. Я просто полагал, что вам так-же приятно быть со мной, как и мне с вами.

— О, да, это да. Но этого же мало. Мы живые люди, да еще разнополые. Разве у вас не появлялось тяготение ко мне, как к женщине? Не хотелось обнять меня, поцеловать? Пат, я этого давно хочу и жду — и в голосе этой женщины прозвучали такие искренние нотки, что посмотрев на нее, Пат увидел и по новому блестящие глаза и обнаженные (из широких рукавов) руки, которые тянулись к нему, чтобы обнять... Он встал.

— Да, нет — несколько смущенно сказал Пат — нет, мне не хотелось. Я не знаю, может быть вы правы, но...

— Пат — страстно сказала женщина, встав и приблизившись к нему. — Пат останься сегодня у меня, побудь со мной эту ночь. Ты не пожалеешь. Пойми, что я не искательница приключений. При моем достатке и свободе, я бы могла иметь мужчин сколько угодно, но вот именно твоя чистота, твоя честность, твое благородное отношение к женщине, полное уважение — завоевали меня. Получилось, что я раньше захотела тебя, чем ты. Это уже говорит многое в твою пользя. Останешься?

— Зачем? — глупо спросил он не обнимая ее.

— Я хочу твоей близости, твоей ласки, твоего тепла, твоей нежности. Неужели тебе не понятно, неужели тебя ничуть не волнуют мои слова? Дай мне твои губы, Пат, дай мне их!

А в ответ он очень осторожно отодвинул Дорис от себя, помрачнел и ответил, глядя на нее с грустью:

— Нет, Дорис, нет. Этого не может быть. Если я изменю своей жене, то я уже никогда не смогу ее обнять, поцеловать и быть ее мужем, по настоящему. Вся моя душа будет протестовать против этого обмана, а я ее обманывать не хочу.

— А ты думаешь она тебя не обманывала?

— Может быть — и лицо его залилось краской — но я не хочу и не буду ее обманывать, хотя и знаю ее равнодушие ко мне.

Он говорил это с такой убедительностью и прямотой, что нельзя было ему не поверить. Да, но вот, как он мог это говорить, когда...

А его роман с Эльзой, в Германии? Забыл? Да, забыл. Да и то сказать, стоило ему покинуть Тёгинг и попасть в Мюнхен, как эта любовь была забыта. А ведь та любовь Эльзы была настоящая, искренняя и бескорыстная! А когда Дорис заплакала, он понял, что глубоко обидел ее, эту женщину, так тепло отнесшуюся к нему.

— Не плачь, Дорис, не плачь! Честное слово, я не хотел тебя оскорбить своими словами, я не хотел. Я хотел только, чтобы ты поняла меня и мое отношение к жене.

— Все понятно, все понятно, Пат. А как это странно в жизни получается, что люди отвергают от себя большую любовь для того, чтобы цепляться за какую-то призрачную, нереальную. Уходи, Пат. Это самое лучшее, что ты можешь придумать.

Он ушел. И больше в свою таверну и не заглядывал. Он боялся встречи. Он не знал, как повести себя при ней и что сказать этой милой и хорошей женщине. А ходить бы он туда мог потому что Дорис перестала посещать таверну, не желая встречь с Патом. А делать вид, что они незнакомы, она не смогла бы... Может быть это было к лучшему для обоих, может быть. Разве мы знаем от чего мы отказывались и разве мы счастливы от того, что находили в жизни? Стоит только покопаться в памяти, вспомнить прошедшее, как почти каждый из нас может сказать себе:

— А откуда мне знать, что может быть женившись на Людмиле или выйдя замуж за Владимира, я был бы (или была) счастливее, чем сейчас?

Мало семей, где первый выбор оказался счастливым номером в житейской лотерее и супруги и по сей день живут счастливо и мирно.

А в американских семьях сегодня разводы такое обыденное явление, что это никого не удивляет и считается вполне нормальным. А ведь по существу за этим скрывается большая трагедия разочарования, обиды и взаимного непонимания.

10. «ТОХТЕР».

Читатель не знает, что Чарли попав в армию, в Америке не остался и был отправлен в Германию на охрану военных объектов. Скучная гарнизонная жизнь американ-

ского солдата все равно была значительно веселее жизни немецкого обывателя, который хотя и был на своей земле, под своей крышей, но последствия войны сказывались еще годы и годы... Разделение Германии на две части, чтобы не дать сильному, умному и деловому народу опять превратиться в страну готовую взять реванш за две тяжелых войны — сказывалось особенно сильно потому что в одной части, отошедшей по существу к Советскому Союзу, жизнь едва теплилась, а в другой благодаря плану Маршалла и обильной помощи Америки — жизнь процветала. А это ведь тоже не могло способствовать объединению страны разделенной «стеной позора» и штыками красной армии...

Часть Чарли стояла в Мюльдорфе, небольшом провинциальном городке, расположенном в 80 километрах от Мюнхена. В свободные дни солдаты ездили туда, где, конечно, развлечений было и больше и были они пикантнее и веселее. Мюльдорф тоже старался, но кроме пивных, кино и танцулек он ничего дать не мог, а американский солдат любит театр «Бурлеск», «стрип-тизы», бокс, свой футбол и возможность пойти с «легким знакомством» к ней на квартиру. Нет, нравы глухой провинции, даже несмотря на победу Америки, оставались прежними. И отцы города и отцы семейств берегли свои устои, смотрели за поведением дочерей и сыновей и жестоко карали провинившихся — своей родительской властью. В этом немецкий народ, как будто не был побежден, но наличие у победителей всесильного доллара, лишних денег и свободы — даже в рядах армии — делали свое дело. Особенно трудно было устоять девичеству: подарки, угощения, сигареты, американские напитки и сладости — делали свое разрушительное дело и появление среди чисто арийской расы курносеньких и толстогубых негритят — было лучшим тому доказательством. Некоторые солдаты уезжая забирали с собой своих новоявленных жен, особенно негры не желавшие оставлять своих отпрысков в далекой Европе, а некоторые «смывались» даже не оставив адреса...

Чарли писал домой скупые письма, да и причин для волнения о его судьбе не было. Война-то кончилась. А кто же из солдат не погуливал? Одни перебарщивали и попадали в госпиталя, а другие увлекались по настоящему и влюблялись в золотокосых Гретхен и серьезно подумыва-

ли о закреплении большего чувства — браком! А немецкие девушки от одной мысли попасть в Америку прилагали все усилия, чтобы завоевать сердце своего избранника. Цель-то оправдывает средства!

И милый и неискушенный в таких делах Чарли — «напоролся». В небольшом «бирхалле», где американские солдаты коротали свои вечера, в свободное для них время, была юная девушка, которая своей расторопностью, веселой улыбкой и привлекательной наружностью, обращала на себя внимание солдат. Но надо отдать ей справедливость: ни к кому она не благоволила и на приглашение пойти в кино (куда же еще в Мюльдорфе?) отвечала отказом. Когда пивная закрывалась молодую девушку никто не провожал потому что она оседлав свой велосипед, быстренько мчалась домой в Тёгинг, где жила ее мать. Хотя это и не было далеко, но все же было рисковано. В 12 часов ночи ехать проселочной дорогой целый час. Мало ли что могло случиться? Это был риск, но Лизхен даже об этом не думала. Немецкое население присмотревшись к победителям — было в них уверено. И до поры — до времени в Мюльдорфе ничего плохого не случалось.

Романы заводились на добровольных началах. Ну, а результаты? Ну, что-ж — такое время! А вот Чарли обратил внимание на Лизхен. Она краснела от грубых намеков, не терпела похлопывания по заду и давала отпор нагловатой навязчивости кавалеров. А Чарли вел себя по рыцарски и это было замечено и оценено. А однажды, она выходя после работы, увидала его с велосипедом и услышала:

— Лиз, я моіу тебя проводить?

— Но я же далеко живу.

— Тем больше времени мы пробудем вместе и в дороге. — Она согласилась и эти проводы стали если не ежевечерними (он же все-таки солдат), то частыми. В ее выходные дни они бы могли побыть подальше вдвоем, но девушка заявляла, что должна помогать матери по хозяйству. А все же это было не всегда и вот тогда они были целый день вместе и коверкая язык, наслаждались обществом друг-друга. Чарли не задумывался над тем к чему ведут эти частые встречи и проводы любимой девушки. Может быть слово «любимой» он не произносил ни вслух, ни про себя, но к этому шло. Юноша видел, чувствовал и понимал, что Лизхен ему дорога и не задумывался над тем, чем

это может кончиться. Ребята заметили это взаимное увлечение и с солдатской простотой посоветовали:

— Ну, чего тянешь? Больше шоколада, консервов, денег и дело в шляпе!

Чарли только отмахивался. Да и те времена, когда американские солдаты котировались очень высоко у голодающих женщин Германии — давно минули, а сейчас, в данное время, немцы ели значительно лучше, но все-же американские продукты были в ходу и пользовались успехом.

Но у Чарли никогда и мысли не появлялось купить любовь этой милой и застенчивой девушки за деньги. Он чувствовал, что нравится, что ей приятно с ним бывать и это его вполне устраивало. О большем он и не мечтал. Он не был так практичен, как его товарищи, которые «подкрепляли свои чувства» банками, коробками, кульками и зелеными бумажками. Если он приносил своей пассии что-либо для ее матери и сестры, то никаких задних мыслей при этом не было, а девушке было приятно, что она могла привезти домой эти деликатессы от милого ее сердцу человека, не платя за это даже поцелуями. Но знала и чувствовала, что не откажет ему в этакой «мелочи». Для нее было большим и даже неожиданным сюрпризом, когда этот милый и симпатичный американский солдат сказал после первого поцелуя:

— Лиз, ты мне очень дорога и я хотел бы увезти тебя с собой в Америку.

— Как багаж?

— Нет, как жену!

— Ты шутишь Чарли, чтобы обмануть меня? А что скажут твои родители?

— Они будут только рады иметь такого человека в семье, как ты!

— А что я за человек?

— Для меня самый дорогой. Дороже родных!

— Разве так можно говорить?

— Говорить надо, что думаешь и чувствуешь, иначе все остальное будет неправдой и обманом. Но к сожалению люди чаще лгут.

— А почему?

— Так выгоднее, так удобнее и на этом все держится начиная от семейной жизни и до взаимоотношений стран.

Я где то прочел, что человеку дан язык, чтобы скрывать свои мысли.

— И ты такой?

— Да, уж не лучше других, но тебе говорю то, что думаю и чувствую. — Он обнял и поцеловал ее опять. Лизхен ответила; она была счастлива и когда сказала матери, что американский солдат просит ее стать его женой по всем правилам закона и церкви, та заплакала.

— Это значит, доченька, что ты уедешь. Я не могу не радоваться, что ты поедешь в Америку о которой все мечтают и будешь жить, как немецкий народ никогда не жил, но потерять тебя для меня большое горе.

— Для меня это тоже, но с тобой же останется Рези, а я буду навещать вас...

— Да, в начале всегда так говорится, а потом чувства черствеют, жизнь берет свое и разлука наша будет все дольше, все продолжительнее. А когда будут у тебя дети, то и совсем перестанем видеться.

— О, тогда ты приедешь к нам, навестить и посмотреть, как мы живем, в своем доме, со своим автомобилем. Ну, как все американцы. Я знаю, что мы будем счастливы. Я выхожу за него не потому что он из Америки и повезет меня туда, а потому что я его люблю и он меня! Разве, мама это не самое важное в жизни? — Мать обняла свою любимицу и сказала:

— Пусть будет так, дочурка. Каждой матери счастье ее детей — самое главное! И обе заплакали... Когда Чарли заявил свомеу начальнику, что хочет жениться на немке, тот ответил:

— Всякий брак, если он не «брак» — хорош! Сколько тебе еще в армии быть?

— Восемь месяцев и тринадцать дней.

— Ну, вот: жена в постели, а муж в казарме, тоже мало радости. Но жизнь выкидывает свои шутки против которых иногда и возражать не приходится. Так и тут. Дам тебе три дня для медового месяца, которые ты проведешь в доме жены. Свадьбу справлять по всем правилам, там у них. Приглашай меня и своих друзей из твоей части. Мы вас забросаем подарками и пусть немцы видят и знают, что мы не только можем воевать с мужчинами, но можем и завоевывать женщин. Действуй. Родители знают?

— Нет еще.

— Сюрприз готовишь или боишься?

— Да, нет, даже не знаю, что сказать. Отец будет доволен, у нас дом большой — места хватит, ну, а мама может и закапризничает. На всех не угодишь!

— Главное, чтобы не прогадать и быть счастливым самому и дать счастье.

И когда юноша написал домой и пригласил родителей на свадьбу, то каждый из них написал отдельное письмо. Отец радовался, желал счастья и писал, что приехать на свадьбу не сможет — очень много работы, но при приезде молодых, они справят им вторую, большую и торжественную. Мать, сразу же запротестовала. Суть ее письма сводилась к тому, что сын берет немку! У нас-де (писала она) и своих хороших девушек хватает, а тут еще будут трудности с языком. Затем потребовала фотокарточку невесты и закончила тем, что ехать не собирается и, что сын мог бы отложить венчание до приезда в Америку. Торопиться нечего! Кроме того упрекала Чарли в том, что женится на подавальщице из пивной; мог бы найти что нибудь и получше, в Америке!..

Конечно, свадьба была не «настоящая» в том смысле, как это принято считать у обывателя. Венчались в Тёгинге и там же в большом биргалле была устроена пирушка. Народу было много. Пили, ели, кричали, веселились, танцевали. Мать Лизхен сидела рядом со своей старшей дочерью и с грустью смотрела на младшую. Когда же гости разъехались и разошлись, молодожены отправились в дом матери и там на втором этаже провели свою первую брачную ночь. А на четвертый день они вернулись в Мюльдорф. Муж явился в свою часть, встреченный намеками и грубыми шутками, а жена опять пошла на свою работу...

◆ ◆

Получив фото-карточку молодой жены своего сына Эн с удивлением ее долго рассматривала. Подумать только: лицо Лизхен ей показалось знакомым. Ну, не смешно? А Пат посмотрев на фото заметил:

— Ничего, мордочка не плохая, но самое главное, какой характер будет у нашей «тохтер».

Он знал, что так часто бывает, когда невестка и свекровь сразу же становятся во враждебные позиции друг к другу и сколько труда (и подчас напрасного) затрачивает сын, чтобы мирить мать со своей женой и создавать в

доме видимость мира и благополучия. А ведь молодые по приезде должны были поселиться у них. Пат уже сейчас начал думать о том, чтобы сын с женой жили отдельно, хотя Эн и не возражала о совместной жизни, но муж, зная характер Эн, не верил в благополучный исход мирного сожительства.

А время шло, время бежало и наступил день, когда до приезда Чарли с женой остался ровно месяц. На втором этаже своего дома родители оборудовали детям спальню и вторую комнату так, чтобы было им просторно, тем более, что и сын и невестка планировали сразу же поступить на работу, пока нет детей. Родители поддерживали эту идею, причем Пат искренне, а Эн просто не хотелось, чтобы эта немка торчала у нее перед глазами целый день и приставала к ней, ломая язык, с ненужными разговорами. Что не говори, а чувство ревности (а что же еще?) за то, что та отняла у нее сына, у Эн было. Да и у редких матерей его нет... Встреча была на аэродроме, куда Пат и Эн приехали с цветами на новой машине. Целуя свою свекровь Лизхен ласково и нежно сказала:

— Здравствуй, мама! — а Пат обнимая невестку, добавил:

— Милости просим, тохтер. Все готово к вашей жизни в Америке!

И поехали, причем мать и сын на заднем сиденьи, а Пат с «тохтер» — впереди. Он изо всех сил старался вспомнить те немецкие слова, что когда-то ему приходилось говорить в Германии и украшал ими свою беседу с Лиз, которая коверкая и ломая слова пыталась говорить с ним по английски. Оба много смеялись своим ошибкам и почувствовалось с первой встречи, что у этой пары установятся хорошие отношения. А на заднем сиденьи больше говорила мать. Она упрекала сына за выбор чужеземки, в то время, как в Америке было бы все и лучше и удобнее.

— Мама, — сказал Чарли, гладя ее руку — от судьбы не уйдешь. Так и я. Значит суждено и я ничуть не жалею. Я люблю Лиз! — и мать замолчала.

Лизхен сразу же пошла работать в кафе, куда ее пристроил Пат, по знакомству. Оно было полунемецкое и немецкий язык там превалировал. Новую приняли там хорошо и она была страшно довольна работой, а посетители были в восторге от ее произношения и путаницы в словах и понятиях. А Чарли решил (для начала) помогать

отцу тем более, что работа ему нравилась и давалась. Он сознавал, что если его отец настоящий художник в своем деле, то он только ремесленник, но способный и подающий надежды, по словам отца. Жизнь потекла ровно и гладко для постороннего глаза, но Эн чувствовала, что эта наивная «тохтер» всех располагает к себе своим миролюбием, веселостью и умением трудиться, как на работе, так и дома, независимо от того, что это за труд: тяжелый или легкий, чистый или грязный. Все она делала с улыбкой. И эта улыбка раздражала Эн, которая чувствовала угасание своей привлекательности и тяжесть наростающих лет. А Пат, наоборот, воспрянул духом увидя молодую поросль около себя. Он всячески старался обрадовать сына и его молодую жену, чтобы они чувствовали себя в его доме и хорошо и приятно. А Эн уже начала поговаривать, что было бы не плохо если б «квартиранты» съехали.

— Она мне действует на нервы своей подвижностью и болтливостью.

— Да, когда же ты их видишь? Только в субботу и в воскресенье сына и в воскресенье и понедельник «тохтер».

— Да, но ты даешь выходной день Чарли в понедельник тоже.

— Ну, так это же, ведь сын, не чужой человек. А вот у меня еще явилась идея — сделать им подарок к будущему лету, к их отпуску.

— Что там еще?

— Я хочу купить им «трэйлер, — прицеп к автомобилю, чтобы они со своим «домиком» могли попутешествовать по Америке и посмотреть ее по настоящему, если мы с тобой не можем из за моей занятости. А может быть ты с ними поедешь?

— Сумасшедший, разве это будет отдыхом для меня?! Лучше я одна поеду к морю.

— Знаю, знаю. Меня то ты не позовешь.

— А кто же будет выполнять заказы? — Пат не ответил и ушел. Да, никогда за их совместную жизнь, не звала его Эн бросить хотя бы на недельку свою мастерскую и поехать на отдых к воде, к солнцу, к свежему воздуху. А сама ездила и не раз. Об одном случае он не хотел бы и вспоминать. Пусть она думает, что он не знает. Зачем бередить прошлое, тем более, что он теперь наверняка знал, что она с тем человеком не встречается. А о причине разрыва он и не задумывался. Спасибо и на этом.

11. УДАР СУДЬБЫ.

Ну, конечно, как и полагается, все в Лизхен не нравилось Эн. А та, бедная, старалась угодить изо всех сил своей строгой свекрови.

Оказалось, что за время пребывания в Германии Чарли полюбил всякие немецкие «кнэдли», плавленные сыры, пиво и шницели и жена старалась для него их готовить т. к. когда-то учила ее мать. Появление двух хозяек у одной плиты никогда добром не кончается. Так и тут. Эн заявила:

— Помимо того, что она готовит всякую гадость, так один запах доводит меня до тошноты. Пат, ты должен принять меры, пока я ее не выгнала из кухни!

— Пойми, что она это делает не для себя, а для сына. Кроме того, как я заметил Лиз старается пользоваться кухней, когда тебя там нет, а если в их выходные дни наш сын хочет поесть, что либо по его вкусу, кстати и я не прочь, то не будешь же ты этому мешать?

Ну, что могла сказать Эн на эту логичную фразу? Хлопнуть дверью и крикнуть:

— Все вы тут онемечились и я уже чувствую себя здесь лишней!

Ее нервы начали сдавать окончательно и она видела, что эта девченка завоевала сердце и ее мужа тоже. До сей поры Пат ей был нужен, как человек создававший материальное благополучие, а теперь уже хотелось, чтобы и сын и муж ставили ее выше Лизхен. А что она для этого сделала? Да, ничего. А самолюбие и оскорбленная гордость только озлобляли ее. И когда она резко разговаривала с Лиз или же просто не отвечала на ее вопросы и обиженная жена Чарли молча уходила и иногда со слезами на глазах, Эн испытывала чувство радости. Но у нее хватало ума при сыне и муже вести себя сдержаннее. Все равно атмосфера была нездоровой и все это чувствовали. Как-то Пат сказал жене:

— А знаешь, дорогая, ты несправедливо сердишься на Тохтер — она вспыхнула.

— А может, мне съехать, жить отдельно и приходить к вам обедать на ненавистные «кнедли» и гороховый суп. Я могу! Я вижу, что я не нужна. Вам и втроем хорошо. Да и ты уже слишком внимателен и любезен с женой сына. Это даже некрасиво, если хочешь знать!

Может быть она была права. Уж очень хотелось Пату создать для Лиз хорошие условия жизни в чужой семье; ей оторванной от своих близких и родных и брошенную в далекую и непривычную ей Америку! Ведь, в конце концов, это жена их сына. Они должны в его интересах обращаться с ней по человечески и дать ей новую семью взамен утерянной. Должны, конечно! А вот Эн этого не хотела понимать. А может быть и понимала, но вид сидящего за столом сына, весело разговаривающего с Лиз, а с родителями перебрасывающимся только малозначущими словами — выводил ее из себя! А раз было так: в воскресенье, когда собирались есть второй завтрак, в 12 часов дня, обе женщины были на кухне, а мужчины играли в шахматы, Лиз хотела приготовить для мужа новое блюдо по рецепту присланному ей матерью. И вдруг она вбежала в комнату со слезами, крича:

— Чарли, она меня выгнала! За что?! — и побежала наверх, к себе.

Следом ворвалась разъяренная Эн.

— Она слишком много о себе воображает! Хозяйка в этом доме я, а не она! Слишком рано вообразила она себя хозяйкой...

Что же случилось? Оказалось, что большая конфорка электрической печи, как раз была нужна «тохтер» для нового рецепта, но Эн решила жарить яичницу с салом и тоже на этой конфорке, на сковороде. Попробуйте помирить! И как это ни странно и сын и муж стали на сторону Лиз.

— Она наша дочь, она наша гостья, она молодой член нашей семьи, она жена сына...

— Мама, ты не права. Ведь Лиз всячески старается тебе угодить. Я это вижу, а ты..

Эн хлопнула дверью, вскочила в машину и уехала. Ее никто не удерживал, а Чарли привел молодую жену вниз и они втроем прекрасно «отзавтракали» новым блюдом «тохтер». Она сияла, она была радостна и болтала без умолку. Пат с нежностью смотрел на нее и умилялся. Вот, если бы Эн в свое время захотела, то и у них была бы такая дочь...

Он никогда не заходил к детям в комнату. Эн чаще. Ее все интересовало, но придраться она не могла. С чисто немецкой аккуратностью «молодая» убирала обе комнаты, укладывала постель (уже появилась немецкая перина) и

когда убегала на работу, все было чисто, все было прибрано и нигде ничего не валялось. Как-то Чарли пожаловался отцу, что у него во второй комнате — не в спальне, — где они часто сидели, читали, смотрели телевизор и слушали немецкие пластинки — моргал свет.

— Папа, ты проверь. Лампа в порядке, а вот...

И отец поднялся однажды днем туда. Да, лампа мигала. Но оказалось, что все пустяки: один из проводов отстал от винтика и когда Пат его закрепил — все вошло в колею. Отец с удовольствием оглядывал гостиную молодых. На стенах виды Рейна, Баварии. Портреты Цары Леандр, Гейнца Рюмана, Марлены Дитрих, Вейсмюллера-Тарзана и еще каких то знаменитостей. А на комоде несколько фотографий в рамках из ракушек. Там была и Лиз с Чарли и каждый из них в одиночку и...

Нет, нет! Он не ошибается! Это же портрет Эльзы с Рези на руках. Потом она же с Лизхен на коленях. Потом она же с двумя дочерьми, потом обе дочери без матери. Фото Франца не было. Но Эльза! Эльза! Как же это судьба так распорядилась, что сын женился на дочери женщины, которая когда-то была ему близка и даже дорога?! Ведь вот, какая ирония! Породнились? А знает ли Эльза за кого вышла замуж ее дочь? Знает ли Эльза чей сын стал мужем ее дочери? Как же так? Почему? Ведь только тем, что она никогда не спрашивала его фамилии и он не дал ей уезжая своего адреса, а сам тем более этим не интересовался, только этим можно объяснить эту нелепую житейскую путаницу! Да, да, это несомненно она, та Эльза, которая так горячо его полюбила, а он с такой легкостью с ней расстался... Держа в руках фотографию, Пат сел в кресло и задумался. Удивительное дело человеческая память. Все, как в кинематографе проносилось перед ним, все воскресло, все то, что казалось навсегда забытым. Он видит себя пилящим и рубящим дрова, разгружающим мешок с консервами... Вот они оба в кино, даже картину вспомнил. Потом ёлка для детей э... Тёгинга. Горячие ночи в холодной спальне, под теплой периной и слова Эльзы, которых Эн никогда ему не говорила... Да, она любила его, эта женщина. Это несомненно...

Осторожно, чтобы не раздавить ракушки, Пат вытащил карточку из рамки. С какой бы радостью он взял ее с собой и носил бы в бумажнике. Да, это его Эльза с малой

Лизхен на коленях. И он перевернул фото. Там синим чернилом было написано «когда Лизхен было полгода» и дата. И дата! Пату не нужно было быть большим математиком, чтобы сказать себе: — Лиз родилась тогда-то, а я уехал тогда-то! Так, что же получается?! Он почувствовал, что его лицо заливает горячая краска и стала мокрой спина. Да, не может быть?! Нет, может быть! Эльза держала на руках его, их дочь!! И в эту минуту вошла в комнату Лиз.

— О, папа, вы пришли, чтобы посмотреть, как мы живем с Чарли?

— Нет... Да... Я поправил лампу — отвертка в правой руке была доказательством. — Это твоя мама?

— Да, а это старшая сестра Рези, а это моя дорогая мама Эльза.

Ну? Стоило ли еще спрашивать?! Разве не ясно, кто стоял перед ним? Недаром, как то в начале, после приезда, Эн сказала:

— А знаешь, она немного на тебя похожа.

Он тогда не обратил внимания на ее слова. А теперь? Растерянный и потрясенный смотрел Пат на свою дочь. Тохтер! Вот тебе и «тохтер»!

— Папа, что с вами? Вы теперь очень побледнели — забеспокоилась Лиз.

— Э, ничего, немного закружилась голова.

— Идемте завтракать. И Чарли пришел.

— Да, да, я иду, я прийду. — И осторожно положил фото и рамку на комод. Но пошел в спальню и лег. Когда Чарли поднялся за ним, он ответил:

— Мне нездоровится, голова болит, — кушайте сами. Я и работать не буду. — Боже мой, что же делать?! Значит его сын женат на его дочери, на своей сестре?! Разве это можно? Разве так живут? Неужели это ему наказание послано за то, что он когда то изменил своей жене? Так ведь так поступает половина человечества. Это слишком жестокое возмездие за его поступок. Сказать им? Сказать Эн? Ну, хорошо. Он скажет жене. И что же будет? Она с торжеством расторгнет этот брак. Лиз с разбитым сердцем вернется домой, в Германию. Эльза, бедная Эльза будет считать, что во всем ее вина и ее наказал Бог за ее преступление. Чарли будет в отчаянии. Эн, кроме всего этого будет упрекать его в распутстве... И все будут несчастны. А если он скажет только Лиз? Как она поступит?

Уедет, взяв развод? И не сказав причины? О, нет, она не сможет! Она скажет. И какова будет реакция жены и сына?! Пат чувствовал, что он попал в такую петлю из которой он не сможет вынуть свою голову. Он и ночь не спал решая эту тяжелую для него задачу. Но решение не приходило. Покончить жизнь самоубийством? Но все равно же это откроется потом. К его нездоровью Эн отнеслась равнодушно. Только к утру, на рассвете — он уснул. И проснулся с твердым решением, вынесенным во сне:

— Молчать!

Пусть жизнь идет дальше так, как она идет сейчас. Все будут спокойны и только одна большая глыба свершившегося несчастья ляжет на его совесть. Он ее понесет, но не нарушит счастья сына и «тохтер».

Все заметили, что Пат помрачнел, осунулся, стал менее разговорчив и из всех только Тохтер высказывала беспокойство о его здоровье.

— Папа, а почему вам не сходить к доктору? Вы же больны, это видно.

— Нет, нет, ничего. Это пройдет. Я просто переутомился.

А Эн даже и не спрашивала его. Ее томили другие думы. Она ясно видела, как приходят годы увядания, а потом и старения. Это ее особенно мучило, а тут еще эта молодая, свежая, ненавистная ей немка.

А когда пришло лето Пат сдержал данное себе слово и купил детям «трейлер», чтобы они могли поехать в домике на колесах и посмотреть хотя бы часть великолепной и разнообразной природ ыАмерики. Он никому не говорил, куда он отлучался по воскресеньям, но он ездил по этим фирмам, где эти волшебные комфортабельные домики продавались. Бывали и новые и подержанные. Он остановил свой выбор на новом, но который надо было цеплять к автомобилю и ехать. А уж на выбранном туристом месте, домик превращался в дачу с небольшим тентом у задней двери и выносными креслами и столиком. Все это легкое и портативное. Но душевная тяжесть не уменьшалась. Это очень угнетало его. Он прекрасно понимал неправильность принятого решения, но чувствовал, что на большее он не способен. Трусость? Нерешительность? Боязнь? Может быть все вместе. В одно из воскресений он повез сына и Лиз смотреть этот «трейлер». Эн со злостью сказала, что она таких трат не одобряет и не

поехала. Чарли, конечно, имел представление, что это за подарок, а для Лиз все это было и интересно и загадочно. Вошли во внутрь и Пат начал объяснять. Она только ахала и всплескивала руками.

— Вот — говорил он — это маленький умывальник, а это душевая кабинка, а около малюсенькая уборная. А вот тут, в углу, газовая печка на две конфорки, а на стену можно вешать переносную лампу, она тоже газовая. Ее же можно выносить наружу, когда вы вечером где-то остановились. А это хотя и потолок, но над ним (вот лесенка) два матрасика, одеяло и подушки. Это спальня на двоих, если в поездке вы где то остановились (кстати на ходу в трейлере быть воспрещается) а во дворе похолодание — вот эта ручка поворачивается и идет теплый воздух из под грелки, что пристроена внизу трейлера. Это шкафчики для продуктов, а это шкаф для одежды. Вот маленький рефрижератор для напитков, мяса, масла и так далее. Ну?

— Папа — прыгнула ему на шею Лиз — и это наше с Чарли? Мы можем с ним поехать куда хотим?

— Да, это мой вам подарок. Получите отпуск и уезжайте хоть на месяц.

— Чарли — кричала Лиз — почему же ты не целуешь нашего папу за такой подарок?! и она бросилась целовать отца. Продавец стоял и улыбался. Такой непосредственной радости он давно уже невидел у покупателей. Больше было капризов, да придирок и жалоб.

— Мы его сейчас заберем, чтобы не продали?

— А может ты хочешь посмотреть другие?

— Нет, нет. Больше я ничего не хочу. Только этот. Я знаю, что мой папа для своей тохтер плохого не выберет!

Каково было Пату слышать эти слова?

Домик прицепили к их автомобилю и они его отбуксировали к себе домой. А когда входили в дом Лиз сказала:

— Единственная благодарность, которую я могу принести моему отцу — это будет внук! — Пат посмотрел на Чарли.

— Нет еще, папа, но мы мечтаем об этом.

— О, Господи, вот мука — подумал Пат. Эн даже не вышла посмотреть на покупку. Ее ненависть к невестке приобретала просто угрожающие размеры. Она требовала от мужа, чтобы он купил детям дом, они съехали поскорее! А Пату пребывание детей в доме было единственной

отрадой, так, как Эн стала совсем чужой и нелюдимой. Ей казалось, что ея гордость проявленная в отношениях с Джэксоном, ей же и повредила. Позвони она ему еще раз и еще раз и он бы не устоял. А может быть надо было пойти в контору. Она до сих пор вспоминала «под балдахином» и злое чувство к той, которая сейчас заняла ее место — а разве может быть иначе? — еще больше мучило ее. Морщинки, предательское доказательство перезрелости — она боялась другого слова — были лучшим доказательством старения. Только тщательный уход за лицом, применение мазей и косметики, закрывали на день то, что отчетливо и ярко было видно по утрам. Она крепко подумывала о пластической операции. А для Пата она оставалась все такой же привлекательной и желанной. Но характер Эн сделался просто ужасным. Она вспыхивала, кричала, плакала... Пат сознавал, что если бы убрать с глаз жены Лиз, то положение бы облегчилось. Но так не хотелось лишаться этого звонкого голоса, этих добрых глаз и этого теплого к нему отношения... его дочери. А раз когда он стоял в кухне, грея себе еду, Тохтер вошла, обняла его и сказала:

— Мы, с Чарли видим, что у вас какие-то неприятности. Вам тяжело одному, а со своими детьми вы поделиться не хотите. А стало бы легче. Она обняла его и когда поцеловала, то увидала на глазах отца слезы. Появившаяся в дверях Эн, крикнула:

— Ступай к себе! Уходи отсюда! — и когда та ушла, продолжала. — Ты, что думаешь, я не вижу? Я вижу, что ты влюблен в жену Чарли. Я вижу, как вы любезничаете. Да и она льнет к тебе!

— Эн, что ты говоришь? Опомнись!

— Нет, это ты опомнись! Я все прекрасно понимаю!

Вот какая атмосфера была в доме О'Конноров. Где же выход?!

12. ТРАГЕДИЯ.

И молодежь поехала путешествовать. Лизхен очень хотелось быть внутри трейлера и все готовить к ближайшей остановке и отдыху. Так, чтобы Чарли вышел из автомобиля, а еда уже готова, все сварено, сжарено, все свежее и все вкусное. Только садись, бери в руки бокал

холодного пива и начинай завтракать или ужинать. Но закон — есть закон. «Ферботен»! Это слово хорошо известно дисциплинированному немецкому народу. Конечно, Лиз было приятно и радостно сидеть рядом с мужем и, болтать о всяких пустяках и любоваться озерами, реками и лесами огромной родины Чарли. Теперь она и ее родина! А все же ей больше всего нравилось на привале играть роль настоящей хозяйки, со своей маленькой кухней, уютной спальней на потолке и бодрящим душем в кабинке для купанья... Они по настоящему наслаждались поездкой, а еще чтобы угодить жене, Чарли купил радио и специальный аппарат играющий на кассетах и из немецкого магазина в Нью-Йорке выписал много песен, романсов, «йодль» и классической музыки. Лиз держала на коленях этот аппарат (он работал на баттареях) и только меняла кассеты. Ну, как не любить такого заботливого мужа и его отца. Они изо всех сил старались скрасить ее жизнь на чужбине. Да, нет, ей было бы хорошо если бы не Эн. Все попытки наладить хорошие отношения с муттер ни к чему не приводили. Она не прощала Лиз «кражи» сына. Ах, сколько таких матерей на свете! А сейчас она была с любимым человеком вместе и могла, если бы хотела ставить кассеты на немецком языке хоть целый день и кушать «кнэдли» ежедневно. Разве это не все? Вот жизнь! Не надо бегать с подносом, выслушивая шуточки и намеки посетителей кафе...

Правда, спаленка их в трейлере уж очень мала для тех кто хочет пошалить и повозиться, да и крыша за день нагревается, хотя и есть окно. Но все равно хорошо! Хорошо! И в этой поездке Лиз уговорила мужа уйти от родителей.

— Пойми, Чарли, что я люблю твоего отца. Он все готов сделать для нас, для людей, для жены и ничего для себя. Есть еще такие люди на свете, он вроде моей мамы, но твоя мама больной человек, она нервная, злая. Я не знаю настоящей причины, но тут и ревность тоже.

— Ревность? К кому? Какая?

— Ко мне. Ведь ты уже мой, ты принадлежишь мне. А твой отец так старается чтобы всем было хорошо, а ему, бедному, не везет в личной жизни. Твоя мама придирается ко мне на каждом шагу, а может быть, что я еще и немка, к тому же. Мне еще кажется, а это уже совсем смешно, что она и отца твоего ревнует.

— Ну, уж это ты скажешь!

Я была бы рада ошибиться, но женщины в этих вопросах особенно чутки и понятливы. Зачем же нам отравлять жизнь твоей мамы? Купим небольшой домик и... О, а если будет ребенок, то мы все равно не сможем жить наверху, рядом со спальней твоих родных. Ребенок будет мешать твоей матери, а всякие его слезы и возня с ним еще больше расстроят твою маму. Пока мы оба работаем, мы сможем выплачивать за домик. Небольшой, ну хоть четыре комнаты с садиком, где бы малыш бегал. И мы около него после работы. Разве плохо? Мы никому не мешаем и нам. Чарли соглашался, что это хорошая идея и был уверен, что отец поможет.

Штаты Орегон и Вашингтон особенно пришлись по душе Лизхен. Они напомнили ей ее Баварию, с ее горами, озерами и альпийскими лугами усеянными эдельвейсами и горными цветами, среди яркой и сочной травы. Снежные вершины и почти рядом, внизу прекрасные пляжи и лодки всех видов и размеров. По дорогам, в горах, туристов встречали не боящиеся серны, а иногда выходили на автодорогу попрошайки-мишки, останавливая машину поднятой лапой и выпрашивали подачку, которую испуганные туристы выбрасывали через чуть приоткрытое окно. Восторгу неискушенной и наивной в своей простоте Лиз, не было предела. Все накопившиеся за это время огорчения, потускнели и перестали казаться важными. Мысль, что она избавится от презирающих, а то и ненавидящих взглядов свекрови — радовала и бодрила Тохтер. Она не хотела огорчать мужа и не все ему рассказала о столкновениях с его матерью, но один эпизод был особенно болезнен и незабываем. Было так: она жарила на кухне рыбу, готовясь ее сделать по немецки, а в это время вошла Эн.

— Это, что еще за запахи?! Что это воняет?!

— Я жарю рыбу и хочу ею вас всех угостить...

— Никому это не нужно. Мы американцы и едим то, что нам нравится и к чему привыкли: хороший гамбургер или горячий «стэйк» с жареным картофелем или яичница с «бэконом». Вот это еда!

— Но вы же еще не пробовали рыбу по моему рецепту?

— Не пробовали и не будем. Нам это не нужно!

— Но Чарли и папа сказали, что они с удовольствием попробуют..

— Теперь попробуй сама! — и с этими словами Эн схватила сковороду, на которой жарилась рыба и опрокинула ее над мусорным ведром.

— Что вы делаете? Ведь это же деньги стоит?!

— Не на твои деньги куплено! — повернулась и ушла. Лиз присела в кухне на стул и беззвучно заплакала. В это время Пат вошел и увидел ее слезы.

— Тохтер, что с тобой? Кто тебя обидел?

— Нет, нет, никто. Я сама себя обидела.

— О, я вижу, что опять что-то случилось? — он присел на другой стул и стал гладить ее по спине и успокаивать. — Эй, а где же рыба?

Лизхен молча указала пальцем на ведро.

— Эн?! — воскликнул Пат.

— Да — ответила она плача.

— Какая она дура! — воскликнул он сердито. И надо было, что как раз в этот момент вошла Эн.

— Ах, я уже дурой стала?! — закричала она зло. — У сына же отбиваешь ее, а сам...

— Вон отсюда! Вон! — рванулся Пат к Эн. Никогда в их жизни он еще не кричал на жену, а наоборот с явным послушанием и покорностью всегда выслушивал ее упреки и язвительные замечания, а тут вдруг... Эн испуганно выскочила из кухни еще более уверившись в своей «правоте», хотя в глубине души она была уверена в честности мужа. Обо всем этом Чарли не знал, но Лиз решила приложить все усилия и уйти от ненавистной женщины.

А пока молодежь развлекалась и отдыхала, — обстановка в доме Пата становилась все хуже и хуже. Эн не стесняясь упрекала мужа в увлечении женой сына и когда тот возмущенно говорил, что ему жаль Тохтер, которую Эн не стесняясь травит, забывая о том, что если Лиз жена сына то ее надо поддерживать, любить и создавать все условия, чтобы дети видели заботу и любовь родителей.

— Знаю, знаю эту мужскую заботу. Когда я работала в управе, в кафетерии, так там, вы нас кельнерш так жалели, что всегда искали встреч, чтобы «утешить». И эти упреки и незаслуженные обвинения довели Пата до того, что он окончив работу — которая уже не увлекала его, превратив в простого ремесленника — уходил в какой нибудь ресторанчик, где обедал и читал газету. А дома бесилась Эн. А потом Пат вспомнил, что у него есть еще одна отдушина — таверна.

И опять пошел в ту, где когда-то встретил Дорис. Представьте его удивление — она была там! Немного постарела, но весело щебетала, сидя на высоком стуле, у стойки. Тусклый свет и неяркое освещение скрадывали ее недостатки, но Пату не видевшему Дорис больше года, она показалась подавшейся, усталой и окончательно «вышедшей в тираж». Он даже не сел у стойки, чтобы не встретиться с ней, а занял столик напротив телевизора и сидел потягивая пиво, успокоенный всеобщим разговором. Все говорили, все рассказывали, все делились своими заботами, хвастались своими достижениями и жаловались на неудачи... Но в этой атмосфере все казалось легче и проще. Алкоголь делал свое дело. Но Дорис увидев Пата с такой искренней радостью бросилась к его столику, что ему даже стыдно стало. Она расспрашивала Пата о его жизни, а о себе сказала кратко:

— Ничего не изменилось за это время. Человека который бы заменил мне тебя я не нашла. Я даже не знаю, Пат, чем ты меня взял. Но вижу и по сей день, что ты и хороший и честный и попрежнему мне дорог.

Из таверны Пат поехал к ней домой. Все было без изменений. Они сидели и долго разговаривали и он опять убедился, что женщина говорила ему правду; столько в ее словах было сердечности и заботы. Но самое главное — свою огромную душевную драму — он не открыл ей. Да, он и решил, что скорее умрет, чем кому либо скажет, что «тохтер» его дочь!

— Я вижу, — сказала женщина, везя его домой — что ты очень несчастлив, Пат. Что жизни у тебя дома нет. Но и чувствую, что тебя гнетет что-то такое, что даже я с моей любовью не смогла бы тебе помочь! Да?

— Да — кратко ответил он ей — но и я вижу, что ты редкий человек, Дорис. Может быть, если бы мы с тобой встретились лет 20 назад, мы бы были счастливы по настоящему. Но жизнь расправляется с нами по своему.

◆ ◆

Эта остановка была в штате Вашингтон, у озера Иссакуан. Был удивительный летний вечер. Чарли решил, что не стоит останавливаться в лагере, где обычно ставятся все трейлеры и тогда им подается и ток и вода и к их услугам прекрасно оборудованные уборные. Остановки на ночлег там стоят буквально гроши и многие живут

здесь по 2-3 недели т. к. близко озеро, пляжи, лодки и лес. Так люди проводят свой отпуск не двигаясь никуда. Минусом жизни в таких лагерях является скученность, шум и крики детей, лай собак, вопли телевизоров и радиомузыка. Но многие идут на это ради детворы, которая целые дни проводит на пляжах, купается, загорает и радует родителей своим здоровым видом и жизнерадостностью. Потом все грузятся и отправляются домой к работе и жизненному распорядку нарушенному за эти 2-3 недели.

Чарли решил свернуть с главной дороги на узкую, ведущую к озеру и тут переночевать. Здесь было так божественно тихо. Над водной гладью всходила огромная луна. Блестящая лунная дорожка украшала озеро своими бликами, слегка волновавшееся от легких едва заметных порывов ветерка. Сначала решили искупаться, а потом поужинать и спать, чтобы утром, пораньше тронуться в дальнейший путь, по дороге домой.

Вода у берега была черной и неприветливой. Да, может быть там было и глубоко тоже, но Лиз хорошо плавала и не боялась. А в трейлере уже лежал на сковороде горячий зауербратен, которым они поужинают, а потом залезут на свой потолок, откроют окно и спать. Пока Лиз плавала Чарли услаждал ее слух из радио, работавшим на баттареях. Вылезая из воды Лизхен дрожала.

— Ух, холодно. Прийдем в домик и ты меня согреешь. Окей? — как хорошо — продолжала она — знать, что никто нами не командует и что мы можем делать, что мы хотим. Правда, либлинг? А завтра утром мы выкупаемся оба и бодрые, веселые сядем завтракать, да еще под музыку! Потом я поставлю марши и мы тронемся в наш дальнейший путь. Ты хочешь так?

— Я все хочу, что хочешь ты, дорогая — и он поцеловал мокрые волосы жены. И когда они подошли к своему откидному столику их ожидал неприятный сюрприз. Там сидели гости и ели их ужин. Да и даже бутылки пива достали из холодильника.

— О — обрадовались гости — а мы думали куда это вы девались? Даже волноваться начали. Садитесь, будем ужинать. — Недалеко стояла старая, обшарпанная машина зеленого цвета, а ее хозяева, негр и значительно старше его, белый, с рыжими волосами и неприятным лицом пожирали немецкую кулинарию. Сердце у Чарли екнуло,

а Лиз испуганно к нему прижалась. Рыжий встал и сказал сурово:

— Что там у вас еще осталось? Ветчина, колбаса, сардины? Все тащите сюда. Да не тяните! Поворачивайтесь живее. Эй, ты хозяйка, бегом марш!

Лиз посмотрела на Чарли и тот кивнул. Она побежала и вынесла в охапке все, что подвернулось под руку, включая мороженное и орешки.

— Ну, вот так-то лучше! — и гости перестали обращать внимание на хозяев. Негр сказал приятелю:

— Отнеси в машину все их продукты. Пригодится. А они себе купят!

Чарли сейчас думал только об одном:

— Ограничатся ли они только едой или протянут жадные руки к его жене? Если сказать ей, чтобы она убежала, так она побоится одна, а убегать обоим оставив все на расхищение грабителей, ему не приходило в голову. Да, может быть они и не так уж опасны?

— А кроме пива ничего нет, покрепче? — сказал черный.

— Нет — ответил Чарли — это все.

— Посмотрим — ответил тот и встал, — на револьвер и держи их на мушке, чтобы они не убежали — рыжий положил оружие на стол и взялся за еду.

— Эй — раздался голос из трейлера — пошли ка сюда женщину — я кое-что нашел.

— Иди — скомандовал рыжий — тебя зовут.

— Я не пойду — смело сказала Лизхен.

— Ну? — удивился рыжий — а я хлопну из револьвера твоего друга и ты нам целиком достанешься. Нам терять нечего.

А над озером сияла луна, вода мирно плескалась о берег. Мимо — по главной дороге мчались машины и никто в них не знал, что здесь нужна помощь и защита. А если б знали — остановились бы? Нет, не те времена.

Услышав эти слова Лиз взглянула на Чарли, а он молчал. Чарли понимал, что если он кинется на грабителя, то столик между ними помешает ему схватить руку с револьвером и белый успеет нажать курок. Значит? Значит... И он кивнул. Что он мог сделать? И Лиз пошла, опустив голову.

— Эй — раздался в трейлере веселый голос — пришла? А это что? — было слышно, как звякнула бутылка

— думали не найдем? Или сами забыли? Черри-бренди — хоть и сладкая штука, но достаточно крепкая. Садись! — и белый тоже приказал Чарли сесть за столик. Теперь он мог рискнуть схватить револьвер и тогда уж... Ах, с какой охотой он выпустит все пули в этих негодяев. А в трейлере шел разговор.

— Давай стакан, угощайся. — Слышно было как булькало разливаемое по стаканам вино и звон стекла. Слух у Чарли обострился до предела.

— Господи, одна секунда! Одно мгновенье и... Решиться? Броситься? Да, даже и не бросаться, а только схватить револьвер. И в ту секунду, когда это было решено рыжий опустил руку с оружием к себе на колено, под столик. Момент был утерян. А в трейлере было слышно, как наливалось брэнди, как люди чокались, но говорил только мужчина.

— Чарли — молила про себя Тохтер — Чарли, где же ты? Я же погибну, Чарли!

А мужу даже показалось раз, что Лиз там засмеялась, в трейлере.

— Боже мой! В такое время смех?!

— Ну, пошли наверх — раздался пьяноватый голос, — покажи, как вы спите. Удобно? Иди, иди, дура, а то хуже будет!

Чарли слышал, как насильник с его женой, поднялись в их спаленку. Белый нагло улыбался. Теперь Чарли услыхал голос Лиз, ее молящий голос:

— Нет, нет. Пожалуйста, нет! Чарли! Чар... — и ее рот был закрыт ладонью или губами грабителя. Будь, что будет! Муж вскочил и в тот же момент удар рукояткой револьвера по голове, привел его в себя.

— Дурак, куда торопишься? Или хочешь, чтобы мы ее с собой захватили?

Чарли тронул рукой болевшее место надо лбом и даже при тусклой лампе было видно, что его рука в крови. Ему казалось, что он сейчас упадет и потеряет сознание; он взял со стола бумажную салфетку и положил ее на рану. Жуткое время издевательства над душой и телом его жены тянулось страшно медленно. Наконец, белый крикнул:

— Эй, Джо! Заснул что-ли? Пора ехать.

— Иду, иду — отозвался ленивый голос и было слышно, как он спускается по скрипящей лесенке. Выйдя на

воздух он вытер вспотевшее лицо.

— А ты? Пойдешь к ней?

— Нет — ответил лохматый и обратился к Чарли, доверительно — после него?

— Окей, поехали. Продукты погрузил? Тогда все в порядке — и черный с насмешкой добавил, глядя на Чарли. — Спасибо за угощение!

Их мотор сердито захрипел, закашлял и старая машина вырулила из под деревьев затихшего леса, на главную магистраль. Луна равнодушно обливала своим светом водную рябь; вершины деревьев от ласкового ветерка шевелили ветками. В природе все было без перемен. Держа руку на раненой голове, Чарли ждал появления жены. Он знал, что он туда не пойдет, а она выйдет. Выйдет обязательно. И она вышла. Растерзанная, заплаканная и... пьяная. Она улыбалась... Что было в этой улыбке? Жалоба? Просьба? Мольба о прощении? Да, разве она виновата?! Ее глаза с нечеловеческой мукой смотрели на мужа, а улыбка, кривая, кривая и ненужная, не сходила с ее лица... Чарли крикнул:

— Иди в трейлер, закройся и потуши свет. Жди меня. Я еду следом за ними и дам знать полиции.

— Но возьми же меня! Мне страшно здесь! — но он ничего не ответил и бросился к машине. — Чарли не оставляй меня одну, не оставляй!!

— Ступай в кабину. Сиди и жди меня! Поняла? — и в голосе ее любимого зазвучали нотки отчужденности, холода и злобы. Это был уже не тот Чарли, которого она знала какой нибудь час тому назад. И он уехал.

Добравшись до городка того же названия, что и озеро, Чарли из телефонной будки позвонил шерифу и рассказал, что произошло. Тот ответил:

— Заезжайте к нам и мой помощник запишет все, что вы говорили, а я с полицейским выезжаем в погоню и даем знать о них по радио.

Чарли так и сделал, а потом вернулся к Лиз. Она не пошла в трейлер, а сидела за столиком, где в беспорядке была разбросана еда и бутылки.

— Собирайся, едем домой скорее — и больше он не разговаривал.

— За что? — чувствуя себя виноватой, думала Тохтер, но молчала. Она не пыталась разговаривать. Они поехали. Лиз варила еду, они ели, но все делалось молча и

отчужденно. Дорога домой заняла еще два дня. Чарли спал наверху, а Лиз спала внизу на стульях. Одно, что он признал правильным это просьба жены не рассказывать об их трагедии ни отцу, ни матери. Он понимал, что мать и тут найдет вину у Лиз, а отец очень расстроится, узнав об этом. Да и не к чему эта излишняя откровенность. Так и доехали. Но достаточно было им войти в дом, как родители поняли, что что-то случилось, но... не расспрашивали. На другой же день Чарли позвонил шерифу и тот ответил, что бандиты пойманы, во всем сознались и когда будет суд, то и его и жену известят.

13. ПОД РАЗВАЛИНАМИ.

И жизнь потекла попрежнему. Только это была видимость прежней. Лиз вставала утром, готовила себе и мужу завтрак и бежала в свое кафе, где нужно было до прихода посетителей приготовить салаты, принести хлеб из соседней пекарни и вообще сделать многое, до того, как она оденет передник и начнет обслуживать клиентуру. Чарли ел уже потом, после того, как она уходила, а она исчезала рано. Мать несколько раз пыталась вызвать сына на откровенность, но тот или отмалчивался или отделывался ничего не значущими фразами. Больше всего болел за всех душой — Пат. Он и видел и понимал, что тут и деньги не помогут, а на предложение купить детям дом, услыхал в ответ: — Успеем!

Эн, конечно хотела бы узнать в чем дело, но видела, что расспросами ничего не добьется, хотя и сознавала, что будь она в хороших отношениях с невесткой, та бы раскрылась...

Чарли уже на вторую неделю пребывания дома опять потянуло к жене. Он понимал, он сознавал, что он не прав, но ничего поделать не мог. Ему не хотелось разговаривать с Лиз и в то же время, чтобы не давать повода родителям догадаться о его разрыве с женой — они спали вместе. И... Чарли не устоял. В одну из ночей он протянул руки и бедная Лизхен, думая, что она прощена с такой радостью и упоением целовала своего мужа, сопровождая свои поцелуи ласковыми словами. И Чарли забывал о том, что было, хотя сам хороших слов к жене не находил, а когда успокаивался, то опять горечь перене-

сенной обиды всплывала на поверхность терзая и мучая его совесть... Зачем же ты целуешь и обнимаешь эту женщину если в душе презираешь ее и не можешь простить ей того в чем она не виновата?! Зачем? И Лизхен чувствовала себя последней в этом доме. Она видела, что Пат страдает из за ее семейного конфликта, но не в силах ей помочь. И вдруг... О, неужели? В одну из ночей, когда Чарли был груб и ненасытен, она сказала:

— Чарли, дорогой, я думаю, что у нас будет ребенок!

— Ооо?! — протянул тот. — Да? Ты думаешь?

— Да, я проверяю и все признаки за то, что это случилось.

И он просветлел. Мысль о ребенке никогда его не волновала и не тревожила, а вот, теперь, сейчас, он понял, что это очень важно и нужно! Он с этого дня стал ласковее, добрее и разговорчивее. Конечно, эту радость не скрыли от родных, но интересно то, что отцу сказала Лиз, а матери — сын. А уж потом, Пат в разговоре с женой, поднял во всей остроте вопрос о покупке дома детям и был поражен услышав:

— А ты не думаешь, что им тут будет удобнее. И я помогу советом, опытом и знанием, да и двое нас около них облегчат им эти первые дни и месяцы.

— Все это очень правильно, но малый ребенок, за стеной, рядом? Это для тебя большое неудобство.

— И даже не малое. Ну, а если Лиз захочет опять вернуться на работу?

— Ну, уж, нет. Мы с Чарли достаточно зарабатываем, чтобы дать ей возможность быть с ребенком все время. Ну, хотя бы первые несколько лет.

Сын всецело стал на точку зрения отца.

А мастерская стала большой и была завалена заказами, в основном мебели: и стулья и шкафы, (посудные и книжные), кровати, кресла, рамы для зеркал и картин. И все это резное, из дорогих сортов дерева. Но все же это была ремесленная работа, хотя и выполненная с большим художественным вкусом. Только раз пришел заказ из большого ресторана сделать морскую комнату, в которой стены бы были из дерева, но на них нужно вырезать канаты, якоря, медуз, крабов, моржей и так далее. А столы должны быть на трех морских коньках вместо ножек, а кресла спасательные круги на русалочьих руках. Деньги были, деньги шли...

Лиз наливалась, круглилась, но еще продолжала работать. Доктор рекомендовал ей больше двигаться, но не переутомляться и она перешла на четырехчасовый рабочий день, но больше на кухне, так как хозяин ее в зал не выпускал — считал неприличным...

А Эн, по утрам, подолгу сидела у зеркала и видела, как тончайшие нити морщин откладывались на шее, щеках и у глаз. Сегодня они были заметны только ей, а уж через полгода грубели и требовали больше «мекапа» и косметики, чтобы их скрыть от чужих глаз. Ах, как не хотелось стареть! А Тохтер даже в таком положении была веселой, подвижной и непосредственной, а Эн оживлялась только на «парти» после нескольких бокалов алкоголя... Время летело быстро. За два месяца до срока Лиз бросила работу и занималась ускоренной пошивкой детского белья. Когда Чарли смеясь ей говорил, что в магазинах и лучше и красивее, она отвечала:

— Да, но это бельишко сделано руками матери, с любовью, заботой и мыслями о счастье малыша, а то отшлепано на машинах, без души и мыслей о ребенке. Тут главное — заработок фирмы и все!

Потом пришла большая посылка из Германии в которую Рези и мать подобрали комплект белья по своему вкусу и даже с надписями по немецки! Пат с умилением перебирал вещички из этого пакета, вспоминая то, что казалось было навсегда забыто... А Эн все так-же сердилась без причин.

— Господи, — думал Пат, — а что бы было если б ты узнала про «тохтер»?! Но он уже привык и навещая таверну вел задушевные беседы с Дорис.

— Ну, что, друг, нет покоя? Переходи ко мне. Обожди, обожди, не возражай. Сын твой, ты сам говорил, может вести дело и вполне усвоил профессию так, что материальная сторона семьи не пострадает, а ты уйдя ко мне найдешь в моем доме и душевный покой, и уход, и заботу и любовь, которая тебе не нужна, и полную свободу. Я на тебя посягать не буду. Но факт, что ты со мной, что ты рядом и что тебе, здесь у меня, лучше и спокойнее — это большая для меня награда. Деньги твои мне тоже не нужны — своих хватает и хватит нам до конца наших дней. Мы забудем адреса всех таверн, а будем дома читать, слушать музыку и говорить, а то и поедем путешествовать. Ты отдохнешь около меня, Пат. А Пат?

— Ты смешная. Говоришь о чуткости, о взаимопонимании людей, а как же ты все-таки не можешь понять, что то, что ты предлагаешь мне оставить — это моя семья: сын, жена, невестка и ее ребенок, мой внук. Ведь это же мое, родное, близкое. А теперь еще мысль, что я буду няньчить внука или там внучку, просто меня волнует, если не сказать больше. В этом малыше, что скоро огласит криком наш дом, столько для меня радости и перспектив, что и объяснить трудно. А ты меня хочешь этого лишить. Справедливо ли это. Ведь, как ни подойти к этому вопросу, но ты и о себе думаешь, зовя меня переехать, так ведь?

— Да, Пат, ты прав. Ну хорошо. Но я еще хочу сказать, что если что-то случится и ты будешь сильно несчастлив и жизнь твоя станет невыносимой дома — приходи сюда. Тут есть для тебя все: и дом и стол и любящая, но ни на что не претендующая, женщина.

— Спасибо тебе, Дорис, спасибо. Я знаю, что ты мне даешь больше, чем я могу тебе дать. Смешная штука — жизнь!

◆ ◆

Серьезный день в жизни Лиз приближался.

Больше всех волновался и переживал Пат. Ведь в конце концов, его «грех» пускал все большие и большие корни и он знал, что стоит ему раскрыть свой секрет, как воздушный замок построенный на зыбкой почве тайны его романа — рухнет и под его обломками если не погибнут, то сильно пострадают все. Вся его семья! А так? А так он будет нести весь ужас один и горькое счастье его семьи будет сиять тусклым светом его лжи и обмана... Эн попрежнему наряжалась и куда то выезжала — намалеванная, нарядная, душистая. Может и на свидания — это уже не волновало Пата. Они стали, как чужие и он даже перестал искать ее близости. Все его мысли были сесредоточены на одном:

— Дать счастье его дочери. Хотя бы этим искупить свою вину!

Эн имеет то, что хочет. Пусть так и будет. Чарли повидимому окончательно помирился с Тохтер. А что же все таки там было? Ожидание ребенка изменило его психику. Он уже теперь стал заботливым отцом и ездил смотреть дома, чтобы купить и переехать. Чарли только хотел жить

недалеко от своих, чтобы в нужную минуту мать могла им помочь. Работал он очень интенсивно и осваивал искусство отца, как говорят «горбом», если не имел таланта от природы. Какая разница что делать, раз это приносит деньги и его работы удовлетворяют заказчиков?

Один дом, небольшой, но в двух кварталах от родителей, понравился и Чарли и его жене. Там еще жили, но Пат дал задаток, чтобы закрепить дом за детьми. Подготовка шла полным ходом.

И день которого ждали все — наступил. Чарли отвез Лиз в госпиталь и она родила. Он сидел в комнате ожидания, где таких, как он было несколько.

Один пожилой отец равнодушно жевал яблоко.

— Это ваш первый? — участливо спросил Чарли.

— Последний — уныло ответил тот. Наконец Чарли сообщили, что роды были трудные и у него — сын!

— Когда можно будет прийти посмотреть малыша?

— А вы позвоните, мы вам скажем — смущенно ответила сестра. И через четыре дня они получили разрешение. Поехали все. Пат вез цветы, чтобы их передали Лиз. Это был роскошный букет роз, белых и пунцовых. Эн была равнодушна и спокойна, а Чарли нервничал и суетился.

— А когда я смогу забрать жену? — спросил он в отделе информации.

— Там, наверху, вам скажут.

Они поднялись лифтом на четвертый этаж. В указанной комнате было огромное окно через которое родне показывался новорожденный. Сели в кресла, в ожидании своей очереди. Одна сестра (таков порядок) вызывала по фамилии, а другая подходила к окну с малюткой на руках. Изоляция стеклом предусматривала возможность занесения инфекции. Настало и их время. Они, все трое, встали и приблизились к окну, когда объявили вызов Чарли О'Коннору и в это же время к стеклу, с внутренней стороны подошла пожилая сестра, которую уже ничем не удивишь, держа на руках маленького негритёнка! В комнате наступила мертвая тишина. Конечно, другие посетители были вправе подумать, что жена у этого молодого человека негритянка. Но...

— Это наш?! — прохрипела Эн. — Черный?! Чарли, что это?!

Чарли стал бледен и оперся рукой о стекло, а сестра еще раз подтвердила, что ребенок Елизабет О'Коннор.

Эн повернулась и вихрем вылетела из комнаты. Сын опустив голову, медленно пошел за ней. А Пат, бедный Пат, с его издевательским букетом роз, сел в кресло, нелепо глядя перед собой. Посетители сочувственно отвернулись. Им стало понятно.

— Бывает, всякое бывает — выражали их лица. Сына Чарли уже сменил другой младенец, Наконец, положив цветы на кресло, Пат поднялся и, как больной пошел к выходу. Его букет моментально подхватил кто-то «безцветный».

Когда Чарли вернулся домой (мать, имея ключ от машины, уехала их не ожидая) Эн сидела в гостиной с большим бокалом виски.

— Ну, — встретила она сына, — что ты теперь скажешь об этой проститутке?!

И сын ей рассказал ту жуткую историю, что произошла прошлым летом, во время их поездки по штатам.

— Это не оправдание! — жестко сказала его мать. — Она женщина, она знала, что такое может случиться. Она могла поехать в госпиталь и там бы приняли все меры, предохранив ее от возможных последствий.

— Конечно, мама. Но Лиз же молода и неопытна. Что она знает? А я не поду...

— Ты тут не виноват. Но она... Она... Гони ее вон, с ее щенком!

— Как вон?

— Так. В наш дом она не войдет никогда. Только через мой труп! Понял? Я отравлюсь, я убью себя, если эта потаскуха переступит наш порог. И моя смерть будет и на тебе и на отце. Грязное существо. Неужели она нужна тебе теперь?!

И она говорила много и горячо. Когда явился Пат, Эн бросилась в атаку на мужа. Кроме всего того, что она говорила сыну:

— Такого позора — добавила она — на весь город, мы еще не переживали. Да и заказчики, многие заказчики, от нас отвернутся. Что? Мы будем им говорить о насилии над ней — и она рассказала Пату то, что ей поведал Чарли. — Да, кто этому поверит?! Раньше молчали, а теперь заговорили? Придумали эту глупую историю, в которую и я не верю, и перед всеми будем плакать, чтобы оправдаться в глазах белых людей. О, нет, дорогой, тут уж я не уступлю ни на иоту! Гнать ее поганой метлой!!

Пусть ищет отца своего случайного ребенка. Может он ее приютит!

— Если бы она дорожила репутацией своего мужа и нашей семьи, она бы придушила этого щенка еще в госпитале!

— Эн, что ты говоришь? — закричал Пат.

— То, что ты слышишь. Такие случаи бывают. Нечаянно, мол, при кормлении заснула и все...

— И с этим преступлением на совести жить всю потом, всю жизнь?

— Бааальшое дело. Да, ее бы и не судили. А если бы и попытались, то мы бы нашли дошлых адвокатов, которые из черного делают белое, а потом ее отправили в Германию. Пусть там и живет. И все было бы забыто. А теперь? Как нам смотреть в глаза Осв... Джексону, соседям, заказчикам?! Еще не хватает того, чтобы в газетах и журналах появился твой портрет с внуком на руках и с надписью «знаменитый резчик по дереву Пат О'Коннор обзавелся черным внуком!» Вот где тема для смеха! И столько жестокости и злобы было в глазах и словах жены, что мужу стало жутко.

Пат не отвечал. Он был настолько разбит, настолько раздавлен этим несчастьем, что у него и слов не находилось тем более, что он увидел и сына другим. Тот стал целиком на сторону матери. Она убеждала его:

— Ты молод, красив, ты обеспечен работой. Да, за тебя пойдет любая американская девушка, как только ты избавишься от этой дряни! Неужто ты думаешь тащить все годы за собой этот «черный груз»? Груз нажитый этой нечистоплотной женщиной!

Чарли понимал, что совместная жизнь его с Лиз, с этим прижитым на стороне ребенком — невозможна! Так что же делать?

А госпиталь уже требовал, чтобы молодую мать с ребенком забрали. Выход нашел Пат. Он не говорил ни с женой ни с сыном. Он видел, что уговоры бесполезны — Тохтер пощажена не будет. Он поехал к Дорис.

— Что же ты хочешь, Пат? — спросила она после его исповеди.

— Я не знаю. Помоги мне, помоги нам. Ты когда то говорила мне о своей любви, так докажи мне это! Докажи!

Женщина встала, походила по комнате, подошла к

осунувшемуся Пату, еще более поседевшему и положила ему руку на плечо.

— Пат, перевози ее сюда, ко мне. Она не будет мне в тягость. А тут ты еще признался, что этот воя дочь! Она будет пока жить у меня, а там, что нибудь, не спеша, мы придумаем.

Он поднял голову и Дорис увидела, как по лицу любимого ею человека медленно текли слезы.

14. ВЫХОД НАЙДЕН.

И никому не говоря ни слова, Пат перевез Лиз к Дорис. Эн была удивлена и очень обрадована, что госпиталь не предъявляет к ним никаких требований и торжествовала. Куда-то ее сплавили. Но все же не могла взять в толк, куда девалась невестка. Но Пата подозревала. Чарли поддерживаемый в своих сомнениях матерью, тоже как будто успокоился и по ее совету уже обратился к адвокату.

— Чем скорее ты разведешься, тем скорее эта грязная история будет забыта и ты начнешь новую жизнь. Ах, какая девушка у меня на примете!

Пата они не трогали с ним не разговаривали. Отец и сын работали рядом, но они этой больной темы не касались, а только скупыми репликами обменивались о работе. Когда, как-то Чарли хотел объяснить отцу правоту своего поступка — развод, то услышал к своему удивлению:

— Это очень хорошо. Очень! Лучший выход для вас обоих, — и замолк.

А жизнь у Дорис шла тихо и мирно. Она окружила Лиз такой заботой, таким вниманием, что Пат, который после работы, до позднего вечера, проводил свое время там, проникся к Дорис огромным уважением и начал понимать, как дружба предложенная ему Дорис, оправдывала высокое звание друга. Друзья узнаются в беде! Так было и тут. Она больше не говорила Пату о своей любви, но видела, как меняется его отношение к ней. Да, уже одно то, что каждый день он приезжал к ней и проводил время с ней, с Лиз и с малышом, было для нее лучшей наградой. И все же, однажды Лиз сказала ему:

— Папа, я не могу здесь жить вечно. Что-то надо делать. И я придумала. Я хочу вас просить принять все

меры и найти отца моего ребенка. Ведь он же сидит в тюрьме, не так ли? Мы поедем к нему, покажем сына. Что он скажет? Ведь он же человек, да и еще отец к тому же. Чем мы рискуем? — и она не сказала всего о чем думала. А думала так:

— Тот увидит Лиз опять, увидит сына и подумает «а почему бы мне не жениться на белой? Да еще имеющей от него сына!» Его освободят и она уйдет к нему. Не все ли равно, кто твой муж и какого цвета кожа у него, если он хороший человек? Вот ведь, Чарли, был как будто и преданным и любил ее, а сейчас, сразу, как отсекло. И видеть не хочет и добивается развода. Конечно, я дам его. Это все его мать старается.

Дорис просто ахнула!

— Куда?! К кому?! Ты хочешь поехать и увидеть человека который искалечил тебе жизнь, разбил твое семейное счастье, лишил тебя всего, что имеет и может иметь жена и мать! Господь с тобой, девочка. Забудь об этом. Какая наивность! Этот преступник поступил с тобой, как самый последний негодяй!

— Он чужой. А как поступил со мной муж и его мать? Выгнали, выбросили за дверь. Вернее захлопнули ее и не впустили в дом. А чтобы я делала, если бы не его отец? В реку, вместе с ребенком? А ведь это муж — самый близкий мне человек на свете.

— Он любил тебя, Лиз, он любил!

— Да — криво улыбнулась она — любил тогда когда я была ему нужна. Это не любовь. Любовь, настоящая любовь, все прощает! А я то и не виновата ни в чем! Ни в чем!! В чем я виновата перед ними?! — закричала она. — В чем?!

И Лиз забилась в истерике...

Пат удивился этой идее, но увидел в ней искорку логики. А что же делать еще? Нельзя же жить у Дорис годы? Он обратился в полицию того города, где был суд. Тогда Лиз отказалась ехать. Был там только Чарли — и так как преступники сознались, то их осудили безо всякой волокиты. Вскоре пришел ответ, что такой-то, осужденный на столько-то лет, за то-то и за то-то, находится в тюрьме в таком-то городе.

Пат показал письмо Лиз, та обрадовалась, а Дорис сказала опять:

— Пат, пока ты здесь, пока ты заботишься о своей дочери, она мне не в тягость. Пусть живет. Что вы там придумали, ерунду! Это не выход!

— Да, да. Я понимаю, но вот она хочет.

Уезжая, он сказал Чарли, что едет по делам, а жене вообще ничего не сказал. Они уже давно не разговаривали. Эн была уверена, что вся эта история с насилием была давно известна Пату от Лиз, но он ей ничего не рассказал, покрывая свою любимицу! Соумышленник!

Пат, Лиз и ребенок поехали в указанный полицией город. В тюрьме им легко дали свидание. Робсон (такова была фамилия арестанта) был несказанно удивлен встрече и когда Лиз напомнила ему, что он когда-то с ней сделал, то все вспомнил, а увидав сына просто заволновался.

— Эй! — кричал он — да, это же не может быть! Ха-ха! Вот здорово! Слушай, так, что ты хочешь? Стать моей женой? Выйти за меня замуж?! Ха-ха! Вот глупая! Это не плохо, конечно, но я ведь еще три года должен сидеть. Три! Ну, допустим меня выпустят «на пароль» из за тебя и ребенка... Ну, одним словом эта идея мне нравится. Но вот что, ты должна поехать к моим родным, познакомиться с ними, пожить у них, ожидая моего освобождения и тогда... Ну, уж я просто не знаю, что будет тогда? Может, действительно, я стану работать и выйду на честную дорогу. Такое бывает. Ха-ха!

Пат в разговор не вмешивался. Робсон написал письмо родным и велел с ним ехать в Чикаго.

— Вы там все вместе найдете адвоката и начнете хлопоты о моем досрочном освобождении, а?

— Ну, вот, видите, папа, я еще и человека спасу, вытащу из тюрьмы и заставлю заботиться о семье. Может он меня полюбит, даже.

— Милая девочка, да кто же может тебя не полюбить?

— О, есть такие — грустно улыбнулась Тохтер. Приехав домой долго обсуждали поездку в Чикаго и решили ждать жарких дней, чтобы не простудить ребенка в дороге.

— Папа, вам надо работать. Вы оставайтесь, а я поеду с Анди (сыном) сама.

— О, нет дорогая. Тебе еще рано по Америке одной ездить...

А Дорис сказала: — Знаешь, Пат я могу с ней поехать. У тебя мастерская.

— Ничего. Чарли и сам справляется. А подчас и лучше меня. Он — делец!

Сборы были долгие. Сначала решили ехать поездом, а потом переменили на самолет.

— Только самолетом. И быстро и удобно, а поездом еще пересадка.

Ну и поехали. Эта странная пара привлекала внимание публики; пожилой белый мужчина, с ним молодая интересная женщина и черный ребенок. Какое тут родство? И никто не ошибался.

— Это отец везет куда-то подальше свою согрешившую дочь!

В Чикаго, в этом огромном, шумном и грязном городе, прямо с аэродрома, Пат взял такси и машина повезла их в такие трущобы, что даже Пату стало жутко. Хорошо, что днем ехали. Это были кварталы негритянского гетто, где железные бочки с мусором были забавой для детей, где сор не убирался неделями и оборванная грязная детвора, веселилась, как только могла. Лиз в ужасе прижимала к себе ребенка.

— Тут, так живут, папа?

— Да, дорогая. Не всем хорошо живется. — С трудом нашли дом по написанному Робсоном на конверте адресу. Пат велел такси ждать, а они поднялись по темной вонючей лестнице и постучали в дверь черного цвета.

— Входите — раздался хриплый голос. Они вошли. О, Господи! Такой бедности и запущенности Пату не приходилось видеть, а Лиз тем более.

За столом сидел пожилой человек, в довольно запачканной майке, а у газовой плиты возилась толстая, старая негритянка. Хозяева были очень удивлены гостям, но пригласили сесть на засаленный стул и рваное кресло. Пат вручил письмо мужчине. Тот начал внимательно читать, а потом опустив с ним руку на стол, вздохнул.

— Значит сидит наш сын еще?

— Почему еще? — спросил Пат.

— Да, это уже не в первый раз. И в его исправление я не верю. Все, что он пишет упирается в одно: благодаря жертве этой женщины — он указал на Лиз — он рассчитывает на амнистию и выход на свободу раньше времени.

Старая негритянка взяла малыша от матери и сказала плача: — Так это мой внук?! Ах, какой хорошенький!

А Лиз трепеща следила за грубыми и неуклюжими руками женщины.

— Не беспокойтесь — сказала та — я восемь вырастила и все разлетелись И не знаю даже есть ли у них дети. А вот тут удосужилась взять внука на руки, да и тот от белой. Но ничего, не плохой!

Хозяин квартиры, сидевший за столом, внимательно присматривался к Пату, который тоже был чем-то слегка удивлен.

— А почему мне ваше лицо знакомо?

— Мое? А я вас не знаю, но...

— А вы в армии никогда не были?

— Да, в Германии, — и его собеседник начал смеяться и закашлялся.

— Так я теперь вспомнил тебя, друг, по настоящему. Ты когда-то спас мне жизнь!

— Я? Тебе? Жизнь?

— Ага. В пивной, в Мюнхене. Мы там с баварцами дрались. Вот время было веселое. А кто-то в меня кружкой запустил, а ты меня за ноги дернул. Вот он — шрам от этой кружки — теперь и Пат все вспомнил. Но от былого силача-боксера ничего не осталось. Жизнь здорово износила и потрепала его. — Вот, сейчас мы будем квиты. Ты спас мне жизнь, а я спасу жизнь твоей дочери, — продолжал боксер. — Уезжайте по добру-по здорову. Не надейся на моего сына. Он свою жизнь загубил и ее загубит. Нет, он уже не исправится, это я, хоть и отец, говорю наверняка. Он пустил слишком глубокие корни в уголовном мире. А раз так, пусть хоть ее не губит. Не заслужила она такой жизни — он обвел руками обстановку своей обветшалой комнаты — она зачахнет, как цветок без воды. Забирай ее, друг, подальше от нас, а если... если ей трудно, а то и просто невозможно и некуда податься с ребенком, то пусть его оставит у нас. Моя старуха восемь выкормила и с девятым справится!

— О, нет! О, нет! — запротестовала Лиз — это мой сын.

Какая же мать так легко расстается со своим ребенком?

— Тоже хвалю, — сказал старик — уезжайте, дорогие, уезжайте и забудьте о моем сыне и о грязном городе Чикаго. От нас мало пользы — один грех!

И все пошли вниз, к такси. Бабушка несла своего

внука, чтобы взглянуть на него еще раз, последний раз в жизни, перед разлукой...

— Так-то, брат, в жизни бывает — сказал черный дед — и не думал встретиться, а вот пришлось. Да еще при каких обстоятельствах. Так сказать на родственных началах.

Прощаясь, у такси, Пат сунул в руку старика пачку сигарет и они уехали. Удивленный боксер посмотрел внутрь, а там были туго смятые долларовые бумажки. Всю дорогу Тохтер молчала и только занималась ребенком, а Пат ее и не тревожил. Он понимал ее самочувствие и мысли о безнадежности ее положения, без всяких видов на будущее; но он был более спокоен, чем Лиз так как знал, что он ее не оставит без помощи и совета. Да и она в этом не сомневалась.

А Эн еще и еще раз напомнила Чарли, что все эти отлучки и даже отъезд отца, безусловно связаны с его женой.

— Уверяю тебя, что она ему не безразлична. Раньше он это пытался скрывать, а теперь терять ему нечего. Играет в открытую!

А в доме уже два раза появлялась развязная девица, с приторным именем Кэнди. У нее были голубые веки и кроваво-красные накладные ногти, а папироска очень уютно висела на краю ярко накрашенных губ. Мать прочила ее в будущие жены своему сыну.

И опять бедная Тохтер поселилась у Дорис, окруженная заботой двух любящих ее людей. Но все равно она продолжала думать свою горькую думу:

— А что же дальше? Нельзя же быть навязчивой. Они же на меня деньги тратят. Надо что-то придумать, предпринять...

Бедная. Что она может сделать? Что? И все же в один из вечеров, когда они трое сидели за ужином, а малыш уже спал, она сказала:

— Папа, я написала маме, решительно все-все.

— Что все?! — испуганно спросил Пат.

— Ну, вот. Что со мной случилось и чем кончилось. И вот мамин ответ. Я его вам прочту, как по английски, потому что оно по немецки. Вот:

> «Дорогая моя, доченька. С людьми случается многое и всего никогда не предусмотришь. Случилось несчастье и с тобой. Но оно не страшное. У тебя есть

мама и любящая сестра Рези (она скоро выходит замуж). Так вот: приезжай домой и мы заживем попрежнему. Захочешь пойти на работу, а я знаю, что ты сидеть без дела не захочешь — иди. А я с внуком останусь на хозяйстве. Мы его вырастим и превратим в хорошего немца, только другого цвета. У нас в поселке уже есть несколько, а теперь будет одним больше. А в Германии, ты сама знаешь, много таких детей, которые уже выросли, работают и поженились на немках. Так идет жизнь. Такая она будет и у нас. Приезжай, дорогая, не откладывая. Ты знаешь, как мы будем тебе рады и как легко и отрадно будет тебе очутиться в родной обстановке, около твоих родных и близких. Отцу мужа передай привет и благодарность за заботы о тебе и заступничество. Ты ведь мне писала о его благородстве и чудесном отношении к тебе.

Твоя мама Эльза.»

— Ну, папа и вы тетя Дорис, что вы скажете?

— Это просто великолепно, вернуться под крылышко матери в тепло и уют родного гнезда.

Пат молчал.

— В чем же дело, папа? Плохая идея? Ах, мама, мама! Что может быть лучше материнской любви. И в огне не горит и в воде не тонет.

— Это значит — сказал он грустно — потерять тебя навсегда. А с кем же я останусь? А для кого мне жить и работать?

Эта фраза больно уколола Дорис, но все промолчали. Но она понимала, что для Пата потерявшего в конце концов и сына и жену, дом уже не был родным, а отъезд дочери совсем выбивал его из колеи. Дорис была уверена, что он меньше всего думал о ней и о ее отношениях к нему. Ценил — да. Был благодарен — да. Но это же не все. Сердце в этой признательности не участвовало.

— Единственно кого мне жаль терять, мучительно жаль — это вас папа! За всю нашу совместную жизнь — ни слова упрека, ни единого замечания или приказания. А ведь я не безупречная, а я тоже с изъяном. Почему вы так ко мне, больше чем по человечески, относились? Почему?

— Долго рассказывать. А главное, что ты оторвана от своих. Вот я и пробовал заменить тебе их, хоть отчасти.

— О, вы не пробовали, а вы ими были. Вы шли на ссору с женой, вы многое объясняли сыну — он мне рассказывал — вы были у меня, как ангел хранитель. И теперь я его лишусь.

— А мама? А мама на что?!

— Да, о да. Но если бы и вы были около. Ах, как бы я была спокойна.

— А о чем тебе беспокоиться?

— А если этот человек захочет у меня забрать ребенка? Не сейчас, а потом. Что тогда? Что я буду делать без вас?

— Ну, дорогая. Еще нет таких законов, чтобы без вины матери у нее забрали сына!

— Да, но я же белая, а он...

— Это совсем не причина и не повод.

Разные сомнения появлялись у Лиз и она становилась спокойнее, когда Пат, не повышая голоса, все ей разъяснял...

Так прошло две недели и вдруг в один из вечеров он сказал:

— А знаете, что я придумал? Нет, не знаете. Я — тоже поеду! Мне тут терять нечего, а там найду больше, чем потеряю здесь. Работа? Да, я ее везде найду. Близких? Их у меня уже здесь нет. Они стали чужими, если не больше!

— Папа! Вы поедете в Германию?! Ну, как же так? Я не понимаю вас! Ведь это же все равно, что начинать жизнь сначала.

— Ты права, моя девочка. Сначала. И я так подумал.

— Это же трудно. Это же почти невозможно.

— Все возможно, когда я буду около вас. Около тебя и твоей мамы!

— О, мама моя чудесная!

— Я это хорошо знаю.

Весь этот разговор Дорис прослушала молча и когда Лиз пошла спать, она попросила Пата не уезжать так как хотела с ним поговорить.

— Пат — сказала она — это неразумный шаг, я бы сказала бессмысленный. Подумай сам. Я была просто удивлена. Да, да. Чтобы человек бросил налаженную

жизнь в преклонные годы, хотя и было в семье непонимание и разногласия. Но ведь свое налаженное дело. Я понимаю в молодые годы рисковать, но в твои? Твоя мастерская приносит большой доход. Глава всего — ты. Бросить его на руки неопытного Чарли, это если не развалить его, то пошатнуть потому что все, кто приходят с заказами идут к Пату Коннору, который и примет его и выполнит. Имя твоего сына ничто в этом деле. Он только наследник. А главное — материальная база. Ты ведешь дело, располагаешь средствами и можешь свободно поддерживать Лиз, когда она переедет к матери. Средств твоих хватит на два дома, но и ты не будешь ломать своей жизни и начинать новую. Ты же не молод и это не так легко, да еще в чужой стране. Откуда ты знаешь, что найдешь там работу по твоей специальности, там, куда едешь? А если нет? А я уверена, что нет! Значит будешь искать где-то в другом городе. И получится: Лиз, мать и ребенок в Тёгинге, а ты где-нибудь в Мюнхене или Берлине, одинокий, чужой среди немцев. Это же не легко...

— Все это верно — ответил Пат — это так, но семьи у меня здесь нет. Нет ни жены, ни сына. Мы — чужие, а из близких мне людей — только ты! А там будет любящая меня Эльза. — Дорис опустила голову — любимая моя дочь и внук. Что же сильнее? Любовь тех или презрение этих? Я там воскресну, Дорис, поверь. Я знаю твое отношение ко мне; оно даже проверено временем, но ты не семья, а там она будет настоящая, крепкая. Она мне даст силу жить и работать. А я еще могу и хочу и буду! Я тоже вправе рассчитывать на маленькое счастье. Я же — человек и я его там буду иметь. Я в это верю!

Дорис молчала, а потом: — Езжай, Пат. Ты прав!

Ах, как не хотелось ей лишаться этого человека. Ведь для нея он тоже был единственным к кому лежало ее сердце.

И Пат заявил Чарли и Эн, что он уезжает совсем из Америки, оставляя им свое дело. Небольшую сумму с их текущего счета он берет с собой, а все остальное, и дом и мастерскую оставляет им.

Это предложение было принято Чарли с недоумением, а Эн с торжеством.

— Я тебе говорила, сынок, что к этому идет. Пусть едет. Это он с ней едет!

Когда Пат, с дочерью и внуком подлетали к Берлину, а оттуда они поедут поездом в Мюнхен, Лиз опять спросила отца:

— Мне так и до сих пор непонятно, почему вы решились на такой серьезный шаг?

— А вот приедем к маме и тогда все поймешь — и ласково погладил ее по руке. Он был твердо уверен, что его разрыв с семьей — не ошибка, а правильный выход из положения.

В Мюнхене они вышли из поезда и пересели на мюльдофский, а уж оттуда они должны были ехать автобусом в Тёгинг. И представьте их удивление и радость, когда на маленьком вокзале Мюльдорфа, навстречу приехавшим шли Эльза, Рези и ее жених. Пат ничего не видел, кроме огромных, широко открытых, голубых глаз, которые с такой любовью и преданностью смотрели на него. Он и Эльза бросились навстречу друг-другу.

— Пат, я знала, что ты вернешься! Я знала!

Рядом плакали, обнимаясь сестры, а Резин жених бережно держал черненького малыша, весело пускавшего слюни на его новую баварскую тужурку.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОСТИЧА И ГРИШИ

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

(Не по Мусоргскому).

ГЕРОЙ повести «Прожигатели жизни», Григорий Ардов, обратился ко мне со следующими словами:

— Костич, Наполеон когда то сказал, что плох тот человек, который рассчитывает на благоприятное стечение обстоятельств. Помните, как нам неблагоприятствовали они при попытке поехать в Европу. А мы все же вырвались и хотя нас с легкой руки редактора прозвали прожигателями жизни, все же наши шансы в свободном мире сильно поднялись, и те дома, где нам когда то еще подавали руки, закрыли теперь перед нами двери.

Да, он был прав, но не такие мы люди, чтобы падать духом и вооружившись терпением мы перешли на пенсионный образ жизни. Когда человеку нечего делать и за это государство платит ему деньги, у него кругозор сильно расширяется и нервная система приходит в образцовый порядок. В связи с этим, наш досуг мы отдавали воспитанию внуков и перевоспитанию жен. Занятие, скажу вам бессистемное и непродуктивное: внуки брали деньги за каждое выученное, произнесенное и забытое русское слово, а жены безо всяких слов. Пришлось от этой полезной деятельности отказаться. Ма знялись шахматами и разбором партий сыгранных бывшим чемпионом мира Робертом Фишером.

— Как, бывшим? — спросите вы.

— Ну, конечно, что вы не читали? Выиграв у Спасского и став чемпионом, Фишер стал деятельно гото-

виться к тому, как от этого избавиться. Расчет простой: чем больше он будет заламывать за свои выступления, тем меньше будет охоты его приглашать. А тут еще 15 сентября началась предпоследняя фаза борьбы за будущую корону короля шахмат. В. Корчной и А. Карпов скрестили шахматные мечи и тот кто победит будет иметь право сесть в будущем году против Фишера. Карпов, которому в два раза меньше лет, чем Фишеру имеет в два раза больше шансов его обыграть. Роберт это чувствует и хочет сбросить со своей головы корону, не играя. Он письменно заявил, что если его условия не будут приняты — он будет только Бобби Фишер и больше никто. Мы с Гришей очень заинтересованы в том, чтобы встреча состоялась. Кто играет в шахматы — тот поймет и объяснять ему это не надо, а кто не играет тот все равно ничего не поймет. Гриша даже хотел предложить себя в качестве тренера Фишера! Он уверяет, что может делать такие ходы, что мир ахнет. Я ему резонно ответил, что пока ахаю я и выигрываю. А он парировал тем, что нарочно мне проигрывает дабы сохранить у меня хорошее настроение и не нарушать моего душевного покоя.

Ну, вы же знаете Гришу. Он за словом в карман не полезет, особенно если знает, что в чужом кармане этих слов не найдет.

И вдруг Ардова, как осенило:

— Костич, — сказал он, — мы с вами еще никогда не были на международных выставках большого масштаба и не украшали их своим присутствием.

— То есть как? А на сеаттлийской в 62 году?

— Здравствуйте, пожалуйста, так это же в городе, в котором мы живем, какой же это международный масштаб? А вот в Спокэн, это да! И пишут, что павильоны, особенно американский и советский превосходят человеческое воображение. Это надо проверить.

— Что проверить?

— Ну, превосходят или нет?

— А какое нам дело?

— То-есть как какое? Если это неправда, то громогласно заявить об этом в прессе, а если правда, то промолчать. Это наш долг.

Спорили долго и как всегда спор разрешился шахматами. Решено было, что если Гриша выиграет — мы едем. Я был спокоен, что и рипаться не будем. Этот чудак в

надежде на чудо, пожертвовал мне пешку, а я, как Корчной ее взял, потому что «пешки не орешки» и каждая пешка это будущая королева. Потом его осенило и он дал мне еще одну. Я только усмехнулся — вот несчастный. И на двадцать девятом ходу я сдался. Точно так, как в матче Карпов—Корчной, во второй партии.

И мы поехали. Прежде всего — кто имеет возможность съездить, пусть поедет. Той жары, что была уже нет и сейчас в Спокэн «бабье лето». Каникулы кончились и детворы совсем в обрез, а следовательно и родителей меньше. А отсюда и толкотни, как не бывало. А так, как правило 50 тысяч человек в день. Представляете? И все движутся навстречу друг-другу.

Сначало было решено — лететь. Но лететь — это значить ничего не видеть. Тогда, значит — поезд, но он почему то в полтора раза дороже автобуса. Кроме того, когда вспомнишь о вагоне-ресторане, то пропадает всякий аппетит. Что же остается? «Грэйханyд» или в просторечии «Серая собака». Этот пролетарский вид транспорта в большом почете в Америке и о нем рассказывать нечего.

Уже не раз писалось, чтобы каждый проверил, что штаты Орегон и Вашингтон — красивейшие в Америке. Убеждаемся в этом еще раз: горы, реки, водопады, мосты, пропасти, озера и зелень, зелень без конца. Это Швейцария по удешевленному тарифу. Склоны гор не в пример легендарной Калифорнии, не выгоревшие до отказа, как плоские долины прославленного штата. Зеленый цвет, как известно — цвет надежды и поэтому глаз радуется, душа молодеет и перспективы кажутся более розовыми, чем это есть на самом деле... Когда мы вошли в автобус, то Гриша как истый альтруист сказал мне:

— Костич, вы идите на свои любимые места, а я сяду, где попало. «Где попало» оказалось около пышной блондинки, с голубыми глазами... Гриша знает, что я выбираю себе место всегда в глубине автобуса. Почему? А потому, что там есть один диванчик на ТРИ места. Люди до него добираются только тогда, когда все двухместные уже заняты. Мой рассчет прост: если в глубину пассажиров не хватит, то я владелец места, на котором могу расположиться, как дома — могу протянуть ноги (не в переносном смысле), лечь и вообще мне лучше, чем другим.

Поэтому те, кто идет в уборную и видят мое «комильфо», огорчаются чужой удаче и чтобы чем-нибудь досадить — оставляют дверь открытой.

Я равнодушен! Меня политика «открытых дверей» не пугает! Не успел я примоститься сзади на своем диванчике, как вошла последняя пара и место для них оказалось только там, где я планировал жить «припеваючи», потому что учитывая наши изношенные в Америке организмы, жены наши дали нам сумку, в которой был термос с какао, коржики, пирожки и фрукты. Пусть теперь Гриша побегает ко мне. А он об этом и не думал.

Его жирный хохот и ее звонкий смех раздражали присутствующих, но никто не решался одернуть эту пару из за боязни быть обвиненными в дискриминации. По-видимому Ардов рассказывал своей спутнице о том, как мы ездили в Европу и, конечно, выставлял меня в самом смешном виде. Да, но смеется тот, кто смеется последний!.. Мой сосед, толстый и упитанный, греет мне левый бок, и все время разговаривает с женой, которая сидит с моего правого бока. Кратко — я в середине! Как их угораздило так сесть не понимаю. Вот уж неудачники. Время от времени он достает из чемоданчика пиво в банке, азартно ее открывает и посасывает. Я с отвращением вспоминаю о нашем какао. Выражение лица у него при этом, как у человека пьющего нектар богов. Я ему очень завидую. Выпив он начинает отрыгивать и тогда впечатление меняется. Я ему не завидую..

Жена его ему ни в чем не уступает, даже в размерах, и, когда они перестают ссориться, тогда я оказываюсь в центре внимания, и они меня засыпают вопросами... Спустя час Гриша прибежал ко мне и сказал:

— Костич, ей от смеха нехорошо, где наше какао? — и схватив термос умчался. Потом он явился за пирожками, а через полчаса за фруктами, а когда ему надоело бегать, он просто взял всю сумку с продуктами и отправился к своей пассии. Мне видно через головы пассажиров, что там пир идет горой. Но, как видно Гришей не окончательно утеряна совесть и он семенит ко мне, держась за головы сидящей публики, и дает бублик (значит они тоже там были), в котором дыра значительно превосходит его размеры. Расщедрился!.. Когда мы прибыли в Спокэн, то Грише было не до меня и, выходя, я держал

сумку (вернул мне пустую) и два чемодана, а на его долю пришлась только блондинка. Я с горечью бросил ему:

— Гриша, но мне же тяжело! — он ответил, не задумываясь:

— А вы думаете мне легко? — и еще крепче ухватился за свою находку. Потом они прощались, и она хотела взять такси. Хитроумный Ардов подбежал ко мне:

— Костич, поедем с ней, что вам стоит?

— К чему это? Вы помните романс «Вам девятнадцать лет, у вас своя дорога»?

Его это не проняло.

— Вот чудак, — бросил он, — если поедем вместе, то это будет «сообразили на троих» и выйдет дешевле. Понимаешь?

Меня уговорить нет ничего легче. Ее привезли первой и она хотела платить.

— Ну, что вы, — взвился рыцарь, — какие могут быть счеты между друзьями?!

И она вышла, махнув ручкой. А когда уже мы вылезали, то я напомнил ему его фразу: «Костич, поедем с ней. Ну, что вам стоит?» — А платил то я!

ВЫСТАВКА КАК ТАКОВАЯ

Слезай, приехали, как говорится! Гостеприимный город встретил нас чистыми улицами, переполненными (товарами) магазинами и жарой в 92 градуса. Вы ходите и плавитесь на ходу, но как всякие туристы — мы смирились. Найдя, а они на каждом шагу, отель с заманчивой надписью 8 долларов и выше» — мы зашли и попросили показать нам «8 и не ниже».

— Ниже нету, — ответил сурово клерк и повел нас «все выше и выше» так как лифта в этом отеле не было.

— Вот, — сказал он, — восемь на одного и 15 на двоих.

— А где же уборная, ванная и вторая кровать?

— Уборная в конце коридора, душ в подвале, а вместо кровати мы даем спальный мешок.

— А почему же тут такая духота?

— Окна здесь не открываются, чтобы комната не пылилась. А духота потому что лето. Приезжайте к нам зимой, и вы зададите другой вопрос.

Решив, что может быть мы в Спокэн больше никогда не будем, мы взяли за десять. Эти два доллара дали нам вторую кровать.

— Лучше съкономить здесь, — сказал Гриша, — но не будем скупиться на выставке.

И мы поплелись. Выставка состоит из воды, воздуха и павильонов. Радостнее всего смотреть на воду. Дело в том, что территория, занятая под выставку расположена на острове, на котором прежде были жуткие трущобы, с домами, в которых уже нельзя было жить или работать. Выбитые стекла, выломанные двери, провалившиеся крыши, зловоние, крысы и бродяги с горьковского дна — могли быть экспонатами другого рода. И это мучило и не давало спать отцам города. И когда, где-то, кто-то и не без их участия, решил устроить здесь «ЭКСПО 74», вопрос разрешился сам собой.

«Все снесено могучим ураганом», как поется в романсе. И в течение полугода остров стал пустынным: никого и ничего, даже мусора. Американская техника сделала свое первоначальное дело и она же приступила к «второначальному»: появился цемент, кирпич, балки, рельсы, гравий, добротная земля, тысячи кустов и две с половиной тысячи деревьев.

Светлые головы американских инженеров, техников и простых рабочих, засучив рукава показали еще раз («и еще много раз») на что они способны. Упомянул я воду неспроста, ибо река, на которой стоит остров, порожиста и на ней есть несколько чудесных водопадов, сильно украшающий общий вид. Висячие пешеходные мостики и подвесные кабинки, на высоте 50 футов дают вам возможность полюбоваться выставкой и шумящими водопадами свысока. Плевать не рекомендуется так как ветер может отнести вашу крохотную долю загрязнения земли и воздуха на зазевавшегося туриста. А перед оперным театром создано красивое озеро с водорослями и чистой водой. Тихое и спокойное. У берега пристань. В антрактах публика может выходить на вечернюю прохладу и, стоя на цементном берегу, бросить окурки в воду, не ища запропастившиеся пепельницы. Удобства туристов стоят на первом плане.

Вторая часть выставки — воздух. Он горяч, душен и неподвижен. В силу этого запахи кулинарного искусства всех наций, временно населивших эту землю, смешиваются и получается такой «букет», что некоторые торопятся отойти подальше, а некоторые наоборот — держат нос по ветру...

Третья часть выставки — павильоны. Их много, но конечно, доминируют принадлежащие большим нациям. Начну с нашего. Он просто поражает своей конструкцией. Это огромнейшая палатка, емкость до тысячи человек, но там **никогда** не жарко, так как края ее не доходят до земли, а вверху огромное отверстие, дающее тягу теплому воздуху. Гриша сразу же сказал, что американцы, строя свой павильон, имели в виду вигвам, обыкновенный индейский вигвам, характерный для Западной Америки, но никто на это не обратил внимания, кроме него.

А знаете? Может он и прав. Под этим шатром есть много водяных эффектов, охлаждающих воздух и заставляющих его двигаться, а не застаиваться, как в некоторых павильонах, не указывая на них пальцем. И если вы в палатке прослушаете лектора, то в каждом ряду открывается дверь (их 15) и люди легко и свободно попадают в кинотеатр американского павильона, где в прохладе и уюте, сидя в удобных креслах, перед огромнейшим экраном (размер 65 на 90 футом) они путешествуют по Америке, с ощущением человека летящего в самолете.

Дух захватывает от красоты виденного и воображения, что вы летите. Перед входом в лекционный форум павильона сооружен фонтан, поражающий своей идеей, ибо он сооружен из ванн, а над ними десятки порцеляновых умывальников, расположенных симметрично, а довлеющие над ними краны денно и нощно льют воду, которая шумит, плещется и уходя возвращается обратно. Смелая мысль, но... кто бывал в Европе и видел фонтаны Италии, Франции и Германии с их наядами, фавнами, кентаврами, русалками и различными фигурами людей и животных, застывших в самых причудливых позах, изрыгающих во всех направлениях струи шумящей воды (вспомните фонтан Трэви в Риме), тот почешет в затылке и скажет:

— Хм! Если это дух времени, то нехороший дух! — и отойдет.

Вторая сенсация перед американским павильоном — огромная гора всяких обломков и ржавых частей от велосипедов до автомобилей. Тут есть все, что мы выбрасываем из квартиры, прямо на улицы, засоряя их и отравляя воздух, наплевательски относясь к соседу, живущему рядом. Жуткое зрелище, но назидательное.

— Всякий честный человек, — с укоризной сказал Гриша, глядя на меня, — должен сознаться, что он в сво-

ем городе, на своей улице, прикладывал свою руку не раз к созданию подобных кошмаров.

И как у него язык поворачивается говорить подобное, если я же ему помогал выволакивать в аллею, позади его дома, два их старых матраца. Делали мы это вечером и даже противогазы одевали. Свое забывает, а на чужое намекает. Но я не хотел ссориться. Я не такой. Толпа молча любуется этим нагромождением и каждый думает наверное:

«Какое безобразие. Я бы ни за что так не сделал».

Глядя на это Гриша изрек:

— Если бы можно было сложить гору из человеческой глупости ненависти, зависти, жадности, злобности, грубости, несправедливостей, подлостей, огорчений, преступности, наркомании и пьянства, то она была бы величиной с Арарат и каждый увидев это, сказал бы:

«Какие люди все-таки мерзкие твари», — исключая говорившего, конечно.

Резюмируя мнение большинства, скажу:

— Несмотря на свою кажущуюся примитивность американский павильон поражает своей величественной простотой.

А это не всякому удается. Даже человеку.

Символ выставки: **Продолжение жизни**, а отсюда борьба за чистоту всего, кроме совести. Отсюда — белый цвет — чистый воздух. Синий — чистая вода и зеленый — здоровый, зеленый мир (деревья, травы и цветы)...

Советский павильон занимает 54 тысячи квадратных футов. Его девиз «Прогресс без загрязнения». Вы же знаете, что насчет девизов, лозунгов и призывов советская власть всем дает сто очков вперед. В павильоне на каждом шагу показывается и подчеркивается забота партии и правительства о своем народе, его здоровьи, счастьи и благополучии. Мы с Гришей это хорошо знаем, мы же оттуда. А американцы, стоя перед плакатами, фотографиями и панорамами только ахают. Есть даже песенка про них: «Я другой такой страны не знаю, где легко так янки обдурить». Они всему верят. Из портретов радующих взгляд видны только огромные брови Леонида Ильича и его лучезарная улыбка. Ни Ленина, ни тем паче Сталина. Как корова языком слизала. Перед чем мы долго стояли? Перед панорамами Байкала, Крыма, Сибири, Казахстана и других экзотических мест страны. Выполне-

ны они очень красиво, с потрясающей перспективой глубины. Талантливо и умело.

— А скажите, — это Гриша, — почему нет панорам таких диких мест, как Нарым или Воркута. Там ведь тоже есть чем блеснуть?

— Это будет на следующей выставке, а на этой мест не хватило, — не сморгнув глазом отвечает девушка на вопрос по-русски, на английском языке.

Эти девушки и молодые люди прекрасно вымуштрованы и все владеют английским языком, как мы русским. Очереди в этот павильон огромные и разбившись на стада туристы бродят опекаемые девушками с микрофонами. Они гладко и складно рассказывают, как живет и работает советский человек во славу своей соцродины. Я и Гриша там жили и работали, так что слушать «есть у нас легенды-сказки» нет никакой охоты. Уши вянут. Весь павильон внутри озеркален, и поэтому все кажется в удвоенном и утроенном количестве. Даже достижения. Есть такое английское слово **«показуха»**, так вот оно тут доминирует на каждом шагу...

Вы можете купить изделия из слоновой кости и шкатулки, коробки и деревянные ложки палеховской работы. Чтобы публика видела, что ее не обманывают, молодая и красивая девушка, с маникюром, педикюром и прочей косметикой, за отдельным столиком расскрашивает эти изделия. Не девушка, а просто — умелец! Ложка ее работы, стоившая до революции на базаре шесть копеек, тут продается за шесть долларов.

— Сухая ложка рот дерет, а шестидолларовая полирует, что ли?

Служащие павильона очень симпатичны, но разговоров на не научную тему — избегают. Публике раздается масса литературы о том, как идет жизнь в стране, где нет инфляции, безработицы, наркомании и преступности. Там «в чолевецех мир и благоволение! Где уж нам уж...».

А посетителям выражающим особенный экстаз вручаются даже жетоны, которые миловидные Ольги, Татьяны, Раи, Кати, вешают им на гурудь.

— Ну, как отказаться, когда это сопровождается милым «плиз» и ласковым словом, сдобренным сахарной улыбкой...

Нельзя обойти молчанием советский ресторан, в котором жизнь (и цены) бьют ключом. Гриша выпил

полрюмки (это порция) «Столичной» и ухлопал на это полтора доллара. Когда он проглотил, то жалеть было поздно, ведь проданный товар обратно не принимается. Есть борщ, который нельзя есть. Русская хозяйка никогда подобным блюдом не угостит. Варево. А о квасе даже говорить не стоит. Ни газа, ни цвета, ни вкуса. Цены на все жуткие, впрочем и порции такие же. Отдельно продаются рижские шпроты и величиной со спичечную коробочку баночки черной икры. Эта малютка тянет 8 долларов и еще, как довесок 50 центов. Наличными, конечно. Там чеков не принимают. Гриша от кого-то слышал о непревзойденном русском мороженом, и мы его взяли. Оно в картонном стаканчике с крышечкой так, что его можно вынести. Но мы сидели и ели.

— Ну? — восхищался Гриша, — правда американскому далеко до него? Это же сливки, масло, аромат, вкус... Молодцы! Хоть тут доказали!

Я ел молча, постукивая крышечкой об стол. И среди всех других надписей о качестве советских продуктов, в самом низу, мельчайшим шрифтом было набрано «Дариголд». Эту американскую фирму молочных продуктов мы хорошо знаем.

— Ну? — показал я Грише крышечку. — Вкусно?

— Вы мастер, — ответил он, — отравить человеку жизнь, ткнув его мордой об стол!

Размер статьи не позволяет заняться павильонами Японии, Китая, Кореи, Канады, Австралии, Англии, Франции, Германии, Ирана и стран поменьше. Все они стараются показать себя с лучшей стороны и всем это более или менее удается. Мексиканский павильон, еще на расстоянии дает знать о себе кухонными запахами. В китайском Гриша просто застыл перед девушкой, встречавшей людей у входа. Он даже дотронулся до нее.

— Костич, она живая! Боже мой, да еще такая красивая!

Да, там было на что посмотреть. А что в павильоне, мы так и не видели. Перейдя мост мы попали в прекрасно оборудованный лагерь бойскаутов. Там можно полюбоваться в каких условиях американские скауты проводят лето на лоне природы. Никто им не кричит «Будь готов», и никому они не отвечают, сморкаясь в пионерские галстуки: «Всегда готов!» Это минус! Посреди выставки возвышается высокая башня, которой много лет. Она была

в центре товарного вокзала шумевшего здесь в былые годы среди грязи, мусора и отбросов. Она, как память о прошлом отбивает часы и напоминает, что все течет и все изменяется... Шумит и бурлит в самом центре выставки водопад. Ах, какой успокаивающий звук падающей воды, постепенно переходящей в зеркальное озеро у оперного театра.

Общий вид его весьма импозантный и величественный: бетон и масса стекла. Внутри театр значительно бледнее и проще, сказывалась спешка.

Он скорее напоминает огромный кинотеатр, ибо все места только против сцены и никаких лож бенуара, бельэтажа и литерных о которых Гриша не преминул вспомнить, — там нет. Но для условий выставки, он вполне хорош. Большой интерес у наиболее культурной части публики (я и Гриша) вызывают экспонаты «съедобных» павильонов. Помимо советского ресторана, немецкого, мексиканского и китайской кухни, есть еще «забегаловки», где по старому и привычному образцу американец получит любимый «хатдог» с горчицей и кетчупом, всякие «Коки», кофе, донатсы, гамбургеры и то, что всегда и всюду есть на каждом шагу и без выставки. Едят стоя, сидя на тумбочках и на ходу.

К концу дня уже по рубашкам можно определить, что ел на выставке американец. Взыскующие деликатесов (такие, как я и Гриша) идут туда, где подают, обслуживают, улыбаются, кланяются, берут чаевые и на сладкое подают такой счет, что после него два дня не хочется есть. Жара дает себя знать и Гриша робко намекает насчет пивца.

— С охотой, — отвечаю я, — может быть, хотите попробовать русского, с американской наклейкой?

Он молча отходит от меня и пьет воду из колонки, у тротуара...

Развлечения? Ну как же им не быть там, где десятки тысяч людей. Помимо крутящихся колес, качелей, туннелей и всякого такого ярмарочного асортимента там были и будут: и Либерачи, и Лоуренс Вэлк, и Джак Бенни, и симфонии и ансамбли, и скрипачи (И. Штерн) и певцы (Р. Таккер), и певицы (Э. Фитцжеральд), и пианисты (Ван Кляйбурн) и дирижеры (Зуби Мэта) и балет (М. Фоунтейн), и юмор (Боб Хоп) и театр (Королевский Шекспировский) и артисты рангом поменьше. Все рассчитано,

распланировано до 3 ноября, когда можно будет сказать «Флаг спущен, ярмарка закрыта».

На нашу удачу в дни нашего пребывания мы попали на встречу сборной команды СССР с лучшими игроками Америки по баскетболу. Обычно в своих разъездах по США советчики выигрывали, но на этот раз... Однако, начнем с начала и по порядку. Не секрет, что, посылая артистов или спортсменов «в заграничное плавание», правительство прежде всего заинтересовано не так в успехе, как в барыше. Едут качать доллары. Гастролеры их и не видят, так как вернувшись они все получат в рублях, а вот государство погреет руки. Искусство здесь на втором плане. Гриша изрек:

Холопский дух не вышибешь веками.
Бездарным людям смелость не дана.
Не верю я, что грязными руками
Вершить возможно чистые дела!

На мой вопрос чье это стихотворение, он посмотрел на меня так, что мне стало неловко. А я твердо уверен, что это не его творчество. А вот...

Приведу пример: выпустили за границу на **два** года — мировой славы виолончелиста М. Ростроповича. Не сомневайтесь, что и кассир с ним тоже поехал. Учет — это социализм!

Возможно, конечно, что артисты и спортсмены коечто получают на карманные расходы, так же как и моряки, но на эту мелкую монету не разгуляешься. Ведь хочется купить и себе и близким.

Огромный зал «Колизеума» наполовину полон. Это лучше чем сказать «наполовину пуст». Но и цены, нужно вам сказать, тоже аховые. Гриша пытался торговаться и взять мне детский билет, но таковых не было. Неужели бы он выклянчил? Это на него похоже!

Огромный четырехугольник игровой площадки огорожен рядом железных стульев, на которых сидят или контрамарочники или нужные люди, потому что в этом ряду можно схватить мячом по лбу или же со всего размаху, на вас свалится азартный игрок в погоне за кожаным шаром. Там же судейский стол, радиопередача, врачи, арбитры, судьи, запасные игроки и «няньки», конечно.

Советские все в красном: майка и трусы, если играют, и длинные брюки, если сидят. В обоих случаях на

спинах каторжные буквы, а у американцев огромные номера по которым вы легко (имея в руках программу) следите за своими фаворитами. Гости из страны победившего социализма тоже имеют номера, но они у них где-то сбоку, около (простите) зада и видеть их можно или в бинокль, или сидя в заветном ряду. И тут «уравниловка» — нечего выделяться из коллектива. Все равны в глазах закона, за исключением тех, кто является исключением.

Вспоминается анекдот, похожий на правду: советский спортсмен рассказывает друзьям, как он проверялся, что бы попасть на Олимпиаду.

— И вот, товарищочки, сидит комиссия из врачей и спецов. Велят раздеться до гола. А мне что? Я раздеваюсь и стою, а они, как ахнут!

— Такой здоровый?

— Не, грязный!

Приезжие спортсмены значительно чище анекдотических. Сидят они, до начала игры, все рядом, на этих железных стульях, как скворцы на жердочках, а по краям, с двух сторон, по двое в штатском. Они вертят головки во все стороны, как заводные. Для чего? Догадайтесь сами. Потом красные тренируются с одной стороны, а американцы с другой. Между ними, как будто не железный занавес, а стеклянная стена. Ни наши к ним, ни они к нам. Ферботен!

Спортсмены из самой свободной в мире страны прекрасно знают, что неграм в Америке жизни нет: их и четвертуют, и предают суду Линча, и увольняют и не дают работы, и выселяют и вообще держат в черном теле. Отсюда их цвет! Но когда советчики видят, что в американской команде половина игроков негры, да еще здоровые, да упитанные, да крепкие, то у них большой соблазн потрогать их пальцем. А не перекрашенные ли это белые?

Игра началась в сокрушительном темпе натиска Советского Союза на Америку. Команда придерживалась того же принципа в игре, что и ее правительство в политике: «Лучшая оборона — это нападение!»

Красные фигуры, да еще в большинстве шестифутового роста, мелькали то тут, то там. Блестящая пассовка и стремительность в проведении задуманной комбинации, уже на первых минутах дали им перевес в шесть очков. Конечно, это не футбол и шесть очков, это еще далеко не

выигрыш, но это все же перевес и его теперь надо удержать всеми силами.

Разноцветная команда Америки бросилась в контратаку и через десяток минут преимущество Страны Советов было сведено к нулю. Так у нее у бедной со всеми достижениями, когда ей надо кого-нибудь переплюнуть... Среди игр бывают паузы, когда игроки сбившись в кучу обсуждают дальнейшие планы. Гриша просил меня обратить внимание на эти «производственные» совещания у советских спортсменов. Там среди них волнуются и размахивают руками люди в штаском, упрашивая, уговаривая и угрожая. Остальные молчат и согласно кивают головами. Попробуй — возрази!

Наши прекрасно знали, что имеют дело со сборной С. С. и в ней все лучшее, что могли только собрать со всей страны для гастрольной поездки. Разговоры о том, что спорт в стране Советов дело чисто любительское надо попросту откинуть. Все игроки, — в любом спорте — профессионалы на хорошем жалованье и пайке. Ведь эти люди качают валюту для страны. Надо дать и им что-то. Только играй хорошо, а нет — выкинут в два счета и тогда сразу познаешь сладость физического труда. Вот люди и стараются изо всех сил.

Медленно, но верно, инициатива перешла в руки американцев и бешенные усилия советчиков никак не могли пробить их линию обороны. Хочу отметить игрока США под номером 25, по имени Монти Тов. Он, как на смех коротышка и по сравнению со своими коллегами, а особенно противниками — лилипут. Но если удастся посмотрите его игру. Просто — виртуоз! Глядя на эту изумительную подвижность, вы сразу поймете почему он попал в сборную Америки. Не говоря уже о его неутомимости (игроки периодически сменяются на свежих), ловкости и меткости глаза, он еще умеет во время поспеть туда, где нужна его верткость, изворотливость и проворство. Они просто — клад. Противники сразу раскусили Монти и близко к корзинке его не подпускали. Он не обижался и с расстояния в 25 футов легко забрасывал трудные мячи. Его игра награждалась бурными аплодисментами и криками поклонников, которых у него становилось все больше и больше. Не забудьте — Монти Тов. Даже советчики, которые могли бы свободно через него перешагнуть и

пойти дальше — отдавали должное мужеству и таланту малыша.

— Мал золотник, да дорог, — сказал Гриша, иронически посмотрев на своего дылду спутника. В игре был перерыв, как это принято и американцы весело смеясь, отправились за кулисы, где могли отдохнуть, полежать и сделать все такое, что делать при зрителях не полагается. Их противники ходили за «этим же», группой, под руководством более опытного товарища, в штатском. Вернулись они, пошли другие. И все время шла «накачка». Штатские нервничали, боясь проигрыша. За это «там» не похвалят...

Самое смешное в конце. Смешное ли? Когда игра кончилась со счетом 75 и 67, но в пользу американцев и несколько тысяч зрителей поднялись, чтобы уходить, откуда ни возьмись, человек сто в красных куртках, выстроились вокруг четырехугольника, где была игра, чтобы **никто** из публики не смог попасть во внутрь и пожать руку или сказать хотя бы слово привета члену советской команды. Американцы пошли переодеваться и чтобы ехать к своим семьям, а это несчастное стадо узников на свободе, в своей жалкой скученности, сиротливо стояло посреди манежа, ожидая команды своих овчарок, охраняющих спортивных овец от тлетворного влияния — контакта с гнилым западом. Один из зрителей громко закричал:

— Американцы! Посмотрите на этих людей, которые не могут выйти и к которым нельзя подойти! Это называется детант!

Пока я тянул Гришу за пиджак к нам приблизились двое полицейских, а их там — в тени — было тоже не мало и один сказал:

— Не кричите. Это и без вас ясно!

Ардов слез со стула. Вот горячий. И когда публика разошлась, советская команда поплелась молча и понуро в раздевалку. Бедные ребята, ведь они тоже люди и не плохие, а вот...

Через несколько дней выступал ансамбль Моисеева. Эта танцевальная труппа прославлена на весь мир своим жанром, исполнением, виртуозностью, режиссерской выдумкой и муштрой, когда весь ансамбль, как один человек совершает сценические «перевоплощения» с легкостью, красотой и стройностью, которой могут позавидовать воинские подразделения. Молодость! Яркость костю-

мов, задор улыбок и вихрь танцев не имеет себе равных. Описывать выступления этих молодых артистов нельзя. Их надо видеть!

Общее резюме нашего ансамбля об ансамбле Моисеева с предельной краткостью выразил Гриша.

— Костич, — сказал он, — если бы вы мне рассказали о своем впечатлении от выступления этих танцоров, я бы не спорил и поверил, но когда я увидел это сам, то я просто скажу «невозможно поверить»...

После того вечера мы поняли, что делать нам в Спокэн больше нечего и мы уехали домой.

В пути Гриша проявлял обо мне особенную заботу: на остановках приносил кофе, помогал мне сходить с автобусных ступенек, покупал журналы поднимающие настроение и кормил шоколадками. Я понимал, что за этим что-то кроется, т. к. Ардов всегда был бескорыстным человеком. И я не ошибся. Когда мы садились в такси, чтобы ехать с вокзала домой, он сказал:

— Костич, я думаю, что вы дома будете молчать о той блондинке, которая...

— Блондинке? Да, я уже о ней забыл.

— Вот умница!

И он поцеловал меня в темя.

«ПОЧТИ В РАЮ»

После нашего успешного визита на международную выставку в Спокэн в 1974 году — Гриша затих. Он играл в шахматы, воспитывал жену, гулял с внуками и следил за своим весом, фигурой и поведением... И вдруг... Ох, уж эти «вдруг»! Он явился ко мне серьезный и принаряженный. Одним словом — необычный!

— Костич, — сказал он сурово. — Наступило время подвести итоги, пока они нас не подвели...

Я уже понял. Я знал Гришу и трепеща ожидал дальнейшего. И оно не заставило себя ждать. Он открыл кулек с веревочными ручками, с которыми жена посылает его за капустой, молоком, мясом и всем тем, что можно назвать «не хлебом единым жив человек», — и достал оттуда ярчайшие брошюры с изображением пальм, моря, зноя, голубых небес, солнца, песка и загара... Я сразу же догадался, что это легендарные Гаваи!

Но я был тверд в своих взглядах и убеждениях и поэтому, не говоря ни слова, встал и категорически заявил:

— Гриша, я согласен!

Туда можно из нашего города полететь только самолетом, потому что в ожидании попутного парохода можно просидеть у берега и «ждать погоды». А ждать уже не хотелось. Другими словами, я слышал, а теперь уже убедился на собственной шкуре, какой жестокий контроль проходит каждый улетающий. Мы подошли ко входу в малый зал «Пан-Американ», где собирались ожидающие отлета; в узком проходе, где стояли скучающие девушки, меня остановили.

— Что у вас есть? — спросила одна.

— Жена, дети, внуки...

— Да нет, я вас спрашиваю о металлических предметах на вас самих. Часы? — Я снял и отдал ей. Это ей показалось мало. Отдал и связку ключей.

— Ну, вот, теперь вы пустой, — и меня пропустили в зал, и там на подносике я получил ключи и часы обратно. Оказывается, что просвечивающий аппарат показал, что на мне есть металлические вещи. Может быть, бомба, огнестрельное или холодное оружие. Гриша оказался вне подозрений, или же его часы были из дерева, а кроме «Ключей счастья» Вербицкой с ним ничего не было. Он ярый поклонник классической литературы.

Теперь мы могли присесть, но Ардов сорвался и побежал к шкафу, в котором ярко блестели бутылки всех размеров и фасонов.

Это были алкогольные напитки самых заманчивых марок с самыми привлекательными ценами! Вторая витрина была с сигаретами, которых вы у своего японца на углу или даже в «Сэфвэйе» никогда не купите. Например, «Ротманс». Видели? Ага! То-то! А сигары? В деревянном ящике и длиной в три четверти фута! Третий шкаф с парфюмерией: там и «Шанель» всех номеров, и Диор, и Нина Риччи, и потом (не знал никогда) «Месье и мадам Роша», и если для месье были флакончики, то для мадам стояла просто бутыль, взяв которую за горлышко, вы можете спокойно шагать по самым темным улицам. От «запаха» этой бутылки, защищающей своего владельца, вряд ли кто устоит. Гриша разгорелся покупать все выставленное, т. к. налога не было. Но холодная отрез-

вляющая надпись показывала, что это только для пассажиров, летящих заграницу. В данном случае в родной стране мы оказались париями.

Ожидание отлета не было тягостным. Я читал чудесную книгу Гроссмана «Записки Д'Аршиака» (секунданта Дантеса убийцы Пушкина), а Гриша курсировал между пассижирами заводя, как обычно, знакомства.

Наконец впустили в самолет. Для людей, которые никогда не летали и не собираются этими глупостями заниматься, я позволю себе сказать несколько слов о самолете. В нем, кроме сидячих мест на первом этаже (300-400 человек), есть еще на втором — гостиная с баром, креслами, диванами и столами для игры в карты и шахматы. Первый этаж по размерам, это небольшой провинциальный кинотеатр, вмещающий несколько сот человек. Одна половина для курящих, а другая для «не». Мы с Гришей выбрали «не». Как легко мы привыкли и перестали удивляться, когда много-тысячепудовые воздушные дома свободно реют в небесах, предоставляя полный комфорт своим жителям. Стюардессы, о которых мы столько слышали и видели в прежних своих полетах — сильно потускнели, поистерлись и перестали быть привлекательными. Объяснение простое: 1) прежде все авиационные компании выбирали красоток, что значительно приукрашало полет и грядущая авиакатастрофа и падение с высоты в 34 тысячи футов не казалось уж таким страшным. 2. Кроме того девушка удачно выходила замуж и стремилась попасть на эту работу. Известен случай, когда очень красивая русская стюардесса «поженилась» с американцем и стала, здесь в Америке, известной русской писательницей. Вот вам еще один пример благотворного влияния Америки на наших беженцев, которые и в огне не горят и в воде не тонут. 3) А потом появился профсоюз стюардесс, в самой решительной форме заявивший, «что не с лица воду пить» и тогда уж лица девушек стали стандартными и разного цвета.

В самолете за известную плату вы можете подключить свои уши к музыке (наушники) по своему вкусу: можно Ельвис Пресли, можно Битлс, можно Рок-анд-Ролл, можно что либо из Южной Африки, но на Чайковского или на «Голубой Дунай» и не надейтесь. Гриша не устоял и взял, а я отказался. Но он был бы плохим другом, если

бы наслаждаясь музыкой лишил меня этой радости. Поэтому (светлая голова) он сделал следующее. Дело в том, что кресло на котором вы сидите снабжено целой серией всяких кнопок, дающих вам возможность не сходя с места (а пояс — то на что) позвать стюардессу отклонить кресло, готовясь заснуть и получив на руки два узких резиновых шланга, как в докторском стетоскопе, присоединить их к креслу, а кончики шлангов вставить себе в уши и слушать различные мелодии. Но Гриша предложил мне один из шлангов вставить себе в ухо, а второй ему. В результате никакого результата. Тогда он (о эти одесситы) уступил мне оба за 75 центов, а я опять отказался. Он обругал меня «Терпсихорой» и придав своему лицу «музыкальное выражение», в восторге закрыл глаза. Но уже спустя десять минут лицо его показало, что доллар был выброшен на ветер. Я торжествовал, а мне это редко удается. Когда уже подлетели к Гаваям, он сказал:

— Какое это наслаждение четыре часа быть погруженным в море звуков!

— А если сказать честно, Гриша?

— Если честно, то не морочьте мне голову.

Есть в самолете кино-экран на котором показывают фильмы, которые всем возрастам покорны. Есть прекрасная кухня, напитки мягкие и острые и прекрасно оборудованные уборные. Все это входит в стоимость билета. Ну, как не летать после этого? Перед «ланчем» нас угостили шампанским, но некоторые предпочли водку и виски. Настроение улучшалось. «Божьи одуванчики» раскраснелись и подпирая язычками вставные челюсти начали рассказывать друг другу пикантные анекдоты и визгливо смеялись. Они предвкушали встречу с солнечным морем и массу веселых приключений при божественно красивых закатах у райских берегов Гаваев. Одна дама смеялась так весело, что уронила из глаза «контакт-линзу». Галантные молодые люди нашего возраста, во главе с Гришей (анекдоты он записывал) начали ее искать, пока не раздавили. Окривев на один глаз, дама сразу успокоилась. Возраст пассажиров не уступал нашему и поэтому воздушный дом для престарелых выглядел бодро, но не особенно весело. Это и приятно, когда человек теряет почву под ногами.

Завтрак был вкусным, но за него пришлось платить. А ведь раньше этого не было. Тогда еда входила в стои-

мость билета плюс лицо стюардессы. А теперь они оказались в штанах (а прежде в мини и на высоких каблучках) и поэтому большинство пассажиров во время еды и обслуживания предпочитают смотреть в тарелки. Но Гриша оставался верен себе: он успевал отдавать должное и тому, что в штанах и тому, что в тарелках. Постепенно нравы грубели. Мужчины поснимали пиджаки, распустили пояса и незаметно оказались в рубашках при подтяжках. Дамы держались стойко, но когда начали дремать, то парики сползли налево, а очки висели только на правом ухе. Но даже во сне они привлекательно улыбались, предвидя гавайские радости. Мы с Гришей фасона не теряли и в чем вошли в том и вышли...

Знающие люди нас предупреждали, что как только мы поставим ногу на гавайскую землю, мы почувствуем себя в раю. Так и случилось. Как только мы вышли из самолета, нас встретила гирлянда из изумительных гавайских девушек, в экзотических нарядах, ярких, пестрых но привлекательно красивых. Нас целовали и одаривали — вешали на шею — венок из местных цветов. По ритуалу полагалось: венок, поцелуй и следующий. Но вы знаете Гришу. Он успевал забегать несколько раз (вне очереди) и получил несколько поцелуев и четыре венка. Тогда пришел в себя. И герои пошли получать багаж, но расторопный и вежливый чиновник сказал, чтобы мы шли на перрон и там нас усадят и повезут за чемоданами. Да, он не врал: у входа стоял целый поезд из небольших автобусов. Мы вошли, но все сидячие места были заняты — Гришина погоня за поцелуями сказалась, — люди пришли раньше нас. Ну, не важно. Прибыли в новое помещение, где на вращающийся конвеер «выплевывались» из под земли сумки, чемоданы, пакеты и прочая пассажирская «снедь». Вокруг с горящими глазами стояли владельцы в ожидании любимого «плевка». Наконец, люди разобрали свои вещи и пошли к выходу. Только два убогих типа, увешанных цветами и со следами губной помады на физиономиях, понуро стояли у пустого конвеера.. Наших чемоданов не было. Чиновник это понял и видя наше мрачное отчаяние, сразу же утешил.

— Это ничего. Мы сейчас составим акт, вы опишите внешность вашего багажа и к вечеру...

— Как к вечеру? — взорвался Гриша — мы сейчас

же приехав в отель, хотим переодеваться, одеть трусики и отправиться на пляж, а вы...

— Сорри, но я Вам свои предложить могу. Может случиться, что мы обнаружим ваши вещи в другой авиакомпании и тогда позвоним вам и вы сможете приехать сюда, тут же переодеться и с чемоданами пойти на пляж...

Да, рай начинал сказываться. Но, как видно, мы родились под счастливой звездой. Пока шел спор о первоклассном обслуживании пассажиров на аэродроме в Гонолулу, в конвеере что-то щелкнуло, он начал вращаться и на нем появились два наших красавца, причем Гришин был полуоткрыт и из него выглядывали какие то сиреневые тесемки.

— Ура, это мой. Это пижама выглядывает. И мы поехали в отель. Назывался он «Шератон». Собираясь на Гаваи, мы твердо решили не экономить, потому что видели, что деньги у нас есть, а времени уже мало осталось. И когда мы ехали на такси, то душный, горячий воздух пропитанный испарениями бензина и машинным перегаром, плюс запах разогретого асфальта не давал никакого представления, что мы в раю. Дылды пальмы тоскливо шелестели пыльно-жестяными листьями, приветствуя знатных путешественников. А впереди и сзади машины и машины. Райский трафик, так сказать!

Гриша с присущим ему чувством глубокого анализа изрек:

— Если бы в свое время пустышка Ева не соблазнилась яблоком, мы бы и по сей день ходили не зная подтяжек, давления крови и чеков социального обеспечения. Вот это был бы рай! Дура такая!

С балкона нашего номера открывался великолепный вид на тысячу человеческих особей, лежащих на песке и вбиравших в себя солнечные калории. А воздух-то! А воздух! Восторг и упоение!

Но Гриша был себе на уме и я об этом узнал после. Это было в субботу, а в воскресенье он меня потащил в армянскую церковь. Адрес ее он имел уже в Сеаттле. Мы успели, как раз, к концу службы и он с врожденным ему тактом и умением подходить к людям объяснял показывая на меня:

— Этот молодой человек и его друг (жест в свою сторону) хотели бы найти пристанище на две недели, у милой семьи и за приличное вознаграждение. Перегово-

ры были закончены в самом благоприятном смысле и мы помчались в отель за чемоданами. Почему такая спешка? Оказывается, что наш номерок (с видом на море и обратно) стоил в сутки 60 долларов. И Гриша мне резонно объяснил, что при такой цене мы никогда не отдохнем и она будет стоять у нас поперек горла.

Гришины претензии всегда сплошь и рядом необоснованы. Когда он заглянул в мою рукопись, то придрался ко мне, почему я не описал подробно тот номер (что-б он помер!) в котором мы остановились в Шератон-отеле. А мне было просто стыдно это делать. Ну, представьте: чудесная спальня, с широченной кроватью (кому это нужно?) огромная гостиная, с двумя балконами (честное слово) с потрясающим видом на океан! Внизу, глядя с балконов, два бассейна для плаванья. А мы на 19 этаже. Хоть прыгай прямо в воду! Ну, скажите, кому полезет в горло блинчик с медом или даже обыкновенная яичница, если вы знаете цену этого великолепия? Тут сна лишишься, а не то что... Хорошо, что съехали на другой день.

Конечно, администрация отеля не могла знать, что у нас с Гришей вечные стычки и препирательства, не носящие, правда, враждебного оттенка, но наличие двух балконов, в тот незабываемый вечер, когда, вернувшись с пляжа (спали мы потом на животах), дало нам возможность усесться и мирно каждому на своем балконе, предаться горестным размышлениям о тщете всего мирского... Заката уже не было, но мы его чувствовали безо всякого солнца. А на другое утро, когда съезжали, то у Гриши подозрительно блестели глаза и туфли.

— Отчего — спросил я — пряча ноги под кресло — у вас так блестят туфли?

— А бархатные портьеры?

— О, да. Это ваш стиль. А глаза?

— Взял пепельницу на память, а то никто не поверит, что мы тут жили.

Стоит об этом писать? Конечно нет. А он в обиде, но считаю что об этом надо умолчать. И так и сделал. Или еще: одна дама в самолете, выпив достаточное количество «дринков», курсировала между рядами кресел и заговаривала с кем попало. Темы она находила без труда и вот, стоя в полусогнутом положении около кресла одной из собеседниц, она от внезапного рывка самолета (возмож-

но, что если не воздушная яма, то воздушный ухаб) почувствовала дикую боль в ноге, от бедра к колену. То ли диск сошел с места, то ли вывих, то ли еще что нибудь, но она застонала, закричала и заплакала. Муж вскочил, бросился к ней и начал массировать больное место. А Гриша — (ну к чему?) — ринулся на помощь.

— Пустите, у меня опыт.

— Супруг сурово посмотрел на «санитара» и ответил:

— Отстаньте и не лезьте своими руками к бедрам моей жены. У меня самого достаточно опыта и знания анатомии...

Все засмеялись, а «виновница» торжества тоже. Гриша сконфузился. Ну и об этом писать? Конечно, не нужно. А он говорит:

— Вы бы могли этот эпизод подать иначе, а меня вывести в героическом виде!

С какой стати? Тогда я буду в тени!

Тут, у этой семьи мы получили очень приличную комнату с одним окном и двумя дверями. Вид? Ну, на соседнем дворе, слева был склад старых водопроводных труб и железных частей от погибших автомобилей. А справа хозяйственные люди имели кур, гуся и четырех собак. А так как (январь) на улице было 80, днем, а ночью 60, то спали люди при открытых окнах. Таким образом бодрствующие собаки охраняли наш покой. А вот гусь остался верен своим предкам. Оказывается, что в свое время они спасли Рим, а этот кустарь-одиночка вдруг среди ночи стал гоготать. Конечно, нам, городским жителям — его призыв быть на страже был чужд, но потом мы привыкли и, вернувшись домой, даже скучали за этим гордым римлянином!

Милые наши хозяева засыпали нас проспектами и брошюрами о всех местных развлечениях и местах, могущих раздразнить аппетит туриста.

— И еще, — сказали они, — если средства вам позволяют, возьмите на прокат автомобиль и езжайте себе во все стороны.

— А если не позволяют?

— Автобус. Но это отравит всякое удовольствие. Турист на автобусе все равно, что автогонщик на верблюде.

— А что вы посоветуете еще?

— А вот у соседа есть сынок у него старенький драндулет, Форд 49-го года. И он возит туристов. Можете договориться.

Получилось великолепно. Подумайте сами — жить на Гаваях и иметь свою машину и «своего шофера»...

И первое, что нам удалось увидеть под гавайским небом было **«Кодакшоу»**. В центре города, недалеко от пляжа, знаменитого пляжа Вайкики, парк и даже не парк, а парченок. В нем небольшая площадка, а вокруг амфитеатра скамьи. Публика одета, как Бог на душу положит. У большинства (80-то!) на головах картонки-шляпки, как у китайских кули. Солнце тут не шутит. Участники программы только гавайские женщины. Тут и песни и танцы и яркие радующие глаз костюмы. Зрелище очень импозантное, особенно для новичков. Но самое главное, что вход бесплатный. Но нас предупредили, что это **«шоу»** просто «фунт дыму» по сравнению с тем, что мы увидим (если заранее купим билеты) в Полинезиан Культурном Центре... Мы купили.

Вечером мы поехали любоваться закатом. В интересах туристов на Гаваях его показывают на западе и публика, сидя на скамьях парка, у самой воды может смотреть, как кроваво-красные и желто оранжевые переливы на небосклоне, наряду с густыми фиолетовыми облаками, помогают заходящему солнцу очаровывать непритязательную публику. Тот мыс на котором мы сидели создан искусственно, путем насыпи. А она усажена деревьями, свежей травой, а у берега, чтобы уберечь его от размыва навалены огромные камни и обломки скал, о которые разбиваются океанские волны, день и ночь наполняя эту часть суши (остальное песочные берега) дивным, незабываемым, утешающим душу и нервы, шумом непобедимой стихии. Мне лично сидение у моря понравилось больше заката, потому что за закатом надо спешить — опоздаешь и его уже нет. А эта живительная радость убаюкивающих вас зеленовато-голубых волн ласкает и глаз и сердце. Гриша не преминул обозвать меня «примитивом».

— Ведь это же вода, только не водопроводная и не дождевая. И все! А закат? Да, еще здесь? Не будьте чудаком Костич. А еще эстет. Стыдитесь?

Когда закат закатился и мы повернулись лицом к городу, мы просто ахнули: за нашей спиной, на фоне ночи и ярких звезд, блистал и горел миллионами огней

город Гонолулу. Дело в том, что здесь больше, чем где-нибудь понастроены многоэтажные отели и апартменты для сдачи и продажи квартир имущим людям. Окна их вечерами светятся, мигают, а к этому надо еще добавить тысячи автомобилей с горящими фарами, оживляющими эту огромную декорацию, созданную человеческим гением в противовес океану... Тут на улицах тоже шум от тысячных толп гуляющих туристов, музыки из ресторанов и гудков автокаров всех марок мира. Конечно, этот шум ничто в сравнении с гулом среди того океана, когда в бурную погоду ломаются пальмы, опрокидываются лодки и огромные водяные валы разбиваются о берег. Вот это стихия! Мы пошли побродить по городу, вернее по знаменитому Вайкики району, где все самое дорогое, шикарное, красивое и недоступное таким туристам, как мы... Магазины сногшибающие, цены в них стараются держаться на том же уровне. Чувствуется курорт мирового класса. Я купил спички с пальмой на коробке, а Гриша — жене ожерелье из ракушек.

Чтобы не нарушать бюджета, мы сели в машину — (Каули ждал за углом) и решили ехать баиньки, так как день прошел хорошо и насыщенно, но Гриша резонно заявил, что баре должны заботиться о своих слугах и мы, надышавшись морского воздуха съели в ближайшей забегаловке по гамбургеру со стаканом Коки, но шофер Каули предпочел хорошую яичницу с луком и сыром, заел холодным грэйпфруктом и запил горячим какао. Платили мы! Вернувшись в свой изысканный аппартмент, мы улеглись спать. Ночное дежурство охранявших наш покой собак и гуся функционировало бесперебойно, но все равно победа была за нами — мы заснули, как младенцы.

* *

Гонолулу стоит на острове, да все Гаваи — это восемь островов, и у каждого своя прелесть. Райская прелесть! Но чтобы их осмотреть, надо брать самолет, а это не дешево, и за один день в спешном порядке вы можете увидеть главные прелести каждого острова. Пляжи тут, наверное, протяженностью больше любого курорта мира. Это доказывает простая арифметика: остров при всей его оторванности от суши имеет берега.

И тут то же самое, но все на чудесном золотистом всегда теплом песке. Вода у берега ему не уступает. Ну, вот

и посчитайте, если все берега всех Гавайских островов вытянуть в одну линию, ими можно будет обернуть три раза вокруг земного шара. Правда, все это высчитывал не я, а Гриша... На другой день, а может это было и на третий, Каули отвез нас на пляж и вернулся за нами только к 4 часам.

Мы резвились и бегали по песку, как котята и наши пальцы на ногах так весело шевелились копаясь в нем, что мы их просто не узнавали, а может отмылись. Потом мы мазались всякими «Коппертонами», чтобы поскорее выглядеть как коренные жители. Предупрежденные и наученные горьким опытом еще у себя на родине, мы не позволяли себе такой роскоши, как, раздевшись, обоим броситься в теплые воды Тихого океана, забыв о брюках на берегу. Могло легко получиться, что выйдя из воды, мы не обнаружим своей одежды. Поэтому уложив на песочке весь свой гарнитур, мы оставляли дежурного и хотя по жребию, но большей частью — это был я. Раскинувшись, как ножницы, я ложился на штаны и лежал в ожидании смены. А она в это время плескалась, плавала, ныряла (правда в пяти футах от берега) и орала:

— Костич, ей Богу, как на Ланжероне. Ну, чистая Одесса, побей меня Бог! Чудаки эти гавайцы, поставили памятник какому-то королю Камехамеху, а надо было бы Ришелье, и было бы, как у людей.

Как я уже описывал, Гриша был весел, как никогда, и вдруг замолк, сел у воды и уставился на свою руку. Я решил, что его обожгла медуза и хотел даже выразить сочувствие. Потом он встал и с грустным видом поплелся ко мне, подошел и молча плюхнулся на мою новую рубаху.

— Гриша, вы же испортили вещь?

— Ничего с ней не сделается. Эта из тех, что не надо гладить. А вот мои часы, это другое дело. Я с ними купался.

— Что? Стали?

— А как же иначе? Соль полезна человеку, но не «Павлу Буре».

— Но вы же, идя в воду, могли их кому нибудь оставить?

— Кому? Так я по крайней мере знаю, что они хоть не пропали.

И об этом писать? Это же камень в мой огород. А то было еще так: гуляя по берегу, мы увидели изумительный

спорт, который здесь в Америке как-то по чудернацкому называется, а суть его сводится к тому, что молодые люди ложатся на специальные доски и выплывают на них подальше от берега, а там дождавшись хорошей волны, вскакивают на эту доску и балансируя, мчатся с большой быстротой к берегу. Очень опасный спорт. И Гриша вдруг заявляет:

— Спорю на пятерку, что я десять минут выстою на этой доске.

— На десятку, — меня это взорвало, — но пять минут.

— Костич, вы рискуете проиграть.

— Не ваше дело, я плачу.

— Окей, — и этот негодяй (а как же иначе?) подошел к лежавшей на песке доске, стал на нее и крикнул:

— Костич, смотрите на часы. Мои стоят.

Конечно, я об этом тоже не написал, но совесть у него все-таки есть: он взял только пять долларов.

Не знаю почему (или «Коппертон» был ни к черту, или мы) но уже через два часа мы сидели под какой то перевернутой лодкой и мазали друг друга вазелином. Гавайцев из нас не получилось, а скорее наоборот. Каули с трудом нас нашел и долго отчитывал.

— Умные люди — сказал он — мажутся оливковым маслом, а не какой-то там химией!

В один из дней было решено — это обязательно для туристов — поехать в **Перл-Харбор**, где 7 декабря 1941 г. коварные японцы (вспомним гибель нашего «Варяга») напали на эту Жемчужную Гавань и потопили почти весь флот, стоявший в ней, и уничтожили несколько тысяч моряков. Нападение было произведено без объявления войны, с надеждой поставить Америку на колени. Не указывая пальцем, хочу предупредить нового президента, что этот метод будет применен другой страной, только в более крупном масштабе.

И вдруг Каули заявил нам, что «Форд» устал, что его надо смазать и вообще пора сменить.

— Так ведь уже ж Картер — удивился Гриша.

— Я говорю о машине, а вы о пустяках.

И мы были вынуждены ехать в **Перл Харбор** на городском автобусе регулярного сообщения. Таких страдальцев туристов, как мы, набралось много, и когда мы вошли в машину она была «битками набита». Мы ехали, держась за железные трубы над головами, стукались об соседей,

толкались, огрызались и вели себя, как всякий едущий на работу или «с». Ни одна свинья не встала и не предложила нам место. Но присмотревшись, мы увидели, что моложе нас не было. Представляете?

Прежде туристов усаживали на катер и он их подвозил к красиво оформленной арке возвышающейся над погибшим крейсером «Аризона». Там на платформе, у кормы корабля, публика высаживалась и могла посетить небольшой музей, нечто вроде часовни и прочесть на мраморе 1.177 имен погибших моряком. Это создавало настроение и каждый мог думать, что может быть он жив, потому что те погибли.

Но память человека коротка и туристы, высадившись, начали писать на стенах бессмертного памятника то, что пишут в Сорренто, Зальцбурге, Ялте, Монте-Карло и в других местах человеческого местопребывания. Вроде: «Лю, я вас люблю!» или «М. и В. здесь были и все забыли» или же рисуют сердце пронзенное стрелой. Ну, в общем вы знаете — сами писали. И за какой-нибудь месяц стены и колонны исписывались вдрызг. Приходилось их мыть и стирать надписи. И теперь, когда усталые и измученные поездкой мы уселись в катер с подветренной стороны, мечтая о заслуженном отдыхе и возможности где-то в уголке этого памятника написать «Были под этой крышей Костич и Гриша», то нам сказали, что катер к арке не пристанет и чтобы мы не приставали. Катер не спеша объедет сооружение вокруг, и специальный человек расскажет нам все, что мы уже знали раньше. Так что решайте сами, господа читатели, ехать вам смотреть Жемчужную Гавань или удовольствоваться прочитанным. Это я обращаюсь к тем, кто ехать не собирается.

Вечером мы пригласили наших хозяев в китайский ресторан, в надежде, что они заплатят. Дело в том, что они из Шанхая, несмотря на то, что родились в Эревани. Они очень хвалили китайскую кухню.

Вошли. В зале, как в церкви, пусто и тихо. Из 30 столиков занято только четыре. Обстановка совсем не шикарная — а есть на Гаваях такие рестораны, что на ногах не устоите — но уютно и мило. На первое нам подали полотенце в горячей воде и объяснили, что оно не съедобное, а подано только для вытирания рук, вместо салфеток, т. к. кое что будем есть руками. Потом принесли

большое блюдо ракушек. Их надо раскрывать (это легко) и выколупывать оттуда какую-то слизь, а потом ее глотать. Мы так и делали, но наши лица говорили сами за себя. Ничего, прошло. Потом жареная утка. Это совсем другое дело. Вещь знакомая. Нажали и на это. Заиграла музыка, правда мелодии китайские, но после утки мы смягчились. Затем мелкие макароны со всякими овощами. Даже вкусно. Потом... Затем... Еще... Все это запивалось горячим, вкусным чаем. И когда мы «насыщенно» откинулись на спинки кресла, то оказалось, что осталось на столе, сколько мы уже съели. Все это было уложено в картонные коробки с металлическими ручками и наши хозяева забрали это с собой. Еще на целый обед дома. Гриша широким жестом хотел расплатиться (он у меня казначей), но девушка в китайском наряде, с вечной улыбкой на застывшем лице, сказала, что уже уплачено. Теперь обед нам показался особенно вкусным. Но мы в долгу не остались и когда ехали домой, взяли для их машины на 2 доллара бензина... Когда мы добрались до своей комнаты, то Гриша чистя зубы и полоща горло, пророкотал сквозь «Листерин»:

— Остич, ну как вы себя чувствуете?

— Терпимо — ответил я.

— Считайте, что нам повезло. Если бы они нас повели в японский ресторан, то вам пришлось есть сырую рыбу и жевать до изнеможения лапки осьминогов. Они как резиновые. Жуешь, а они изо рта выпрыгивают.

Рисуясь своим знанием иностранных языков (еврейский и украинский) он упорно говорил:

— Мы живем в Гонолуле. Пишите нам на Гонолула.

А когда я его поправлял, то он снисходительно улыбался.

— Что вы понимаете? Вы умеете говорить по-гавайски? Нет, ну и не суйтесь!

На другой день я остался дома, так как желудок довольно отрицательно реагировал на принятую накануне пищу. А Гриша вспорхнул утром, как птенчик из гнезда и заявил:

Мы не можем терять ни одного дня во время пребывания на Гаваях. Мы же читали и слышали, что это райский уголок в мире зла. Поэтому мое человеколюбие не позволяет мне оставить вас одного, и попрошу хозяев время от времени вас навещать, а сам пойду загорать и

купаться. Я не думаю, что вы настолько эгоист, что будете меня удерживать.

— Нет не буду. Нет, не эгоист.

— А я и не сомневался. Возвращаясь, я куплю вам пол-ананаса. Это оздоровляет. И, махнув на прощанье розовыми трусами, эта неуемная натура отбыла в неизвестном направлении.

Дальнейшие события (я узнал уже потом) развивались следующим образом: прибыв на пляж, где особенно мягкий песок и особенно острые ракушки, Гриша выбрал не особенно «населенное» место (природная застенчивость), расстелил полотенце и улегся загарать. Процесс этот длился не особенно долго, так как пляж огласился веселыми криками и топотом ног бегущей по мокрому песку молодежи. Гриша приподнял голову и ахнул! Мимо него, как русалка, как солнечный луч, как райская птица пронеслась к воде девушка изумительных пропорций, конструкции, внешности и красоты. Вокруг нее приплясывало человек шесть поклонников, может быть и блещущих молодостью и здоровьем, но умственно развитых далеко не так, как некоторые...

Синдерелла проследовала в воду, а орава за ней. Океанские волны расступились перед Венерой, как воды Красного моря, когда евреи покидали Египет. Зрелище было незабываемое, а оно еще дополнялось купальным костюмом, состоявшим из двух скромных частей, вполне гармонировавших со скромным видом девицы. Затаив дыхание, Гриша любовался Психеей, а она возлегши на поверхность Тихого океана, замерла в позе неги и истомы...

Гриша решил, что он также, как и все, а может быть и больше, имеет право пойти в воду и приобщиться к всеобщему поклонению женской красоте, созданной нам на радость и утешение. Он пошел, не показывая своей заинтересованности. А она показала и спросила:

— Вы плаваете?

— Только на большие дистанции, — ответил он застенчиво.

— О, — удивилась она — так вы спринтер?

Но так как Гриша не знал, что это значит, то он это подтвердил. Они мило беседовали, а орава ждала своей череды. Потом, взмахнув руками, Диана мерно и плавно поплыла в океанскую даль. Поклонники за ней. Гриша не

захотел показывать своей заинтересованности и с достоинством вернулся на берег.

На том месте, где лежали его брюки, майка, туфли и полотенце, была только ямка, оставленная им до того, как он встал... Из прожиточного минимума на нем были розовые трусы, очки и лысина. При горячем гавайском солнце почувствовать на спине холодный пот — радости мало! Но он почувствовал. Мало того. Горизонт потускнел... Солнце закатилось... Тучи начали скопляться над бедной его головой. Да еще какие! Грозовые.

— Что делать? Кто украл? Да какая разница?!

По пляжу носились стайки мальчишек, и, наверное, Гришины брюки у них не первые. Этот вопрос — «что делать?», — еще в свое время во всей остроте поставленный Чернышевским, здесь зазвучал просто страшно...

Подумайте сами, куда вы пойдете с прекрасного гавайского пляжа, не имея штанов и даже ни копейки на автобус?

Значит, во главу угла ставится дилемма — как попасть домой? Как? На берегу, в пятидесяти шагах, за его спиной стоят прекрасные отели, и, конечно, там поймут, что случилось, и помогут.

Отряхнув сырой песок с мокрого зада, Гриша поплелся в холл отеля. Согласитесь сами, что в таком виде тут туристы не ходят. На пляже — да, но в отеле?! Ах, интерес считаться! В Америке на это не обращают внимания. Он подошел к стойке, где возвышался человек, ведающий приемом приезжих, и сказал:

— Меня обокрали на пляже. Одежду и деньги. Помогите мне!

— Вы у нас остановились?

— Нет, я в городе, но я хочу что-то на себя надеть.

— К сожалению, я ничего с себя дать не могу. У меня каждой вещи по одной, кроме носков. Хотите один?

— Вы не смейтесь. Поймите меня! Что делать? Я же не могу в таком виде идти к автобусу!

А в это время из служебного хода вышел повар, окончивший свою смену. Он сказал:

— Я могу одолжить вам свой поварский костюм, даже с колпаком, а вы дайте залог.

— Господи, да какой-же залог, когда у меня ни копейки? Поедем со мной домой, и я уплачу за все.

— Окей, пять долларов за прокат костюма, а пять за мою поездку. Идет?

— Да, да, конечно. Согласен на все.

— Идем на кухню, я вас одену.

— Но без колпака и разливной ложки. Штаны и рубаха — этого достаточно...

— Да? А босиком к автобусу? — осенило повара. — Возьмем такси.

— О, да, конечно, конечно!

Жаль, что Гриша не фотографировался в этом живописном наряде, который был уже неделю в работе и должен был идти в стирку. Но Грише было не до этого. Домой, скорей домой! И когда приехало такси и они собирались садиться, Гриша пошатнулся и оперся о повара.

— Ой, Боже мой!

— Что с вами? Вам нехорошо?

— Не нехорошо, а плохо! Я не знаю адреса!

— То есть как это не знаете?. Не знаете, где живете? Ха-ха-ха! А кто же знает?

— Костич.

— Кто? Какой Костич?

— Мой преданный друг, с которым я приехал...

— Окей, так позвоните ему.

— Куда? Какой номер телефона и у кого мы живем — я не знаю!

— Знаете что? Снимайте мою униформу и не морочьте мне голову.

— Нет, нет, ради Бога... Вы... Я... Отвезите меня в полицию, они узнают и найдут.

— А кто же заплатит за такси? Король гавайский?

И наступила зловещая тишина.

— Тогда, тогда... Просто вызовите полицию, пусть она меня арестует, увезет к себе и пусть ищет Костича. Это ее дело — не мое!

Всем было жаль лысого человека в очках, и когда его уводили, повар даже пожелал ему удачи. В полиции похудевший и осунувшийся Гриша рассказал все о пляже, умолчав о неземном сне в воде и о жуткой яви на суше.

Перед полицией встал во весь рост вопрос, как найти дом, где живет Костич и хочет опять жить Гриша.

— Как вы нашли и сняли комнату? У кого?

Гриша рассказал о церкви, о симпатичных армянских прихожанах, о их доброте и отзывчивости. Полицейские

за это зацепились и, позвонив куда-то, узнали номер телефона священника. Они ему рассказали всю историю, указав, что несчастный, одетый в отрепья, забытые здесь каким-то забулдыгой, сидит при полиции. Священник подумал и сказал, что он знает только четырех прихожан, сдающих комнаты приезжим туристам, и дал полиции их номера телефонов. Полиция обзвонила эту четверку и... нашла! Хозяйка оказалась дома и дала полиции свой адрес, сказав, что по описанию полицейских тот, кто у них сидит, — ее квартирант, а другой — Костич — лежит на кушетке (она заглянула), слушает радио, пьет кофе и читает книгу.

Когда она сказала мне, что Гриша в полиции, у меня дрогнуло сердце и я вспомнил, что нечто подобное случилось с ним в Италии, когда он задремал в музее, его закрыли, а потом выручали через полицию. Но неужели можно задремать в океане? В ванне — куда ни шло, но...

Мои размышления были прерваны появлением гостей: Гриша в отрепьях и полицейский в форме. Я горячо поблагодарил блюстителей порядка, хозяйка огорченно вздыхала, глядя на Гришу, а он набросился на мой кофе, после чего принял две таблетки транквилайзора и пошел спать.

Потом, когда он пришел в себя, он изрек:

— Друзья узнаются в беде. А вы мне не друг, а если и друг, то в кавычках!

— Как? Почему?

— Вы должны были или пойти со мной или не пускать меня одного. Вы же знаете, как я болезненно реагирую на красоту и неудачи!

Потом походил, помолчал и изрек с прежней самоуверенностью:

— Красивые женщины меня уже не волнуют. Этот этап я, слава Богу, прошел.

А тогда я деликатно:

— А вы-то красивых женщин когда-нибудь волновали?

— Мно-гаж-ды! — и засвистел.

А однажды... Ох, сколько таких «однажды» у нас уже было... Так вот: как-то прийдя на пляж Гриша вдруг заявил, что знает почти все стили плавания: и «кроль», и «баттерфляй», и «брасс» и на боку и на... Он мог врать сколько угодно так как я по природе далеко не стильный человек.

— Я могу — бахвалился он — плыть на спине и читать газету. А однажды, это было в Одессе, проплыл с Ланжерона на Лузановку, держа на груди чашку с кофе!

Ну?! Не брехун? А я его все-таки люблю!

— Ну, хорошо, покажите, что вы можете и как.

Он отплыл футов на 50, но как видно забыл, что имеет дело с Тихим океаном. Волна его подняла и бросила к берегу, а когда он отплевался, она (а может быть и другая) опять подняла и отбросила обратно. Я понял, что эти «кошки мышки» Гришеньку до добра не доведут. Потом я видел только голову, потом только руки, а в удачные моменты вообще ничего не видел. Дело было ясное. И я помчался к «спасателю», который сидел в специальной будочке в футах 20 от берега и в 10 от земли и наблюдал за поведением купающихся, но только в одной области. Другие его не интересовали. Он жевал резинку.

— Слушайте — закричал я взволнованно — там тонет мой приятель.

— Где? — спросил он не волнуясь.

— Где, где. В океане, конечно!

— Океан большой. Где именно?

— Вон, вон, смотрите, мелькает еще!

— О, это? Да, этот тонет. Но пока я слезу (он взял свежую резинку) и добегу до берега и поплыву, я вижу, что не успею. Утонет, как пить дать. Знаю по опыту.

— Так, что же делать?! Тонет же человек!

— Вот что — не растерялся он — бегите к воде и кричите ему, чтобы плыл к берегу, а тут его кто-нибудь подхватит...

Я помчался обратно. Но зная упрямство Гриши, кричал не ему, а двум мужчинам, которые были недалеко от него. Если даже они и не разобрали моих слов, то по жестам догадались, что я не сумасшедший и чего я от них хочу. Они размашисто, спокойно, с гордой уверенностью двинулись к будущему утполеннику.

Когда Гриша в последний раз (я был в этом уверен) показался над водой, мужчины с двух сторон подхватили его под руки и так же неторопливо, поплыли к берегу. Положив «покойника» на мокрый песок, они вытерли руки об мокрые трусы и пошли, как ни в чем не бывало обратно в воды Великого или Тихого... Я бросился к Грише. Он приоткрыл один глаз и спросил:

— Ушли?

— Кто ушли?

— Ну, спасители.

— Вы бы им хоть бы спасибо сказали...

— За что? — открылся второй глаз — за что? Я именно это и хотел вам продемонстрировать, а эти два йолда нарушили всю гармонию...

Я даже плюнул от возмущения. Ну, как можно так врать и не краснеть?

— Ну, ладно, не злитесь. Завтра мы пойдем туда, где никто мне мешать не будет.

Но завтра мы не пошли. Гриша «забыл», а я не напоминал.

В один из дней, Каули нам сказал, что мы поедем в изумительное место, которое называется **«Вайолитирум».** Но не в названии дело, а в том, что мы увидим. Это нас заинтересовало, и мы, хорошо заправившись — шофер тоже, так как путь долгий — отправились. Хотя наш Форд и покашливал и пофыркивал, но честно тянул в гору, все выше и выше, замечая с каждым, витком дороги, что растительность становилась все гуще и гуще, а деревья все выше и выше. Стало совсем хорошо, когда мы спрятались от солнца. Наконец, мы остановились и вышли. Хм, одноэтажное здание с массой столов и стульев. Оказывается — ресторан «Сальвейшен Армии»! Господи, ну какой же чудак полезет куда-то в горы пить чай или есть гороховый суп? Оказывается, в часы «пик» съезжается до 300 человек туристов. Еда более чем обыкновенная, но вот — окружение! Мы — в джунглях! Да, да, только по узкой тропинке можно пройти и обойти это здание, а там густая, высокая стена тропических деревьев стоит на вашем пути. И тогда вы услышите крик птицы-пересмешника (он необходимая принадлежность кино-картин в духе «Тарзана» и всяческих субтропиков). Услыхав этот насмешливый хохот, вы сразу уверуете, что вы действительно в джунглях. Листья на деревьях с блюдо, лианы и всякие паразитствующие травы обвивают деревья до самой вершины, высасывая из них соки, убивая их и закрывая доступ солнцу на вашем пути.

Вдруг — небольшая площадь, и на ней уютная церковка. Вышел священник, и мы от него узнали, что многие брачующиеся приезжают сюда для совершения

обряда венчания. Венчание в джунглях! Разве это не заманчиво?! Если бы сюда дорвался Холливуд, то он бы устроил катанье на слонах, охоту на тигров и возможность молодым погладить живого крокодила.

Сворачиваем в сторону, и опять гуща, полумрак и узюсенькая тропинка. И тут самый главный сюрприз! Перед нами жалкая хибарка, крытая сухими листьями, со стенами из тонких жердей. Половинка двери открыта, и вы можете заглянуть во внутрь. Там та же убогость просто полунищей обстановки. Чей-то портрет, книги на полках, стул, стол колченогий, пыль и мерзость запустения. Наш дипи не захотел бы такого гаража для своей машины, а здесь многие годы прожил известный писатель, прославленный на весь мир, одно из главных произведений которого, «Остров сокровищ», переведено на все языки. Догадались? Нет? Роберт Луис Стивенсон. Был ли это каприз или его желание жить среди дикой природы, вдали от людей — неизвестно. Но стало грустно. Гриша сказал:

— Уверен, Александр Исаевич тоже бы согласился жить в таких условиях, лишь бы выскочить из страны победившего социализма.

Очень интересная поездка. Туда ходят автобусы. Возвращаясь обратно, Каули повез нас на **«Раунд-Топ».** Это вершина горы, с которой открывается вид на весь город Гонолулу, на пляжи и океанские дали... Хотя в этом городе много парков и зелени, но с этого пункта зрелище хотя и величественное, но не особенно радостное: громадины-отели, домища-аппартаменты, просто дома и домишки и улицы, по которым беспрерывным потоком вьется разноцветная лента автомашин. Разве в раю так бывает?!

Наш проводник предложил нам посетить военное кладбище — гордость Гаваев. Мы подумали и согласились. Ведь на одном мы уже были (Перл-Харбор). Однако на этот раз — не пожалели. Место выбрано с большим вкусом, все распланировано удивительно удачно и красиво. Это все за городом, конечно, так как кладбище занимает очень большую территорию. Широкая лестница ведет вас к огромному монументу, на белой стене, размер коего, два человеческих роста. Это фигура женщины с пальмовой ветвью (символ мира) в руке. Величаво и гордо она как бы парит в воздухе, символизируя собой мать-Родину,

застывшую в горестном отчаянии над могилами своих сынов, отдавших свои жизни за покой и мир на земле. Дай Господи, чтобы не наступил тот страшный миг, когда мир содрогнется от взрыва атомных бомб и опять молодые жизни будут брошены в огненную пасть Молоха войны. Все знают, что это готовится, что война неминуема, и знают, кто будет ее виновником, но ничего не предпринимается, чтобы устранить этот ужас... Налево и направо от фигуры идут широкие крылья навеса, под которым с великолепным художеством выполнены на стене цветной мозаикой все битвы, в которых Америка принимала участие. Для того, чтобы все понять и разобраться, надо затратить часы, но так как мы с Гришей природные пацифисты, мы окинули все быстрым взглядом, одобрили работу и подошли к стене, где были выгравированы тысячи имен людей, потерявших самое драгоценное — свои жизни — за благополучие своих близких и за свою Родину. И еще: кладбище расположено на **«Панчболл»** — кратере когда-то уснувшего вулкана. Стоя здесь, вы видите гавайские горы, голубой океан и гору, называемую Бриллиантовая голова. Хорошо... Тихо... Грустно...

И мы покатили дальше. Едучи, нам удалось увидеть часть гавайской земли, которую когда-то королева Эмма подарила своим подданным с условием, что на этой земле будут жить только люди с гавайской кровью. И они платят налог — доллар в год за тот участок, на котором живут. Эта традиция жива и по сей день. Гриша просто ахнул:

— Жениться на гаваечке, отхватить кусочек земельки и жить припеваючи!

— Но у вас же уже внуки?!

— Вот это только и удерживает.

Нужно сказать, что на этой земле есть и такие постройки, что в них и хлев устроить стыдно, а живут люди. Оказывается, что это пустяки в сравнении с районом, который называется «Вайманало». Это попросту трущобы с полуразвалившимися хижинами, грязью внутри и снаружи, как в самых заброшенных кварталах Чикаго, только там без пальм, бананов и кокосовых орехов. Бедность неимоверная. Гриша, страдающий «недержанием памяти», сказал:

— Вы знаете, Костич, что в свое время в Италии был знаменитый певец Беньямино Джильи. Его знал весь свет.

В книге его воспоминаний есть место, где он описывает свою поездку в Сицилию, в г. Палермо. И там, после посещения одного собора, который по своей красоте, золоту, мозаике и расписным витым колоннам не имеет себе равных, соборы, в который были вложены миллионы лир, — он вышел на улицу, и тут его внимание привлекла группа оборванных ребятишек, сгрудившихся у сточной канавы. Он подошел ближе и увидел, что дети стояли над грязным, облепленным мухами куском сырого мяса. Один рвал его на части и раздавал приятелям, и они с жадностью его ели. А у ребят, у многих из них, была какая-то страшная болезнь глаз. Мухи сидели на их слипшихся, гноящихся веках, и мальчики их даже не отгоняли... А в этот вечер Джильи должен был петь перед итальянской знатью, богачами и людьми, никогда не знавшими, что такое бедность, голод, несчастье. Вот эти лачуги, что мы сейчас видели, и те роскошные дворцы-отели, которые украшают Гавайи, и являются противоположными полюсами существования людей, родившихся людьми, чья жизнь потом пошла разными путями. А у зверей так не бывает.

Я ничего не ответил, потому что понимал, что в таком убожестве, с крышей из ржавого дырявого железа и без окон, могут жить только голодные люди. А они коренные гавайцы. Лень или хронические неудачи?...

На обратном пути мы остановились у **«Пали-Лукаут».** В этом месте бывают дичайшие сквозняки, опрокидывающие подчас автомобили. Мы стояли у края страшного обрыва, видели уже другой берег и узнали, что у этой пропасти, когда гавайцы воевали с соседями, те, кому не было выхода, прыгали вниз и разбивались, но не сдавались. Гриша на-глаз измерил расстояние и изрек:

— О «спрыгнуть» не может быть и речи!

Попутно мы узнали, что не очень давно к этому месту подошел автобус с туристами, а какой-то сумасшедший снайпер, засев в скалах, начал расстреливать мирных путников. Началась паника и... Но Гриша, человек трезвого ума, крикнул Каули:

— Поехали, поехали! Потом расскажешь.

И мы во-время достигли безопасных мест. Да, с ним не пропадешь!

Когда мы основательно освоились с пляжем и климатом, Гриша решил обратить свое внимание на женщин,

поскольку они на него внимания не обращали, а гадалка ему в детстве сказала, что до шестидесяти лет они будут пользоваться успехом у него, а после — он у них. Не желая подводить предсказательницу, он вел себя соответственно, причем и меня наставлял и поучал, как себя вести в соответствующих случаях.

— Смотрите и учитесь. Допустим, что вы забрались на территорию чужого отеля и дошли до их бассейна. Держитесь старожилом! Там, как вы знаете, вокруг него стоят плетеные лонг-шезы для загара, и на них возлежат нимфы, наяды и русалки различного возраста, которые делают вид, что вы им безразличны. Чепуха! Такие, как мы? Далеко нет! Солнце и вода — это еще не все. Им хочется духовного общения, контакта душ и сердец, а это требует сноровки и практики. И я вам докажу. Вы сидите и убедитесь воочию, что значит умелый подход!

Это он мне говорил, когда мы плелись опять к Шератон-отелю, у которого бассейн не был огорожен проволочным забором от таких типов, как мы. Я сел в сторонке, а Гриша в резиновых шлепанцах, розовых трусах, с зеленым полотенцем на шее обошел бассейн вокруг и обнаружил, что около трех дам стоял свободный лонг-шез. Ни слова не говоря, он бросил на него свое полотенце, а шлепанцы около, и грациозно упал в воду. Ему очень удавался стиль плавания «топор». Создавалось впечатление, что человек набит свинцовыми опилками и идет на дно с большой поспешностью. Дамы, увидев тонущую фигуру, да еще не шевелившую ни руками, ни ногами, заволновались, вскочили, не зная, что делать. Увидев меня (все-таки мужчина), обратились ко мне за помощью. Я ответил, что как только тонущий «набухнет», он всплывет сам. И правда, Гриша вылетел на поверхность, как пробка. Я отошел и услыхал:

— Лэдис, я засмотрелся на вас, и у меня закружилась голова. Спасибо за то, что присмотрели за моими шлепанцами и их никто не украл. Они мне дороги, как память от любимого дедушки. Он их тоже носил. Будучи уже на дне, я вспомнил ваши лица и решил, что глупо умирать, имея таких знакомых...

Дамы защебетали, заволновались, заулыбались, а Гриша уже жаловался на солнечный ожог, и одна из них вытерла ему спинку маслицем. Повернувшись ко мне, он крикнул:

— Ведите себя так всегда, и вас и пожалеют и приголубят. Ах, Костич, если бы мне ваш возраст!

Услыхав непонятный язык, дамы заинтересовались и, узнав, что их подопечный русский, были окончательно очарованы.

Вот чертова гадалка!.. Когда через два часа он явился домой, то прочел мне целую лекцию.

— Шлепанцы — это полдела. Не стройте свое пляжное счастье на зыбучем песке современности. Засосет! Но главное — не молчите. Говорите, что угодно, но говорите. Иначе — пропали! А почему вы ушли, я хотел вас представить...

— Не трепитесь, — зло сказал я. — Я слышал, как одна из дам спросила вас, «одни ли вы здесь», а вы ответили, показывая в мою сторону: «Нет, с внуком, но он недоразвитый... Видите, сидит с идиотским лицом. Это дурная наследственность!» Ну? И это не подло?!

— Поймите, что я не мог их обманывать с первого знакомства...

* *

В один из дней — мы уже покоричневели — наш гид предложил нам посетить известный японский храм, тоже за городом. Мы покрутили носом (даже двумя), так как там надо соблюдать приличия и снимать обувь при входе. Но кое-что нас соблазнило.

И правда: я вошел первым, а Гриша возился со шнурками. Внутри храма стояла огромная фигура Будды из золота. Утверждать я этого не берусь, за что купил — за то и продаю! Будда был из желтого металла. Ну, не будут же японцы делать своего бога из латуни! Обошли, посмотрели и даже постучали пальцем — звенит! Есть охрана. Место называется «Бали оф де Темиль».

И снаружи было интересно. Во-первых, парк в японском стиле, низкорослые деревья, каналы, мостики и благоговейная тишина, чего перед нашими храмами я не замечал. Но, о Боже мой! Мы увидели в каналах и больше всего у мостиков, где проходят люди, целые стаи окуней — белых, серых и золотых. Они толпились, как голуби на площади святого Марка в Венеции, в ожидании подачки. Я знаю одну страну, где за одну ночь от окуней ничего бы не осталось!!.. И вдруг появился японец в национальном костюме и с прутиком. Он стал у берега,

постучал веточкой о камень и закричал: «Чарли! Чарли!».

Что бы вы подумали? Прибежала собака? Кот? Мальчик? Да ничего подобного. Рассекая гущу столпившейся рыбы, к берегу мчался большой серый окунь, раза в четыре больше своих собратьев. Гигант! Они разлетались в стороны, как шелуха от семечек. Выпучив глаза, он уставился на японца. Тот что-то достал из кармана и бросил рыбе. Она поймала на лету. Это повторилось несколько раз. Мы стояли, разинув рты, (но нам он не кидал). Потом японец сказал ему:

— Это все! — и окунь повернулся и исчез. — А ему, господа, 175 лет! — добавил он.

Мы сделали вид, что верим. Затем к этому дяде садились на руку воробьи и клевали, ничего не боясь. Наша попытка покормить — успехом не увенчалась. Да и вообще и рыбы и птицы на нас не обращали внимания. Только японский полицейский вежливо провожал нас к выходу.

Обе стороны острова соединяются длинными туннелями, через которые мы с шиком прокатили. Пляжи вокруг всего острова. Да какие чудесные, да какие удобные...

И наступил тот день, тот долгожданный день, когда мы могли поехать в «Полинезиан Культур Центр» на зрелище, именуемое «Приглашение в рай». Ну, знаете, такое заглавие очень обязывает, и если оно сильно преувеличено, то и захватывающе дух — красиво! Когда вы приезжаете туда (а это час езды от города), то попадаете в нечто вроде поселка с постройками с соломенными матами на крышах, тростниковыми стенами и полами из морской гальки. Разные «избы» отведены различным народностям, населяющим Полинезию. Но главное зрелище будет только вечером, а пока усаживайтесь в поезда-автомобильчики, и они, скрипя, визжа и позвания, везут вас по всей территории. Сидящий за рулем юноша во время тура подробно обо всем рассказывает. Проезжая по аллеям, мы видим посаженные ананасы, созревающие бананы, кокосовые орехи, угрожающие упасть вам на голову, и много тропических деревьев и цветов. У одного небольшого озера собираются, как на водопой, туристы. Люди начинают искать, где сесть: кто на землю, кто на поваленное дерево, а кто и на бревна, положенные у озера, как скамьи. Уселись. Ждем. Вдали показы-

ваются две лодки, между которыми большая платформа и на ней музыканты, танцоры и певцы. Не успела одна лодка отплыть, как идет другая, и на каждой другие люди, другие наряды, песни и танцы. Это представители других островов. Все идет живо и непринужденно. Но это, как сказали знатоки, все равно, что кусочек селедки с рюмкой «перцовки» перед обедом. А настоящее зрелище будет вечером. А пока мы, погуляв еще по огромному саду, искусственно созданному в Культур-Центре, идем обедать. Тоже необычно. Стен у ресторана нет, а огромный навес, так что не жарко — продувает. У входа длинный буфет, и вы себе сами выбираете, чтобы наесться «от пуза». Глянув на Гришину тарелку, я ахнул:

— Гришуня, куда вы столько?

— Но это же все гавайское, не наше. Интересно будет попробовать.

— Так ведь тут проба на троих!

— Вам завидно? Возьмите себе на четверых!

Мяса в меню не было, хлеба тоже, кофе — ни Боже мой, а только сок, да и тот из гавайских фруктов. Но вкусно и сытно. Играла музыка. Оказывается, что ведает Культур-Центром мормонская церковная организация, и поэтому на территории К.-Ц. нет кофе и никаких алкогольных напитков. Даже безобидного пива нет. Эта организация за прибылью не гонится, но, конечно, ее имеет.

Поев, не спеша (переваривали), пошли к театру. Это новое здание, старое оказалось малым при таком наплыве публики, и соорудили новое. Ну и построечка! Во-первых, когда вы уселись в очень удобно расположенном амфитеатре, прямо против вас — огромная скала (она искусственная) во всю ширину сцены, заменяющая собой задний фон. По ней широким потоком низвергается шумящий водопад. За скалой настоящее небо и звезды. Внизу у подножья — сцена, а перед ней вторая — сплошной песок, и вокруг сцены канал шириной в десять футов. И вот тут-то, на всех площадках (скала, 1-я сцена, 2-я сцена и канал) разыгрывается действие с показом искусства людей с гавайских островов. Каждый остров своя музыка, свои изумительные наряды, песни и танцы. А еще световые эффекты дополняют эту великолепную, подвижную картину народного творчества. Оторваться невозможно! Есть один номер, который вы наверное видели и по телевизору. Это танец обнаженного островитяни-

на с двумя пылающими (с двух концов) факелами. Жуть берет, так как несомненно пламя касается его тела, но жонглирование факелами проводится с такой быстротой, с такой подвижностью, что утешаешь себя мыслью: «а вдруг это не так трудно и не так опасно!». Публика вызывает танцора на бис! Ей хорошо: сидит в кресле, жует резинку и пялится в бинокль. А каково ему? Мы тоже его вызывали, но из чисто гуманных соображений.

В программе много танцев, много музыки и много песен. Все это первоклассное и чрезвычайно интересное. На «закуску» подаются танцы и песни острова Таити. Вот уже где красота! Самым коронным номером в танцах таитян является группа в 12 девушек, изящных, стройных, с венками на бедрах. При полной неподвижности фигур бедра этих танцовщиц выделывают такие штуки, и они ими так виляют (в лучшем смысле этого слова), что публика приходит в дикий восторг. Мы не были исключением, но Гриша резюмировал это по-своему. Он сказал по адресу венка:

— И держится! Да я бы давно, на его месте, упал к ее ногам!!

Всему приходит конец Кончился и этот сказочный спектакль, который, я думаю, не скоро забудется! А в антракте вдруг появились продавцы с половинками ананасов и порциями мороженого в нем. Ну, не красота?! Нет, нет, не пропустите этой живой легенды, претворенной в жизнь труппой в 200 человек. Не часто такое бывает, а еще и на лоне природы!

Отдыхали мы без передышки, и уже на другой день Каули повез нас на Хпнпума-бей. Это пляж, образованный от отвалившегося куска кратера. Лаву использовали для устройства ограды того пути, по которому вы спускаетесь вниз. В воде масса кораллов. А залив (он небольшой) до того красив, до того уютен. Вода прозрачная, голубая, тихая, спокойная. Плавай — не хочу! Бывает, что сюда заплывают акулы. Но это мелочь... На кусочке земли, называемом «Блоухолл», много народу. Мы стоим все наверху, а внизу волны бьют в скалистый берег и за тысячелетия своей неустанной работы и настойчивой деятельности, хотя и бессмысленной, подолбили в скалах канальчики. И получается так, что при сильном ударе волны из такого канала в камне вырывается струя воды, могущая силой удара сбить человека с ног. И так день и

ночь! И что трогательно! Когда-то с этой скалы волны смыли японского рыбака, и он разбился о камни. Японская колония поставила у самой воды на этой скале обелиск и написала имя погибшего и что с ним случилось. Гриша посмотрел в мою сторону и тихо сказал:

— А если бы это случилось с русским, что бы было? — и, не дожидаясь ответа, указал мне на очаровательный пляжик-малютку, с девственно чистым песочком и водой, как пропущенной через фильтры. Очень красив, но трудно к нему добраться. Нагромождения лавы мешают этому, но можно, если постараться. Мы не пытались. Нас от обилия пляжей уже слегка поташнивало.

Пляжи на Гаваях принадлежат государству, и поэтому на их благословенных горячих песках лежат и богатые и бедные (в американском понятии этого слова), с той только разницей, что богатый имеет в своем отеле еще и прекрасный бассейн с фильтрованной водой, с креслами и зонтиками вокруг, а иногда и с буфетом, а бедный (такие, как мы с Гришей) встает с песка, чтобы идти домой, а сзади на трусах приклеился чей-то окурок, а в ногу вонзилась чертовски острая ракушка, и с восьмого этажа какого-то отеля, когда вы проходите мимо, вам на голову падает бумажный стаканчик с недопитым баттермилком. Вот вам и разница!..

Однажды вечером, когда мы по настоящему почувствовали себя старожилами, Гриша предложил пойти в бар, да еще туда, где танцуют. И опять этот злополучный Шератон, в котором мы считали себя «своими людьми».

Поднялись мы элеватором на 30-й этаж. С нами ехала какая-то дама. Показывая на нее глазами, Гриша тихо сказал:

— Если бы не вы, я б ее поцеловал!

— Оооо?!

— Да, да, женщины любят целоваться в элеваторе, считая, что это происходит на нейтральной почве.

— Первый раз слышу.

— Костич, до вас очень туго доходит яркая и содержательная мысль, высказанная другими. На языке науки это называется «заторможенное восприятие». Вы-то вообще Фрейда читали?

— Давно, еще в детском садике.

Выходя, дама сказала Грише по-русски:

— А вы? Читайте — умнее будете!

Господи, мне так хотелось ее расцеловать за эти слова, но она была уже вне «нейтральной почвы»...

Да, итак мы в баре, на 30-м этаже. Человеку со слабым зрением там гибель, потому что на столиках теплятся свечечки, на танцевальной площадке, размером с коврик, полумрак, если не сказать больше, и только у музыкантов — лампочки в полнакала. Так что споткнуться, упасть или сесть кому-либо на колени — дело пустяковое.

Мы нащупали столик и сели, но не на него, а в кресла. И несмотря на такую темень, уже через полминуты около нас оказалась девица из бара и спросила, что пьем. Я сказал, что вечером обычно молоко с медом. Она отшатнулась.

— Он шутит, он шутит. Дайте нам два по своему вкусу.

Это она сразу поняла и принесла какую-то дикую смесь сока, перца, краски, соли, кетчупа и спирта. А на краю бокала был посажен для умиротворения ломтик лимона.

— Шесть, — сказала она сразу же.

— Ше...есть че...го? — охрип Гриша.

— Шесть долларов!

Даже в этой темноте я увидел, как он побледнел и у него задрожали руки, достававшие бумажник. Заплатив, он просипел:

— Вы бы могли отказаться и настаивать на молоке!

— Но вы же сами сказали — два!

— Сами, сами! Я иду танцевать!

И тогда — глаза уже привыкли — я посмотрел на танцплощадку. Там терлось — я другого определения не нахожу — шесть пар. Места было очень мало, и поэтому партнеры прижимались друг к другу, чтобы дать больше места — (а может и по другим соображениям) — танцующим соседям. По существу они даже не двигались, а только раскачивались, причем кавалеры держали дам, для большей устойчивости, за те места, за которые обычно дают по физиономии.

Тут я первый раз убедился, что эстетическое чувство у Гриши победило: он вернулся.

— Идем, это не для нас!

Возвращались мы молча, но я думаю, что «шесть» подействовало на Гришину психику больше всего и сыграло свою роковую роль.

В один из дней Каули сказал, что новой поездкой мы убьем нескольких зайцев. Первый «заяц» был **«Силайфпарк»**, где демонстрировались рыбы разных пород, дрессированные дельфины, на которых можно кататься верхом, морские львы и многое другое. Все это было видно дома на телевизоре, а теперь наяву, под ярким солнцем. Совсем недалеко от этого парка (опять таки на берегу океана) возвышается огромная и крутая скала, с которой специально тренированные молодые люди и девушки прыгают вниз, имея над собой огромные крылья. Полет напоминает немного нашего русского воздушного змея, но этот гигантский, да еще с человеком под ним. Жутко смотреть, как они умело планируют, приноравливаясь к ветру. И когда они опускаются на пляж, то не шлепаются, как мешки с песком, а становятся сразу на ноги, улыбаясь и смеясь.

— Гриша, вы бы полетели?

— Что я, сумасшедший? — был его любимый ответ.

Наконец мы по-настоящему почувствовали, что, отдыхая две недели, сильно устали, и нам захотелось домой, к внукам. По-барски рассчитавшись с Каули и щедро дав ему на чай (финансами у нас ведает Гриша, и поэтому я не боялся перерасхода), мы решили последний вечер провести наедине с закатом и океаном, но так как мы люди, со всеми присущими им слабостями, то опять пошли по «Невскому проспекту Гонолулу». Жизнь тут бьет ключем и днем и вечером. Торгуют и по воскресеньям. Огромное количество магазинов и магазинчиков, ресторанов и расторанчиков всегда имеют своих потребителей и клиентов; и всякие ожерелья, браслеты, изделия из ракушек, лав, стекла и дерева, открытки, альбомы, календари с гавайскими видами, авторучки с красавицами, снимающими с себя купальные костюмы, парфюмерия, колечки и многое, многое другое раскупаются отъезжающими, чтобы кого-то одарить или оставить себе на память о райском крае. У нас была полная коробка с подобными пустяками, но когда мы подсчитали их стоимость, то оказалось, что это далеко не пустяк. Но... после

драки долларами не машут. Кроме того, надо же понимать, что у нас осталась дома большая и жадная родня, которая не простила бы нам невнимания и скупости. Поэтому какая-нибудь корявая пепельница для четырехлетней внучки или мундштук для сигар некурящей жене — будут очень кстати.

В этот печальный вечер накануне разлуки с Гавайями закат был какой-то грустный и неполноценный. Мы сидели у самой воды, обсуждали красоту пляжей и заспорили; и только компромисное решение успокоило наши страсти. Мы пришли к заключению, что лучшие в мире пляжи — это киевский на Трухановском острове и Лузановка в Одессе.

Спокойные тихоокеанские волны плескались о берег. Было почему-то очень тоскливо.

— Скажите, Костич, когда мы с вами (возможно, вы раньше) уйдем в лучший мир, то неужели же вот так по-прежнему будет шуметь прибой, щебетать птицы, всходить и заходить солнце, голубеть небо, и цветы будут радовать людей своей красотой и ароматом?

— Я думаю, что будет именно так.

— Какая несправедливость!

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Стоит вам произнести в присутствии человека которого вы не знаете это слово, как он сразу оживляется:

— О, вы хотели сказать Хаджибеевский Лиман? Ну, конечно, знаю знаю!

— А вы не одессит? Ах, только бывали? А Пересыпь? А? Ее увековечили в песенке «Костя-капитан», поет Бернс. Слыхали? Великолепная, а главное выдержанная:

— Я вам не скажу про всю Одессу... Это же так типично, так жанрово и так жаргонно. А вы еще помните Дерибасовскую с кафе Фанкони? Нет? О, это уже настоящая Одесса. Так же, как и памятник герцогу Ришелье! И как оперный театр! Копия с венского. А может быть, они скопировали с нашего?... Венцы такие, они могут! Я... А вы видели Турецкую Башню, что стояла посреди Старобазарной площади? Ведь это же памятник Одессе, как Сухарева Башня в Москве. Эта Турецкая имела уже при мне 150 лет от роду и она выросла на том месте, где теперь стоит Одесса. А ведь раньше там были духаны и плоские сакли Хаджибея. А теперь на том Лимане курорт, да еще какой! А грязевые ванны? Принимали?..

Я еще помню по школьным годам, что у входа на Старобазарную площадь стояли два бронзовых льва с клыками и крыльями. Разве такие в жизни бывают? Фантазия! Почему то мне вспоминается маленькая церковь на углу Екатериненской и Базарной. Потом советская власть в ней музей сделала. Я сказал Екатериненская, а она ведь теперь Карла Маркса. Да, Господи, сколько они улиц переименовали, а народ, особенно одесситы, все равно их называют по старому, несмотря на таблич-

ки на улицах. Эта улица, я там жил, одним концом упиралась в Сабанеевский мост и Воронцовский переулок, а другим выходила на Привоз. Там можно было купить и продать все. Пройдите его и вы выйдете на Владимирскую по которой дребезжал трамвай идущий из Люсдорфа на Тираспольскую Площадь. Его номер был 29. Подумайте, до сих пор помню! Конечно, кроме Привоза были и другие базары: Новый, Староконный и еще штук пять, не помню уж.

А кино на Преображенской? А Большая Арнаутская? Еще помню Успенскую церковь, в ней венчались мои родители. Господи, если бы вы начали меня расспрашивать или же согласились выслушать, так я бы вам «про всю Одессу», про всю, а не про часть рассказал!

Ведь, это город моего детства, отрочества и юности. Все там, в прошлом!

А теперь, в холодном, неприветливом Сан Франциско, где даже днем на улицу выйти боязно, где в автобусе страшно, не говоря уже о попытке вечером пойти в церковь или купить себе молока или хлеба... А в Одессе мы гуляли по ночам, под белыми акациями, в полном цвету. Даже теперь, много лет спустя, я обоняю этот опьяняющий запах, чувствую в своей руке ладонь любимой девушки и горечь гложет нестерпимой тоской о днях ушедшей молодости. И живу, как и многие из нас — воспоминаниями. А от этого еще грустнее, чтобы не сказать больше. Я родился в Одессе, потом родители переехали куда-то, потом опять Одесса, потом их ликвидировали, как класс. А кем они были? Мелкие торговцы, но всеравно «нетрудовой элемент». Ну, я и перекочевал окончательно в Киев. Я пробовал писать воспоминания с целью послать в журнал или в газету, а потом бросал.

А знаете почему? Зачем интимное, близкое, дорогое, незабываемое делать достоянием толпы? Зачем? Кто поймет, а кто и осудит, а кто и посмеется. Люди-ж разные. Хотя у каждого в жизни было что-нибудь дорогое, только оно под пеплом прошедших лет потухло, посерело и как будто забылось. Нет, если оно было по настоящему ценным, оно никогда не умрет в памяти. Никогда! Если оно, конечно, единственное в своем роде, а не повторение пройденного и уже не раз пережитого. Тогда это стирается, как монета прошедшая тысячи рук. Потускнела, но осталась в той же стоимости...

Вот там, в Киеве я и познакомился с... ну, назовем его условно Юрием Саценко — спортсменом, танцором, весельчаком, актером и душой общества. Вот уж действительно повезло человеку в жизни — все ему легко давалось. Любую работу, даже абсолютно незнакомую, он быстро усваивал и легко справлялся. С людьми сходился, как никто и... да, да, вот именно и успех у женщин имел.

Красивый? Да, ничего особенного. Правда, лицо приятное, открытое, располагающее; улыбка хорошая, с красивыми зубами, а когда он на пляже, то любо-дорого посмотреть — одни мускулы и стройная узкая в талии фигура, с широкими плечами. Не было спорта, которого бы он не знал и не пробовал овладеть. Разговаривает на любую тему и вы даже не поймете по началу, что коснулся он ее впервые... Ну, в общем он был предметом зависти для многих мужчин и объектом «нападения» для женщин... Такие дела!

И вот, что с ним случилось: весной Днепр разливается очень широко и очень часто Труханов остров, — напротив города, — заливало во-всю. Бедные трухановцы пользовались лодками для поездок за продуктами; школы не работали и убытки народ терпел не малые. Большинство островитян жило в своих домиках и повреждения бывали весьма серьезными. Не покидали остров считанные люди потому что привыкли и считали наводнения обязательной принадлежностью своей жизни. А когда вода спадала, то на острове, особенно на пляже, оставались широкие и подчас глубокие ямы намытые водоворотами и вода в них держалась довольно долго, несмотря на то что река вошла в свои берега. Эти «лужи» были достоянием детворы. Она в них купалась, прыгала с откоса ямы, переплывали по несколько раз, без передышек и вода в них была куда теплее, чем в Днепре...

Юра был постоянным посетителем Трухановского пляжа, даже после работы и пока люди потихоньку подгорали, он уже становился бронзовым и выпуклые бицепсы весело играли под эластичной кожей. Многие на пляже знали Юру. Там процветали спортивные упражнения и игры. Популярен был волейбол, борьба и акробатика. А на полутригерах, с подвижными сиденьями, устраивали гонки, начиная от Чортороя и до Цепного

моста. Но было легко, когда мчались вниз по течению, а вот уже обратно было трудно, но брались. Молодость побеждала. И конечно, Юра был закоперщиком всех этих начинаний, не упуская случая попутно познакомиться и очаровать очередную пляжницу своим видом и юмором.

Без романов он не жил. В этом году у него была чудесная студентка Торгово-промышленного техникума, который недолго просуществовал в здании напротив театра Русской Драмы. Звали ее Катей. Она была стройной, изящной, с коротко подстриженными волосами, что ей придавало мальчишеский вид. Любила спорт, песни и... Юру. Этого она не скрывала, да и не скроешь на пляже. Там все знали кто кем интересуется. Потом она перешла в студию Леси Курбася, который был в зените своей славы, пока его не уничтожили вместе с созданным им театром «Березиль». Высоко одаренный был человек! Так и шла жизнь этого советского юноши между работой физкультурника в союзе пищевиков и любовью к Кате. В один, далеко не прекрасный день, будучи на пляже Юра пошел к пристани, чтобы кое-кого встретить и проходя мимо одной «лужи» увидал мальчонку переплывающего свой «океан». И вдруг он услышал:

— Дядя...дя...дя... Помо...гите!... Пом...

Юра обернулся и раздумывать уже было нечего — мальчик тонул!. Он быстро бросился с края ямы в середину этого убого озерца и схватив ребенка за волосы, взбросил его себе на плечо и поплыл. Три взмаха и он уже на берегу. Куда там плыть? Но вот, когда он прыгал он почувствовал резкую боль в колене, но тогда было не до нее. Главное — спасти! Едва он коснулся берега, как мальчишка вскочил, как встрепанный.

А он? Юра лег на песок, а боль наростала все сильнее и сильнее. Попытка встать ни к чему не привела. Он опять лег у самой воды, а мальчик с удивлением смотрел на своего спасителя. И как глупо получается: там на пляже сотни людей, десятки его приятелей, а он один, почти теряющий сознание и полный беспомощности.

— Дядя, что с вами?

— Я, брат, кажется ногу сломал в спешке!

— Ой, ну?! За меня? — и заплакал.

— Ну, чего ты дурачок? Я же сломал — не ты. Я тебя спас, а теперь ты меня выручай. Беги там где хлопцы в волейбол играют, знаешь? На пляже?

— А ну-да.

— Ну, вот. Беги и скажи: Юрка ногу сломал, помочь надо. Ну, бегом марш!

Когда испуганные друзья были приведены Степой (бывший утопленник) к месту происшествия, то Юра уже лежал без сознания, а колено на левой ноге зловеще вздулось. Ясно, что идти к переправе он не мог. Кто-то догадался сбегать в трухановскую поликлинику и раздобыть брезентовые носилки на которые стонущий юноша был уложен, перенесен в большую лодку и перевезен на другую сторону. Там, с великими трудностями вызвали карету скорой помощи и отправили пострадавшего в Александровскую больницу. Рентген показал, что поломки нет, но жестокий разрыв связок. Вот такие дела!

— Вы поправитесь — сказал врач, — но от многих видов спорта, где принимают участие ноги, откажитесь навсегда, чтобы не было рецидива.

— Но я же преподаю физкультуру?!

— Лавочка закрыта. Ищите другую работу. Через две недели мы вас выпишем и будете ходить на костылях. Потом внешне все пройдет, но вы навеки останетесь под угрозой повторения этого несчастья в еще более тяжелой форме. Берегите себя, вы еще молоды, у вас вся жизнь впереди, а муж калека — мало радости. За все время пребывания в больнице, Катя ежедневно после работы сидела около его кровати. А когда он вышел, она его подкармливала из своих скудных запасов, беря у родных. Он ел и поправлялся. Шкандыбать на костылях, удовольствие маленькое. Конечно, от работы пришлось отказаться, но профсоюз (в газете была статья с фотографией Степы и Юры, с описанием этого случая и геройского поведения Саценко) расставаясь с хорошим работником, обещала ему на август месяц путевку в санаторий Хаджибеевского Лимана, где была грязелечебница. Это рекомендовал врач. И к тому времени, когда надо было ехать, Юра ходил тяжело опираясь на палку. Опять увидеть родное Черное море, подышать его воздухом, может быть и поплавать у берега Лузановского пляжа. Трамваем, с чемоданом и палкой, он добрался до санатория име-

ни Лежавы. А кто это такой он и не знал. А какая разница?

Его переодели в больничное белье и устроили в палату на четырех человек. И уже на второй день его сожители души в нем не чаяли. И анекдоты и остроты и смешные истории так и сыпались изо рта этого чудесного парня. Порядок лечебных процедур был строгим и ежедневно Юра, помимо ванн был отправляем в грязелечебницу, где его больную ногу укутывали в черную горячую целебную грязь, а потом обмывали насыщенной солью водой. Там же он лежал остывая и отдыхая. Не прошло и недели, как он перезнакомился с другими «больными», которые не получив тех путевок за которыми гонялись, — брали грязевую, — черт с ней, лишь бы уехать, — даже будучи здоровыми. Юра предложил дирекции поставить нравоучительный спектакль и брался написать пьесу «Надо знать, как лечиться и отдыхать». Та с радостью согласилась и объявила о наборе исполнителей желащих поработать на пользу дела. Таких оказалось больше чем надо и некая Лиля Фалкон предложила ему себя так как была — это ее слова — одарена всеми талантами, присущими женщинам. Контакт наладился сразу же, но старшая сестра предупредила его, что надо быть во время в кровати, а не шлендраться по закоулкам. Юра и сам понял, что слишком поторопился с этим «романом». Лиля заявила претензию на главную роль и требовала, чтобы режиссер с ней прорабатывал все мизансцены отдельно и репетиции назначались в удобное ей время. Не желая срыва спектакля, он во всем ей уступал. Хотя ходил с палкой, но оберегал себя от резких движений. Катя слала ему письма, но на ответы времени не было...

И вот, однажды, проходя по парку санатория, Юра обратил внимание на зеленую будочку-киоск в котором маячила какая-то фигура. Интересно, что это? И он подошел. Оказалось, что в этой неуютной «халабуде» продавались минеральные воды: боржом, Ессентуки разных сортов, нарзан и еще что-то. Продавщица сидела, углубленная в книгу. Она даже не подняла головы. Он пошел дальше, а на другой день решил выпить Нарзану, особенно если он холодный, да еще с газом! Красота! Он спросил о цене и замер. Большие зеленые, русалочьи глаза, очень белая кожа красивого лица и рыжая шевелю-

ра, выраженная в двух косах. Немного, как и полагается рыжим — веснушек. Девушка монотонно перечислила свою продукцию и цены. Он пил Нарзан очень медленно и за это время подошол трое больных и им были названы все воды и цена. Те ушли, а Юра выпил еще нарзанчику и спросил:

— И это каждый раз когда кто-либо подходит и спрашивает, вы перечисляете ваш «товар» и цену за стакан каждого напитка?

— А как-же иначе, товарищ?

— Веселый разговор — голубая кофточка! — и ушел. Он отправился прямо в канцелярию санатория, где уже стал своим человеком.

— Девочки, новость!

— Какая? Какая?

— Дайте мне кусок приличного картона; впрочем у вас ничего неприличного вообще нет, размером полтора в квадрате. Нужен для постановки! — Когда картон был дан, «девочки защебетали» — А где же новость, Юра, где она?

— Картон. Вы же раньше мне его не давали и это ново для вас.

После обеда опять отправился к киоску.

— Скажите мне все цены на ваш обширнейший ассортимент.

— Вы шутите? Для чего? — и опять никакой улыбки.

— Надо, я же покупатель и имею право знать, как вы с нас сдираете шкуру? А может я буду жаловаться? А может я из горсовета контролер? Кто знает?

Но она и тут не рассмеялась, но сказала все, что его интересовало.

— Но вы же вчера пили, должны знать?

— Пил я не только вчера. Я давно пью, — и в ответ грустный взгляд и глаза опущенные в книгу. К концу рабочего дня Юра принес в киоск свой подарок. На великолепном разграфленном картоне, разрезанном пополам, были написаны названия напитков и цены на стакан.

— Вот, кнопки, мы их приколим к двум сторонам дверок вашего неказистого прилавка и когда половинки их открыты — плакаты видны и спрашивать не надо. А когда двери закрыты, то есть ваша лавочка еще не включилась в торговый баланс страны — сорвать эти объявления нельзя. Принимается?

— Ах, как это хорошо и удобно, товарищ. А я ведь в течение дня, как заводной болванчик.

— Не смею спорить, только меня зовут Юра. — И ушел на репетицию. А на другой день он любовался делом рук своих. Публика подходила к будочке, называла, что хотела, а она (а как-же ее зовут-то?.. А может и не зовут, а сама идет) наливала требуемое, получала деньги и опять бралась за книжку.

— Странная девушка — начал задумываться Юра.

Через два дня в газете появилось объявление, что в оперном театре будет гастролировать студия МХАТ и ставить водевиль с пением и танцами «Лев Гурыч Синичкин».

— Пойду, обязательно пойду! — и подойдя к киоску он опять вступил в разговор. На этот раз он был принят благосклонно.

— И знаете, Юра, стало больше подходить народу. Почему?

— Ой, простота. Неужели не ясно? Прежде ваша халабуда производила впечатление ларька торгующего газетами, а то и что вы скупаете утиль: старые бутылки и стеклотару. Ну, какой же больной подойдет к вам по этому вопросу? А теперь каждый идущий мимо видит, что может прополоскать кишки.

— Да, да. Возможно, что вы правы. А меня зовут Олюня.

— Как? Как?

— Олюня. Это — Ольга, но мама меня с детства стала так называть, так и осталось.

А Юра, ярый поклонник театра еще с тех пор, как Катя работала в «Березиле» начал разливаться о предстоящих в опере спектаклях и когда он сказал, что обязательно хочет пойти, зеленые глаза взглянули ласково.

— Ну и хорошо. Я вам дам свою студенческую книжку и вы в театральной кассе — знаете адрес? — купите со скидкой в 50 процентов.

— Да, ну? Вот здорово. Так вы еще и студентка ко всему?

— Да, летом подрабатываю. Через месяц начало занятий.

— Умница, просто редкость, что за человек! Никак не думал!

Взяв у Олюни ее заветную книжку, он поехал в город и по дороге узнал, что ее фамилия Коробут. И тут его, как осенило:

— Возьму два билета, чем черт не шутит. Она не откажется раз билет куплен.

И возвращая ей ее студенческую книжку вложил туда, ничего не говоря, билет. Спектакль должен был состояться через неделю.

В течение всей этой недели он подходил, шутил, разговаривал, она ни слова благодарности. Даже обидно стало. Сказать? Спросить? И когда остался один день, он решился:

— Ну, а вы что-же, не пойдете?

— Куда?

— Ну, на спектакль?

— И не думала.

— А как же с билетом?!

— С каким билетом?!

— Да, я же истратился, на последние гроши купил, купил вам билет, отказывая себе в куске хлеба. А он лежит в студкнижке!

— О, Господи! Да я даже и не посмотрела? Вы — для меня?!

— Ну, а для кого же? Кто у меня есть кроме вас?!

— Не шутите так. Это нехорошо. Я пойду, конечно. Мы там встретимся. Мне недалеко от дома. Три квартала трамваем. Я живу на улице Баранова. А вы смотрите не прозевайте хаджибеевский. Там он редко ходит и вы можете опоздать. Большое, большое вам спасибо за внимание и заботу. Это редкость в наши дни. Они расстались дружески... Такие дела.

Юра заметил, что эта девушка незаметно вошла в его жизнь и другим путем и другими «дверями», не так как остальные встречи в его жизни. А какая улыбка у нее. Ей-Богу, как солнышко из-за туч.

В театр Олюня явилась в черном шелковом платье, плотно облегавшем ее стройную фигуру. А две рыжих косы, как две змеи опускались ниже талии.

— Не по театральному. Прическа нужна, а не косы. Здесь не детский сад — подумал он, глядя с удовольствием на это заулыбавшееся ему навстречу лицо. Вырез на груди, был еще более ярок и заметен. — А хороша,

все-таки — решил Юра. — Хороша. Рыжуленька, моя дорогая!

Спектакль доставил обоим много удовольствия. На редкость слаженный ансамбль, великолепная постановка и юмор блещущий в каждой фразе, плюс исключительная игра исполнителей... Олюня так весело смеялась, так непосредственно радовалась, что Юра даже похвалил себя за спутницу.

— А я думала, что уже разучилась смеяться!

— Вы? В этом возрасте? Вам же надцать?

— Нет, больше, но не в возрасте дело.

Он проводил ее домой. Она позволила взять ее под руку. Ах, как хорошо!

— Юра — сказала она — а ведь на Хаджибей трамвая уже нет. Пойдете пешком?

— Пойду конечно. Но это сколько верст?

— Ой, много. Да не с вашей ногой. Вы переночуете у нас.

— У вас? — екнуло сердце у Юры. — У вас?

— Ага. У нас есть сейчас свободная комната, брата Феди, он младше меня. Он моряк и находится в плавании.

— Но кто же будет возражать? Вот выручили.

Она открыла своим ключом дверь и они вошли. Она проводила гостя в небольшую комнатку, где всяческие фотографии и морские атрибуты показывали кому она принадлежала.

— Вот ваша кровать. А утром мы позавтракаем вместе и поедем тоже вместе. Мама спит в соседней комнате с внучкой, а я сплю у себя.

— С внучкой? О, Федина дочка?

— Нет, моя!

И Юра, который мог беззастенчиво спросить человека о многих вещах, тут растерялся и... ничего не понял. Ну, а где же ее муж? Арестован? Сослан? Разошлись? Расстрелян? Умер? А может и не было мужа?

Две слезинки заблестели в уголках глаз Олюни.

— Спокойной ночи, дорогой. Еще раз спасибо за спектакль!

Юра привык думать о женщинах по иному, а тут вдруг проникся к ней такой жалостью, такой нежностью, таким уважением...

— Жизнь, жизнь, что ты делаешь с людьми?!

Он лежал с открытыми глазами, когда дверь тихонько скрипнула. Юра включил свет; она подошла к его кровати.

—Я забыла сказать вам спокойной ночи и перекрестить! — а он взял ее за руку и потянул к себе. — Ради Бога! Ради Бога! Вы меня не так поняли! Что вы?! Что вы?! Пустите меня!

И в этом голосе и в этой мольбе было столько искренности и испуга, что Юра понял, как он жестоко ошибся. Нет, видно она не из тех... И заснул.

Утром она постучала в дверь.

— Юра вставайте, будем кушать. Пора ехать!

И они сидели в маленькой кухне с бабушкой и внучкой и ели.

— Хм, — усмехнулся он про себя — вот и семьей обзавелся.

В санатории его вызвали к главврачу для объяснений.

— Дарагой товарищ — сказал с грузинским акцентом врач — или лечение или увлечение. Что лучше? — но Юра достал билет и рассказал где был.

— Ну, так. А как же с ночевкой?

— Театральный капельдинер устроил за трешку.

— Это харашо, но только не показывай дурной пример.

— Но я же старшей сестре говорил вчера и она билет видела. Она знала.

— Ладно, замнем для ясности. А как твой спектакль? Идет? Будет?

— На мази. В воскресенье — премьера. — Он уже думал о спектакле как об обузе, с которой надо развязаться поскорее. Все мысли были около Олюни и он по несколько раз в день подходил к ее киоску, где его встречали лучезарной улыбкой и ласковым приветствием. А он был до приторности вежлив, корректен и перестал «хохматься».

Спектакль прошел в высшей степени хорошо. Публика весело смеялась над принимавшими грязи и узнавала своих знакомых. Стараниями главврача спектакль повторили в другом санатории, а Юру премировали книгой Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

Больше всего была поражена Олюня, оставшись на этот спектакль, (старшая сестра разрешила ей переночевать у нее в комнате, а маму она предупредила, что

останется ночевать в санатории), она услышала, как Юра поет. Для нее это было большим сюрпризом. Больше всего понравилась публике, а Олюне особенно, популярная песенка написанная Лебедевым-Лумачем на музыку Исаака Дунаевского «Спасибо сердце, что ты умеешь так любить!» Пели ее в те дни всюду: и в ресторанах, и в клубах, дома, на улице. Во множестве расходились пластинки напетые Клавдией Шульженко, с этими словами и с этой мелодией. Почему то Олюне почувствовалась в Юрином исполнении такая теплота, такая задушевность, такая нежность, что у нее создалась уверенность, что поется эта песенка для нее и адресована только ей! Да, она и не ошиблась. Певец особенно старался вложить душу в это пение и ей казалось, что он смотрит на нее и поет не для этой толпы в больничных халатах и пижамах, а только ей говорит о своей любви...

Разве женщины в этом ошибаются? Нет, инстинкт их никогда в любовных делах не обманывает!

После спектакля Юра предложил ей походить по парку. Ему казалось, что его огромный успех у публики отразится на его отношениях с Олюней. Может быть она позволит ему себя поцеловать, обнять, сказать ей, что он о ней думает, но все разлетелось прахом.

— Нет, Юрик, я гулять не могу. Я сказала сестре, что сразу же после спектакля пойду к ней и лягу спать. Она работает, она рано встает и тревожить я ее не буду, не хочу и не имею права. Согласны?

— Да — сразу сказал он — и взяв ее за руку пошел к дому, где жила старшая сестра... Ах, эта теплая, дрожащая ладонь и молчание говорящее больше всяких слов.

Он резко и категорически порвал с надоевшей ему Лилей и та быстро утешилась. А влюбленные (уже можно было их так называть) еще раз пошли в оперу. Теперь за ночлег он был спокоен. И когда он улегся, она опять пришла и села с краю кровати.

— Юра, вы уже скоро уезжаете?

— Да, еще неделя.

— Ну, вот, поправились, поздоровели. Теперь можно опять за прежнее.

— За что, за прежнее?

— Ну, спорт, девушки, вечеринки, пляж. Мало ли что... Он промолчал. — Я права? Но я хочу вам сказать, что вы... Вы знаете, что такое душевная красота?

— Слышал что-то такое, но предпочитаю начинать с лица, а потом все оста...

— Нет, Юра, нет, милый у вас светится душевная красота. Ее можно пронести через всю жизнь неувядающей. И морщины есть и седина появилась и усталость и нездоровье, а она как была душевная привлекательность так и осталась и это такой подвиг, такая редкость... Будьте таким, каким я вас узнала. Я понимаю, что та советская кожура в какую вы одеты — это напускное, но к сожалению нужное в наши дни, чтобы суметь прожить, пробиться в люди, сделать карьеру, выдвинуться. Вы комсомолец?

— «Выдвинули»!

— Жалеете?

— Ничуть. — Она наклонилась, поцеловала его в лоб и перекрестила.

— Хороший мой! — и на этот раз руки Юры сжатые в кулаки, не сдвинулись с места, а он только смотрел на эту сидящую около него, не от мира сего женщину и... хотел плакать.

— Вот тебе и спортсмен! — она ушла, а он лежал и думал, что с ним творится?..

Развязавшись со спектаклем Юра стал свободнее. Да и сколько дней оставалось до отъезда? Бедная, куцая неделька. И как только Олюня закрывала свой рундучек и шла к трамваю, то уже была уверена, что Юра там и ждет ее. Да, так и было, он ехал с ней в город, там они гуляли, потом шли к ней пить чай, где гостеприимная Анна Петровна относилась к нему, как к сыну, видя зарождающееся чувство молодых и считавшая себя непоправимо виноватой перед дочерью за ее брак. С последним трамваем Юра опять уезжал в свой опостылевший Хаджибей... Таковы дела.

Что его смущало, удивляло и сбивало с толку — это его поведение. Да, в других случаях, он оставшись наедине с «дамой сердца», сразу же протягивал руки, приступая к активным действиям. А тут? Дальше разговоров обо всем и ни о чем, он не шел. Да и ничего больше и не хотел, кроме зеленых русалочьих глаз, ласкового голоса и ее прикосновений, таких удивительно нежных и девичьи чистых. Когда Юра уезжал он зашел к Коробут проститься. К этому времени вернулся Федя и вся семья

за обедом желала Юре удачи и возможного процветания. Потом Олюня повела его в федину комнату.

— Посидим перед отъездом.

— Я хочу вас поцеловать, солнышко. Может быть мы никогда не увидимся.

— Господь поможет. Но меня не надо целовать. Ведь я чужая жена и это обязывает и меня и вас. Поймите, Юра, поймите и пожалейте — она склонила голову и заплакала. А он гладил эти, ставшие ему родными, рыжие волосы и думал:

— Так вот, как еще в жизни бывает. Может и в этом есть душевная красота? Так сколько же в ней ее? В этой женщине? А я? Значит я еще никогда не любил, а теперь влип по настоящему. А приятно, ах, как приятно! Только не плачь — сказал он вставая — не рви мою душу. Откуда я знал, что судьба мне так прищемит хвост? Я же просто не знаю, как это будет если я тебя не увижу завтра, через неделю, через год?!!

— Ничего, дорогой, ничего. Утешишься. С глаз долой — из сердца вон! Но... я вас поцелую можно?

— Спрашивает! Да, хоть сейчас! — и он, держа руки по швам — ой, как это трудно — дал себя обнять, а она прильнула к его губам с такой глубиной передавшегося чувства, что у бывалого спортсмена дух захватило.

— Ну, идите, Юра, идите. И не поминайте лихом. Я-то вас не забуду, мой лучистый, душевный, потерянный друг. Хорошо?

А он даже ответить не мог. Вышел понурив голову. Все, что с ним происходило в последнее время никак не укладывалось в его сознании. Боже, как он безнадежно счастлив! И главное, что это было что-то другое, никогда не испытанное раньше, при всех его многочисленных увлечениях. Ну, знакомился; ну, гулял; ну, встречался, то да се, пятое-десятое. А тут? Одна мысль, что он никогда не увидит Олюню просто пугала его.

— А как-же увидеть? Она в Одессе, он в Киеве. Будет работать, получит две недели отпуска и это все. Да и они пролетят на пляже, как два дня. Ах, да! Она же ведь еще и замужем к тому же! И опять за прежнее. А как же зеленые глаза, эта обворожительная улыбка, косы, как змеи, нежность, ласковое отношение друг к другу? Как же с ними быть? То-есть как быть с ними — он знает, а вот как быть без них — вот вопрос.

Но она, эта умница, обо всем подумала: взяла у него адрес и свой дала.

— Писать мне не обязательно, а отвечать надо хотя бы из вежливости.

— Я могу писать тебе?

— А почему же нет? Мы «ведь только знакомы. Как странно!»

И уехал. Он не побоялся признаться себе в том, что в его жизни случилось что-то новое, потому что еще никогда не было такого, чтобы расставшись с очередной симпатией, он о ней думал и тосковал. Никогда! А вот тут все пошло вверх тормашками. Он и думал, и тосковал и скучал и никак не мог понять что с ним творится. А когда понял, то взял гитару и спел себе «Любовь нечаянно нагрянет!»... Вот такие дела.

Профсоюз отнесся к «инвалиду» по-человечески. Справка санатория и записка местного врача ясно говорили, что физкультурника, да еще и преподавателя из товарища Саценко уже не будет, а так как о геройском поступке было в газетах, то союзу пищевиков было неловко взять и отказаться от Юриных услуг и сплавить его в другие руки и он устроил его контролером брака на конфетную фабрику имени Карла Маркса. Брака было достаточно, значит и работы хватало. Но работа легкая, и Юра ожил. На фабрике девяносто процентов были женщины и, конечно, молодой веселый и одинокий молодой человек не был оставлен их вниманием. Правда не все бросились в атаку, но нашлись такие, особеннно те, с которыми ему приходилось сталкиваться по работе. И Юра ахнул: чувство которое он в себе обнаружил покидая Хаджибей не проходило, а усиливалось. Девушки видели, что с этим хорошим парнем что-то творится и объяснили с присущим им чутьем:

— У него есть зазноба, вот он нам и не поддается. А его краля наверное не с нашей фабрики, а на стороне.

А некоторым он просто сказал:

— Девушки отшивайтесь, место занято — и сам был доволен своими словами.

Многие отстали, но фабричная «Кармен» — Настя Ревенко, просто сказала:

— Не было еще случая в моей жизни, чтобы кто-то из ихнего брата устоял!

И она начала планомерное наступление на Юрино сердце. Если ее смена кончала работу в тот же час, когда и Юра, то уж обязательно она «случайно» сталкивалась с ним в проходной будке, где их обыскивали, чтобы они не крали конфет и шоколада, и с ним вместе шла к трамваю. За эти четыре квартала совместной прогулки, она успевала и пошутить и серьезно намекнуть, что он ей не безразличен. А эффектная была бабенка — с огоньком и внешностью! А один раз даже поехала с ним в надежде, что он пригласит ее к себе. Нет, сорвалось! Она сама, конечно, не напрашивалась, но если бы позвал — не отказалась! Нет, не позвал, потому что все время думал об Олюне, очень тосковал и даже был рад этому чувству. Оно его обогащало. Он был горд тем, что способен на то о чем читал в книгах и считал все это авторскими выдумками. И вдруг... Письмо. Письмо из далекой солнечной Одессы, но этого было мало, — в конверте был любительский снимок будочки с сидящей в ней его любовью и с двумя плакатами по бокам открытых ставень. Олюня улыбалась, но видно было, что улыбка вымученная, так, только для фотографии. И письмо... Ах это письмо...

Мой дорогой, далекий друг, без ковычек!

Вы были настолько тактичны и выдержаны, что никогда за время наших коротких встреч и прогулок не спросили меня о самом важном. О моей семье. Не захотели узнать о муже, о наших с ним отношениях, не попросили посмотреть на его фотографию. Одним словом это было одним из элементов вашей душевной красоты — не трогать чужих больных мест и не причинять боли! Вы ничего не знаете о ненормальностях моей семейной жизни и в общем обо всем таком, что должно было вас интересовать, если я вам не безразлична. А я знаю, что нет. Мы в этом не ошибаемся. У нас на многое не хватает ума и чутья, но тут мы вне конкуренции (ха-ха!) Мы узнаем и безошибочно. Ну, не буду нас, женщин, расхваливать.

Так вот: я вышла замуж, когда мне было 17 лет, а сейчас 28. Это замужество было вынужденным так как тогда, в те годы, мы буквально голодали. Папа, он был моряк, утонул в злую бурю на Черном море, Федя работы не имел, он был еще школьник. Мама продавала и обменивала все, что можно было вынести

на Привоз, а я была худющая и голодная не меньше Феди. А выхода нет. Что будем продавать, когда в доме ничего не останется? Только меня! И покупатель нашелся. Он был партиец, помощник директора хлебзавода. Вы понимаете, что это значит в те годы?! Хлеб-за-во-да! Он заходил к нам, говорил с мамой, улыбался мне и приносил в портфеле одну-две буханки черного хлеба. А был старше меня в два раза. А хлеб был хороший, выпеченный, для дирекции. Мама, моя милая, страдающая мама, любившая нас как никто, понимала к чему клонит визитер и вечерами молилась Богу прося Его помощи и совета. Он, тот человек сказал прямо:

— Если Ольга согласится стать моей женой, я устрою Федю на работу, достану в вашем жилкопе еще одну комнату для себя и жены и, наконец, мы все вместе будем лучше питаться, чем вы сейчас.

А мы и не питались... Мы — пытались! И мама не знала просто, что делать, так как стоило ей сказать одно слово и мы-бы (и я и Федя) сделали б так, как она хочет... Ведь это же наша мама. А она была наша защита, наше упование, как и должна быть каждая мама в каждой семье!

Я узнала об этом разговоре мамы от Феди и решила сама разрубить этот узел. Я просто сказала этому человеку, когда мама была на кухне:

— Вы хотите, чтобы я вышла замуж за вас? Я — согласна. Можете сказать об этом маме — и ушла, заплакав.

Я, ведь, в сущности, спасая семью продавала себя за буханку хлеба... И когда мама узнала от «жениха» мои слова, заплакала и она. Но он шел на все уступки и даже на выраженное мамой желание венчать нас в церкви. Но для этого мы все четверо поехали в глухую провинцию, в маленький городок, где жил старый заштатный священник и еще теплилась жизнь в маленькой церковке. Там я стала женой «помдира», как называл его Федя. Я переехала к нему. Только теперь я осознала и почувствовала, что значит жить с нелюбимым человеком. Ох, Господи! Я не буду вам об этом писать, хотя вы у меня единственный человек, с кем я могу поделиться. Эта жизнь была и подвиг, и пытка и горечь безвыходного положения. Но, опять таки, этот чело-

век слово сдержал. Какие у него были связи, знакомства и протекции, но Жилуправа переселила нас на улицу Баранова, где мы сейчас живем в трехкомнатной квартире. Это была просто роскошь! И питаться мы стали гораздо лучше. Кроме «спецпайка», который он получал на себя и на меня (как на жену), он еще доставал «по блату» — вы наверное знаете, что это значит — многие дефицитные продукты. Хроническое чувство голода прошло, но чувство презрения к себе не проходило. Продалась! Федя устроился на работу, тоже на хлебзавод и мы вообще воскресли. Мама и брат смотрели на меня, как на спасительницу вытащившую всех на поверхность человеческой жизни, но никто из них (а я думаю что мама все же понимала) не думал о той цене, которой я платила за нашу сытность. Но виду я не показывала.

Почему я вам об этом пишу? Да потому, что хочется этой исповедью поделиться с близким сердцу человеком, тем более что мы так далеко друг от друга. Вы — Юра, близкий сердцу человек?! Как это получилось? Объяснить невозможно. Ведь по существу мы вместе были каких нибудь пять-шесть дней. Ведь, правда? А что это значит? Да, ничего. Пять дней, чтобы понравиться друг-другу? Смешно. В книгах об этом пишут, а вот «на яву» я это сама испытала. Поэтому и такая откровенность, а может быть и потому что «время лучший врач» и разлука нас вылечит. Но только не меня. Я неизлечимо «больна» моей любовью к тебе, мой желанный и только смерть меня...

Через пять лет у меня родилась девочка от нелюбимого человека, но это же мой ребенок и инстинкт матери делал свое дело. Я ее кажется люблю, во всяком случае забочусь и долг матери выполняю честно... Впрочем и жены тоже. Муж прекрасно знает, что он не любим, но это его ничуть не волнует. Он своего добился.

И вот случилось то, чего мы никак не ожидали. Он заболел туберкулезом! Конечно, работа и партийный комитет послали его в тубсанаторий. Он был там не раз, но врачи ему сказали, что вылечить его нельзя, но сдерживать развитие болезни можно и он может и жить и работать. А тут еще случилась вторая история: на заводе вскрылись большие злоупотребления

по продаже хлеба спекулянтам, за счет снабжения города и примесей к муке всяких жмыхов, проса, ячменя, что сильно отражалось на качестве выпекаемого хлеба. А может быть эта-то история и отразилась на его здоровье так как директор пошел в тюрьму, а моего пожалели и перевели в другой город, с понижением в работе и должности. И я отказалась переезжать туда к нему. Он рвал и метал, но нет еще таких законов, чтобы жену возила к мужу милиция и мы остались в Одессе, а он сидел в провинции. Он присылал нам деньги, боясь, что его обвинят в игнорировании интересов семьи, тем более что совместное проживание больного чахоткой со здоровой женой и ребенком тоже не рекомендовалось врачами. И тут я поняла насколько люди эгоисты, — это я о себе. Я так обрадовалась, я так вздохнула свободно, как будто сама выздоровела от тяжелой болезни. То, что я его не вижу, что он не прикасается больше ко мне, что не надоедает мне своими противными ласками — я сочла просто чудом, Божьей милостью! Конечно, это нечестно, не благородно, но годы жизни с ним вымучили меня окончательно. Мне казалось, что еще год-два и я его возненавижу. Мама видела, мама понимала мое душевное и физическое состояние и считала себя виновницей моих страданий. А я ее успокаивала, говоря:

— Мамочка, если бы я не хотела сама, то и ты бы не помогла. Так надо было... Такая жизнь у нас длится уже два года. На лучшее я не надеюсь! А в чем может быть лучшее в моей семейной жизни? А вот встреча с вами, Юра, показала мне, что я еще молода, что я еще... могу любить, что я еще имею право на жизнь, такую о которой читала, а сейчас мечтаю, но... я не жена, я не вдова, я не разведенная и не незамужняя, а ваша песенка на концерте до сих пор звучит в моей душе «спасибо сердце, что ты умеешь так любить!» Значит я еще не замерзла окончательно. А я хочу жить! Я хочу любить! Я так хочу!

Вы простите, Юра, что я вам накатала такую исповедь, но это от уверенности, что мы друг для друга потеряны. Оставайтесь с Богом! У вас еще будет много интересных встреч в жизни. Желаю вам счастья. Но не забывайте и вы меня. Вот такие дела!

Ваша Олюня. Только ваша!

Получив такое письмо, первое в его жизни, Юра растерялся. Он его носил с собой, читал по несколько раз в день. И ему казалось, что он уже его знает наизусть. Карточку всю измусолил и наконец поставил на стол, купив рамку. Если он прежде думал об Олюне, скучал, мечтал и вспоминал совместные прогулки и беседы, то теперь она окончательно завладела им.

— Вот несчастная. Молодая, интересная а муж так болен и тут же ребенок. Ни жизни, ни радости, ни надежд на лучшее. И ведь она любит меня. А я? Самый глубокий анализ, на который он был способен, показал ему, что у него большое ответное чувство и оно окрепло, а не потускнело и лучшим доказательством было полное отсутствие желания кем-то заинтересоваться и «приударить». Нет! А он то себя знал хорошо! И конечно письмо Олюни сыграло большую роль в его неостывающем чувстве. Ведь в ее письме было полупризнание, если не полная откровенность. Она оказалась смелее. Это сладкое томление от чужой к нему любви направило мысли Юры в другую сторону.

— А почему бы им не увидеться еще раз? Почему бы ему не попытаться попасть на Хаджибей опять? Ведь нога-то хоть и зажила, но он всегда под угрозой вторичного повреждения. — Достав на фабрике коробку бракованных конфет за полцены, он пошел к доктору. Разрисовал себя «сильно страдающим», но провести эскулапа не удалось. Помогли только конфеты и тот дал справку, что повторный курс грязевых ванн будет очень кстати для поврежденного колена, чтобы закрепить лечение прошлого года. Юра даже хотел написать о своем плане Олюне, но воздержался так как не был уверен, что путевку получит, а написать просто письмо, но так красиво и содержательно, как она, он бы не смог. Заводской комитет ему ответил на его заявление:

— В этом году у нас грязевых путевок не будет. В дома отдыха — да, но ты у нас слишком новый, чтобы что-нибудь получить. Кадровые и те ждут!

Не думая, а просто так, он рассказал Насте о своей проблеме.

— А надо обязательно грязевую?

— Ну, нога же. Болит, ноет. Но если бы достать в дом отдыха, но в Одессу, то там на месте можно было бы достать «курсовку» и живя в доме отдыха ездить на

Хаджибей принимтаь грязи. Все сам я поднять не могу, а если бы завком дал путевку, то «курсовку» бы я прикупил. Это полбеды.

— Ладно, дружок, поживем увидим.

— То-есть как это — поживем?

— Ну, как живут? — и ушла.

— Чудило, но что-то имеет в виду.

Да, она имела в виду, так как Юра не был ей безразличен и хотелось доказать и себе и другим, что она своего добьется. Откуда было ему знать, что Настя была в «хороших отношениях» с секретарем заводского комитета и когда она тому сказала, что надо Саценко помочь, тот подозрительно спросил: — А ты то тут при чем?

— Так вместе же работаем. Все видят, что он еще хромает, это не секрет. А поставим его на ноги, он нам такую физкультуру развернет, на фабрике, что закачаешься. Дать ему путевку сам Бог велел.

— Ну, ты-то с Богом полегче. Причем он тут?

— Сделаешь, Васенька? Я же не для себя, а для пользы дела.

— Да уж не так для него, как для тебя.

Какой ценой раздобыла девушка путевку для Юры — это дело ее совести, но он ее получил на август месяц и поехал, а письма так и не написал, а ведь уже прошел год. Она могла все думать. Задача была в том, чтобы приехав узнать о курсовом лечении на Хаджибее и продолжает ли Олюня сидеть в своей будочке. А если нет, то на черта ему эти грязевые ванны!

С трепещущим сердцем подходил Юра к № 24 по улице Баранова. Он уже очень жалел, что не ответил на письмо так как боялся, что его могут там встретить «мордой об стол»! Он постучал и дверь ему открыл высокий пожилой человек с болезненным, морщинистым лицом. Не надо было говорить — Саценко понял, кто стоит перед ним.

— Э... Я... Я к Феде...

— Феди нет. Он в плавании.

— А... А... Анна Петровна дома?

— Да, дома, проходите — и Юра вошел, сам не зная как и о чем он будет разговаривать с мамой Оли. Но ее муж вызвал Анну Петровну из кухни, а сам полный безразличия, глухо покашливая, ушел к себе.

— А Юрочка — обрадовалась и испугалась Анна Петровна, глядя вслед зятю — ну, как здоровье? Как нога? Федя все спрашивал о вас — громко говорила она, — но он в отъезде. Вот, что дорогой, я иду сейчас по картофель, так может вы пройдетесь со мной, поможете нести, а?

— О, да. С большим удовольствием. — И они вышли на улицу. И тут Юра узнал, что муж Олюни получил отпуск и приехал к ним, спит в комнате Феди и ест отдельно. К ребенку не подходит.

— А... А как же с Олюней?

— Не трогает он ее. Только вздыхает. Есть еще совесть у человека!

— И надолго он?

— Да, еще неделя, а потом отправляется в санаторий, где-то под Киевом, в Пуще-Водице. А как вы дорогой?

— Да, вот прислали ногу подлечить, да только путевка в дом-отдыха, а я должен грязи получать. Я уже был в курортном управлении — отказали.

— Что же будете делать?

— А мне это не так важно. Я приехал, чтобы Олю повидать.

— О, Господи!

— Я люблю ее, мама! — как-то невольно вырвалось у Юры.

— Знаю милый, знаю. Она тоже.

— Она тоже?

— Да, призналась мне. Вы оба, как две травинки к солнцу тянетесь. Фото имеет.

— Фото? Какое фото?

— А я не знаю, но была, она говорит, у вас группа, а она вырезала твою голову и увеличила. Со спектакля что-ли?

— А где же она?

— Да, там же на Хаджибее водой торгует. Она все-таки вымучила, закончила институт и осенью получает работу. Сколько она с этим институтом возилась. Не легко было, а одолела. То школу не докончила, то замуж вышла, а потом — ребенок. А она упорная. Нет, нет, должна я закончить. Ну и вот будет теперь где-то старшей в лаборатории.

— Я пойду ее встречать к трамваю, когда будет возвращаться.

— Нет, нет, не надо — он ходит, а утром провожает.

— А как же мне повидать ее, поговорить?

— А... Так вот.. Утром рано пойди к ее трамваю и сядь незаметно до ее остановки, а потом они придут, она сядет и поедете вместе. Грешу я, грешу!

— В чем же грех?

— А в том, что делаю — свожу вас! Но как она будет счастлива, бедная девочка, тебя увидать. Ах, как будет! Знаю, мать ведь!

И было так как сказала Анна Петровна. Олюня подошла к остановке вместе с мужем, он вел ее под руку и что-то горячо и упорно ей доказывал, а она молчала и шла опустив голову. Вошла и не глядя ни на кого села в углу. Когда вагон тронулся, Юра вскочил и пересел к ней. О, Боже, что тут было! Она закричала, обхватила его шею руками и замерла. Люди с удивлением и осуждением смотрели на эту пару.

— Приехал?! Молчал, молчал и приехал! Вымолила тебя у Господа!

И начался бессвязный разговор прерываемый ее слезами и повторением сказанного. О чем они говорили? Да, разве это важно? Важно, как они смотрели друг на друга и как она держала его руку, целовала ее, прижимала к груди! Господи! Да, иногда и слова не нужны! Потом Юра рассказал о своих трудностях. И она сразу же посоветовала, как приедут, идти к главврачу, объяснить положение вещей и предложить свои бесплатные услуги по культработе за право приезжать и брать грязевые ванны... Как наворожила! Директор санатория, грузин, выслушал Юру очень доброжелательно:

— Нэт таких крэпостей которые нэ взяли бы большевики. Езжай обратно в свой дом...

— Отказываете? Зачем? Что же делать?

— Я и гавару что делать. Забирай, дружище, свой чемодан и приезжай сюда, а я с твоим директором договорюсь. Он твою путевку продаст и мне даст половину. А я здесь и царь и Бог. А ты мнэ опять спэктакль постав и пэть будешь, а?

— Все сделаю и два концерта отгрохаю!

— Ну?! Разве я нэ говорил, что умные люди договорятся!

Саценко побежал к трамваю и по дороге завернул к заветной будочке. Там его уже ждали сияющие глаза и радостная улыбка.

— Ты видишь? Ты видишь? О, как я счастлива. Хоть миг, да наш! Я молилась, Юрочка!

И уже на другой день он приступил к своим обязанностям: организовал легкую гимнастику для не-тяжело больных, объявил в столовой о наборе лиц, обладающих кое-какими талантами для концерта и спектакля.

— Давай, давай, дорогой — хвалил его главврач — ты у меня скоро в штаты попадешь! Прямо стахановец от культуры. Пьесу привез?

— Да, я ее тут напишу!

— Ну, ну, старайся. Со мной не пропадешь!

И Юра, как «больной» получил койку в палате, право на грязи и обедал в столовой администрации, где еда была и вкуснее и разнообразнее...

Такие дела-то! Вечером он провожал Олюню в город, но из трамвая не выходил, а только видел, как суровый, кашляющий пожилой человек, встретив жену, сразу же начинал ее в чем то упрекать, а та шла рядом и улыбалась!

Теперь он твердо знал, что любит эту женщину, как никого в мире!

А дома у Коробутов, накануне отъезда мужа в санаторий произошла тяжелая сцена. Он позвал жену и ее мать в кухню и начал так:

— Вы неблагодарные и нечестные люди! Да, да — вы! Обе — вы! Я когда-то спас вас от голодной смерти. Вы это помните? Я помню и вы не должны забывать. Я — член партии и ответственный работник связал свою судьбу с людьми, которые до сих пор ездят куда-то на окраину, в церковь, соблюдают посты и какие-то праздники, понавешали икон, сами молятся и мою дочь научают этому, пользуясь тем, что я болен и в другом городе. Это же у вас в евангелии где-то сказано «жена да убоится своего мужа»! Так? А почему Ольга так обнаглела и перечит мне на каждом шагу? Кто ей помог окончить институт? Я. Кто устроил Федю на работу? Я. Да, еще во флот просунул! Кто вас кормил, поил, когда у вас ничего не было? Я. А теперь когда я предъявляю свои права — она мне отказывает?! По какому праву? Да, мне стоит только сказать слово и она (жест в сторону жены)

работы никогда не получит, как человек верующий и религиозный. Федя? Если я позвоню куда надо и донесу, что он из каждого рейса привозит платья, белье и обувь и продает, то...

— Все матросы привозят.

— Все меня не касаются! А Федя — спекулянт и его сразу заметут. А если я возьму развод — Ольга подняла голову — то вы и квартиры лишитесь. Она то ведь на мое имя! Я тоже не дурак! Вы у меня в руках! Вы паразиты на теле советской власти! Таких уничтожают, как вредителей. Какая от вас польза?! Что вы сделали для построения социализма в одной стране?! Что?! А мы, вот такие как я, работаем не считаясь ни с чем, заболеваем на посту, но не уходим, отдавая свое здоровье и жизни партии и правительству. Вы мать, вы должны повлиять на дочь! Я хочу, чтобы она переехала со мной туда, где я работаю, в тот город. Я хочу, чтобы моя жена была рядом со мной, а ребенок пусть пока будет здесь поскольку я болен. А она отказывается ехать! Это чтоже такое?!

— Но ты же болен! — тихо сказала Ольга — ты же сам говорил, что можешь заразить всех!

— Да, говорил. Терпел. Но больше не могу и не хочу. Это мое право, право мужа. Уж если вы такие религиозные, да православные, так должны знать слова «жена да прилепится к своему мужу». А она отказывается ехать со мной! А мне перевода сюда не дают, я просился. Одним словом — мой ультиматум такой: я еду в санаторий на пять недель, возвращаюсь и забираю жену с собой. Если нет — конечно, я никакого развода не дам — пеняйте на себя. Все, что я обещал, я сделаю. Мне терять нечего. А ее судебным порядком заставлю ехать с собой. Я вас раздавлю если захочу! В два счета!

— Но вы же венчались — тихо сказала Анна Петровна — вам это, как коммунисту тоже нельзя, как и нам молиться!

— Ааааа! Шантаж?! Угрожаете! — и он начал кашлять так, что его легкие трещали, как вощеная бумага — лицо больного покрылось липким потом и покраснело.

Ольга с жалостью и брезгливостью смотрела на этого человека, который уже одиннадцать лет был ее мужем. Одиннадцать долгих и тягостных лет! Выпив воды предложенной Анной Петровной, он ушел в свою комнату.

И через два дня уехал не прощаясь с женой, а только бросил ее матери:

— Я от своих слов не отказываюсь. Я никого не пожалею, как вы не жалеете меня! А вам, как матери должно быть стыдно за свою дочь!

О чем говорили в эти дни мать с дочерью так никто и не узнал, только Ольга сказала матери:

— Мамочка, я не буду гневить Бога и не буду обижать тебя никогда. Пусть Он решает мою судьбу!

Вот дела... А у Юры осталось еще две недели его отпуска. Он сразу же заметил глубокое горе своей любимой, но не спрашивал, проявляя еще больше нежности и внимания к ней. Иногда оставался у Коробутов ночевать в Фединой комнате в которой сделали самую тщательную дезинфекцию. Они часто вечерами гуляли по одесским улицам, ходили в порт, держась за руки и Юра вел себя настолько целомудренно, что даже Олюне казалось это странным. А это и была та большая, всепоглощающая любовь, о которой Юра раньше не имел понятия.

— Родной — как то сказала она ему — я пыталась добиться развода. Я очень пыталась. Я просила, я умоляла, я плакала и даже сказала ему, что донесу на него о том, что он венчался в церкви, будучи ответственным работником...

— И что он?

— Он был просто поражен моей смелостью. И знаешь, что он сделал? Он поехал туда, где была наша свадьба, наше венчание, заплатил кому то большие деньги и из архива этой церкви — она уже закрыта и священник умер — из книги записей браков получил вырванной нашу страницу, нашу, где мы были записаны. И теперь уже никаких следов нет! Вот он какой!

— А если бы он дал развод?

— О, Господи! Да я бы уехала с тобой на край света. Взял бы?

— Спрашиваешь! И дочку бы забрали. Мы бы не пропали.

— Конечно, нет. Я бы тоже пошла работать!

— Ну, так вот. Слушай, Олюня, слушай солнышко мое. Брось его, бежим со мной. Уедем в глухую провинцию, в Васильков какой нибудь или Конотоп и заживем...

— Нет, родной, нет. Так я не могу, пока я законная жена я не позволю себе ничего, чтобы могло очернить

мою совесть и огорчить мою маму. Знаешь эту песенку о мамах? Шлите им почаще телеграммы

Письмами старайтесь их согреть!
Все на свете могут наши мамы...
Только НАДО их беречь!

И я должна жертвовать всем, даже моей огромной любовью к тебе, но не разрушить слова данного при венчании. И на измену я не пойду. Я хочу быть в своем чувстве к тебе чистой и незапятнанной и перед Богом и перед людьми. Ты думаешь мне легко зная, что ты в соседней комнате, — лежать и не спать до утра, думая о нашей горькой доле? Сколько сил мне стоит устоять перед великим соблазном твоих ласк и поцелуев! Ну, что-ж, не суждено. Не судьба!

— Странная ты какая-то, не такая, как все.

— Да, такою уж уродилась...

Как-то роясь в сумке она достала конвертик и вынула из него желтый билетик.

— Узнаешь? — он взял в руки этот клочок бумажки и увидел на нем дату того спектакля, когда они впервые пошли в оперу на билеты купленные им по ее студенческой книжке. — Храню, как святыню того огонька, который разгорелся в пожар в моем сердце и тушить его я не хочу и не могу...

В последний день, вернее вечер, накануне отъезда Юры в Киев, Олюня была как-то особенно торжественно настроена. Она привела его к себе в комнату и сказала:

— Смотри, видишь — она держала в руке маленькую, оклееную желтым шелком коробочку открыв ее достала оттуда массивное, червонного золота мужское кольцо с рубином. — Мы все продавали, чтобы не умереть с голоду, но эту святыню нашего рода берегли до последнего и доберегли — она криво улыбнулась. — Это еще от нашего прадеда, из рода в род, кольцо передавалось старшему в семье, независимо от пола... Теперь оно мое. Понял? — Юра кивнул. — Ну, вот, иди сюда — сказала она побледнев — стань здесь, вот тут, рядом со мной, под этой иконой Николая Чудотворца, она тоже наша реликвия. Он когда то спас нас от голодной смерти, а теперь... — у нее прервалось дыхание — а теперь, дай мне твою правую руку, сокол мой — он подал и она начала одевать ему кольцо на безымянный палец. — Тебе, моей единственной

любви, тебе моему мужу — перед Богом, но не перед людьми, я одеваю это кольцо на всю жизнь. Поклянись, что никогда его не снимешь и всегда, всю жизнь будешь носить, как память о той, которая никого больше не полюбит и никогда тебя не разлюбит! Я знаю себя!

— Клянусь — глухо сказал Юра — что никогда не сниму и не забуду тебя...

— Большего не обещай. Большее тебе будет трудно, а может и не под силу!

И еще — она сняла со стены икону — возьми ее с собой. Я знаю, что в условиях советской жизни ты не сможешь ее повесить, где нибудь в уголке своей комнаты, но пусть она всегда будет с тобой. Среди твоих вещей, даже в чемодане, если не под подушкой. Если не будет чуда, то хоть она и мои молитвы охранят тебя! Ну вот. Дай я тебя поцелую в последний раз и иди! Сегодня у нас не ночуй. Я за себя не ручаюсь! А завтра, провожать тебя на вокзал тоже не буду, чтобы со мной не случилось то, что с Анной Карениной!

И после этого она подвела его к выходу, потом открыла дверь и сказала:

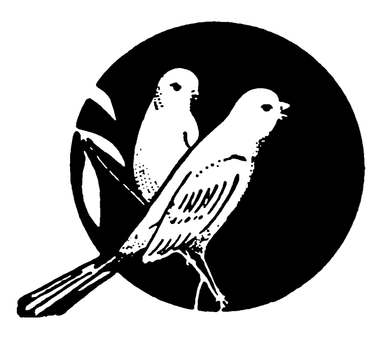
— Оставайся с Богом, мечта моя! Дай я тебя перекрещу на прощанье! А теперь иди! Иди, мое горькое счастье. Иди!!

И эта дверь захлопнулась за Юрой навсегда.

* *

— Ну а теперь, выпьем за сладкое счастье — сказал улыбаясь мой собеседник. И когда мы чокнулись, я заметил на его пальце большое кольцо с рубином. Потом мы услыхали, как кто то вошел в квартиру.

— Ага, вот и Олюня пришла. Сейчас познакомлю вас со своей женой и сыном. Вот какие бывают дела!

БА, ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!

РАССКАЗЫ

КИРИ-КИРИ

Вот спасибочки, что зашли на праздничек. У нас в России все б сидели за столом, пили б, ели б, как люди, честное слово. А тут мой Кирюша подхватит свою половину, нырнут в машину и поехали на «партию». И так кожен вечер «партия» и «партия». А меня от одного этого слова тошнит. А ведь он был всегда беспартийный... Да, садитесь же, Господи, я сейчас сардины вскрою, севенлапа налью.

Я женщина простая, необразованная. Если и у кого образование высокое или повышенное, то у меня и пониженного нету. И ничего живу. По обстоятельствам вам хорошо известным муж оказался кулаком, я, конечно, подкулачницей, а дети, как шиши повырастали. Всех нас судьба поразбросала, а со мной, как утешение Кирилла, моего младшенького оставила... Вот как.

А как началась война, то с родной Полтавщины повезли нас с ним к Гитлеру служить. От одного дерьма вырвались, а к другому попали. Но, слава Богу, когда война кончилась, пришли американцы и мой веселый и работящий Кирюша сразу к ним устроился на работу, а те, святые души, не долго думая, взяли и помогли нам выехать в эти Уединенные Штаты. Да, вы, кушайте, пожалуйста. И вот привел Господь вместо родного Днепра на какую-то Мисиписи заехать, к фермеру. Я доила коров выключателем, а Кируся на себе всю тяжелую работу тащит, а вечером еще на баяне играет и поет и до того складно, что хозяйские дочки в него повлюблялись. А он у меня такой: если работает, то за троих, а если влюбляется, то в четы-

рех сразу. Фермер видит, что дело плохо и дочки передерутся — нас в город сплавил.

Берите ветчинку, без жиру, без косточки. А в городе сынок там днем у столяра, а вечером в ресторане посуду моет. И уже по американски тарахтит, откуда только берется. И доллары собирает.

— Мамаша, — говорит, — держитесь, сын в люди выходит.

А жили мы просто: две комнаты и кухня, как там никогда не жили. Тихо, просторно, удобно. И вот, однажды, приезжает мой Кирик на грузовике и снимает оттудова белый ящик, как гроб, честное слово.

— Мамуля, — кричит, — принимайте обжиратор!

И объясняет, что это мол для прохлады продуктов. А если кому жарко, то влазит, посидит и остынет. Дурень-то мой не подумал наперед. А если женится? Надо было двухспальный брать... Но ничего, вещь хорошая: молоко поставишь — кусками в чай бросаешь, а если мясо, запхнешь, то потом можно человека убить — камень-камнем!

— Да, вы пейте тоже. Для вас открывала этую «кокую-колу». Потом, уже без него, привезли комод, с дыркой по середине, а вместо нее стекло мутное вставлено. Сын вечером приключил к стене и смеется.

— Имеете телегрызор. 299 доллярив, как из пушки.

— За телегрызор?! Господи, да ведь блоха тоже делает, а она в два раза дешевле. Несмышленыщ-то мой дорвался до денег и тратит их, не спросясь матери. Безрассудок какой-то. Лучше б сподние купил.

— Мамаша, — хохочет, — это еще семечки. Дом купим, машину, радио, мебель — закачаетесь!

Но правда, не пьет, не курит, не гуляет, все копит. Как отец прямо. А раз ложимся спать, а он мне на сон грядущий:

— Не обижайтесь, мама, за намек, а стирали вы сегодня в последний раз.

— Как это? — кричу. Ты в грязном ходить прикажешь? Или прачку нанял?

— Уже, — говорит. В самую точку. Завтра будет.

Я аж всю ночь не спала. Мне ни слова не сказал, а уговорил какую-то бабу. Да, она нас на одних харчах по миру пустит. А у нас на книжке всего тыща.

Утром, чуть свет, умчался на работу, а я в окно. Когда, думаю, та явится, я ее и выгоню. Слова не дам сказать и выгоню. А она и не пришла, догадалась, видно... Вы совсем не кушаете. Ешьте прошу вас... Но уж к вечеру является сын с бочкой.

— Посторонитесь, посторонитесь, спиральная машина приехала!

— Что за новости?

— Старости, мамахен. Вот, допустим, вы носите платье. День, два, неделю, месяц. Стирать надо, а снимать жалко. Тогда вы лезете в бочку, в этую, напускаете воды мыльной, закручиваетесь крышкой и втыкаете ток. Спиральная начинает крутиться и через полчаса вы выходите выстиранная, выглаженная, как будто и не крутилась вовсе. Ну, плохо?

— Жену свою посадишь, пускай покрутится, балда еловая! А мать как-нибудь обойдется рубелем и качалкой! — Аж заплакала от обиды. А он обнял поцеловал и пошел спать, Кирюша-то мой.

И теперь наша квартира стала на кнопки: там втыкаешь — горит, тут — нажимаешь — шумит. Там включишь — стирает, тут повернешь — воняет... Техника. Но самое горе пришло, когда и не ждала. Раз вечером запропал мой сынок. Вдруг, роскошная автомобильная машина, — а я у окна сижу — подкатывает под подъезд. Гудит, открывается и вылазит он, а за ним вертихвостка какая-то. Худая, тонкая, как чайная ложечка.

— Мути, — кричит в окно, — это кобеляк 51-го года! — а я ему:

— За что ты ее так? Обидится.

— Да, это и не ее, вовсе. Это машина такая. Модель, — и заходят. Та тарахтит, тарахтит, а, мой подтарахтывает. А я как пень, конечно, А она ему:

— Кири, Кири! — Как котенка, честное слово. Потом поцеловала в щеку, след оставила и брысь.

— Это как же понимать, визит этот? — спрашиваю.

— Не могу, — отвечает, — точно сказать, но события надвигаются. Хозяйская дочка это.

— Столярова или ресторанщика?

— Это столярова, а та на очереди, но может и не дойдет.

— Американка? — кричу, — русских тебе нету?

— Мне, маманя, надо врастать в ихнюю середу, пускать корни тут. Америка, ведь.

Что вам, милые долго голову морочить? Женился. Женился и говорит:

— Мамуля, не скучайте. Едем в медовое путешествие, к ее дяде, в город Сам-Прокисло. А вы пока слова учите.

Заплакала я — дайте и я с вами выпью — и смирились. Мать, ведь. А когда вернулись, то звали к себе переехать, а я нет, тут осталась и все машины мне побросал. А на кой они мне ляд, старухе-то?.. Но с визитом пошла все таки. Тая финтифлюшка лежит на диване, а ноги задрала выше колен, а сынок объясняет:

— В Америке так принято. Лучшее в теле кровотечение происходит. Видели? А она кукурузу жрет и пепсиколой запивает. А он, сын мой, в переднике, с пулесосом по полу елозит. А та ему:

— Кири, Кири, там посмотри, там полезь.

Загнала его под этажерку, а сама сбоку контролирует. А мой-то выглядывает из под нее (из под этажерки, конечно) и спрашивает:

— Уелл? Хорошо, мол?

А? До чего довела парня? За полгода, домработницей стал. Вот тебе и Америка. Мы с ней чай пьем, а он подает и убирает, а? А потом она мне по-русски:

— Вы хочете бить бабюшка? — а я ей:

— Бить тебя не надо, а в руки взять следует, — а сын мне:

— Мамаша вы не поняли. Она говорит, что вы скоро бабушка будете.

— Ой, — кричу я, — окей, олрайт, плиз! Как нарочно эти слова выучила. Ну, вы подумайте, как знали мое слабое место. Наверное для меня и постарались. Отвез меня сынок домой, а я потом и прихворнула и поехала к ним, когда внуку два месяца было. Вот на этое Рождество ему полгода стукнет. Захожу, а невестка опять на диване, а этот чудак... Ну, чтобы вы подумали? Сына грудью кормит. Обалдели люди окончательно. Но это мне показалось только. Просто пристроил его себе на грудь и с бутылочки кормит. Формула называется.

— В Америке, — говорит — так принято.

— Не дам, — кричу, — внука на мучения. Давай сюда! А жена его:

— Давай его, Кири, давай бабюшке.

То-то, брат, это тебе не кукурузу жрать и говорю ее мужу, сыну моему: — Чтобы не смел ты своими грязными руками за внука моего, браться. Для этого у него мать и бабушка есть. А ты на кухню ступай. А мне комнату приготовь — переезжаю. А то вы тут, со своей Америкой до того дойдете, что у вас скоро отцы детей рожать будут.

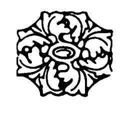
— Мамаша, — смеется, — в этой стране, — это дело времени и техники. Плюнула я, взяла внука на руки и понесла купать. И говорю ему:

— Сын-то у меня хороший, а отец у тебя никудышний!

А внук смеется. Понял бабку, хоть я ему и по-русски сказала... Да вы бросьте кушать-то идемте, я вам его покажу. Спит сейчас. Вы еще таких детей не видали; ей-Богу, не вру!

За годы 1952—77, монологов кирюшиной мамы было опубликовано на западном побережьи Америки, в Канаде и в Австралии около тридцати. В этой книге, по техническим причинам, дано только восемь.

Редактор Савченко.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

АГРИПИНА Сергеевна проживающая в гор. Спокэн, написала сестре Ольге Сергеевне, в Сеаттл, что она приедет к ней, чтобы вместе поехать в Ванкувер (Канада). Она там хочет купить себе английскую шляпу.

«С жиру бесятся эти пенсионеры, честное слово!» подумала сестра и запросила сестру о подробностях.

Вместо подробностей та приехала на следующей неделе и рассказала, что лет пятнадцать тому назад она с мужем была в Канаде и купила себе там английскую шляпку (она была на голове у гостьи) — с маркой «Лондон, Англия». Так вот, на следующие пятнадцать лет она хочет купить себе новую, другого цвета, но за те же деньги.

— Господи, трястись в автобусе три часа, тратить такие деньги из-за шляпы?

— Твое дело маленькое — оказать гостеприимство, а не упрекать. У меня дома все по ниточке ходят, а ты тут развела турусы, на колесах...

А там для ниточки только один муж и был, да и то робкий-preробкий. Затурканый. В пятницу поехали. Приехав, остановились в средней руки гостинице. Каждый платил сам за себя.

— Ну, вот полдела сделали. Поедим в ресторане и пойдем по магазинам. Поживем два дня.

— А зачем? Купить и уехать. Всего и делов.

— Много ты понимаешь. Я могу сегодня купить, а завтра понесу менять, как в Америке.

Ольга Сергеевна только вздохнула. Кстати, она захватила с собой вязанье. Оно успокаивает нервную систему. Поев, пошли. Старшая сестра сказала, что она прекрасно помнит тот угловой магазин, где она купила шляпу, в которой приехала. Хотя пальто она оставила в гостинице, но

светра не сняла и пошла с зонтиком в руке. Странно, но на месте того магазина оказалась таверна, а на другом углу было бюро путешествий. Проверили все четыре угла, но никто не помнил шляпного магазина.

— Ну, ладно, на одном магазине свет не держится. Начнем по порядку.

И они начали заходить во все магазины, где торгуют шляпами или имеют отделы по торговле ими. В первом, с большим прилавком, с сотнями разнокалиберных шляп и шляпок и двумя продавщицами, Агриппина Сергеевна плотно уселась на вертящийся стул, перед трехстворчатым зеркалом и изрекла:

— Мне — я из Спокэн, Америка — нужна шляпа английского производства, это первое...

— Второго не говорите, — сказала вежливо продавщица, — английских у нас нет.

—Так бы сказали с самого начала, а не морочили голову, — и с достойнством покинула магазин. Сестра шла сбоку и несла ненужный зонтик.

Конечно, его можно было бы открыть против палящего солнца, но это было бы и смешно, потому что он был черный и безусловно мужского происхождения. В другом магазине молодая девушка посочувствовала:

— Возможно, что все эти шляпы английские, но на них нет клейма и марки.

— А может и не английские?

В третьем их встретила сама заведующая отделом и не обращая внимания на вступительное слово покупательницы, спросила какая же из выставленных шляп ей нравится?

— Все, — был категорический ответ, — так что будем мерить, а там увидим что и как.

На шестьдесят седьмой шляпе Агриппина Сергеевна сказала, что она берет белую.

— Чудесно, 22 доллара и 99 центов.

— Пятнадцать.

— Мадам, у нас цены без запроса. Что на ярлычке то и есть.

— Хорошо, беру. — А когда шляпу упаковали, то покупательница сказала сестре:

— Ты подумай, я ношу в Спокэн только черное пальто, а к чему белая шляпа?

— Да, правда, к чему же?

— А что же ты раньше молчала?

— А я же не знала, что ты носишь дома...

— Не знал, не знала... Все вы так! Нет, дайте мне черную. Вон ту.

Белую распоковали и начали паковать черную.

— Хотя, нет, постойте. Я не так часто одеваю черное. Мне еще до траура далеко. Мой-то меня еще переживет. Я больше в коричневом. Есть коричневые?

— Да, — сказала уныло заведующая. Все цвета есть. А может две возьмете?

— А что я, двухголовая что-ли?

Коричневую она долго притаптывала на голове, так что та стала, как кепка. Полюбовавшись и спросив мнение сестры, сказала авторитетно.

— Коричневая вполне подходящая, но не подходит.

А в этом магазине был девиз «покупатель может быть неправ, но он всегда покупатель».

— Хотите другую, мадам?

— Нет, мы еще посмотрим в других магазинах, а вы пока эту не продавайте, и ту! И сестры ушли. Шел пятый час. Жара была невыносимая.

— Олюша, ты не устала?

— Нет, отчего же? Я молчу и не мерю и не нервничаю, — ответила младшая сестра, хотя вывязанный ею рукав давно превысил размеры нормального человека. В четвертом магазине повторилось тоже, что и в третьем, только уставшая Агриппина Сергеевна примеряла шляпы на сестре, а сама судила со стороны.

— Нет, эта старит, о нет, эта, как кастрюля, а та лепешкой. Ну, эти две слишком кричащие, а та нелепа, как корова на седле.

Она сидела в кресле, а продавщица ходила и приносила те, что она указывала.

— Леди, — облегченно вздохнула продавщица, — это все.

— Что значит все?

— Все уже перемерили. Хотите начать сначала?

— Что я сумасшедшая? Пошли, Оля. Почему ты молчишь? Почему не скажешь ничего в мою защиту. Меня убивать будут, а ты будешь улыбаться.

И когда уходили, робкая сестра сказала вымученной даме:

— Извините и гудбай!

— Извините? Ей? За что? Морочила нам голову больше двух часов, вместо того, чтобы сразу же сказать, что ничего на мой вкус у них нет!

— Гриппа, но она же не знает...

— Не знает?! Продавщица? Тогда ей грош цена... Знаешь, уже закрывают магазины. Пойдем поужинаем и начнем завтра сначала.

— О, Господи! Ты же видишь, что для тебя нет ничего подходящего.

— Во-первых, мы не везде были, во-вторых, что сегодня было плохо, то завтра хорошо!

Младшая сестра спала неважно: ей снилось, что ее упаковывают в коробку и ей нечем дышать. Одним словом «ни сна, ни отдыха измученной душе». А старшая встала, как встрепанная и в девять утра они уже шагали, оставив зонтик и светр в гостинице. Уже к полудню они удостоверились, что были всюду.

— А ну, давай сначала.

— Побойся Бога, — взмолилась сестра, — мы же всюду были и ничего не подошло.

— Много ты понимаешь. Я уверена, что найду то, что мне нужно.

И они начали с того магазина, где им было сказано, что английских товаров у них нет, и они ничего не посмотрев ушли. Тут буквально повторился вчерашний день, только с примерками на всех троих: покупательнице, сестре и самой продавщице, но так как шляп было много, то в помощь прислали еще одну девушку из соседнего отдела. Уходя через два часа, старшая сестра предупредила:

— Мы уходим и если в других магазинах не найдем подходящего, то вернемся!

В следующем магазине Агриппина Сергеевна сказала первая:

— Вчера вы сказали, что шляпы возможно английские, но нет указаний и я реши...

— А разве вы в других магазинах не нашли?

— Если б нашли — не пришли б!

Когда они явились в третий магазин, заведующая побледнела и спряталась. Через пять минут появился мужчина.

— А где вчерашняя дама?

— У нас нет ничего вчерашнего — все свежее. Она заболела.

—Ну, это не важно. Я вчера тут выбрала три шляпы: белую, черную и коричневую.

Начались поиски и этот мужчина очень быстро устал. Вытирая пот, он дрожащими руками одевал шляпы на голову сестер и каждую хвалил. Бедняга надеялся своим красноречием победить вкус покупательницы. Как это ни странно, но ей уже ничего не нравилось. Наконец устав, она примирилась с судьбой.

— Ну, хорошо, я беру вот эту. Она лучше всех сидит. Сколько?

Продавец просто расцвел, но потом угас.

— Эту? Эту я могу вам отдать совершенно бесплатно.

— Да ну?! Почему?

— А вы в ней пришли!

Агриппина Сергеевна вспыхнула.

— Я попрошу без насмешек. Я буду на вас жаловаться. Где директор магазина? Вы проявили неуважение к клиенту, полны ненужного сарказма и не умеете завоевать сердце покупателя! Где он находится?

— Он на пятом этаже. Но этого достаточно, чтобы меня уволили. Подумайте...

— Вот этого я и хочу. Идем, Ольга.

Никакие уговоры сестры не помогали, и они найдя лифт поднялись на нужный им этаж. Любезная секретарша сказала:

— Директор вас ждет.

Они вошли в кабинет и тот, кто мерил им шляпы поднялся им навстречу.

— А вы как сюда попали? — накинулась на него Агриппина Сергеевна.

— А «вчерашняя дама» рассказала мне о вас, и я решил это проверить.

Когда сестры подъезжали к Сеаттлу выяснилось, что в отеле они забыли пальто и светр.

Ольга Сергеевна пыталась оправдаться, но это ей не удалось.

ВИРТУОЗЫ

ЭТО о нашем городе сказано, что в нем «счастливые часов не надевают»...

Как приятно, встав утром, в субботу, одеть шлепанцы и халат, взять у почтальона свежую газету за среду и сесть за хорошо приготовленный женой завтрак. Прочесть газету от доски до доски, а потом взяться за нерешенную с прошлой недели крестословицу. Какое чувство гордости и собственного достоинства испытываешь, когда находишь нужное тебе слово. Я вспоминаю с какой радостью я звонил знакомым, когда нашел созвучное слово на «запах», но из четырех букв. Я все перебрал, включая «духи», но никак не совпадало с соседними клетками. Обидно, когда такая ерунда становится поперек дороги. Но вдруг меня, осенило (правда была причина), и я вспомнил слово «вонь». Я был неимоверно счастлив.

Но теперь уже такого душевного спокойствия нет, не говоря уже о том, что грабят и убивают на улице, но люди, уже и дома не гарантированы от опасных визитеров. Они стали появляться в формах электромонтеров, почтальонов, развозчиков масла для отопления, поставщиков молока и даже военных.. Выбирают дома, где на хозяйстве остается одна хозяйка, и тогда смело звонят. Какая американка не откроет двери человеку в форме? Никакая. Все открывают. Ну, он входит, связывает бедную, берет деньги, драгоценности и все, что может поместить в сумку или в ящик для инструментов и уходит, даже не сказав спасибо. А та сидит, связанная до прихода мужа или соседей... Бывают джентьмены, а есть такие, что и бьют, не жалея.

Джэкобс, уезжая на работу, всегда говорил жене, чтобы она никому не открывала, если не знает человека

в лицо, а сам установил на всех окнах и дверях сигнальные звонки. Стоит только открыть окно или дверь, как раздается звон. А какая польза, я вас спрашиваю? Раз уж грабитель в доме, звони не звони, а к телефону он подойти не даст. Ну, ночью, это другое дело. Кроме того у Джэкобсов на дверях внутренние засовы и, когда они дома, то дверь никак не откроешь.

В подвале у них шесть окон довольно больших, и хозяин приделал на них сетку из толстой проволоки, а на подоконники всех шести окон он поставил по пятнадцати пустых бутылок от пива, коки, севенапа и тому подобного. Цель? Когда воры будут добираться в подвал и, вырезав стекло, захотят удалить сетку или разрезать ее, возня с нею обязательно столкнет пустые бутылки на цементный пол. Это довольно шумно и если не услышат хозяева, то жулик призадумается, ибо рукой до них он добраться не может, сетка мешает, а уронив с десяток, обязательно «повернет оглобли».

Правда, никто не пробовал, а может быть, и потому, что увидели «игра не стоит свеч». На стене в столовой он повесил ковбойский пояс, с двумя пистолетами в нем. Торчащие из кобур перламутровые рукоятки заставят задуматься многих, так как с улицы через окно это украшение видно и говорит о многом. Как только на популярной телевизорной программе «Какова моя линия»? (в которой как правило участвуют комик Супи Сэйл и артистка Арлен Франсис) Джэкобс увидел прибор, имитирующий собачий лай, он немедля его купил.

Это, действительно изумительное изобретение: лает прибор на любой вкус. Болонкой, немецкой овчаркой, сеттером, санбернаром, фокстерьером и т. д. Одним словом, кто что любит. Пожилые любительницы собачек могут держать на коленях прибор с голосом болонки и гладить его. Он не пачкает, не портит воздух, не просится во двор и не требует ветеринара.

Конечно, у Джэкобсов прибор был с голосом немецкой овчарки, и когда его приладили, то при звонке у двери густой, резкий и злой лай наполнял переднюю и был хорошо слышен снаружи. Свирепый пес, ничего не скажешь. Силу впечатления от лая проверили на знакомых. Пригласили их в гости и, когда те позвонили и собака вступила в действие, они даже не вошли, а сели и уехали. Что плохо? Мало того, в гостиной, против окна,

так что видно с улицы всегда сидела мужская фигура с газетой в руках. Джэкобс достал манекен в магазине мужского платья и пристроил его на виду у всех. Иногда у манекена была книга, иногда журнал, иногда трубка, а против него, когда их нет дома на дверях висит записочка «Джони, ключ в условном месте. Зайди и пей кофе. Не дразни собаку. Мы сейчас будем. Дж...»

Ну подумайте сами, какой грабитель, прочтя записку не подумает три раза. Во-первых, может прийти Джони, во-вторых, там собака и в третьих, хозяева сейчас будут. «Да, ну их к черту, связываться с такими» и уйдет в дом, где ни Джони, ни собаки, ни хозяев! Но всего не предусмотришь. Джэкобс не любил ездить на работу автомобилем и предпочитал автобус.

И вот однажды, когда его супруга возвращалась из продуктового магазина, она увидела, как из их гаража выехала их машина, а в ней двое молодых людей. Она в ужасе позвонила мужу.

— Что же ты сделала?! — завопил он.

— Я успела записать номер этой машины.

Один раз, когда Джэкобс был на работе, а сама пила кофе с соседкой, у двери позвонили два жизнерадостных бойскаутов и весело пояснили хозяйке, что они продают с благотворительной целью печенье. Она их впустила, поговорила и купила две пачки, сказав, что всегда помогает таким организациям. Тогда один из мальчиков сказал, что если она так мила, то может быть купит два билета в оперный театр, где будет петь в спектакле Елизавет Шварцкопф и Николай Гедда. Скидка пятьдесят процентов. Дело в том, что скаутская организация получила 20 таких билетов в дар от дирекции, и они их продают достойным людям со скидкой. Это было очень соблазнительно тем более, что в газете было напечатано, что на первый спектакль все билеты проданы. Она взяла, мальчики ушли и, открыв печенье, дамы налили еще по чашечке...

Джэкобсы поехали. Спектакль был изумительный. Этот русский пел так, что мадам даже прослезилась. Неприятность только была в том, что когда они собирались уезжать — в двух шинах не оказалось воздуха. Одно колесо сам с трудом сменил, а из-за второго протарахтел на газолинку, где и купил новую покрышку с камерой так, как старая пока он доехал была раздавле-

на вдребезги. Домой приехали около часу ночи. Хотя дом был весь освещен и надежная фигура сидела у окна, но телевизора, двух радио с часами и новой радиолы плюс все часы, пылесосы, деньги, драгоценности в шкатулке — исчезли. Таким образом пятидесяти процентная скидка не оправдалась.

Легче стало, когда на другой день из газет они узнали, что десять супружеских пар купивших такие билеты у скаутов — поплатились не меньше! Мальчики не соврали — билетов было только двадцать.

Мистер Джэкобс рвал и метал.

— Вы подумайте, — говорил он полиции, — детей подсылают. Играют на лучших чувствах! Пришлось все покупать снова. А через месяц он уехал в короткую, служебную командировку

— Помни, — говорил он жене, — никаких скаутов, никаких печений. Понятно?!

На второй день, мисисс Джэкобс, с той же соседкой пила кофе и смотрела по новому цветному телевизору, программу «Жизнь только одна». Ее смотрит вся Америка, ходящая в ранге домашних хозяек. А в это время к дому подъехала горомная машина-грузовик, что перевозит мебель. Двое рабочих в спецовках, с названием фирмы на спине, открыли задние двери своего фургона и понесли к Джэкобсам красивое кресло и стоячую лампу. Позвонили и сказали хозяйке:

— Мисисс Джэкобс? Мы привезли вам мебель: кресло, стол, две стоячих лампы и ковер в уборную, что заказал ваш муж нашей фирмы.

Она открывает и говорит:

— Мебель? Муж мне ничего не сказал. Мы не покупали.

— Вот тебе раз, — говорит другой рабочий, — мы увезем обратно, но это будет вам потом дороже стоить.

Бедная жена вспомнила про скаутов, печенье и билеты и растерялась.

— Тогда разрешите мне позвонить фирме и выяснить положение.

— Звоните, конечно, звоните!

Те двое вошли, а третий подогнал машину задом под самое крыльцо, чтобы было удобнее выносить и сказал:
— Приступайте ребята, но только не поцарапайте.

Хозяйка стала бледная, как молоко, а гостья наоборот покраснела, как кисель.

— Позвольте, — лепечет первая, — позвольте...

— Ничего не позволю и не мешайте работать.

Усадил их у окна, чтобы с улицы было видно, что хозяйка дома — дома, сам подал кофе, подсел к ним и разговаривает. Он видит, что разговор не вяжется, хотя он и возмущался историей с билетами. Знал, значит?

Когда диван и кресла выносили, то дамы сели на стулья, а ноги он им привязал. Картины завернули в одеяла, хрустальную посуду в ящики и скатертями прикрыли. Порядок был полный и представьте за полчаса справились. Потом отрезали телефон, захлопнули двери и уехали.

Манекен не взяли, а кровати? Их вывезли. Остались в доме две дамы на стульях и это все.

А когда на другой день приехал мистер Джэкобс и открыл двери, то овчарка залаяла, но почему-то пуделем.

Испугалась, что-ли?

СВОИ ЛЮДИ

Знаете Петра Никифоровича Булкина? Нет? Ну и слава Богу. Эта бодрая и полная оптимизма история послужит наглядным уроком для лиц, занимающихся ремонтом собственных домов.

Жил себе и поживал Булкин в своем доме, с семьей и вдруг заметил на стенах, снаружи потеки, потом начал провисать желоб, сначала в одном место потом в другом. Ооо! Да и на другой стороне дома тоже.

— Неужели упадет? — ахал домовладелец. Но нет, желоб держался, но несколько наклонно и за собой потянул какую-то доску из-под крыши, а дуры белки, что резвились на соседних деревьях, узрели отверстие и пошли на разведку. Оказалось (это по их словам), что между потолком первого этажа и полом второго довольно приличная площадь, на которой можно весело проводить время, укрываться от дождя, жить, зимовать и даже разводить потомство, так там тихо, тепло и уютно. Ну чем плохо?

И белки по примеру нашей эмиграции сразу же создали «Белкоп», крепкое и дружное объединение, которое не замедлило вселиться в чужой дом без приглашения. Но вели они себя настолько разнуздано и развязно, что у жены Булкина начались головные боли, и она потребовала от него принятия мер. Он согласился, но резонно заметил, что есть смысл обождать пока желоба обвалятся (уж больно они старые) и тогда сделать все заодно.

Но это говорил он, а жена требовала немедленно все сделать, т. к. когда она смотрела любимые программы

по телевизии, шум над головой не позволял ей сосредоточиться и переживать. Один раз было особенно шумно, но это были не белки, а обвалился долгожданный желоб и потянул за собой и железную трубу...

Терпеть больше было нельзя и Петр Никифирович в разговоре с хорошим знакомым пожаловался на старость, но не на свою, а дома. Это правда — старику стукнуло 74 и счастье, что только желоба обваливаются, а не крыша.

— В наше время хорошая фирма, — сказал знакомый, — заломит с вас хорошую цену. И раньше эта работа была в цене, а уж теперь просто кусается.

— А что же делать?

— Искать не фирму, а кустарей-одиночек, которые работают сами, рабочих не нанимают, налога не платят, конторы с секретаршей не имеют. Одним словом — работает, на глаза не лезет и себя в газетах не рекламирует.

— А как же его найти-то?

— У амреиканцев, у соседей спрашивать. Они все знают. И выбрать подешевле. Можно, конечно, через Сирса и в рассрочку, плюс проценты за эту льготу. Но это будет дороже всего.

Как практичный человек Булкин начал узнавать сначала у своих, у русских, может быть кто-нибудь уже имел дело с таким кустарем и тогда дело на мази. Некоторые имели, но потеряли адрес и телефон, другие не захотели давать (есть и такие), третьи не остались довольны и не рекомендовали, четвер...

А Аркадий Федорович сказал просто:

— Я бы взялся, я себе делал, но тут нужен партнер, самому не того, не с руки. И кроме того, это самое важное, вы сначала узнайте цены у других, чтобы потом — вы же знаете, как это у русских бывает — не думать и не говорить, что с вас свои же содрали, как с чужого. Как никак свои же люди — эмигранты!

Булкин согласился, что это логично.

И вызвал несколько фирм. Кто сказал — 850, кто — 700, но не меньше. Тогда он позвонил Аркадию Федоровичу. Тот приехал с рулеткой, деревянным аршином, ватерпасом и пилой, но измерял длину будущих желобов простым шпагатом. Все записывал и сказал:

— Скажу честно. Я сейчас свою цену сказать не могу. Съезжу узнаю цену на все материалы, доски, гвозди, желоба и тому подобное. Высчитаю и поговорю с компаньоном.

— О, уже нашли?

— Да, и знаете кого? Того, кто был секретарем общества ветеранов, председателем общества приехавших из Европы, казначеем кают-компании. Теперь этого ничего нет, и он свободен. Он себе тоже сам все делает.

— Вот и прекрасно. Так вы составляйте свою смету, а потом звоните или приезжайте с ним. Поговорим. Да, я кажется его знаю: высокий, лысоватый, в очках?

— Да, да. Он и есть. Точно...

Через неделю те приехали. Опять смотрели, мерили, горячо спорили, потом уселись в гостиной и попросили хозяев удалиться. Слышно было как повышались голоса и кто-то даже кулаком по столу стукнул. Хозяева скромно отсиживались в кухне. Потом мастера их позвали. Лица их были взволнованные, но честные.

— Так вот дорогой Петр Никифорович. Скажите честно сколько с вас просили фирмы, а мы скажем сколько мы хотим.

— Честно, конечно, свои же люди. Последняя хотела 600 долларов. Вот сколько.

— Ну, так вот, а мы за четыреста пятьдесят, но уговор нас не торопить.

— Зачем? Поспешишь — людей насмешишь. Так и тут.

— Вот, вот, а нам надо достать напрокат лестницы, доски поперечные, чтобы мостки сделать и то-се, пятое-десятое и тогда...

— Ну, вот, сейчас конец августа, а дожди начнутся в конце сентября. Успеете?

— О, это, как пить дать.

— Ну, вот и прекрасно. А раз пить дать, то и выпьем все вместе кофейку. — Попили кофе, посидели, пошутили и взяли аванс на материал. Это было в среду, а уж в субботу (П. Н. был выходной), в семь утра у стен дома раздались мужские голоса, что-то упало, что-то звякнуло.

— Приехали, — радостно сказала супруга, — молодцы держат слово.

— Свои люди, а уж если дали слово, да еще за деньги — будь уверена!

Позавтракав хозяин вышел на двор и увидел своих мастеров, которые веревками связывали две лестницы.

— Такая досада, — сказал один из них, — заняли нам только одну, а брать на прокат...

— А как же вы будете с одной орудовать. Мостки ж надо сделать?

— Да, но мы теперь решили, в целях экономии так: один работает на лестнице, приделывая конец желоба, а другой поднимает или подпирает этот желоб с другого конца палкой или метлой, что бы он был на одном уровне с крышей.

— Ага, понял. Ну, я поехал в город. Вернусь будем «ланч» кушать. Бог в помощь!

Вернувшись Петр Никифорович увидел, что лестницы лежат на земле, а мастеров не было. На другой день они приехали.

— Такая досада. Веревка лопнула. Разве она такого, как Аркадий Федорович выдержит?

— Ну, полезли бы вы, — окрысился тот.

— Уговор дороже денег. В этот день была ваша очередь лезть, а потом — я.

— Да, вот купили новую веревку. Пусть теперь Кирилл Иванович лезет, он легче.

Хозяин не стал слушать спора и ушел в дом. Когда он пошел звать их завтракать, то партнеров не было, а один желоб длиной в 15 футов лежал на земле разломанный пополам. Булкин попросил на работе отпуск на неделю, чтобы помочь мастерам.

— Что случилось? Почему желоб сломался?

— А вот что: я полез, а он подпирал желоб со своего конца. Когда я стал отдирать старый от его крепления, то сор — смотрите какой нежный — попал Кириллу Ивановичу в глаз, он отшатнулся и старый желоб упал на новый и «треснул» его. Мы его все же подняли, я стал приколачивать, «а он поддерживал граблями», но так умело, что тот соскользнул и грохнулся его концом на землю, а мой еще был у меня. А он же был уже треснувшим, а теперь совсем сломался.

— А куда же он годится теперь?

— О, это ничего. Мы прибьем обе половинки, а на месте слома смолой зальем. Она засохнет, так будет лучше, чем новый. «Заросте, як на собаци», как говорится.

— Ну-ну, — покачал головой хозяин, но жене ничего не сказал.

Два дня Кирилл Иванович на работу не выходил — промывал засорившийся глаз. Аркадий Федорович с хозяином работать не захотел, но тот его уговорил и тогда он ударил себя по пальцу молотком так, что сам два дня не приходил, а партнер с перевязанным глазом работал с хозяином.

— Я не понимаю, — сказала жена, — если ты тоже что-то можешь делать так зачем двое?

— Да, неловко как-то. Свои же люди. Договорился же по дружески.

— Дуракам закон не писан, — неопределенно адресовалась она и ушла варить борщ.

Работа шла через пень в колоду, но радости хозяину не приносила. Было видно, что работают диллетанты-любители, да еще отчаянные спорщики и упрямцы, больше ломающие, чем починяющие... Когда, наконец, один желоб справа укрепили, тогда Булкин влез по лестнице, посмотреть, что и как и ахнул.

— Господа, да что же это такое? Вы не заделали дыр, позади желоба. Белки опять...

Компаньоны начали искать виновного и валить вину друг на друга. На их предложение заложить дыры камнями, хозяин ответил категорическим отказом.

— Вы бы еще предложили заткнуть старыми газетами... Строители... и ушел.

Ворча и ругаясь мастера отодрали прибитый желоб и начали закрывать досками злополучные дыры. Чтобы не слышать их ругани в доме вклюкили тиви и радио. Через три дня опять неудача: Аркадий Федорович упал с лестницы. Правда, всего лишь со второй перекладины и до земли было рукой подать, что он и сделал, но порвал штанину, разбил коленку и ушел домой. Жена спросила мужа:

— Ну, хорошо, а если бы этот обалдуй упал не со второй, а с двадцать второй? Ты умник, подумал о том, что если у него нет страховки, то он бы тебя засудил?

— Меня? Упал же он?

— Вот именно. Аксидент на твоей проперти и лойер найдет все ходы и выходы.

Когда прихрамывая и опираясь на палку, пострадавший явился на работу, то:

— Я больше работать не буду. Жена запретила. Хотя адвокат успокоил.

— Адвокат? — удивился Булкин. — А он причем?

— При всем. Он сказал, что если у меня страховки нет, то я на чужой территории могу падать хоть с крыши. Он дело выиграет, в два счета. Ну и вот я хочу получить свою половину.

Тут возмутился Кирилл Иванович.

— Половину?! А дулю не хотите? Я проработал больше вашего, да и то с г. Булкиным. А вы хотите получить столько же сколько и я? Я вас прошу, — сказал он сухо и официально хозяину, — не давать этому типу ни копейки, пока мы не подсчитаем часы нашей работы. У меня тоже есть знакомый адвокат.

— Позвольте, господа, но почему вы меня вмешиваете в ваши расчеты?

— А вы кто? Граф Бобринский? Вас это не касается? Дом ваш? Работали у вас? Договаривались с вами? А теперь в кусты?

— И никакие ни в кусты, а я, если на то пошло, могу вам ничего не платить, работа не кончена. У меня тоже адвокат найдется. Вы сами разрешайте ваши спорные вопросы, кому сколько следует за ту часть работы, если ее так можно назвать, а я уплачу, если увижу логику и честность в ваших домогательствах.

— Ах, уже разговор о честности пошел?? Сожалею, что нет письменного договора, а то б...

— Я и без договора не отказываюсь. Моя жена давно была против. Ведь сделано полработы и сделано плохо, это каждый скажет. А сломанный желоб, а качество работы, а вечные препирательства и недоразумения. А еще свои люди. А сколько нервов ухлопано...

— Нервов? Скажите, какой нервопатолог нашелся. У меня тоже из-за этого компаньона доктор нашел психонервоз кишок, но я молчу...

— А у меня из-за вас давление повысилось, до минимума.

— Ах, господа, — взмолился Булкин, — ну кому это интересно, — и ушел.

Жена настояла, чтобы он вызвал Сирса и поручил этой фирме все сделать.

— Сначала мы все оторвем, — сказали «сирсовики», — так как все поставлено вкривь и вкось и потом начнем все сначала. Это была не работа, а... — но увидев входившую даму замолчали.

Муж дамы подписал с ними договор, а во сколько ему обошлась вся история — не спрашивайте, так как он и оба компаньона были из одного прихода и у каждого из них нашлись и друзья и сторонники и таким образом образовались три враждующих группы, и каждая из них нападала на другую, обвиняя во всех грехах вольных и невольных.

Батюшка старался быть нейтральным. А это не легко!

АПЧХИ! И... БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

ЗАБОЛЕТЬ — это не штука. Это всякий сможет, было бы желание! А вот — выздороветь... Хо-хо-хо! Десять желаний не помогут, если нет к этому соответствующих обстоятельств... В мирное, хорошее время, приходил с чемоданчиком, симпатичный доктор, выслушивал заболевшего через трубку, приписывал венское питье, велел натираться скипидаром, давал рецепт на фенацетин и пирамидон, советовал полоскать горло раствором борной и спрятав в карман трешницу отбывал по следующему вызову...

А больной? Через несколько дней вставал, как встрепанный. Это была отечественная медицина. Это было там, на той стороне, куда нам нет возврата и охоты возвращаться.

Теперь там иначе. Есть районные поликлиники, в которые заболевшие плетутся за бюллетенем, стоят (сидеть уже негде) несколько часов в очереди и, побыв пять минут у врача, пулей несутся в аптеку. Пять минут? Да-с, дорогой. У доктора жесткая норма: пятьдесят больных за восемь часов работы, иначе он не врач. Так вот за эти минуты, что больной перед ним, надо: выслушать, выстукать, спросить, ответить, выписать бюллетень и внести его в свою ведомость, ибо учет, это социализм. Уложился — ударник! Не уложился — на черную доску!

Тут, у нас, проще: имеется «медикер» (знаете, что это такое?) или Блю-Кросс или Блю-Шилд или какая-либо другая страховка, можете идти к любому врачу, который в списках этих компаний. А если есть лишние доллары, то хоть к самому знаменитому профессору.

Госпиталя здесь по последнему слову техники и даже, если жалуетесь на мозоли, то все-равно сделают рентге-

но-снимок. А уж если сердце или легкие или желудок, то заключительным аккордом лечения может быть пересадка вам во внутрь органа от другого человека, своевременно скончавшегося. Вы больны сердцем, а он умер от несварения желудка. Значит меняться есть чем. Или у вас прокуренные легкие, а у него киста. Пожалуйста. Ассортимент на выбор. Конечно, влетает в копеечку. Но лучше, если вы сможете в «Сольвейшен Арми» купить поношенный, бывший в пользовании мозг, печень, сердечко, аппендицит, грыжу, язву и с ними прибыть в госпиталь. Это значительно удешевляет дело. Ваше — вынули... чужое — пришили и...

— Следующий! — кричит доктор.

В нашем приходе одна дама (болтунья, между нами) попала в госпиталь, потому что кто-то ей пожелал типун на язык. А он и выскочил. В госпитале ей его удалили, но она после этого заикаться стала. На ее претензии ей справедливо заметили:

— Принесли бы язык, неважно чей. Хоть бы телячий, пришили бы и весь разговор, а теперь с претензиями лезете.

Она подала в суд. Но дело тянется, потому что ее плохо понимают.

Мой приятель два раза делал себе пересадку аппендицита. Некоторые умники (я знаю двух) имеют по три-четыре страховки. Ну, тут уже прямая прибыль, потому что одна страховка оплачивает расходы, а остальные вам чеки присылают, а вы их в банк, на книжку. Было б чем болеть и что резать и пришивать. Вот этот, мой знакомый, ходит весь латаный-перелатаный, но настрелял четыре тысячи: грыжу удалили, селезенку обновили, слепую вырезали, желудок сократили, мочевой пузырь прочистили, носоглотку вылудили, гланды поприжигали, но геморрой оставили. Ну, одним словом, живого места на человеке нет, только деньги. И то, какой-то грустный.

— Да вы знаете — поясняет он — уже и резать нечего. Второй раз врачи не соглашаются то же самое резать. Геморрой держу про запас, на случай инфляции...

А у нас соседка, Синеглазова, заболела. Что случилось, как случилось, сказать трудно, но муж отвез ее в госпиталь. Искал, где подешевле, но она уперлась.

— Давай хоть раз в жизни покутим.

Легко сказать. Она будет шиковать, а он на собачьи консервы перейдет, да?

Там она попросила доктора, чтобы ей давали очень горячий чай в связи с ее болезнью сердца. Она и дома его всегда пила с удовольствием. А уж тут...

— О, да конечно. Скажите сестре.

Ксения Петровна сказала, а сестра ей в ответ:

— А у нас другого и не бывает, — и привезли ей, как и всем (их трое было в палате) утренний завтрак и полутеплый чай. Синеглазова покривилась.

— Сестра, так он же не горячий вовсе.

— Нормально. Это потому, что пока его нальют в кухне, поднимут на элеваторе на ваш этаж, провезут по длинному коридору и доставят к вам, он и остывает. Так что удивляться нечему. Было бы удивительно, если б случилось наоборот: налили бы в кухне воды из крана, а пока довезли, она бы закипела. Ха-ха-ха!

— А это и не смешно, вовсе. Мне нужен чай горячий.

— А кому он не нужен? Только я люблю кофе и папироску при этом.

Пациентка пожаловалась доктору и тот велел наливать чай в термос и привозить больной. Так и сделали, и вечерком перед сном, когда Ксения Петровна налила коричневатую жидкость в стакан, то оказалось, что это «кока-кола».

— Ничего, — утешила ее утром сестра, — «кока-кола» теплая и не бывает. Это кухня спутала. За это кто-то ваш чай получил и тоже плевался.

От-чая-нная игра продолжалась, и Синеглазова вызвала сестру-хозяйку. Та пришла в розовой кофте, желтые брюки-клеш, с ожерельем, кольцами, браслетами, серьгами и амулетами. Создавалось впечатление, что если ее повесить на ветру, то она будет звенеть, как хрустальная люстра, когда по улице проезжает грузовик. Но больной от этого легче не стало.

— В чем дело? — строго спросила сестра-хозяйка — Кто храпит?

Ксения Петровна рассказала ей, что за пять дней пребывания в госпитале, она ни разу не получила горячего чая.

— Так пейте кофе.

— Мне кофе нельзя, я сердечница.

— Я тоже, но пью за милую душу. А что же вы еще хотите?

— Уже больше ничего, только три раза в день горячий чай. Мое лучшее лекарство.

— Ясно, но зачем же вы звали меня?

— Сказать вам, что я этого чая никак получить не могу.

— Так что же, вы думаете, что это нарочно?

— Еще не думаю, но разве это так трудно.

— Конечно, нет. Но по таким пустякам беспокоить занятых людей по меньшей мере... Сестра, обеспечьте больную чаем.

— Иес, мэм!

— Удовлетворены?

— На словах — да, а вот на деле.

И представьте себе — привезли. Как раз когда Синеглазова получила «сонную таблетку» и блаженно заснула. Но ее разбудили и велели пальцем попробовать температуру чая. Она даже вскрикнула.

— Ага, — сказала сиделка, — убедились? Спите дальше и покатила столик в соседнюю палату.

Чтобы проверить, что нашей знакомой чай не противопоказан ее отправили на рентген. Мрачная тетя в свинцовом халате выхватила ее из кресла, плюхнула на большой стол, закрепила ремнями и в тот момент, когда Ксения Петровна хотела сказать, что надо снимать живот, а не поясницу, та крикнула:

— Не дышать!! — Да так грозно, что у пациентки дух захватило. Отдышавшись:

— У меня неполадки с сердцем, а вы...

— А у меня с аппаратом. Все время контакты заедают. Больной уже посинеет не дыша, а его никак не включу. Никак не починят.

— Так вы меня еще не снима...

— Я же вам русским языком говорю... — но она так не сказала, потому что говорила с акцентом старого Конго и Новой Гвинеи.

— Я хочу сказать, что...

— Что вы хотите сказать, мне не важно. Еще двенадцать ждут. Ложитесь.

— Но я же лежу.

— То-то. Я бы вам встала. А вы нормальная?

— Что за вопрос?

— А потому, что в вашей бумаге сказано, что вы мистер Джонсон, у вас язва...

— Я не Джонсон, и не язва, и не мужчина.

— Хо! А кто же вы? Что же вы мне голову морочите и сразу не сказали?

— Так я же не знала.

— А откуда я могу знать? Документ пришел вместе с вами. Катитесь обратно.

— А снимать не будете?

— Привезите ваши бумаги, тогда я... Ну-ка, бегом марш...

Но приехавший новый больной спас положение, привезя вместо своих — бумаги Ксении Петровны. Он очень обиделся.

— Что я им курьер что ли? Я ехал, я вез, а в результате? Что же мне делать?

— А вы посидите в углу, там вон старые журналы валяются для таких, как вы. К обеду кто-нибудь с вашими бумагами приедет. У нас ничего не пропадет.

Африканка долго дергала рычаги своего огромного рентген-аппарата, но он только угрожающе гудел, а снимать не мог. Тогда женщина плюнула и сказала:

— Эй, вы! Я иду «ланч» кушать, а вы тут посидите. Но только смотрите без флирта.

— Какой может быть флирт, когда у меня давление двести! А у вас сколько?

Но Ксения Петровна не стала объясняться и, сев в пустое кресло, покатила к выходу. Катясь по коридору в поисках элеватора, она с ужасом вспомнила, что забыла свой этаж и номер палаты.

— Куда же ехать?

Но подбежавшая сестра с пачкой бумаг радостно крикнула:

— Наконец то я вас нашла. Ищу, ищу, бегаю. Даже в уборную сходить не могу.

Подвезла Ксению Петровну к лифту и погнала его вниз. На первом этаже подвезла к стеклянному окну, у которого сидела полная скучная дама и крикнула:

— Эту на выписку. Домой. Сейчас привезем платье и ребенка.

Синеглазова даже испугалась.

— За что меня на выписку? Но я же десять минут тому назад была на рентгене. И его еще не сделали... И причем ребенок?

— Госпожа Флаксмэн, не морочьте голову, и так я ее потеряла. Вот же записка врача. «Роды прошли нормально. Отправить домой». И подпись. Я же не слепая.

— Но я же не Флаксмэн вовсе и не рожала.

— Что вы говорите? А я смотрю и думаю. Что это моя пациентка так изменилась и запаршивела. У нас за неделю больные так не портятся. Месяц — да. Тогда, значит, вы и не моя пациентка совсем. Чего ж вы тут путаетесь под ногами?

И оставив бумаги в руках Ксении Петровны, побежала искать свою. А полная дама сказала:

— Вы отодвиньтесь от окна, другим тоже надо.

— Так отправьте меня обратно в мою комнату. Я голодная уже.

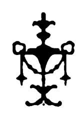
— Это дело сестер. Мое дело регистрация, — но потом сжалилась, покопалась в картотеке и сказала больной, где ее пристанище. Крутя колеса, Синеглазова покатила к элеватору.

Пока добралась, там уже все пообедали и ее еду увезли. Горько вздохнув и вспомнив о чае, она достала из-под подушки бублик (муж принес) и чихнула. И все соседки по палате, как одна, крикнули:

— Гезундхайт!

Ей стало легче.

Если читатели знают госпиталь с лучшим обслуживанием — пусть мне напишут. Я расскажу об этом моим знакомым.

ГРЫЖА

Смешно, но факт. А может быть и не смешно, вовсе но факт. Средних лет, в расцвете сил, не особенно молодой, но прекрасно сохранившийся и выглядевший моложе своих лет, человек сидел у камина и читал книгу. Он был одинок, никогда не был женат, и если спросить почему мужчина живет холостяком — объяснений нет. А вот, женщина не вышла замуж — тысячи причин! Так и тут. Сидит и читает. Мог бы телевизор смотреть благо цветной к тому же. Мог бы в оперу пойти или на концерт или на худой конец в гости смотаться, а вот нет, сидит и читает. Причина? Гололедица во дворе — вот что! В камине потрескивают дрова, радио передает хорошую музыку, а он в красивой бархатной тужурке сидит и читает.

«Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской, как печально камин догорает!»

А он и не догорает совсем, а Павел Владимирович не тоскует, а наоборот. При такой идиллии кто бы мог подумать о неприятностях? А они вот здесь, за порогом, на улице. Такова жизнь человеческая!

Он читал, а за окном — слышно было — кто-то выводил автомобиль из гаража соседнего дома. Колеса отчаянно буксовали, водитель давал газ, а выехать не мог. Окно выходило в аллею, сзади дома, где жил наш герой. Он встал и подошел к окну. Был уже вечер ранней весны получалось так, что днем оттает, а к вечеру подмерзнет. Так было и теперь. На улице ликовала голоделица и поэтому только дурак может сесть за руль и ехать в такую погоду от которой больше всего страдают автомобили: или возвращаются домой с помятыми физионо-

миями и боками или же совсем не возвращаются, а владельцев отвозят в госпиталь. Скользкие улицы и повороты — это самое опасное, да еще вечером.

Павел Владимирович видел, как дама вышла из автомобиля и стояла в недоумении не зная, что делать: дело в том, что машина из гаража выехала, но стояла посреди аллеи и несмотря на полный ход — не двигалась, а крутила колесами на скользкой мостовой. Положение у дамы было не только безвыходное, но и безвыездное. Ни в гараж, ни дальше. Не оставишь же машину в таком положении? Чувства джентльмена не заставили себя долго просить и одевшись потеплее он (джентльмен сиречь) вышел и сказал:

— Простите, но я попробую вам помочь.

— О, пожалуйста, очень прошу!

— Вам надо очень ехать или будем пытаться поставить машину в гараж?

— Нет, очень!

— Тогда сделаем так: не давайте сильный ход назад, машина может сорваться с хода и с силой ударит в дом, где я живу. Будет плохо всем. Я сейчас начну ее подталкивать, а вы старайтесь въехать обратно в гараж, а оттуда мы уже выедем, но другим способом. Сейчас вы никак не повернетесь.

— Хорошо, спасибо, — ответила дама из машины, а Павел Владимирович встав позади автомобиля, уперся ногами в порог своего крыльца и крикнул:

— Полный вперед!

Мотор яростно взревел, колеса закрутились, но на месте.

— Еще! Еще! Еще!

Так пробовали несколько раз и вспотевший джентльмен почувствовал, что авто сходит с «насиженного» места. Еще одна попытка и машина вкатилась в гараж.

— Ну, вот, теперь не заглушайте мотора, а я вам сделаю дорожку из песка!

Быть героем, так быть им до конца, он принес из дому целый мешок песка, который держал для своей кошки Кис-Кис, меняя его в ящике. Аккуратно насыпав и сделав нужное закругление, он сказал незнакомке:

— Теперь выезжайте медленно, а я буду показывать куда рулить, чтобы колеса шли только по песку и стали

так, чтобы машина могла выехать в нужном направлении. Так и сделали.

— Тихо! Осторожно! Стоп! Влево! Право! Чуть назад! Стоп! Хорошо! Еще влево. Чудесно. Выехали. Теперь можете ехать, куда вам надо.

Дама открыла окно побольше и проворковала:

— Вы оказали мне неоценимую услугу. Не знаю, чем вас отблагодарить?

— Какие пустяки. Мог и сделал. До свидания, — и ушел так и не разглядев ее лица. А она погудела и уехала. Павел Владимирович собрал часть песка, чтобы было что-нибудь на утро и вернулся в дом. Взял книгу, уселся у камина и забыл, о том, что было полчаса тому назад на улице.

Так бывает у каждого, а потом вдруг вспомнишь, да поздно. Вспомнил и он, но когда? Дня через четыре, когда почувствовал легкую боль у пупка.

«Ударился, что ли? Или это аппендицит? Вот тебе бабушка и юркни в дверь!» Потом это место стало ощутимым и появилась легкая припухлость, которая стала увеличиваться и болеть сильнее.

«Приятная неожиданность. Что же это все-таки?»

А потом его, как осенило: «Эй, да не надорвался ли я с этим проклятым авто?» Отпросился с работы и помчался к врачу. Тот долго не думал:

— Это грыжа, но откуда она у вас? Вы же тяжестей не таскаете? Это — пупочная.

«— Что значит «пупочназ»?»

— Около пупка. А бывает паховая и бедренная.

— Какая опаснее?

— Да, никакая. Я сначала пропишу вам механическое лечение — бандаж. Оно не идеальное, но дает облегчение тем более, что у вас грыжа «вправимая».

— И пройдет? — и рассказал еще раз историю с автомобилем.

— Посмотрим. Поносите — увидим. А если нет, то операция. Это пустяки.

— Операция пустяки?!

— Совершенная, как геморрой или апендикс. Можно, конечно, делать вам вспрыскивания лекарственных растворов в грыжевое кольцо. Это длится до двух месяцев, по два раза в неделю, но бывает, что в результате

приходится резать. Ну, а пока идите и купите себе бандаж.

И Павел Владимирович стал носить стальную пружину с жесткой подушечкой на конце, которая давила на опухоль и не давала ей выпячиваться. Было уже не так больно, но создавалось чувство неудобства и внеполноценности. Человек в расцвете сил и вдруг — грыжа! Никто, конечно, не знал, но от этого морально легче не было...

Прошел месяц. «Пупочная» — вела себя вызывающе и не унималась. Опять к доктору, а тот довольный собой изрек:

— А это хорошо, что я не начал вспрыскивания, было б тоже самое. Я вас пошлю в шведский госпиталь и там ее у вас, как рукой снимут, вернее не «как рукой», а именно рукой. Там есть хирург, просто виртуоз по грыжам. Раз-два и...

Легко разливаться соловьем, когда режут не тебя, так и доктор. У Павла Владимировича была страховка и бояться особенных расходов нельзя было, но... Доктор созвонился с госпиталем, и наш герой трепеща отправился. Нельзя сказать, что с легким сердцем, ведь грыжа-то все таки была своя, а не чужая. Приняли его, как родного: обмыли, успокоили, уложили и назначили особое питание, как подготовку за три дня до радостного события.

— Вас нужно подготовить и физически и стоически.

— А это что?

— Ну, повезти вас в операционную, чтобы вы видели, как режут и какие подчас получаются результаты. Но мы этого не делаем. У нас все больные герои.

А накануне операции пришла женщина-врач, с старшей сестрой и беседовала. Она подробно расспрашивала о многих как будто не имеющих отношения к операции вещах, о его образе жизни, развлечениях, еде, сказав:

— А знаете, у нас общие вкусы. Да, а откуда вы думаете у вас грыжа? Причина?

— Началось вот с чего — повествовал он — я сидел у камина и читал книгу, когда услышал на улице, вернее в аллее, у моего дома, как надрывался в своем бессилии, поставить на своем, чей-то автомобиль. Я решил помочь и вышел. Какая-то дама, простите «шляпа» по

моему, не подумав о последствиях, выехала из гаража, позабыв о гололедице и... не в зад и не в вперед. По-видимому, спешила на свидание потому что на мое предложение поставить машину в гараж и остаться дома, ответила категорическим «нет!» Ну, я помог этой чудачке сколько мог и толкал, толкал пока не вытолкнул ей автомобиль, а себе — грыжу!

Доктор выслушала очень серьезно его исповедь и сказала:

— Ну, ничего, завтра все будет в порядке. Вырежу!

— То-есть, как «вырежу»? Вы?!

— Ну, да — я. А почему я всем интересовалась? А может быть это грыжа наследственная, а по вашему рассказу благоприобретенная.

Ласково похлопав его по руке, ушла, согрев взглядом больших серых глаз. Павел Владимирович совсем расстроился.

«И, куда ни шло, женщина зубной врач или ветеринар какой-нибудь, но хирург? Да она при одном виде моего кишечника сомлеет и упадет...?

Ерунда, конечно. Все обошлось в высшей стехени хорошо, и когда больной пришел в себя ему сказали, что все уже позади, а лучшая жизнь — впереди! Его перевели в отдельную палату, и врач навещала его ежедневно, как будто бы она не вырезала грыжу, а сделала ему пересадку таковой и теперь беспокоилась прирастет ли новая к старому. В общем была она очень внимательна, а когда выписывали его, то в этот день пришла, тепло попрощалась и сказав:

— А вы заходите ко мне, поговорим.

И хотя адреса не сказала, но Павел Владимирович понял это, как намек на дополнительный гонорар за уход и удачную операцию. Канцелярия дала ему ее адрес и номер телефона. Он позвонил и получил разрешение зайти.

«Что там еще за семья?»

Купил большую коробку шоколада и явился. Она жила настолько близко, что он мог дойти пешком, благо не было скользко и весна была в полном разгаре. Оказалось, что дама вдова, имеет хорошую квартиру и приняла его по царски... Еще бы: доктор, да еще хирург. Загребает наверное!

Потом он ее пригласил в оперу, а она его в кино, смотреть «Крестного отца». Когда выходили он сказал:

— А вас не тошнило? Столько крови!

— А я ее ежедневно вижу в большом количестве, да еще проливаемую моими же руками.

Бывшему пациенту ее стало холодно от этих слов, но потом он зашел к ней и сразу потеплело. Почему, он сам не знал...

Оказалось, что они любят тех же самых композиторов, авторов тоже и даже в ресторанах их вкусы совпадали. Одним словом, когда пришло время ставить диагноз, то он оказался таким:

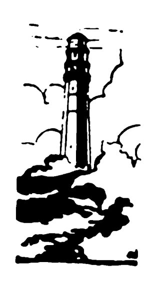
— Влюблен, всерьез и на долго!

Чтобы не тянуть и знать свое место он решил сказать об этом доктору и что же? Диагнозы совпадали!

Тогда не теряя времени он предложил госпоже Рутерфорд стать его женой.

— Я вижу, что я вас люблю, — говорил он, — а это у меня впервые. Если согласитесь выйти за меня замуж, то я буду вас на руках носить!

— Милый, я согласна, — ответила сероглазая женщина, — хирург — но только без рук, так как я не хочу во второй раз быть причиной вашей грыжи!

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Конечно, заглавие можно было придумать и пооригинальнее, но хочется всегда чем-то выделиться из среды и вот...

Друзья, которые меня очень ценят и занимают деньги, говорят, что у меня очень много общего с Зощенко. И правда, когда сравнить наши фотокарточки, то различия очень мало: худое выдающееся лицо, тот же пронзительный взгляд, соболиные брови, орлиный нос, сжатые вдумчивые губы и лоб, как у Цицерона. Только потом выяснилось, что они приносили с собой карточку Бальзака... Шутили. Однако, пишем мы одинаково. Вот в этом почти правдивом рассказе, чуткий читатель поймет, что друзья были правы. Я в нем косвенный участник.

А вот и рассказ.

Церковь стояла недалеко от тротуара, и ее крыльцо поднималось над его уровнем метра на три. В обе стороны от него спускались каменные ступеньки, а крышу крыльца подпирали столбики, как в старинном боярском тереме. Церковь была пятиглавая, с золотыми куполами и даже колоколом. Она была небольшая, но уютная и настоятель был такой: низенький, толстенький, ласковый и приветливый. Прихожане его любили и ценили. На тротуаре перед церковью была нарисована белая полоса, что давало возможность догадливым людям понимать, для чего это место предназначено, а именно: не для того, чтобы там оставлять автомашины, а только подъехать, высадить пассажиров и отъехав поискать, где можно «причалить» надолго.

Когда бывали похороны, то тут стояла погребальная колесница (с мотором, правда) и покойника выносили,

хоть и по крутым ступенькам, но зато в близко стоящий катафалк. Это было удобно, но конечно, покойнику все равно. Он может предпочел бы, чтобы родня несла его гроб на полотенцах до самого кладбища, но слава Богу, тут Америка по мостовой не погуляешь. Тут гроб всунут, мотор включат, впереди организуют полицейского и вся орава, как рванет! За пятнадцать минут уже можно ехать на поминки. И правильно — время то деньги!

А потом, когда свадьба тоже: отец подвозит свою незамужнюю дочь под самую церковь, к этой же белой полосе и торжественно ведет ее, чтобы сдать с рук на руки. Фотографы же, стоя на крыльце и держась одной рукой за столбики, щелкают кодаками и лейками. Это их хлеб!

Так должно было быть и в данном случае, но получился конфуз. Жених, Николай Степанович Рукавов, которому это дело подвернулось первый раз в жизни, думая по простоте душевной, что он здесь первая спица в колеснице, расфуфыренный, как жених, подкатил на купленном новом Шевроле (мечта его жизни!) к злополучной полосе, поставил машину, вылез и пошел пройтись так как приехал рано.

Прошелся раз, прошелся другой, а тут дождик начал накрапывать, а на нем (на женихе конечно) взятые на время одежные деликатессы: фрак с фалдами, грудь колесом, запонки с манжетами, лакирки на ножках, сиреневые носочки и шапокляк. Эта штука была складная и при неумелом обращении выпрыгивала из рук и могла попасть в лицо прохожему. Чтобы не отсыреть окончательно Рукавов пошел в соседнее кафе, заказал себе «горячую собаку», чашку кофе, достал из кармана газету — дома не успел прочитать и увидал там «кроссворд» или крестословицу по нашему. А для него это, как для другого карты, шахматы или лото. Увидел и все забыл...

А в это время народ уже подошел; там и приглашенные и любопытные. Староста все выглядывает нет ли жениха на горизонте и его самолюбивый глаз увидел автомобиль в самом неподходящем месте, ибо не может же невеста вылезать за три квартала и идти под дождиком в такой момент своей жизни. Он возмутился и обходя собравшихся спрашивал чья эта машина. Каждый нагло отпирался. Он понял, что какой-то хам увидел свободное

место, сунул туда свое авто и пошел себе по делам или в гости чай пить.

Будучи законопослушным и дисциплинированным староста пошел к отцу Леониду и рассказал о такой ситуации. Настоятель ответствовал:

— Каждый человек делает ошибки, а зла людям делать не надо. Вызовите полицию, объясните сие положение вещей и пусть мирно и тихо машину уберут к... Макару на кулички!

Так и сделали. Полиция записала все, что надо, позвонила куда надо, приехал грузовичок с крючками и краном подхватил Шевроле за нос и укатил куда надо. Так ему и надо!..

Чуткая совесть жениха не давала ему покоя и его, как осенило: «А ведь меня возможно в церкви ждут!!!»

Но вышел из кафе с чувством собственного достоинства. Он знал наверняка, что вся эта процедура без него не стоит выеденного яйца. Чтобы сохранить костюм надел шапокляк и зашагал. А после того, как авто было увезено все пошли в церковь по трем причинам: 1) так как неприглашенные приходят первыми, то они захотели занять места получше, 2) чего ради мокнуть? 3) опять пробудился интерес к свадьбе.

К церкви подъезжали новые люди и увидели растерянного молодого человека, одетого с определенной целью, который обращался ко всем с глупым вопросом:

— Вы не видели, кто спер мою машину?!

Люди пожимали плечами и проходили мимо. Их интересовала свадьба, а не обычная теперь кража какого-нибудь Форда или Крайслера. Но кто поумнее, тот спросил:

— А вы кто будете?

— Я буду мужем, но пока нет; без машины я не могу.

— Жених, что-ли?

Интерес к человеку во фраке значительно усилился. Кто-то из устроителей увидел с крыльца Рукавова и позвонил заплаканной невесте, что потеря нашлась, и она, осушив слезы, со свирепым отцом во главе отбыла в нужном направлении. Странно, конечно, но психологи, Фрейд — там или Ламброзо легко объяснят поведение пострадавшего. Он готов был рвать волосы от отчаяния, но мешал шапокляк. Когда сердобольные люди спросили его приехала ли невеста и, может быть, она уже давно томится в церкви, он спросил:

— Какая невеста?

— Здравствуйте, пожалуйста. Свадьба же ваша?

— Невест много, а машина то одна, — изрек кто-то из толпы, — страховка есть у вас?

— На невесту? Какой мне рассчет? Кто о ней сейчас, о невесте думает? Автомобиль надо искать — вот это злоба дня.

— А вы пойдите в церковный дом и позвоните в полицию — они поищут. Жених побежал рысцой, хотя лакирки здорово натирали пятки. Уходя он бросил:

— Кроме машины, там у меня был кулек и в нем свежие носки, два носовых платка — я очень потею, когда волнуюсь — и коробка с кольцами. Что-ж я ей теперь на палец одену — бублик?

Все горестно завздыхали. А тут и отец, Степан Николаевич Жилеткин с дочерью подъехал и пошел с нею в церковь, где и думал, наконец, впервые, увидеть того, кто станет его зятем. Теперь это не в диковинку.

Староста сказал, что жениха еще нет. Невеста села за свечной ящик, чтобы люди не смеялись и утирала фатой подведенные глаза и ресницы.

К счастью, один из гостей поднялся в церковь и рассказал, что у жениха украли машину, он очень не в себе и стоит на улице, ожидая полицию. Отец взорвался и выскочил наружу, а там, накрывшись скатертью из церковного дома, как привидение, стоял человек, с тоской глядя в даль...

— Послушайте, вы — крикнул тесть зятю, — вы сначала обвенчайтесь, а потом и зовите полицию!

— Тебя не спросился, — отрезал Рукавов незнакомцу.

— Идемте, — взял его за локоть отец, — она же ждет.

— Я всю жизнь мечтал о двух вещах: машина и жена, — сказал с болью в голосе жених.

Отец потянул упрямого мечтателя.

— Не тяни, а то я, как потяну, так своих не узнаешь!

Эти слова были просто пророческие: ведь и правда они не узнавали друг-друга, а может через каких-нибудь полчасика будут плакать от радости, приобретя такое родство...

Тут и староста выскочил:

— Да, вы не волнуйтесь, машину не украли, а я попросил ее убрать так, как она стояла не там, где надо. Полиция знает, вы уплатите штраф, и...

Лицо жениха посерело.

— ВЫ?! Убрали! Я у вас венчаюсь, я плачу за все, кругом-бегом сто долларов с хором и свечами, а вы же... А вы же... — он даже захлебнулся от злости.

Отец, так тот просто с кулаками полез на полудуховное лицо.

— В такой момент?! В такую минуту?! Лишить человека?! А на чем же он жену домой повезет? На автобусе? На велосипеде? Или ролики купит? Я, как отец...

— Вы отец? — ахнул Рукавов.

— А вы думали племянник? У вас есть десять центов?

— Нет, я на звонок в полицию истратил.

— Неважно, у меня есть. Идем! — и потащил озадаченного жениха в церковный дом.

И когда они вышли, у обоих были торжествующие лица.

Молодой обращаясь к высыпавшим на улицу зевакам, крикнул:

— Мы просим вас всех ехать в церковь святого Афанасия. Мы переходим в другую юрисдикцию! Тащи, папаша, дочь наружу и едем. Будет хор — хорошо, а не будет, как нибудь споемся. Сейчас и машину туда привезут... А с вас, — бросил он старосте — все расходы судом потребую!!!

Тот бросился к тестю и зятю.

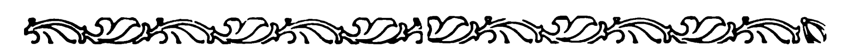
— Господа, Господин Жилеткин! Господин Рукавов! Ну, как же это? Ну, что же это?

Но те уехали, даже не попрощавшись.

Псаломщик, владелец весьма злокозненного языка, плетясь сзади старосты, прошептал:

— Ну, вот и имеем от жилетки рукава!

ПУД СОЛИ

Он живет на втором этаже, а Ореховы на первом, но несмотря на то что его положение выше — они дружны, и иногда он у них одалживает стакан сахару, а они у него спрашивают, который час, или он у них попросит с полдесятка яиц, а они у него ничего не допросятся.

Они очень милые, и когда он у них пьет вечером чай, они рассказывают свои новости. Совсем свежая это та, что Евгения Федоровна нашла в Америке свою подругу, с которой в Кременчуге, еще с детских лет, жила в одном доме, училась, росла и даже обе они мечтали выйти замуж за учителя географии, в которого был влюблен весь класс. Одним словом, как заметил Павел Леонидович:

— Вот уж про кого можно сказать, что они вместе пуд соли съели! Ведь по рассказам Женички, они полжизни вместе прожили! Полжизни! Но суровая революция и война разбросала их в разные стороны; только, здесь в Америке, они нашли друг друга. Прежние дружеские чувства вспыхнули с прежней силой и завязалась оживленная переписка. Рассказывать содержание чужих писем не в моем характере. Я предпочитаю их читать, но мысль о встрече захватила обоих, а ведь со дня разлуки прошло хороших тридцать с «гаком» лет! Это не шутка. За эти годы у людей не только внешность меняется, но характер становится другой. По себе знаю.

И когда Женя, со слезами на глазах, рассказала мужу о том, что ее Лиза, подруга дней ее суровых, хочет приехать недельки на две, к ним погостить, сюда в райские края Гавайских островов, он сразу же одобрил идею этой встречи.

— Что ж, — сказал он, — тряхни стариной, вспомни дни молодости. Вам есть о чем поговорить. А спать она может в гостиной, на диване. Нас не стеснит.

— О, нет. Она такая застенчивая была в наши дни. От слова «штаны» — краснела.

— Ну, вот и чудесно, обойдемся без штанов, — сострил Павел.

Списались окончательно. Она приедет одна, так как муж занят на работе. И в конце июля Ореховы встречали Лизу на аэродроме. Женя очень волновалась.

— А что, если мы друг друга не узнаем? И разойдемся, как в море корабли?

— Да, нет. Чего ты боишься? Что-нибудь да осталось от прежней Лизы?

— Да, да. Но и ты смотри тоже, хотя ты ее никогда не видел. Бинокль взял?

И долгожданное свершилось. Из самолета стремительной походкой вышла пышная дама в розовой юбке, зеленой блузке, с желтым жакетом и голубой сумкой в руках. Шляпа была в тропических цветах. Красота!!!

— Это она! Это она! Не пропусти ее, Павлик, — закричала Женя со слезами.

— Да, никуда она не денется, — с этими словами он подошел к даме.

— Простите, вы не Лиза, подруга моей жены?

— А вы кто такой, что допрашиваете?

— Так я же сказал, что я ее муж...

— Это еще ничего не доказывает. Ну, я. И что из этого?

— Да, ничего, ничего. Мы так рады! Женя, да иди же сюда, это твоя Лиза!

— Кому Лиза, а вам Елизавета Антоновна, ясно?

— Простите, конечно ясно.

— Ну, Женюрка, покажись. Подурнела, постарела. Нате (это Павлу) эти талончики и получите мой багаж.

А Женя плакала.

— Ну, чего ты, дурочка плачешь? Я же опять с тобой.

— Да, нет. Я не от этого, а от того, что ты сказала, что я постарела и подур...

— Ну, что ж, из песни слов не выкинешь. Ну, веди меня. Где твоя машина? — Они пошли к выходу.

— А это твой чудачек, муж что ли?

— Нет, он не чудачек. Он чудный.

— Ну, да. Ну, да. Каждая лавочка свой товар хвалит.

— Он не товар, он — сокровище!

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты. А где же оно работает?

— Оно?? О, он на складе, у Сирса.

— Только и всего? Убого, убого.

— Нам вполне на жизнь хватает. Дочь счастливо вышла замуж и живет отдельно.

— Дом у вас большой?

— У нас нет дома. Мы имеем трехкомнатную квартиру, со всеми удобствами и гаражом.

— Как это без дома?! Да вы, что сдурели? Я своего Роберта сразу заставила дом купить.

— Какого Роберта? Ты же писала год назад, что твоего мужа зовут Джоном.

— Хватилась. Я уже с тем развелась. Очень удачно получилось. Мужей, дорогая, надо держать в строгости. Руководит жизнью жена, а он зарабатывает. Они, ведь в жизни ничего не смыслят. Знаешь такое: муж голова, а жена шея? Совсем не слышно, а куда повернешь, туда и вышло!

— А он у меня и голова и шея.

— Ну и прекрасно. Чаще давай ему по шее. На меня он произвел впечатление простачка-недотепы.

— Нет, нет. Он — чудесный!

Сели в машину и поехали.

— А какая марка вашей колымаги?

— Чего?

— Ну, автомобиля. Форд или кто еще?

— Это Шевроле, 70-го года, — сказал Павел, с гордостью.

— Развалина и дребезжит всеми колесами.

— Да не нов уже, но служит честно и ни разу еще не подвел. Вот будем вас катать по острову...

— О, Господи! Вы на острове живете? А если наводнение?!

— У нас этого не бывает. Землетрясения — да.

— Не вмер Данила — болячка задавила! А что же у вас интересного на Гавайях?

— О, — оживилась Женя, — пляжи, другие острова,

знаменитая гавань, закаты солнца, музыка, пение танцы. А цветы? А наши орхидеи! Катанье на лод...

— Вот пляжи, это интересно. Я привезла два купальных костюма. Они называются «Бикини на мякине».

— О? — удивилась Женз, — почему так?

— А Бикини это остров, где впервые была взорвана атомная бомба. Так вот и этот костюм произвел на мужчин впечатление разорвавшейся атомной бомбы.

— Да? А почему так?

— А костюм из двух шнурков. Один ниже пупочка, а другой значительно выше. И это все. А продают всегда два, на случай если первый смоет волна.

— А если второй смоет? — спросил Павел.

— А кто об этом думает?

Приехали.

— Вот, дорогая, ты будешь спать на этом диване, а мы у себя, а утром...

— Да, вы что сдурели? Я в Америке еще никогда на диванах не спала и спать не собираюсь. Что я беспризорная, что ли?

— А как же? — растерялась Женя и посмотрела на мужа.

— А у вас лишнего матраца не найдется? Тогда, ты, Женя, будешь спать на диване, а твоего Павла устроим на полу, у твоих ног, на матраце. А я в спальне.

— Матраца нет, — сказал муж Жени задумчиво, но может быть снять в машине, заднее сиденье и перенести в гостиную?

— Тоже не плохо. Котелок варит. Парень не «ку-ку».

— Да, что ты, Павлинька? Таскать сюда сиденье?

— А может быть я буду спать в гараже, в машине. Летом — не страшно.

— Чтобы пошли газы и ты задохнулся?! — ахнула жена, — этого еще не хватало!

— Тогда я могу снять на две недели комнату в отеле, а вы...

— Стойте, стойте, — засияла Женя — ты будешь на диване, а мы с Лизой в спальне, на кровати.

— Обалдела, ей-Богу обалдела! Да я в Америке никогда еще с женщиной на кровати не спала. Ну, в общем вы додумывайтесь сами, а я хочу принять ванну. Есть, надеюсь? Пойди приготовь мне полутеплую и с

ароматными маслами, знаешь? Да, что ты глаза вылупила? Действуй, не стой без дела, — Женя посмотрела умоляюще на мужа и ушла. — А вы садитесь и развлекайте гостью. Сюда, сюда, рядом, на диван... А вы несмотря ни на что — симпатичный.

— Хм... И вы тоже.

— Я об этом знаю. Меня этим не удивишь. Женой довольны?

— Очень. Никогда не жаловался. И жена и хозяйка хорошая.

— Недалекая она, хоть мы с ней и закадычные подруги. Звезд с неба не хватает, а в Америке надо пока не поздно. А как же вы будете нас катать по острову, если вам надо на работе быть?

— А после работы. С шести хоть до двенадцати.

— Здравствуйте — пожалуйста! Нет, это ерунда. А до шести? Я ведь с тоски подохну.

— А Женя? Вам есть о чем поговорить. Есть, что вспомнить.

— Я живу настоящим, а не прошлым. Есть, дорогой, идея другая. Я машиной управляю и не плохо и поэтому, вы уж для меня пойдите на жертву: автомобиль оставьте нам, а сами эти две недельки — автобусом, а?

— Спрошу Женю. Если она согласится.

— Спрошу?! Да какие это мужья спрашивают жен? Сказал и сделал!

— Лизанька, — раздался голос Жени, — иди миленькая, уже готово.

— Шампунь есть? Полотенца согрела? А вы мне соорудите бокал «хай-болла», да покрепче. Обожаю, сидя в ванне, потягивать виски со льдом, а вы?

И ушла не дождавшись ответа, а Павел, готовя напиток, слышал:

— Ты мне потри спину мягкой мочалкой, а не этой проволокой! Да, не спеши. Нам некуда больше спешить. Осторожнее. Халат у тебя есть? Принеси; я свой не захватила. Я не думала, что буду купаться. Ты умеешь мозоли срезать? Нет?! А что ты умеешь, убогая?

Павел постучал.

— Входите, входите, чего там. Тут все свои...

— Ну, что ты, Лиза, что ты?! Ты же без...

— Биг дил! А что он тебя не видел в таком виде? Все мы одинаковые, только одна женщина имеет классические формы, а другая классовые. Вот пусть и сравнит.

Но Павел не вошел, а передал бокал жене. Та была растрепанная, вспотевшая, растерянная и со слезами на глазах. Ему стало ее жаль. Уходя, услышал:

— После ванны я люблю полежать. А ты мне почитай Зощенко или Толстого.

— Лизанька, да какая же я чтица?

— Рассказывай, не прибедняйся. Иди приготовь кровать.

— Да, ты же можешь днем и на диване отдохнуть. Тут лучше.

— Не плохая идея. А Павел почитает. Будем, как Антоний и Клеопатра...

— А я кто-же?

— А ты? Ты — вроде камеристки.

Улегшись на диване гостья велела подруге включить телевизор.

— О, Боже да он у вас не цветной?! Как вы живете?! Да, чтобы не забыть: что у вас сегодня на обед? Чем угощаешь?

— О, у нас сегодня голубцы в сметане, суп перловый и желе.

— Ну, знаете. Это же кормежка из дома престарелых. Меня сразу затошнило. Нет, дорогая, во время моего пребывания у вас, я вам дам меню, чтобы там были и свиные-отбивные, и пироги слоеные, и ветчинка, и португальские сардины, да и ананасы не плохо; они у вас тут наверное дешевле пареной репы. О, чуть не забыла, зеленый борщ вари все время, я его очень люблю, с яичком, да...

— А Павлик его ненавидит.

— Пусть ест пока из жестянок. А на третье никаких желе и пуддингов, а кофе с пирожным и мороженное «неаполитен». Ела такое? Ну и дура. А вина столовые: «шабли», «рислинг» и «дамское молоко».

— А? Какое?

— «Фрауенмилк» — немецкое. Ей Богу, как дикари какие-то! Это к обеду, а вечером можно и в ресторан сходить. Пусть Павел покажет, какой он джентльмен.

Вот, это и будет жизнь, как у людей. Я вас научу жить по-человечески.

— А помнишь Лизанька учительницу французского? Мы ее молочницей звали за цвет лица? А потом еще учитель гимнастики...

— Не помню и помнить не хочу. Все прошло, как белых яблонь дым! Я сегодня пораньше лягу. Меня после ванны и виски немного развезло. Пошли мужа за продуктами и начни готовить, да повкуснее.

А пока пошли эти разговоры Павел пошел к соседу и выпросил у него спортивный мешок для спанья и пристроил его в кладовке, на полу. Получилось, как в мавзолее.

Когда обедали Женя и Павел обслуживали дорогую гостью, но она обратила внимание на то, что во дворе лаяли собаки и возмутилась.

— Нет — пояснила Женя, — это не наши, а у соседей. Сейчас они кошек гоняют.

Моя посуду, она спросила мужа о его ночлеге.

— Ты не думай, голубка. Я уже все сделал, — рассказал про свой склеп, — надо принять твою закадычную по-царски. Я уже обещал ей, что оставлю вам машину, а...

— Боже мой! Какой ты чудесный! А сам на автобусе?

— Вам вдвоем будет лучше. Есть, что вспомнить и поговорить.

После вкусного обеда, гостья раздобрела и даже хотела продемонстрировать супругам купальный костюм, но Павел отговорил. Потом она смотрела уголовный фильм, а хозяева ждали, сидя на диване. Наконец Лиза ушла в спальню, все разбрелись по своим местам и заснули после бурного дня. Но ночью раздался резкий звонок у двери, Женя приоткрыв дверь в ужасе увидела двух полицейских.

— Леди, по вашему телефону, и адресу звонили нам и жаловались на соседских собак, не дающих вам спать. Это так? От вас?

— Да, да, — раздался голос Лизы и она вышла в женином капоте в гостиную. Под капотом сиял во всей красоте «бикини на мякине». — Это я звонила. Просто кошмар!

Вылез из мешка и Павел и кое-как упросил полицию.

— Ничего, ничего. Мы привыкли, а вот наша дорогая гостья... — Полиция уехала, а Лиза рассердилась.

— Завтра же утром напомни мне, и я позвоню мужу. Пусть Дональд знает в каких условиях я отдыхаю.

— Дональц? Ты же вчера вечером говорила, что он Роберт?

— Да? Значит еще не отвыкла. Нет с Робертом нам осталось только бумаги подписать, и он уже съехал, а с Дональдом я еще не записалась, но он уже въехал. Ну, пошли спать, завтра наговоримся.

НЕ КАЖЫ "ГОП"

ГЕНРИХ Альфредович Стульчак. Правда, смешное сочетание? А он сам находил в этом много оригинального и фамилии менять не хотел, уверяя, что она пошла в их роду от Тараса Бульбы. А имя отчество звонкое и запоминающееся. А по-моему, фамилия звонче. Стульчак! Что может быть эффектнее? Но не в этом дело. Жил он себе с женой приветливо, спокойно и припеваючи, ничем не нарушая американской конституции и с умилением вспоминая советскую. По ней граждане этой великой страны имели права на все, но права были, а всего не было... А тут — живи не хочу! Жизнь у Стульчаков текла ровно и однообразно. Ну и слава Богу!

Когда наступил очередной день рождения главы дома, его отпраздновали, как обычно в кругу друзей с едва заметным отклонением от обычной рутины. Клавдия Тимофеевна приглашая гостей, упомянула вскользь:

— Мы, несмотря на инфляцию и дороговизну, от этого обычая не отказываемся, но приглашаем достойнейших. Берем качеством за счет количества и не только в смысле продуктов, но и в смысле гостей. Лучше меньше, да лучше! Другие бы купили полкило «болоньи», нарезали бы ее ломтиками, величиной с полтинник, положили бы на соленый сухарик величиной в старый русский пятак, поставили б на стол всяких «севанапов» и... наслаждайтесь! Нет, мы придерживаемся старины: праздновать, так праздновать, пить, так пить! Есть, так есть! Конечно, если кто-либо из гостей умен и семь угодьев в нем, тот кое-что и принесет. Мы не обидимся и не рассердимся, зная, что это от чистого сердца. Люди сами понимают, что всякие именины и поминки, влетают в копеечку.

Намек был тонкий, а как известно, «где тонко, там и рвется». Кто принес, а кто и нет. Но так или иначе, вечер прошел живо и интересно.

Всякий имеющий автомобиль знает, что у него в кармане всегда должно быть разрешение на управление машиной, что в богатом английском языке выражается лаконичным словом «лайсенс». Это картонка, украшенная фотографией владельца, датой его рождения и прочими мелочами. Лицо, изображенное на фотокарточке, должно помнить, что за неделю до дня рождения или несколько дней спустя, оно обязано раз в два года, явиться в полицию и там эту карточку обменять. Как? Очень просто: ответить на несколько пустяковых вопросов, проверить зрение и когда любезный полицейский скажет «идите к фотоаппарату», это значит, что процедура окончена и через три-четыре недели вы получаете уже настоящее удостоверение с лицом, которое похоже на всех но не на владельца «лайсенса».

Имея такой верный документ в руках, человек может совершенно свободно стукаться о чужие машины, перекидывать на спину пешеходов и заниматься тем, что на убогом английском языке называется «акцидент...» Както вечерком Стульчаки сидели на диване и смотрели по телевизии комедию, в которой человеку ни в чем не везло. А в одном из эпизодов, он едучи на работу, зацепился при повороте за пожарный кран, сломал его, вступил в спор с полицейским, и тут выяснилось, что он просрочил свой «лайсенс» и не возобновил его в свое время, два месяца тому назад. И тогда г. Стульчак взвился с дивана, бросился к телевизору и выключил его.

— Ты, что белены объелся? — нежно спросила жена.

— Лайсенс, лайсенс! — закричал муж, — я тоже, я тоже, — он торопливо схватил пиджак, вытащил из него бумажник и вытряхнул на стол все документы, — вот, вот так и есть. Смотри! О чем ты думала, хотел бы я знать?

— Я? Думала? Я никогда не думаю. Для этого в семье есть муж!

— Да, но ты бы могла мне напомнить, что надо его обменять, а я забыл и езжу, как ни в чем ни бывало. Ай-яй-ай! Вот бы налетел на полицейского, как в той картине, был бы бледный.

— Да, но как же это случилось?

— На всякую старуху — бывает проруха.

— При чем тут старуха? — обиделась жена, — лайсенс же твой!

— Да, нет, это так говорят. Ну, ничего, заеду завтра и скажу, что болел.

— Как болел? Они позвонят на службу и узнают.

— Толково. Ну, извинюсь и все. Случается. Они поймут.

Но спал Генрих Адольфович плохо и даже сны на эту тему снились. Отпросившись с работы пораньше, он поехал (теперь на автобусе) в ближайшее полицейское управление по выдаче «лайсенсов». Их в городе было несколько. Народу было достаточно, большинство мужчины. Полицейский с золотой звездой и всякими нашивками, вежливо взял его просроченный документ и невежливо сунул его в ящик своего стола и не дав Стульчаку сказать ни слова, бросил перед ним «упитанную» книжку.

— Вот, возьмите домой, почитайте и приходите через три дня на экзамен. — Стульчака даже в жар бросило. На экзамен! Этого еще не хватало. Ну, полистал он дома эту книжицу и в субботу, с утра, отправился. Оказывается, что таких как он по субботам набираются сотни. Тут и просрочившие, и новички, и потерявшие, и ограбленные. Тут и те, кто привез «страдальцев», побоявшихся приехать на своем автомобиле. Одним словом — большой зал был переполнен. Хотя принимало публику четверо полицейских, но дело пахло несколькими часами томительного ожидания. Стульчак стал в очередь.

«Ерунда, конечно», думал он, «заполню эту дурацкую анкету, поставлю крестики, где надо и вопрос «исперчен».

Да, но так было когда-то. А сейчас, когда он добрался до барьера, то полицейский заполнил коротенькую анкету и сказал сурово:

— К ящику номер четыре.

Стульчак даже не понял сначала и тот указал ему на целый ряд пюпитров с номерами. Он подошел к молчаливому и загадочному ящику и уставился на его черную поверхность. Там были кнопки и указания, что и как делать. Пока он думал, на стекле, перед растерянным «учащимся» вспыхнула светящаяся картинка и под ней вопрос и четыре ответа с надписью:

«Выберите из этих четырех правильный по вашему ответ и поставьте соответствующий ему номер. В результатах убедитесь сами».

Ну, вот: на первой картинке ехал синий автомобиль, а за ним зеленый. Следовал вопрос: «Как будет правильно поступить, если вы едете на зеленой машине и хотите обогнать синюю?»

Стульчак выбрал ответ и нажал красную кнопку. Загорелась красная надпись «не верно», а потом появился правильный ответ.

— Хм, — прошептал про себя ученик, — скажите пожалуйста, а я всегда так объезжал.

Опять картинка: столкнулись два автомобиля. Вопрос: что вы должны делать в таких случаях? Стульчак выбрал, по его разумению ответ: «поскорее уехать, пока не появилась полиция». Опять «не верно!»

Этот танцкласс с номерами продолжался 25 раз. И за все время этого экзамена у несчастного только семь ответов получили надпись «верно».

Смущенный он подошел к полицейскому и тот, достав из пюпитра его анкетку, глянул и сказал:

— Плохо читали. Придете через неделю. Читайте внимательнее.

«Глупый совет», подумал отвергнутый и уехал.

— Ну, как? — спросила жена.

— Слишком придирчивы, — но в подробности не вдавался, а книжку листал.

Но так как он был из племени «дипистов», то решил полицию обдурить. Взял с собой блокнот, ручку и решил все правильные ответы, что вспыхнут на картинке, отметить у себя за их номерами и если опять провалится, то уже на третьем экзамене все скатает из блокнота на пять с плюсом. Но и второй раз проваливаться он не хотел и поэтому вдумывался в каждый вопрос и нажимал кнопку, не спеша, но в блокнот записывал вопрос — (вернее под каким он номером и номер правильного ответа). Так, что к встрече с этой чертовой электроникой в третий раз, он был уже готов. Второй экзамен показал известный прогресс: из 25 вопросов только 15 было неправильных, но полицейского и это не устроило.

— А сколько же вам надо?

— Не мне надо, а вам. Две трети.

«Ладно», не сказал он вслух, «увидите, что будет в третий раз».

И уже считая себя победителем начал пользоваться автомобилем.

— Смотри попадешься, совсем потеряешь лайсенс, — предупредила жена.

— Ничего, через неделю я им покажу, где раки зимуют.

И показал! Когда пришел, то полицейский послал его к ящику № 9. И там почти все вопросы были другие. Блокнот, хоть выбрасывай. Возмущенный до глубины души таким коварством, Стульчак спросил:

— А что, у вас в каждом ящике другие вопросы?

— Более или менее, а если и те же, то в другой редакции.

Хлопнув (в душе) дверью, он отправился домой. Но наряду со своими трагическими переживаниями он успел заметить и нечто утешительное: пришла пара, в общей сложности лет под 150 — на обоих. Он опирался на палку, а супруга на него. Это чудо равновесия наверное было ими давно проверено, потому что даже по лестнице они шли не боясь потерять друг-друга (палка-муж-жена). Но когда началась беседа с полицейским, то муж прикладывал руку к уху и кричал:

— Как?! Что?! Громче!

А жена поддакивала: — Говорите громче, он плохо видит.

Но она все-таки спасла положение, повторяя слова полицейского, прильнув в любящем порыве к волосатому уху. Когда полицейский предложил старику проверить зрение в специальном аппарате, то только благодаря опытности жены, указывавшей супругу ту строчку, о которой говорил полицейский, муж находил нужную букву. Собравшиеся вокруг зрители любовались этим спектаклем. Клавдия Тимофеевна (она тоже была бывшая дипи) сказала мужу сочувственно:

— А вместо тебя нельзя послать кого-нибудь другого?

— Я уже думал, но на старом лайсенсе моя фотография.

— А может можно дать полицейскому «маза», чтобы он...

— А ты вместо меня в тюрьму пойдешь?

— Что я сумасшедшая?

— Чем же кончилось? — спросит взволнованный (мужчина) читатель.

А тем, что Стульчака спросили на каком языке ему было бы легче сдавать и он ответил, что на русском.

— Ну, так у нас есть полицейский украинец. Он вам поможет разобраться с вопросами, а вы уж постарайтесь ответить правильно.

И дело пошло, как по маслу. Украинец читал ему вопросы, переводя их, а Стульчак подумав нажимал кнопки с ответами. И представьте, на третьем экзамене (это уже с помощью русского языка) сдал! Сияющий явился домой и на следующем праздновании дня рождения, полицейский сидел на почетном месте, а гостям было рассказано так:

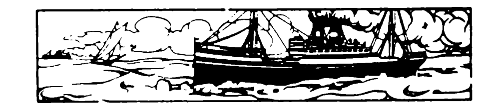
— Взбрело мне чего-то на ум проверить свои водительские способности. Сказано — сделано. Явился я в полицию и говорю, что хочу освежить в памяти мои знания, как шофера. Те удивились — а там теперь все по-новому — электроника и компютеры. Машина задает вам электронные вопросы, а вы ей на компютере отвечаете. Все по секундам. И представьте, из сорока вопросов, я на 38 ответил правильно и это за полторы минуты. Все просто ахнули. Даже пришел главный начальник проверить машины и тогда спросил меня:

«А как вы ездите? Осторожно?»

«О», я отвечаю. «Очень. Лучше быть пять минут трусом, чем всю жизнь покойником».

Меня там качали и чествовали. Не верите? Спросите вот его, он был при этом.

Полицейский смущенно улыбался.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

О, ГОСПОДИ, сколько лет, сколько зим! Как время-то бежит. Ну, да внуку моему Петеньке четвертый уже пошел; а ведь, если вы не забыли, дорогие мои, то сынок мой Кирюша, женился на американке, — наших ему не хватало. Много я поплакала тогда! Разве среди наших выбора нет? И молодые, и красивые, и ситизенки и квалификацию имеют: одна к чемоданам ручки приделывает, другая — в жилетах карманы шьет, четвертая — ремешки для собак украшает. Но нет, послал Бог ему американку — ничего приличная, нечего зря хаить. Конечно, не особенно образованная: что такое «требуха» не знает, разницы между борщом и щами до сих пор не видит, а хвалится, что «колледж» кончила: врет, наверное. Грудью то она малыша не кормила, убогая. Все с рожка и бутылочки. А когда я требовала от нее: корми грудью, корми, — она мне крашенными губами заявляет, что в Америке грудь для другого предназначена. Ну, видели? Однако внучек оказался вполне нормальный и даже выше. Бабку иногда любит и временами слушается. Однако, все же пошла к священнику о. Георгию и спросила:

— Если у сына жена американка, может ли внучек считаться родным для меня?

Засмеялся и успокоил:

— Хоть негритянка, все равно внук самый родной.

Вот оно, какие в Америке правила-то!

Малыш — крепкий и кругленький; мать думает, что это с «попкорну», а сама не знает, что я мальца украинским борщом с салом кормлю, да гречневой кашей. Это, брат, тебе не «севенап».

Слова русские он учит, все понимает, но честно признаюсь, отвечает по-английски бесенок. Это конечно, мать науськивает, хотя сама старается наши слова знать, чтобы соседей удивить, мужа порадовать и мне угодить. Кирюша на работу идет, а она ногти пополирует, на рожу глянец наведет из пяти банок, а потом массаж, потом пассаж, потом ванна, потом душ, потом обтирания — до седьмого поту хлопочет, а когда утомится, кричит мне:

— Бабюшка, морщ будем делать? Или хотите я вам хуху из рыбы сварью? — все слова перековеркает, но старается бедная. А потом начинает по телефону: «бла-бла» и — «яки-яки». И откуда у человека слова берутся. Целый день со шнура не сходит. А когда я хочу с кем-нибудь покалякать, то мне телефона нету. Занят. Бизи, — говорит.

А то надушится духами «Нарыгал в Коти», шурк в авто и Митькой звали; а мы с внучком вдвоем на хозяйстве. Золотое время!

Я ему голубцов сделаю, окрошку, а потом вдвоем, как усядемся перед этим проклятым телегрызором и сидим — картины смотрим. Он мне все объясняет, когда душить будут или с ливорвера ухлопают человека...

Кирюша с работы придет, а у нас в жратвинг-румме цельный Вавилон; щи с пирожками, пельмени под ореховым маслом, сырники с халвой и селедка в шоколаде.

Сынок кривится, но ест, в гостиной этот ящик кричит на полный голос, внук плачет кокой-колой перепился, мать тоже не молчит на него, отец поддакивает. А я всех успокаиваю с половником в руке. Семейная, как говорится, идиллия...

Дите насмотрится этих картунов-мартунов, а потом играет в ковбойных индейцев. А с кем играть как не с бабушкой? На прошлой неделе бой быков устроил — чуть не забодал на-смерть. А позавчера на сонную лассу накинул, к креслу привязал и скальп с меня хотел снимать. Срамник какой! Хорошо, что она у меня шерстяная, да на тесемках!

Чуть не забыла, милые мои. Есть у американцев правила завсегда утром здороваться. И моя тоже, еле глаза продерет, сейчас кричит:

— Бабюшка, харя у тудэй?

На старуху такими словами, а? Свекровь, потому. Но я ей, милые, тоже не смолчу. Так иногда отчитаю, что чертям тошно, прости Господи!

Сын-то не заступается, а все учит:

— Вы, мамаша, улыбайтесь; вся Америка улыбается!

Улыбнешься тут! Сама харя! Хотя, должна признаться, что выглядит она не плохо, только худа больно. Но это же мода: три раза на день на весы бегает. Тут у нас в церковь одна пара ходит — он худой, как жердь, а она извините, ничего подобного. Так муж говорит, что она только витя-минами питается. Утром — таблетку, в обед — пилюлю, вечером — две, а все же разносит! А она, наверное: две таблетки и три котлетки; а тот, дурной, не нарадуется на ее организм.

Хоть мой Кирюша уже ситизена получил, а с женой на равных правах спит, но она все-же командует:

— Кирюша, подай! — А он ей: — Л'окей!

— Кирюша, прими! А он ей опять: — Л'окей!

Что-ж ты за муж такой, что за каждым словом: «лакей» да «лакей». Аж, руки чешутся.

Сынок-то мой, как вы помните, то у ресторатоpов работал, а то у столяра. Теперича забыто все: теперь он автами торгует. Сорт такой есть «Плюнут» — называется. Правда, одни купят, другие плюнут, но все-же дела делает и про церковь не забывает и нас возит и сам стоит.

Помню на день святого Лабордея посадил он нас на своего «Кобеляка» и поехали. Я говорю:

— Куды-ть, ты жену-то везешь? Она-ж басурманка. Адвентистка или молоканка.

А он: — а хоть простоквашка! Вы слышите! А ведь знает, что она по дому бегает, как духоборы в Канаде.

Да, не едем, а летим прямо и вижу какой почет моему сыну: почитай на каждом перекрестке полицейский на мотоциклете догоняет, честь отдает и бумажку вручает. Пока доехали — шесть приглашений получил. А жена злится — завидно, небось. Все ему да ему. Мой-то сын! Ничего внук вырастет тоже таким будет. Не сомневайтесь.. Вышли из машины, а она мене под ручку ведет, народ распихивает. Завела, усадила, сама села, сына на пол пристроила (своего, а не моего), а Кирюшу стоять поставила.

Ей-то по положению уже сидеть можно. Внучку ожидаю. Я даже как-то ей деликатно намекнула:

— Ты-ж смотри, чтобы девочка?!

— А она мне: — Донт-вори, бабюшка!

А это по ихнему значит — «не сомневайтесь».

Я ведь тоже кой-чему у нее понабралась.. В церковь я хожу, милые, чтобы душу отвести от всяких троблов, но не тут-то было. Половина народу около околачивается — лясы точат, друг перед дружкой бахвалятся, наряды показывают, языки чешут и, главное, сплетничают. Ох! до чего ненавижу. Я себе проберусь в уголочек, сяду и наблюдаю; от меня не скроешься. Вот, например, дети! Одно дите, как дите — сидит на ковре и губной помадой мамины туфли красит. Тихо и безобидно. А другое — носится, кричит, бьется, на родных кидается. На крылос лезет. А мама с папой улыбаются и на людей глядят: видите мол, какое живое дите?! Как наскипидаренное. А я-б выдрала-б его, как сидорову козу, да телегрызор этот проклятый закрыла бы на две недели — нехай попостится! Сразу бы очухался. Но нет, не те нравы, ох, не те. Дитю пяти лет нет, а оно уже промблемы решает, про Совецкий канал рассуждает. К чему это? И про этого египетского фараона все знает, это про того, который никого ен боится и все кричит:

— Мне не указывайте; никто мне не нассер! Я сам себе Нассер!

Вот так взираешь на людей и видишь: одна в коржете новой и норовит все вперед пробраться. Третий месяц всем говорит, что это у нее чернобурая лисица и брешет, бо она желто-грязная и блохи из нее так и скачут. Недаром у соседей две кобелька пропали.

Другая талию затянула: ни охнуть ни вздохнуть, только глаза на людей пучит. Смотрите, мол люди добрые, на мои страдания! А я на зло отворачиваюсь. Плевать мне на твою фигуру; свою имела... надцать лет назад.

А одна у нас все тут задается (я ее по Полтаве знаю), что Смольный в Париже кончила и если ей что-либо нравится, то талдычит:

— Ах, шарманка-ка, ах шарман-ка! Причем тут это — ума не приложу. А когда идет среди людей, то толкается и просит:

— Ах, извоняюсь, простите!

К чему об этом говорить? У каждого свои болезни.

А другая все дочкой хвалится:

— Вы знаете, она балет кончила и петь начала! Такой талант, такой талант! Ее с руками у нас оторвали и в Голый Вуд повезли сниматься!!

Эх-хе-хе, милые мои, одно название чего стоит!

А то одна мужем не нахвалится:

— Ах, мой Степан Антонович, работает в «Волосе Америки».

Ха, нашла чем хвалиться, да у нас парикмахеров, как собак.

И вот так наслушаешься, да насмотришься — аж голова заболит и скорее домой, а если наши на партию уедут, то с внуком эти картуны-мартуны смотрим до самого вечера.

Я женщина деликатная и не люблю кривить душой. На прошлой неделе встретила Ксению Михайловну и говорю:

— Миленькая вы моя! Да, до чего же вы хорошо поинтереснели. Прямо двадцать годков с плеч.

А она:

— Я, к сожалению, про вас так сказать не могу.

А я тогда:

— А вы соврите, как я!!

И вы, мои милые, так поступайте. Легче жить будет, а мене извините — бежать должна. Мы сегодня с внуком про «Люси» смотреть будем.

До свиданьица!

В ГОСТЯХ ХОРОШО...

...а ДОМА лучше! Правда? Героини этой печальной повести две милые дамы из Сан-Диэго, фамилии коих я называть не буду, так как и Антонову и Лимонову все прекрасно знают, и я ограничусь именами и отчествами.

Одна из них кончила Смольный, но не помнит в каком городе, а другая консерваторию по классу рояля и, в силу этого, всю жизнь проработала преподавательницей чистописания. Они в Сан-Диэго давно, но не со дня рождения. Уже привыкли к этому чудному городу, сроднились с колонией, вжились в американские нравы и обычаи и даже местами чувствуют себя настоящими американками. Язык у них смешанный, с обилием английских слов, но, когда говорят так с русскими, те настораживаются, а когда с американцами, те пугаются. Но ничего их понимают и те и другие, и это главное.

И вот они заскучали и поделились друг с другом своею грустью.. Оказывается — захотелось проветриться, куда-нибудь поехать, повидать друзей и знакомых, благо пенсия и не большие сбережения от былой службы, такую возможность давали. Решили, что лучше всего в Сан-Франциско. Там огромная колония, много знакомых, есть у кого остановиться и у большинства свои автомашины: повезут, покатают, мост знаменитый покажут и город увидят и парк известный, оперу, Русский Центр, спектакли, концерты...

Ах, да что говорить. Просто молодостью пахнуло, такие блестящие перспективы... В кои-то века. Да и соберемся ли еще раз? Все-таки возраст, знаете, тоже сказывается. Да и не так уж много за плечами, но... не будем на эту тему. Не будем.

Прежде всего составили список тех с кем были и остались в переписке. Оказалось, что было 12, а остались с тремя. Не густо. Надо начинать сначала — возобновить старые связи и разбудить былые дружеские чувства. Обе сели и написали по письму. На двенадцать посланных было получено пять ответов. Одни писали про артрит, другие про дороговизну, третьи про диету, четверты про человеческую подлость (называя по фамилии), а пятые объединили в своем письме, то о чем написали первые четыре. Никакой восторженности и радости выражено не было, в гости не приглашали и сами никуда не собирались. Зато те трое, с которыми переписка тлела, те намеки о желании дам приехать или не поняли или отклонили при трезвом обсуждении на семейном совете. Но наши путешественницы закусили удила и решили так:

— Сделаем еще одну попытку приземлиться у когонибудь на квартире, да и заплатить можем, если такими сквалыгами окажутся. Не даром говорится «скажи мне, кто твой друг, а ему скажу — кто ты!»

А потом есть же в Сан-Франциско достаточно русских людей, у которых сдаются комнаты. Ну, вот и снимем на недельку. А хотелось именно у русских (все-таки роднее) и поближе к церкви. Там-то уж можно со всеми встретиться и наговориться. А в конце концов не может того быть, чтобы кто-то из знакомых по Шанхаю или Харбину или по Тубабао или по Германии — не проявил гостеприимства. А на сколько его надо будет проявить-то? Считанные пять дней, ведь суббота и воскресенье не считаются, они выходные дни.

В следующих письмах вопрос был поставлен и острее и конкретнее:

«Если мол, не пригласите нас пожить у вас пятидневку, то потом пеняйте на себя — желающих принять нас достаточно».

И в ответных письмах все выражали удовлетворение и хвалили желающих, а о себе ни гу-гу... Ну, нет, так и не надо — обойдемся. И по объявлению вычитанному в газете, написали в один дом, и те немедля ответили, что всегда можно на несколько дней у них остановиться из расчета пять долларов с души, с правом пользования кухней и душем, но чтобы мылись обе сразу. Ну, плохо, скажете? А ну-ка сунься в Сан-Фрэнсис отель? Да и какой

смысл туда? Еще подстрелят, спутавши. Примут их за первых леди, а потом иди доказывай, что ты не верблюд. Нет, нет, поскромнее, да поспокойнее. И начали собираться. Когда едет мужчина, он берет зубную пасту, разноцветные носки и бритву. И он готов. А дама? Перечислить нет возможности потому что страницы нужны и для другого материала...

Потом, как-то, собрались в церковном доме, за чашкой чая и начали обсуждать проблемы транспорта. Те, кто никогда и никуда не ездил, были особенно рьяны в своих советах.

— Автобус? Оставьте, ради Бога. Ведь это же — кошмаре вопийон! — воскликнула одна дама и пояснила, что до сих пор никак не может отвыкнуть от французского языка, а хотела сказать по-русски «вопиющий кошмар». Все ее извинили, так как знали, что она долго жила в лагерях в Германии. — Что вы не слышали и не читали, как во время езды встают два пассажира и один заявляет:

—Прошу публику не волноваться, а то перестреляем, как собак! Это налет!»

Все успокаиваются, а другой со шляпой обходит всех сидящих и как нищий просит разгружаться от излишков. Попробуй, не положи, так он вас уложит!

— А я считаю, что это мелочи. Главное, что частые остановки на промежуточных станциях дают вам возможность вкусно и недорого поесть.

— Да, да, а потом выходите и в лучшем случае ваш автобус уже ушел, а в худшем вы по ошибке садитесь не в тот и вместо Сан-Франциско попадаете в Мексику. Но и это еще ничего. А вот в дороге шофер-водитель, узнав, что вы не из его автобуса, останавливается где-то в пустыне, высаживает вас, где ни воды, ни зелени и уезжает, а вы остаетесь на растерзание гигиенам!

— Гиенам.

— Какая разница? Лишние «ги» и все.

— Нет, самолетом, это да! Не успеешь сесть, как через пару часов надо выходить. Даже денег жалко.

— А если упадет, что тогда? Если в воду, то хоть можно поплавать, а то ведь бывают такие воздушные ямы, куда аэроплан проваливается, и она настолько глубокая, что вылезти из нее он не может — он тяжел, он

перегружен и тогда пассижры вынуждены выйти, а он вылетает из ямы и только его и видели!

— О, Боже мой! А как же они, мы?

— Так и сидите в яме, пока за вами геликоптер не пришлют, а забирает он по шесть человек и по алфавиту...

— О, так я улечу первая, — воскликнула госпожа Антонова.

— Позвольте, позвольте, а почему же не в поезде?

— На поезде? Ха-ха! Ехать столько же, как и на автобусе, билет в полтора раза дороже, а в вагоне-ресторане котлета величиной в серебряный доллар, а ценой в пять раз больше. А крушения? Тут уже живой не выйдешь. Достают по частям.

— Господа вы такие ужасы рассказываете, что ехать страшно.

— А вы берите мотоцикл с прицепом. Вы за рулем, а Лимонова сбоку.

— Ну, уж увольте. Шлем на голову, очки на нос.

Спорили долго, самолет победил и все обошлось благополучно. Ступив на санфранцисскую землю, дамы к сожалению не увидели встречавших, хотя и написали шесть писем с намеком о часе и дне прибытия. Зная, что у них резервирована комната, взяли такси с белым шофером и поехали, но предварительно Антонова вывернула сумку на сиденье такси в поисках бумажки с адресом. А счетчик работал. Когда подъехали и расплатились — шел дождик — позвонили и хозяйка им радостно сообщила, что так как они только запрашивали, а не заказывали комнату, то она сдала на три дня и через это время — милости просим! Дамы пришли в ужас. Что же делать? Но хозяйка их утешила:

— Комната есть, но хозяин ее американец на неделю уехал в Син-Диэго и как раз на этот срок можно поселиться в его комнате, но так, что бы ничего не пропало упаси Бог! Но эта комната с двумя окнами и потом по семь долларов с души.

Куда ж деваться в дождь и без других адресов? К друзьям и знакомым не поедешь без приглашения? Согласились. Комната была прокурена, пахла всеми запахами. Потянули жребий и Лимоновой досталась кровать, а Антоновой — диван. Путешественницы начали переодеваться и звонить по знакомым телефонам. Одни очень

обрадовались их приезду, но этим и ограничились, а другие сказали:

— И охота вам за семь верст — киселя хлебать?

Третьи просто удивлялись.

— Это при такой инфляции? Тратить такие деньги? С жиру беситесь, что-ли?

Но надо правду сказать, что не все были такие бездушные и даже грубые. Нет. Одна семья просто и радушно сказала, что за ними завтра заедет и покатает, показывая чудесный город. И правда приехали, но послезавтра. Машина у них была первоклассная, но с дефектами, а кто у нас сегодня без изъяна? Нет таких. Так что же требовать от автомобиля? Окно нельзя было открыть, а дверь нельзя было закрыть и как-то так получалось, что каждые десять минут мотор глох на полчаса; один тормоз бездействовал, а другой работал, но когда сам хотел. Он был ярый индивидуалист. В открытое окно весело задувал ветерок, подхватывал по дороге дождик.

— Как вы в нем ездите, если ветер и дождь? — спросили дамы с заднего сиденья.

— А мы там никогда не сидим, — ответили хозяева, весело переговариваясь между собой на санфранцисские темы.

Потом приехали домой, привезя гостей продрогших и озябших.

— Неужели вам не было холодно? — стонали наши дамы.

— А мы тут и к климату и к уголовщине уже привыкли. Нас это не трогает.

— Ужас, — вопила Лимонова, — мы в Сан-Диэго так привыкли к теплу и солнцу.

Был обед. Гости даже по рюмочке выпили, никак не могли прийти в себя, а хозяева только посмеивались.

— Я борщ делаю лучше, — прошептала Антонова подруге.

А та в ответ:

— А я — голубцы.

Но все равно время провели мило, но когда их доставили «домой», то у первой заложило горло, а у второй слух. Так что одна не могла говорить, а другая слушать. Как жаль, что это так редко случается между людьми.

В силу этих и вышеизложенных обстоятельств решили уезжать в родной Сан-Диэго на два дня раньше и опять возникла проблема доставки их на аэродром. Ехать в такси они боялись — завезет и ограбит. Автобусом? А чемоданы тащить кто будет? Начали всех обзванивать и утешать тем, что они уже уезжают. Все очень сожалели, но помочь ничем не могли. Все же нашлась добрая душа. Она сказала так:

— У меня есть племянник, а у него машина. Я его попрошу, а вы ему пятерку подбросьте на бензин и он вас в два счета...

Дамы несказанно обрадовались и так как их отлет был назначен на 12 дня, то они по-русскому обычаю просили прислать милого юношу к девяти. Тот и прибыл точно в десять. Хозяйка прощаясь с ними и получая деньги:

— Ничего, — спросила она, — не пропало? Все в порядке?

— Нет, нет, да мы и не распаковывались.

— Да, не то. Я вас спрашиваю про вещи этого жильца. Знаете, как бывает?

Дамы хотели сказать ей, что они о хозяйке думают, но юноша торопил. А приехал он на «джипе». Это полувоенная машина, очень могучая. С ним была его «герлфренд». Она сидела с ним, впереди, и он одной рукой крутил руль, а другой ее. И ничего — поворачивал вовремя. У обоих были длинные волосы, декольте и штаны. Разница была небольшая... Дам юноша усадил сзади, где их неимоверно подбрасывало и трясло, а чемоданы били по ногам. Но доехали. Путешественницы умолили его не уезжать, т. к. быть может полет отменят и они вернутся или мест не будет или... Ну, причин было много. Он согласился.

— Вы только добавьте на бензин пятерку, — сказала девушка, — мотор-то работает.

Конечно они обещали и юноша слушал, когда объявят полет потому что у Лимоновой стали уши с дефектом, а Антонова могла не понять. Все шло, как по расписанию. Чемоданы на тележке поехали к самолету, а дамы по узкому подвижному коридору собирались двигаться внутрь, но их отодвинул полицейский в шлеме, с револьвером и винтовкой. Ох, Господи? Что же это?!

Мимо них двигалось девять смуглых юношей в наручниках, и все они были скованы одной цепью. А вокруг свирепая охрана. Им объяснили, что это нелегальные эмигранты. Их выявили и теперь отправляют на родину, в Мексику. Дамы смогут их увидеть опять через полгода. Летят они в этом самолете. Но может быть они и уголовники? На них не написано.

Одним словом, короче говоря, скованных гостей усадили впереди, а остальную публику сзади. Озноб у наших дам не унимался.

— Но позвольте, мы же брали билеты на пассажирский самолет, а не в арестантский вагон?

— В такое время живем, что никто не знает, где он очутится завтра.

— Но они же могут поднять бунт, обезоружить полицию и полететь к Кастро, а мы?

— И мы с ними. Или вы предпочитаете выпрыгнуть?

— Нет. Но может быть и так, что их сообщники на другом самолете нас догонят и велят нашему пилоту лететь в Португалию или в Уганду к Сиди-Амину. Мы не хотим попасть к нему в гарем.

— Ручаюсь, что не попадете, — сказал галантный сосед по креслу. — Но вообще перспектив много и все интересные.

Но слава Богу, восстания на самолете не было и налета сообщников тоже, и вместо Ханоя самолет опустился через полтора часа в родном, солнечном теплом и гостеприимном Сан-Диэго.

Наши дамы выбежали раньше всех и когда уже приехали домой, то оказалось, что впопыхах одна забыла пальто, а другая сумку. Но что это в сравнении с пленом или потерей жизни? Ничего.

И представьте, что еще не все кончено в Америке. Через четыре дня им привезли их пропажу на дом, ибо в сумке оказался адрес. Отдыхали они после этой поездки месяц, а когда их спрашивали:

— Ну, как ездилось? — они переводили разговор на погоду.

Я ХОЖУ ПО КОВРУ...

Ты ходишь пока врешь... А вот и все правда и ничего я не вру! Даже фамилию назову. Зовут ее Аглая Захаровна, а фамилия Симеонова, но чтобы ее не конфузить, назову ее здесь Семеновой. Кто догадается?

Городок, где она живет — Луизвилл, в штате Нью Йорк и входит он в юрисдикцию... А какую не назову, чтобы не соврать. Да и к чему? Это в любой из них могло случиться. И случилось. Пустяк, конечно, но все-таки неприятно. Климат там жесткий и суровый, а люди добрые и мягкие. С охотой бы там жил, но... не так живи, как хочется и поэтому я здесь, а хорошие люди там. Приход маленький, а священник большой, высокий и очень добрый, как и все там, в этом краю.

Началось с того, что Геннадий Васильевич и Аглая Захаровна прожили вместе хороших сорок лет. Оба работали, оба копили на «черный день», оба вышли на пенсию и оба... Нет, тут не оба, а он один отошел со временем в лучший мир. Жена не растерялась, продала дом, сняла себе в русском районе, да еще поближе к церкви, две комнатушечки и имея пенсию и сбережения, зажила за милую душу. Мужу поставила хороший памятник и два раза в год ездила на кладбище и служила панихиду: один раз в день смерти мужа, а другой — в день Ангела. Настоятель хорошо знал Геннадия Васильевича и в любую погоду ездил. Аглая Захаровна брала такси и ехали.

Вечерами, раскладывая пасьянс она додумалась до одной вещи и поделилась с батюшкой. Тот одобрил. А мысль была вот какая:

— Отмечая память почившего купить на левую сторону притвора ковер. Туда, где стоит большинство женщин. Притвор небольшой и два ковра по 9 на 12 были бы как раз.

Ну, она предложила один. Батюшка даже сказал:

— Может кто-либо последует вашему примеру и купит ковер направо. Вот и будет гармония. А не то, так может и сестричество раскачается. Покупайте, милая, покупайте. Вы только договоритесь в магазине, когда они привезут и дайте мне знать. Я открою, они постелят и в одно из воскресений — сюрприз. Очень хорошо, очень. С Богом!

На другой же день она поехала к Сирсу, посмотрела ковры и растерялась: выбор колоссальный, самой разнообразной расцветки. Как женщина умная, она не хотела полагаться на свой вкус и позвонила отцу Григорию.

— Умно, очень умно, что воздержались. Конечно, лучше всего согласовать с сестричеством, с дамами так сказать, чтобы не вешали собак на вас.

Семенова объяснила в магазине ситуацию и те пошли ей на встречу и дали с собой папку, в которую она отобрала семь образцов наиболее подходящих церкви. Каждый кусок в полтора фута величиной, да еще в твердой папке. Вес приличный, не для ее возраста. Но старушка взяла такси и привезла домой. Потом позвонила батюшке и сказала, что образцы уже у нее дома.

— Толково, очень хорошо. Теперь созвонитесь с председательницей и когда у них будет заседание, явитесь с образцами. Вот-то будут рады. Они посмотрят, одобрят ваш выбор и...

— Отец Григорий, да я не хочу выбирать. Я хочу только пожертвовать ковер, а цвет для меня безразличен.

— Прекрасно! Баба с возу, — и закашлялся, — действуйте, одобряю! Добре!

Аглая Захаровна позвонила председательнице, объяснила, что ей сказал настоятель и попросила разрешения показать образцы. Та милостиво разрешила. Через две недели был назначен день заседания и взяв такси Семенова повезла свой «товар» на показ. Назначено было на шесть, а она приехала к пяти и сидела на улице в ожидании желанной встречи. К семи приехала председательница, высокая, худая, всегда без улыбки, но очень дело-

вая. В будни она носила очки, а по праздникам одевала на худой нос — пенсне. Родилась она в Нижнем Новгороде, выросла в Верхне-Днепровске. С горизонтом женщина. Посидели до восьми, но остальные не явились. У одной уезжает дочь, у другой приезжает сын, у третьей разводится муж, а она не хочет, а у четвертой наоборот. Одним словом дел хватает у всех. Посидели, погрустили и разъехались по домам. Семенова даже подвезла на такси председательницу.

Расстались друзьями. Аглая Захаровна из дому позвонила батюшке и рассказала, как прошло заседание. Он очень огорчился, но выход нашел:

— Я думаю, что на следующее соберутся все. Не спешите, а то «поспешишь — людей...»

— Нет, я никого смешить не собираюсь, а вот возьму и объеду всех дам и покажу им. Какой цвет выберут, тот и куплю.

— Умно, хвалю! Действуйте. С Богом!

Из-за громоздкой папки, таская ее с собой, ехать в автобусе не пришлось и опять в ход пошло такси. В конце концов, не в театр же она ездит, а в память мужа. За один день сделала два визита, за второй еще два, пятую даму поймала в церкви, а мнение председательницы она уже имела. И только тут она познала весь ужас случившегося. Привожу дословный рассказ Семеновой:

Первая дама: — Вот это коричневый, с черноватой прожилкой, самый лучший. Это строгий церковный цвет.

Вторая дама: — Этот зеленый очень радостный и создает молитвенное настроение. Чудесно получится. Лучшего и не надо.

Третья дама: — О коричневом и зеленом говорить не приходится. Они кричат. Это не для церкви, а вот этот песочный, как раз под цвет иконостаса. Полная гармония.

Четвертая дама: — Ну, милая моя, кто же вам такие образцы подсунул? Вы что слепая? Это же для таверны хорошо или для предбанника.

Пятая дама: — С Сирсом не связывайтесь. Там ковры для фермеров. Хотя вот этот синевато-голубой, цвета неба, может подойти, если его заменить другим.

Шестая дама: — Странный вкус. Какие-то будуарно-гостиночные расцветки. Просто, говорить не о чем. Если

бы все эти цвета смешать вместе, то может быть и получилось бы что-либо человеческое, а так... На Тебе мий Боже, шо мени не гоже. Ни один не подходит. Отвезите обратно и не срамитесь.

Аглая Захаровна при всех этих оценках молчала так как знала, что если скажет, что говорили другие дамы, то тогда наслушается не о коврах а о них. Она знает, сама была в сестричестве.

— Отец Григорий, что же теперь делать? Что купить? Общего мнения нет.

— И никогда и не будет. Привезите я посмотрю, что там вам понадовали.

Несчастная старушка опять повезла в церковь свои образцы и после службы ожидала пока батюшка освободится и посмотрит, а за это время успела наслушаться:

— Ну, что, голубушка, купили?

— Не затягивайте. Тот рисунок, что я вам указала не залежится.

— Что же это вы? Сказали «а», а на «бэ» силенок не хватает?

Семенова молчала. Свяжись только. Когда все разъехались о. Григорий пришел в церковный дом.

— Ну-с, коробейница, есть и ситец и парча?

Смотрел образцы внимательно и указывая на седьмой спросил:

— Ну, а этот кто одобрил?

— Этот? Да на него никто и смотреть не хотел.

— Да? — обрадовался настоятель, — вот вам и золотая середина. Его и покупайте.

— Что вы?! — ужаснулась жертвовательница. — Да, меня же заклюют.

— Ничего, не заклюют. Скажете, что я выбрал. Я — хозяин прихода. Маленькие они, чтобы клевать. Я тоже что-то значу.

— Окей, окей, — вздохнула несчастная, — в результате я буду жертва вечерняя.

Но авторитет о. Григория победил, и она поехав к Сирсу заказала № 7. Те приехали и постелили. Ух ты! Вот тут-то и началось. В воскресенье прихожане радостно приветствовали на левой стороне притвора, новый ковер приятной расцветки и нужного размера. Но прихожане это еще не все и радовались, но не все. У свечного

ящика одна из дам поймала Семенову и сурово сказала:

— Вы, что же это против всего прихода идете? Я же вам указала цвет, а вы что?

— Видите ли, отец Григорий...

— Да, вы батюшку сюда не вмешивайте, у него своих дел хватает. Выбирали мы...

— А он на этот указал, — и скорее схватив свечи засеменила на свое место. Председательница одела пенсне и сказала отцу Григорию по телефону:

— Странно, очень странно. Как ремонт, так мы. Как покрасить купола так мы. Как базар — так мы. Как пельмени — так мы, как блины — так мы, а как ковер так нас по боку? — и добавила, хотя ни с кем не говорила, — все сестричество выбирало один цвет, а вы наперекор стихии... Мы можем и уйти, если мы не нужны...

— Что вы, что вы? Вы наша опора, наша гордость и радость! Я не против. Поймите, что я целиком на вашей стороне. Целиком и полностью, но и жертвователю мы не можем наступать на ногу. Таких людей мы должны приветствовать, уважать, ценить, считаться с ними...

— А с нами? Семенова сказала, что цвет вы выбирали, ей-де цвет безразличен.

— А вот выбрала этот. Ну, а мне все равно.

— А сестричество возражает, надо и с нами считаться. А то потом какой нибудь Иванов на правую сторону притвора красный ковер купит, а в середине церкви Петров постелит справа желтый, а Сидоров — слева малиновый. Что ж тогда получится Жирофле-Жирофля, не иначе. Это же церковь.

— Да, но и этот же ковер не вечный. Полежит, снимем и заменим без шума. Ведь человек жертвовал, выбирал болел душой так сказать... А мы возьмем и не примем.

— Зачем не примем? Обменяем на нужный цвет, вот и все. Ей-то все равно.

— Умно, дельно, толково. Хвалю. Только вы уж Серафима Феликсовна сами организуйте обмен, не привлекая ни ее, ни меня. Пусть сестричество так сказать...

— Конечно, вы нам и не нужны. Сами сделаем.

А когда Семенова позвонила к батюшке, и спросила, как идут ее дела:

— Не волнуйтесь, — ответил он, — я их как разнес, как отчитал так сразу поставил на место.

— Ну, слава Богу, а то звонят, упрекают. Нашли виноватую.

А председательница вместо заседания пригласила всех своих дам к себе на чашку чая. Когда попили, поели, выложила на ломберный столик злополучный альбом с образцами.

— Господа, больше тянуть нельзя. Тот ковер, что положили без нас и был нами категорически осужден, магазин обратно не примет. Прошло ведь уже два месяца. Хорошо, что мы его сняли и снесли в подвал, но ведь и там если его сырость не возьмет, то в нем мыши свои гнезда устроят.

Говорила дельно, полчаса! И когда заговорили о цвете, качестве, узоре и плотности, а главное о цвете, то председательница сразу поняла, что ничего не выйдет. Каждая из дам с пеной у рта отстаивала тот цвет, что раньше она выбирала и ни на какие уступки не шла. Каждая говорила тоже полчаса, убеждала, стыдила, урезонивала, удивлялась, обижалась и протестовала. И так все. Но ввиду того, что это было не заседание, а дружеская беседа, да еще на дому у председательницы, да еще после чашки чая, то поссориться не смогли, но и примириться на чем-то тоже не удалось. Вывод: позвонить Семеновой и предложить ей взять ковер себе домой, а там видно будет. Но получили в ответ:

— Не нужен мне ковер в дом. Я его для церкви купила. Если вы, сестричество, договориться не можете, то пусть приход решит сам. Положите образцы в церковном доме, на ближайшей «чашке чая», на стол и рядом лист. Пусть каждый из прихожан напишет какой ему больше нравится. Образец получивший больше голосов будет принят, как мнение прихода!

Председательница просто ахнула! Вот это мысль, так мысль! Сейчас же позвонила настоятелю и сказала, что она имеет такую идею. Тот одобрил. А когда Семенова сказала ему, что сестричество хочет, чотбы она забрала ковер домой, он ответил:

— Не падайте духом, милая, у нас через три месяца перевыборы сестричества. Так мы выберем тех, кто ваш ковер утвердит. Только ваш, — а она ему:

— Выберем? А если сестричество в целом захочет остаться? Оно не плохое. Пусть работает церкви на пользу, людям на утешение...

И на очередных блинах получился конфуз: образцы положили и люди начали писать, проявив редкое единодушие т. к. каждый из семи образцов получили по десять голосов. У сестричества просто руки опустились и ковер, чтобы его люди не топтали завернули в целофан и снесли в подвал, но что же дальше? Уже полгода прошло. Как быть? А вот принять во внимание выбор настоятеля и на этом поставить точку никто не додумался. И прихожане по-прежнему стукаются коленями об холодный пол, удивляясь тому, что ковер, которому они так обрадовались так быстро износился и исчез. И получилось, как у Крылова:

— А только воз и ныне там!

Какой воз? Да, ковер-то. До сих пор в подвале лежит, а пол и мокрый и скользкий.

СТЕФКА ГРЯЗИН

Собрались мы на блины у Ендовых. В этом углу гостиной сидело пятеро дам и мирно беседовало. Мужчины группировались у бара, откуда изредка раздавались «раскатистые смеха», после очередного соленого анекдота. Дамы говорили о многом, как и принято у лиц с широким кругозором.

— Вы знаете, — это Анна Васильевна, — почему всегда находится причина у супругов, если не ссориться, то спорить или крупно поговорить?

— Потому что люди не идеально созданы. Много в них минусов и недостатков, особенно у мужчин.

— Да, это правда. Мой и заботливый и внимательный и чуткий... Только его никогда нет дома.

— Вот-вот, а я прочла недавно, что где-то в Азии, на полянах горных высот, расположены домики племен Таджу. В этих коттеджах всегда тихо и спокойно. Секрет в том, что мужчины и женщины этого племени говорят на разных языках, и муж и жена друг-друга не понимают и объясняются знаками, за исключением тех моментов супружеской жизни, когда никакие знаки не требуются.

— Вот это файн; вот где пожить. Вот где бы мой язык отдохнул бы.

— Ваш? Не думаю.

— Взять бы трип и поехать туда на вакейшен.

— Так опять-таки без хазбанда не поедете?

— А можно и с ним. Он будет разговаривать с теми женщинами знаками, а я с теми мужчинами без знаков. Вери найс!

— Надежда юношей питает, отраду старцам подает. Живых в могилу загоняет и там покоя не дает.

— А кто же это по-вашему старец? Мой муж?

— Ну, знаете, их много. Кстати, иду в викэнд по нашей авеню, а навстречу Рюмкин. Ему уже скоро восемьдесят. «Куда идете, спрашиваю?» А он отвечает: «В банк. Положу еще 25». «Для чего?» — спрашиваю. А он: «на старость откладываю». Вот вам и старец.

— Девочки, а вы в медицину верите?

— В каком смысле?

— Ну, вот, идете к доктору, так все его слова берете на веру или скептически и под сомнением?

— Так ведь разные врачи есть. Один говорит так, что сразу легче становится, а другой, как в анекдоте: архитектор покрывает свои ошибки штукатуркой, домохозяйка — майонезом, а врач — землей.

— Это правда, хотя идет, как джок. Мой дает мне столько таблеток и пилюль, да еще разных, что я уже сомневаюсь в их полезности. И из тех, что надо четыре раза в день, беру — две. Из трех — полторы, из двух одну. А если одна, то через день принимаю, и все о кей.

— И что легче, беттер?

— Несравненно. Надо быть скептиком. А то наговорит, наговорит, а все для того, чтобы счет звучал убедительнее.

— Я лично убеждена фор шюр, что единственный способ сохранить здоровье такой: есть то, что не хочешь, пить то, что не любишь и делать то, что не нравится.

— Я думаю, это, конечно, мое опинион, но пациент на приеме должен говорить больше, чем врач. Во-первых, он облегчает свою душу, во-вторых, дает доктору больше материала для выводов и размышлений, а в третьих, сам пациент чувствует себя увереннее и получается нечто вроде совместной постановки диагноза, и оба расходятся довольные друг-другом.

— Но он-то всегда нами доволен. Платим-то мы. Кто шлет нам биллс? Он.

— О, вспомнила. Мы были в рашен центре на опере и муж в интермишен говорил с Закрашенской. Долго говорил, просто неловко. Я ему потом сказала, что это моветон с дамой два часа лясы точить. А он: «что точить?» Лясы — говорю. А он не знает, что это такое. Теперь я вас, девочки, спрашиваю, что это за «лясы» такие. Это приличное слово» Наше или английское?

Но никто не мог объяснить. Только одна дама сказала:

— Я знаете, предпочитаю английский язык. И легче объясняться и легче сделать вид, что не поняла. А то, как в «Архипелаге», читаешь, читаешь и все слова написаны по-русски, а половину из них никогда не слышала.

— А вы прочли эту бук?

— Да, нет, вымучиваю. Неудобно не прочесть. Такая модная книга. А я вот недавно достала «Вовочку» Вербицкой и подумала, какая разница между этими книгами.

— Клир. Потому что женщина написала, и она, как вы знаете по себе более чуткая и понимающая.

— Ну, еще бы. Женщина ж!

— А скажите, эта книга «Архип-кулак», это что? Роман из крестьянской жизни или колхозная?

— Морозная. Температура 30 или 40 градусов ниже нуля, а люди работают на открытом месте и замерзают.

— Ах, Боже мой, господа, давайте не будем на такие темы. Мы собрались отдохнуть, развлечься, поговорить и вдруг такие ужасы. Я просто не белив.

— Мне мой доктор, это уже третий, сказал: «Вы можете ко мне больше не ходить. Тут медицина бессильна. Вы совершенно здоровы».

— Здравствуйте пожалуйста. А если вы хотите, а если вам приятно и нравится?

— Так это такой дурак-доктор попался. Другой бы доил с вас до кон...

— А что я корова?

— Да нет, это так говорится. Андестэнд?

— Кстати, милые, как насчет похудения?

— О май Гуднес! Просто не спрашивайте. Что я только не переброобовала — ничего. Насинг. Или 150 или больше.

— А вы пробовали отказаться от пельменей, от пирогов, от...

— А разве это помогает?

— Я делаю дифирент. У меня есть семь книг о похудении с диетами, гимнастиками и витаминами. Когда я вижу, что одна книга не помогает, я покупаю другую. И так уже семь набралось. И теперь все по-новому. Что мне есть в понедельник, я беру из первой книги, что

кушать во вторник — из второй, среда — из третей. И всю неделю все семь книг.

— И помогает?

— Как мертвому банки.

— А вы пробовали эту «лавочку», что СПА называется? Вэри экспенсив, но там бассейны с разной темтературой. Инструктора, массажисты. То тебя в кипяток бросают, то в ледяную. А то — ты крутишься на велосипеде, не сходя с места. Потом тебе на зад одевают широкий брезентовый пояс с мотором он тебя трясет, вот тут, ниже талии, минут пятнадцать. Потом это же со стороны живота делают.

— Ну и что? Вытряхивает?

— Кто их знает. Когда они меня меряют сантиметром, то я с каждым визитом тоньше и изящнее на два инча, а когда меряю дома, то наоборот.

— А вы знаете, у меня без причины второй подбородок растет. Так я написала письмо в женский журнал, где есть отдел вопросов и ответов, но подписалась, как мужчина, чтобы не узнали.

— Ну и?

— А они ответили «запустите бороду». Идиоты.

— А я повела своего мужа к своему врачу. Он стал нервный и раздражительный.

— Ваш врач?

— Причем тут врач? А я лечусь у него уже восемь лет.

— У мужа?

— Причем тут муж? У врача. Он поговорил с нами и дает мне таблетки со словами «вашему мужу нужен абсолютный покой и тишина в квартире. Эти таблетки успокоительные, принимайте их четыре раза в день и через четыре недели мужу станет легче». — Ну, не дурак?

— Я помню еще с прежних лет: «если ты нездоров» — не зови докторов. Доктора в этот век разводят калек». Ну, не вандерфул?

— А как у вас с английским?

— О, это наш камень преткновения, с мужем. Странно, что дома в России, я с этим языком не испытывала никаких трудностей.

— Да, в смысле фигур далеко Америке до Европы.

— Почему? Тут и американки не плохи. А вот дайте

им на Рождество, да на Пасху, да на день рождения, да на именины, да на свадьбы, да на крестины, на поминки, да на...

— Хватит, хватит. А что дать-то?

— А дать куличей, сырной пасхи, ветчины, торта орехового или кофейного, колбас разносортных, свинины, индейки, курочки, гуся, печенья сдобного, пирога со слоеным тестом, пирожных ромовых, паштета...

— Умоляю вас, замолчите, со мной обморок будет.

— Почему?

— Да я уже с месяц этого не ела.

— Это правда. Я не знаю, чем сегодня нас будет милая хозяйка кормить, но...

— Как не знаете? Шэйм! Да, ведь масленица сегодня! Все диэтное: блины, икра, сметанка, сардины в масле, селедка, шпроты рижские. А на сладкое Наполеон, баклава, мороженное и напитки...

— Ух, сразу есть захотелось. Были на последнем концерте в Клубе?

— Была. Ах, сольных номеров было совсем мало и концерт получился малосольным.

А Ендовы опять приготовили гостям сюрприз. Хозяин вышел на середину гостиной и сказал с гордостью:

— Дорогие гости. Я стараюсь шагать в ногу с эпохой. Мне недавно порекомендовали одного певца, который за полгода овладел русским языком и теперь так поет, что дух захватывает. Причем он так обрабатывает русские песни, что они понятны и нам и рядовому американцу. Успех у него оглушительный и мне удалось упросить его приехать к нам на блины.

— А по-русски он понимает ор нат?

— Ни бельмеса. Но это роли не играет. Ксения Васильевна ему проаккомпанирует, она знает эту песню, впрочем и вы тоже, а потом сядем за стол и в связи с голодом во многих странах, угощу вас чем Бог послал.

— Знаем, знаем, не впервой!

Хозяйка ввела в гостиную средних лет человека с небольшой бородой.

— Вот, прошу любить и жаловать. Мистер Эльвис Пристли номер два.

Раздалась музыка и гость поклонившись сказал с акцентом:

— Стефка Грязин, американская песня — и запел:

Из-за island'а на стрежень,
На простор river волны
Там swim out расписные
Стефки Грязина boat'ы
В living room'е Стефка Грязин
Sits в обнимочку с княжной,
Wedding новый он справляет
Very happy и хмельной!
A behind him слышен ропот:
«Нас на girl'у променял
Only night с ней провозился
Сам на morning woman стал!»
Эти joke'и и надсмешки
Атаман услышать must
And he мощною рукою
Обнял персианки bust.
«Волга, Волга моя mother
Волга русская river
Не видала ты present'а
От cossack'а например.
Чтобы не было тут fight'а
Between русскими людьми
Волга, Волга моя mammy
Мою beauty ты прими!»
Он strong жестом поднимает
Beautiful'ную княжну
И свою princess бросает
На river'ную волну.
«Что ж вы boys'ы приуныли?
Эй, ты Freddy go and dance!
Грянем brothers плясовую,
Если будет в этом sense!».

Когда расходились (после блинов, конечно) нам всем раздавали на память текст этой песенки. Приглашенный выступить на вечере в «Хоме Русского Студента» при Вашингтонском университете, в Валентайн день 14 февраля, — я ее спел.

Мой внук, который там был со своими родителями — ему 12 лет — когда гости шли к чайному буфету, успел сунуть мне в руку, после, концерта записку (на русском языке). Там было:

«Деда, ти здес ко мне не подходи, я ни хочу, чтобы они знали, что я твоя внук, а завтра можна. Миша».

"ПИКОВАЯ ДРАМА"

Весть о том, что в двух красивейших городах Америки (Сан-Франциско и в Сеаттле) пойдут оперные спектакли, на русском языке взволновали все Зарубежье. Одно дело, когда приезжает «Березка», или «Каштанка», или какой-либо ансамбль танца, балета или пения и сосут из эмиграции доллары, пользуясь ее тоской по родному, по-русскому, по незабываемому — это понятно. Причем часть эмигрантов горячо осуждает эти посещения, а часть идет. Потом обе части вместе собираются и за рюмкой водки выясняют отношения.

А здесь в данном случае, это были спектакли на местном материале, безо всяких советских гастролеров, наоборот с участием тех, кто покинул свою страну навсегда и обосновался за границей, отдавая ей свой талант, способности и силы, на служение святому искусству. Достаточно назвать Нуреева, Пановых, Макарову, Барышникова, а теперь непревзойденных Вишневскую и Ростроповича. А в литературе? Солженицын, Максимов, Некрасов, Галич и иже с ними... Все эти люди хотели служить Родине, но Родина не хочет их. Одним словом, кратко: в Сан-Франциско готовилась к постановке опера «Пиковая дама», а в Сеаттле — «Евгений Онегин». Ну, как не пойти? Правда? Народ заволновался интересуясь местами, ценами, билетами. Как достать? Где купить? У кого узнать? Главное, что до сих пор они знали, где есть билетные кассы, продающие билеты на все виды зрелищ, а вот теперь. Да, но ведь это русский спектакль. Значит надо узнать, что и как. И в первую голову начали обзванивать друг друга и наводить справки. И, как всегда у нас все получалось и складно и согласовано.

— Милая, а какие места лучше, на балконе или в партере?

— Странный вопрос. Если вы хотите, чтобы все на вас показывали пальцем и говорили, что Самоедовы сидели у чорта на куличках, то, конечно, берите балкон, а высшее общество Америки так называемое «хай сосаети», сидит всегда в партере.

— Так мы же не высшее и не американцы?

— Все равно, пусть берут с нас пример.

Или:

— Где лучше акустика и где хуже резонанс? Ведь это так важно. Моя жена в прошлом, слава Богу, певица и утверждает, что акустика и резонанс одно и то же.

— О, нет, нет. Если бы было одно и то же, то было бы одно слово, а не два. Видно, что ваша жена давно уже не поет. Настоящие певцы этого не забывают и поэтому всегда поют у суфлерской будки.

— Ну, да. Так то ж певцы. А разве мы можем купить места у суфлерской будки?

— А вы про что меня спрашивали?

— Все, все. Большое спасибо, — и трубка вешалась, — я ей про Фому, а мне про Ерему.

Или:

— Как одеться? Я когда посещала оперные спектакли в Малом театре в Москве, то...

— А разве в Малом ставились оперы?

— Здравствуйте, пожалуйста. Да, вы что с луны свалились? Всегда большие оперы в Малом, а малые в Большом.

— Смотрите, а я и не знала.

— Да, так там я знала, как одеться, а тут, в Америке, может надо вместо строгого вечернего — джинсы с латкой на мягком месте, волосы распустить и в сандалиях да еще на босу ногу.

— О, нет, не думаю. Но чтобы не быть белой вороной — чем-нибудь согласно моде — себя украсьте. Сейчас очень в ходу ожерелье из зубов акулы и велосипедная цепь на талии, а в зубах окурок.

— У дам? У женщин?

— Вот именно. Эмансипация.

— Эманси... Что?

— То, что слышали. Простите, спешу за билетами, — и вешает трубку.

Или:

— Ну, хорошо, Роспопович — скрипач, а как же он будет петь Радамеса?

— Какого Радамеса? Вы что?

— Так ведь там же «Тоску» ставят?

— Вы просто на собеседника тоску нагоняете. Идет «Пиковая дама», понятно?

— О, вот оно что. Ну, хорошо. А Вишневская, что будет делать?

— А та поет даму, а он (он же ее муж) будет дирижировать.

— Подумайте. И тут — семейственность. Советские штучки.

Или:

— Ну, что достали билеты?

— Я никуда не еду.

— О, Господи, да на Евгения же Онегина же.

— Ничего не понимаю. На какого Евгения? Что Женька Стахов женится или что?

Вход в церковь по билетам, так что ли?

— Какая там свадьба. Опера идет. Опера по-русски, Евгений Онегин. Все идут.

— А все ли вернутся? Пойдешь в пальто и в костюме, а вернешься в носках? Ну, уж нет. Я из-за вашей оперы воспаления легких не хочу.

— Странно. Когда нет машины, люди берут в складчину такси, да если они еще из одного района города, то это обходится гроши.

— Гроши? Ха! Захотели мы сделать мясной пирог. Так вот вам: яйца — 75, масло — столько же, мука — доллар, вязига — полтора и мясо два с полтиной, плюс электроэнергия. Посчитайте теперь, эти гроши...

— Я вам про театр, а вы про желудок.

— А что важнее, хотел бы я знать? Без Евгения проживете, а без котлет — нет!

— С вами не сговоришься. Ну, пока.

— Пока, пока, уж ночь не далека. Помните у Утесова?

И в этом котле человеческих страстей закрутился и Хреновый. Других разговоров, кроме как о спектакле в оперном театре, он не слышал. А ему и жене вполне хватало телевизора и в кино, иногда. А тут! Надо пойти

тоже, а то засмеют. Все говорят, спрашивают, а он как пуганая ворона на куст садится.

— Твое дело, можешь идти, а я нет — отрезала жена и включила телевизор.

Ну и начал он узнавать. Причем получалось у него это не как у людей. Вместо того, чтобы посмотреть в газете, когда идет спектакль и где продают билеты, а потом пойти и купить — он начал обзванивать друзей и знакомых.

— Здравствуйте, дорогой. В оперу идете?

— А как же.

— Билеты имеете?

— А как же.

— Давно взяли?

— А как же.

— Говорят, что все проданы?

— А как же.

— Вот, вот и я слышал. Очень вас прошу, если узнаете, что у кого-либо есть лишненький или кто-нибудь, вы или жена заболеет, не дай Бог, конечно, уделите мне билетик. Хорошо?

— А как же, — и повесил трубку. Иди знай, что он думает. Поможет ли?

Хреновый был заядлым театралом и в России не пропускал ни одного фарса или оперетки. Теперь уже все перезабыл и если вспоминал то...

— Вы знаете, так хочется пойти, а билетов нет. Говорят распроданы. А я до сих пор помню, как Онегин поет Лизе на Мойке...

— На стирке?

— На Мойке. Это приток Невы в Петербурге. Вот, так он пел:

Спокойно и просто вы бросились с моста,
Но баржа с дровами легла между нами...

Потрясающе, правда?

— Разве там так было?

— А ну-да. Ведь в Петрограде дрова развозили на каких-то баржах. Хорошо помню.

— Я жил в Ленинграде.

— Ну, да. Так Ленинград был, но дров не было. Но я не об этом. Нет ли у вас лишнего билета. Очень хочу пойти.

— Нет, нету, дорогой, но я узнаю у Подтяжкиных. У них кто-то должен уехать и...

— Очень обяжете. Я к ним звонить не могу. Мы в сооре. Он хотел пройти в церковно-приходский совет, а я отвел его кандидатуру.

— Отчего же?

— Да, так, знаете, скучно было, ну я взял и поддал жару и у всех языки развязались.

— Ага, хорошо. Я узнаю и потом вам позвоню.

Хренов проявил дикую энергию и обзвонил чуть ли не десяток знакомых... А в домах по-прежнему смаковали детали будущего спектакля, вспоминая золотое прошлон и ржавое настоящее. Сравнение — несмотря на полеты на луну, атомную бомбу и самолеты со скоростью быстрее звука — было в пользу милых сердцу, невозвратно ушедших дней...

— Я помню, — говорила престарелая дама, — этот момент, когда Татьяна поет своему «пидстарковатому» мужу:

Рояль был весь открыт и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за пенсией твоей.

— Неужели тогда уже пели о пенсии?

— А почему нет? Жить же надо? Это теперь и Велфэр и продуктовые талоны, да пособие по безработице. А тогда положат за выслугу лет известную сумму и все. Только тогда инфляции не было.

— Да, тогда даже такого слова не знали. Охо-хо, были времена. А Лиза? Помните, Герман уходит, а она ему вслед:

Вернись я все прощу,
Упреки, подозренья...

— Ну, как же. Укор речей твоих... Все ушло, как сон.

Профессор-американец, преподаватель русского языка, хвалился, бывая в русских домах, что он тоже любитель всего русского и имеет дома набор пластинок: — «Князь — тигр», «Борись, Годунов», и добавлял: — Я любил «Запорожец, загуляем?» Вери веселая и музичная. Там Тарась Булба был вери бьютифул.

— А кто его пел?

— Ивана Козловская. — Профессора хвалили и сами вспоминали:

— Я не помню в каком это акте, но Ленский поет Татьяне:

«Татьяна, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Демьяна!»

— Фу, какая гадость. Разве там тогда такое тоже было?

— А что же? Я выдумала по вашему?

— Позвольте, господа, не ссорьтесь. Это у Крылова есть. Только там было так: «Татьяна, я скрывать не стану, безумно я люблю уху Демьяна». Вот как. И как он его подчивал и как угощал так, что тот убежал объевшись... А теперь? Придешь в гости и слышишь, как в кухне хозяева шепчутся «опять он приперся!»

И все же Хреновый по пословице «на друга надейся, а сам не площай», решил, что надо самому попробовать достать билет. Поехал в театр и купил. Совсем просто. Возвращался домой, как на крыльях. Но крылья ему подрезали. В этот же вечер позвонил Подтяжкин и крикнул в трубку:

— Ну, прыгай, друг. Имею для тебя билет. Зубами вырвал у Задушевных.

— А мне и не надо. Я уже купил — похвастался герой.

— Прости за намек, но ты — свинья! Я уже уплатил и билет у меня в бумажнике. Я тебе привезу, приготовь десятку, а потом можешь его продать кому хочешь.

— Но подумай...

— Думать надо было раньше, обалдуй!

А на другой день Аспидова, очень милая дама и привлекательная к тому же, сладким голоском сообщила, что уговорила Гарбичкеновых (до получения паспорта они были Мусорными) уступить ему один билет. У них брат уезжает и этот билет привез ей для него.

— О, спасибо, спасибо, — я позвоню вам. Я позво... — и вытер вспотевший лоб. Теперь на звонки отвечала жена потому что билеты посыпались, как из рваного мешка. Тот не может, этот заболел, другой уступает по дружбе, а этот по службе. Мадам Хреновая благодарила и говорила, что все передаст мужу, а он сидел тут же, бледный и осунувшийся.

— Что делать? Как быть? Ведь он же перессорится со всеми знакомыми. Вот беда! Жена торжествовала:

— Думал, — говорила она, — других перехитрить, а сам в дураках остался.

Несчастный не нашел другого выхода, как пойти к гадалке, которая помогает в тяжелых случаях, только денег не дает взаймы. Выслушав его, она сказала:

— Спектакль, вы говорите, через четыре дня. На все звонки, в эти дни жена должна отвечать, что у вас сердечный припадок, вы в госпитале, и пока визиты запрещены. Надежда на то, что вы оттуда выйдете — есть, но не раньше, чем через неделю. А раз так, то вы уже не виноваты.

— Здорово! Все хорошо, но я все же хочу пойти в театр...

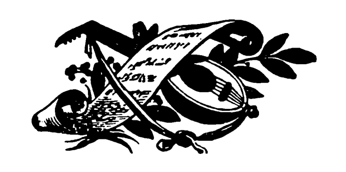
— И пойдете, но в партер не идите, где будут ваши знакомые, так как это считается признаком хорошего тона, а вы придите на час раньше и обменяйте свой билет у какого-нибудь хиппи на его, на галерку. Там русских не будет. Эти четыре дня не брейтесь, оденьте старое пальто и мятую кепку. После окончания спектакля уходите последним. И на всякий случай оденьте черные очки. И все будет в порядке. С вас пятерка.

— Ну, знаете, вам бы быть адвокатом, а не гадалкой.

Так он и сделал и все сошло благополучно. А жена эти четыре дня говорила плачущим голосом в телефон, глядя на веселые комедии по телевизору:

— Ох, не спрашивайте. В госпитале. Лежит в смирительной рубашке и все время поет:

«О, дайте, дайте мне свободу.
Я свой позор сумею искупить».

КАК ЖИВЕТЕ, МИЛАЯ?

— Плохо. Спасибо, что позвонили, но просто скажу, плохо живем. Вот, ведь никогда я раньше на Америку не жаловалась, а сейчас уже капаю на нее, а она все же хорошая, да и не виноватая... Кого не спросишь «как живете?», а тот отвечает: «О, сегодня хуже, чем вчера, а завтра хуже, чем сегодня».

— Вот как. А у нас внук ушел. Вырос, дылда и имел все, что хотел. Ну, правда, я как бабка, хотела ему по утрам в кровать птичьего молока носить, но не достала. А так все имел, но ушел.

— Не обижайтесь, говорит, папа и мама, а я уже себе и комнату нашел и буду жить на отлете.

— О, Господи, — всколыхнулась мать, — а с чего жить то будешь?

— О, — отвечает, — не беспокойтесь. Сперва буду мыть автомобили, на газолинке, потом играть на гитаре и жить на купоны. Да и вы что нибудь дадите, а? Сын я?

— Сын-то, сын, — отвечает Кирюша, отец его, — но дурак...

А я к нему со слезами:

— Глупенький, а кто же тебе сготовит? А кто постирает? А кто комнату уберет? Кто пуговицу пришьет? Так и будешь нестиранный и немытый?

А он — скажу вам по секрету — и голубцы любит и борщ и вареники. Совсем, как русское дите, только не говорит по-русски, но понимает.

Поплакали мы все, а он взял гитару и ушел. А жил ведь, как у Христа за пазухой и с отцом были друзья первого качества. Но мать умолила его хоть кровать ему

купить. Он согласился, и мы ее ему присмотрели в знаменитом магазине, где одна кровать стоит столько сколько в другом кровать с комодом. Только он сказал, чтобы она двухспальная была.

— А на что тебе такая, — ахнули мы.

— А на всякий пожарный случай.

— Ну, если на пожарный, — засмеялся отец, — то можно.

И подумала, я старая: и поили, и кормили, а мальчик оказался не домашний. Ушел и теперь и не вернете его. Это все равно, что просить молока от мертвого быка... Ну, что ж поживем увидим. А горестно, очень горестно. Но говорят, что вся Америка сейчас горестно живет. Совсем даже не так, как лет двадцать назад. Да и мне не сладко. Он же мой любимчик был. Правильно нам батюшка сказал: «У кого какой артрит, тот о том и говорит». Так и я... Или вот, Кирюша приехал с работы и кричит:

— Маманя, Брежнев Богу душу отдал!

— Да, ну? Вот и слава Богу!

— Нет, пошутил я, — Кирюша отвечает, — ушел в отставку.

— Там, — я говорю, — сами не уходют. Это его ушли.

А потом замечаем, неделя прошла, а радио молчит, тиви не говорит и Москва онемела. Значит, если и убрали этого горлохвата, так в тихую. А тут, когда Никсона надо было съесть, гремели и кричали на всю Америку, а потом его, как голым перед всем светом выставили. Да и по сей день клюют, никак не успокоются. Из кровати, больного, хотели в суд тащить... А может с Брежневым так случилось, как с Хрущевым. Тот ведь всюду ездил и орал: «Мы-де вас угробим! Мы-де вас обгоним!» А когда охрип, то поехал на Черное море зад греть, а ему жена телеграмму отбила:

«Приезжай, родимый, с квартиры выкидают».

А я миленькая, уже и на людей не обижаюсь. Подумайте, на свой день рождения два дня сидела дома и ни одна собака не поздравила, а на Софию, Веру, Надежду и Любовь, я в церкви всех облобызаю, аж губы спухнут, но никого не пропущу, даже мужчин у кого такие именитые жены. А они, мужья и жены, зубы скалят, а к себе на пирог не зовут. Это люди по вашему? Да, я бы может и не пошла. Что там есть-то? Семь верст пишки,

за кусок кишки! Я себя знаю, я гордая, я бы буквально отказалась, но все равно не зовут, подлые... А невестку свою люблю, хоть она и не христианка, в костел ходит. Но и нашу церкву не минует, когда муж зовет. У нее хорошая телосложность и думает об себе и день ночь: и гимнастика и массажы и пассажы и витямины и вытирания и обтирания и замазка и подмазка и смотрите, что получается: утром встает и идет кофий пить, так она на пять лет старше, чем есть. Ко дню — выправляется и уже выглядает на свой возраст, как нормальная, а к вечеру, как идти с Кирюшей на «партию», уже как на десять лет моложе, ей Богу. А я иначе... Утром встаю, как огурчик, хоть сейчас тесто месить на куличи, а уже на полдень сдаю позиции и трошки усталая, а к вечеру совсем де старуха, даже тиви не радует. Как это наука объясняет вот, что интересно? Обои ведь женщины, только, что я не ситизенка.

А внучке, чтобы не уходила родители собачку купили, низкобрюхую, как сосиска. Такса прозывается. А Кирюша смеется:

— С меня государство и так много «таксы» берет, а тут еще и в доме жить будет.

Мой сынок завсегда колко отвечает. Ну, это он в меня пошел.

Ага, еще новость. Иду по улице, Клочиковых встречаю супругов, с сумками.

— Идемте с нами, — приглашают, — научим вас уму-разуму.

Ну, я и пошла. Это правда, что научили. Заходим в «Сэфвэй», где продукты продают и сразу к конфетам. Они там на вес, в ящиках лежат — бери не хочу. А таких что «не хочу» как видно нету. Взяли по жмене в карман и пошли себе дальше. Идут и конфетки сосут, как младенцы, ей Богу. А она мне:

— Глядите, что делать буду и на ус мотайте. Станьте к сторонке. Я стала, она около яиц пристроилась и колдует. А там у нас яйца и по 62 цента и по 72 и по 84 и по 95, а эти прямо, как лимоны большие и все сорты в коробках и для каждой цены свой цвет коробки. Клочикова с полчаса повозилась и те, что по 62 положила в коробку, где были по 95, а эти большие, в дешевую коробку. Вот и весь фокус-покус. А муж в это время с собачьих консервов наклейки сдирает и на стерлядь и

на туну клеит, (клей с собой носит) и пока они по магазину походют он и высохнет. Мне аж в глазах темно стало, а они смеются.

— Да, как же вы это так? — упрекаю. А они:

— Президент призывает бороться с инфляцией. Вот мы и боремся. Потом пошли к фруктам. Виноград (дырочку в целофане сделали) и клюют, как птицы, а американцы — им ведь все равно, это не ихнее — ходют, да улыбаются. Когда винограду поклевали взяли себе по яблоку, по большому и сжевали их, а огрызки кинули даме в колясочку, что мимо ехала и пошли коробки открывать и печенье кушать, а я за ними ни жива, ни мертва.

Подходим к кассе, а там драма: кассирша вынимает у дамы с колясочки два яблоковых огрызка и пытает ее:

— А это что? Довесок или как? —а та ни сном ни духом. А кассирша уже смастерила обвинение:

— Так вот, леди, уплатите за два яблока, а то с огрызками пойдем к управляющему. Он разберет, что и как. Он дошлый.

А этой даме стыд дороже стоит. Позор ведь. А иди докажи, что это не ты съела. Заплакала, заплатила и бежать, а Клочиковы стоят и смеются.

— Видали, мол, дуру? — а я к ним:

— Ну, а как же? Как докажешь?

— А просто: везите меня в госпиталь на рентгену и на анализы. Если в животе есть ваши проклятые яблоки, я плачу 20 доллярив, а если нет, то икс к вам на 20 тысяч за диски... дискри... Забыли это слово. И как это наш народ насобачился так жить — ума не приложу. Но к счастию не все. Далеко не все, а раз-два и обчелся. Ну, да все равно неприятно. А как же вы живете, милая? Так или иначе? Хм! Обиделась, трубку повесила! Ну, это неспроста!

ЗАКОН, ЧТО ДЫШЛО...

КОНЕЧНО, если это событие рассматривать с точки зрения женщин, то виноват мужчина, если с мужской, то — женщина, если с нашей, то — оба, а если с четвертой то — Судьба. Не секрет, что эта особа в нашей жизни играет не малую роль...

В Америке есть чудесное слово «нэйборхуд», что в вольном переводе значит «хорошее соседство», т. е. дружеские отношения между людьми, живущими рядом, на одной улице, в одном квартале, в штате и во всей стране. Это то, что называется «чувством локтя», уверенностью, что в трудную минуту сосед поможет советом, делом, протянет руку помощи и не оставит в беде. Америка этим славится. Но прогресс делает свое дело.

Как понимается «нейборхуд» в житейском обиходе? Ну, вот, американка делает яблочный пирог, но не хватило яиц. Она бежит к соседке и занимает там, что ей нужно: яиц или стакан сахару или фунта два муки или даже парочку долларов с тем, чтобы в ближайшие дни отдать. И это сплошь и рядом. Нам, приехавшим в эту благословенную страну этот обычай очень пришелся по душе. Чуть что, наша бежит к американке:

— Миленькая, одолжите полдюжины яичек, я вам послезавтра верну ваши полдесятка.

И отдает, а та промолчит.

Или:

— Нет ли у вас стакана сахару до завтра? — и берет. А относит стакан соли, а та по дурости высыпает ее в пятифунтовую банку с сахаром.

Или:

— Вот незадача, одолжите мне до четверга три доллара, я вам в субботу отдам.

А отдает во вторник. Но американка не обижается потому что это считается «хорошее соседство», и думает, что может у русских обычай такой.

А в России сосед соседу ворота дегтем мажет или окна выбивает или же за ночь весь фруктовый сад очистит.

— Не фордыбачь! Не лезь в бутылку! Не воображай много! Не строй из себя!

Этот обычай мы в смягченном виде перенесли на нашу новую родину, но американец не тот. Он добр, доверчив и не злопамятен.

Забыл добавить, что еще и так случается у американцев. У человека пожар случился, а уже на следующий день соседи собираются и помогают ему отстроить сгоревшую часть дома. А то вдруг заболел ребенок, серьезно заболел, а у родителей нет средств его лечить по настоящему. Опять соседи: они организовывают денежный сбор и смотришь и госпиталь оплачен и врачи и лекарства. И дите уже бегает. А то.. Э, да что говорить. Вот какая Америка еще и сейчас, но в некоторых вопросах она дала трещину и не пытается ее даже замазать. Нет, может и пытается, но как говорится «против рожна не попрешь!»

Вот какое вступление я закатил к своему рассказу.

* *

И двое Вильсонов жили себе и поживали в своем домике нажитом долгим трудом. В этот день он стоял на улице и из шланга поливал травку, а жена на небольшой терраске варила кофе и готовила мужу традиционную яичницу с «бэконом». Сияло солнышко, щебетали птички и радио в доме наигрывало «О, Сюзанна»... Живи — не хочу!

И когда жена ему крикнула:

— Джони, кофе готово, можешь идти! — он не разобрал и повернувшись переспросил, а в это время ехала мимо открытая автомашина с тремя жизнерадостными молодыми людьми, довольно смуглыми, если не больше. А шланг-то Вильсон держал в руке и при повороте окатил едущих холодной водой. Бывает такое?

Конечно случается. Не часто, но случается. А молодые люди были одеты по последней моде: один только в трусах, плотно облегавших его более чем бронзовое тело, а на ногах сандалии на медных кольцах. Прическа, как гнездо аиста на крыше дома. Второй, только в белой майке, контрастно оттенявшей его шоколадное тело, а на ногах красные туфли с высоченными каблуками, напоминавшими хорошие копыта. Третий еще наряднее: розовая рубаха, желтые штаны-клеш и бархатная кепка зеленого цвета. Они ехали на свадьбу того, что был нарядно одет в кепку зеленого цвета. Он после обряда бракосочетания сразу же собирался с молодой женой в брачное путешествие. «Велфэр» помог. Вот какие были планы. У одних медовый месяц, а у других яичница. И все рухнуло.

Молодежь заорала, остановила машину, вылезла, и все трое направились к «виновнику торжества». Один из них вырвал шланг из рук несчастного Вильсона и стал им поливать растерявшегося пенсионера. Другой достал из-за пояса великолепную «финку» и перерезал кишку в трех местах. Третий ударил старика по лицу и тот упал на мокрую траву, потеряв очки...

И солнце потускнело, и птички замолчали, а радио заиграло какой-то южноафриканский мотив. Мадам Вильсон с горячим кофейником в руках бросилась на помощь мужу. Молодежь хохотала, глядя на бегущую к ним старушку и на ее мужа, ищущего очки.

Однако, сама Вильсон принадлежала к тому поколению «майфлауерцов», которые не боялись трудностей и не убегали от опасностей. Скорей — наоборот. Подбежав к насильникам она плеснула горячим кофе на одного из врагов, а другого стала колотить пустым кофейником по голове. Вскочил и муж, схватил кусок отрезанного шланга и бросился за третьим, колотя его железной частью по голове. Враг дрогнул и бежал к машине. Отъезжая они кричали:

— Помните, старье, мы еще вернемся! Это вам так не пройдет!

Соседи (была суббота) все видели и возмущались происшедшим событием. Бывалые молодые люди сразу же поехали к знакомому врачу (свадьба обождет), своей национальности, который письменно удостоверил ожог

без всякой степени, а у другого несколько шишек на голове. Затем состоялась встреча с приятелем-адвокатом, дошлым и опытным в склочных делах.

И когда Вильсонов потянули в суд, то оказалось, что обвинение обосновано и расписано, как по нотам. Были указаны шесть свидетелей «случайно» проезжавших в то время по улице и видевших, как какая-то женщина обливала кипятком несчастного юношу в белоснежной свадебной майке. Все точно совпадало и даже майка вся залитая кофе фигурировала в суде. К Вильсонам приехал на дом адвокат оскорбленных и разъяснил им, что все факты против них и только мировая в пятьсот долларов может их спасти от тюрьмы. Супруги поняли, что дело серьезное и начали принимать свои меры. Но... соседи, которые все видели, от всего отреклись и заявили, что ничего не знают, не помнят, ничего не видели и не...

Ну, кому охота влезать в чужой конфликт на расовой почве? Да, еще в Наши Дни? Надо держаться подальше от подобных происшествий, а то неровен час и сам влипнешь в историю и будешь без вины виноват!

Да, конечно, Вильсоны правы и каждый бы из них поступил бы так на их месте, но это же чужое дело и довольно щепетильное тем более что дошлый адвокат «пострадавших» обходил их и спрашивал:

— Не могли бы вы выступить свидетелями по делу об оскорблении моих подзащитных?

Каждый сразу понимал, чем это пахнет и заявлял:

— 1) Нас не было дома.

— 2) Мы? Да, мы ничего и не видели и не можем лжесвидетельствовать!

— 3) Понятия не имеем, о чем вы говорите.

— О, — заканчивал беседу адвокат, — значит вы не можете быть свидетелями ни с одной стороны?

— Ну, конечно, — следовал ответ, — а как же? Одинаково.

И когда бедные Вильсоны бросились просить о помощи, то услышали ответы №№ 1, 2 и 3. Впрочем, номера 4 и 5 были похожи на первые три.

Ситуация становилась угрожающей и это было до того обидно, что явная несправедливость торжествовала в ущерб правде и закону. Но они все же верили, надеялись, что судья поймет истинное положение дела и спра-

ведливость восторжествует. Они даже от адвоката отказались, сказав, что смогут защитить себя сами. Как-же «держи карман шире».

Правда судья был опытный и бывалый и дел более или менее похожих не мало прошло через его руки.

Он уже знал, что такое «чувство локтя», которым тебя поддают под левое ребро. Он понимал почему так много свидетелей со стороны пострадавших и никого со стороны «обвиняемых». С другой стороны глупые Вильсоны не отрицали того в чем их обвиняли, несмотря на все уговоры казенного защитника назначенного судьей.

— Мы лгать не намерены!

— Да, — возмущался он, — но где же ваши свидетели? Ваши? Где знаменитое «нэйборхуд»? Где то, чем так славится Америка?

Вильсоны стыдливо опускали головы.

Свидетели обвинения или так называемой противной стороны (правильное определение) орали, что они видели пар поднимавшийся от обваренного человека и слышали дикий крик убегавшего, которого избивал этот старик.

— Как жить при таких условиях в Америке? Лучше уехать в Африку, чем рисковать своей жизнью на каждом шагу.

Все это слышал судья, но в душе сознавал, кто прав. Но ведь это в душе. А ты вслух скажи. А вот этого и нельзя.

Вильсоны по глупости воображали, что он будет думать так, как они. Да, он так и думал и даже верил этой паре затурканных пенсионеров никогда не бывших в суде и никогда не слышавших таких горлохватов-адвокатов, какой выступал со стороны «троицы».

Они, эти чудаки-старики не знали какое сегодня время и как надо умеючи лавировать, чтобы будучи сегодня судьей не иметь в доме разбитых окон, иметь непроколотые шины и не носить на судебные заседания (под рубахой) жилетку от пуль. Дело Анжелы Дэвис, когда стреляли в судью, он хорошо помнил. Со слов пострадавших, их свидетелей и адвоката выходило, что перед ним двое закоренелых преступников, опытных и беспощадных, которых вряд ли и тюрьма исправит, а смертной казни в их штате к сожалению нет.

— Где это видано, где это слыхано, — вопил адвокат, — обливать людей сначала ледяной водой, а потом кипятком? А потом бить их железом по голове! Перед заключительным заседанием (а дело тянулось три дня) судья дал задание адвокатам поговорить со своими клиентами, сказав им что он хочет. И те договорились.

В своей речи судья сказал, что Америка страна, в которой как в котле варятся все нации, все расы и получается чудесный сплав, который вне зависимости от цвета кожи, вероисповедания и национальности, называется одним словом «американец».

— Тем больнее видеть и узнавать, что отдельные вспышки взаимного недоверия и вражды ведут к серьезным расовым конфликтам. Скажите, я вас спрашиваю, что будет если мы начнем обливать друг-друга, горячим кофе?

— Оно вздорожает, — крикнул кто-то из зала.

Много говорил судья, хорошо говорил, а сломленные Вильсоны, не имея поддержки с ужасом думали о грядущей тюрьме, а судья, зная о сговоре адвокатов, был уверен, что стороны согласятся с его приговором. Он закончил:

— Я принимаю во внимание чистосердечное раскаяние г. г. Вильсонов и то, что они свой поступок совершили в порыве гнева и возмущения, и поэтому приговариваю их к участию в свадьбе пострадавшего с подарком в виде хорошего кофейного сервиза и как символический жест примирения к уплате ста долларов за испорченную купленную к свадьбе майку.

На все согласились несчастные Вильсоны, лишь бы не идти на каторгу.

Им было стыдно не за себя, а за тех людей, с которыми они жили столько лет рядом. Когда я услыхал от них всю эту историю, то сказал:

— А вот если бы у вас соседями были русские, то было бы иначе.

Сказал и не покраснел.

Теперь они хотят переехать в наш район. Но это уже после свадьбы.

КАК СЫР В МАСЛЕ!

Можно было бы для этой грустной юморески дать название «Белый брак» или еще какое-нибудь печальное, но так как большинство читателей на диете, то поставленный заголовок будет их привлекать. Специалисты мне сказали, что определение «белый брак» совсем не зависит от цвета кожи брачущихся, а от их личных качеств и возможностей. Не знаю и спорить не буду...

Назовем нашу героиню для скромности Зинаидой Федоровной. А работала она в магазине Вулворта (кто их не знает?). Работа ее, в виду того, что в связи с инфляцией, часть служащих сократили, была совсем несложная: она обслуживала шесть прилавков, следя за нуждами покупателей, помогала им (перебегая с места на место) в выборе товаров, паковала, получала деньги, давала сдачу и водила головой во все стороны, чтобы покупатель не сунул по рассеянности вещь в карман. Некоторые приходили менять вещь, купленную в другом магазине, а другие стремились «купить» не имея денег. Одним словом, работы хватало.

К концу рабочего дня ноги гудели, становились тяжелыми и только погрузив их дома в ванну с «Эпсом-салт», Зина чувствовала некоторое облегчение. Иногда даже и есть не хотелось, до того уставала. О приближении рождественской торговли думала с ужасом. Покупатель будет валить валом, но красть будет больше, чем выбирать. Начальство за это на продавцов сердится. А как уследить? Она одна, а их много!

Дома у нее была собачка, в которой она души не чаяла, и вечером, несмотря на любую усталость, она ее выводила гулять и сама мерзла на холоде, охраняя свою

любимицу. Так и жили они на белом свете, вдвоем. Были когда-то и близкие люди, но в житейских торопях она их порастеряла. Муж тоже был когда-то, но о его потере она не жалела.

Даже забыла, что была замужем — невелика ценность. Теперь надо было доработать до пенсии и тогда выходить в отставку. Свирепеющая инфляция и дикое вздорожание всего, что нужно, очень пугали Зинаиду Федоровну, так как те небольшие сбережения, что лежали в банке (жила она скромно) обесценивались, и она со страхом думала о жизни на пенсию.

«Голодать не буду, но бифштекс или билет в оперу или хорошая книга станут вещью недоступной».

Так и жила. А ее верная и закадычная подруга Катя, очень переживала за Зиночку.

«Ну, что ты» — писала она, — «не можешь себе там среди покупателей или сослуживцев, мужа выцарапать? Ходи изба, ходи печь, вот где надо прилечь! Лень?».

«Не такая я уж писанная красавица» — писала в ответ Зина, «чтобы за мной бегали, а повесить на грудь плакат «Ищу Мужа» и стоять за прилавком или за кассой, мне нельзя. Пойти с этим плакатом по улице — совесть не позволяет».

Пройдет полгода и опять письмо на ту же тему, взволнованное, но бодрое. И вдруг, телефонный звонок из Нью Йорка, а Зина жила в Лейквуде.

— Зиночка, дружочек, тебе счастье привалило, как никому. Муж привел в гости знакомого, который тоже одинок, на пенсии и есть сбережения. Он не прочь когонибудь осчастливить. Ну? Что скажешь?

— А кто он? А что он? Ты меня просто оглушила своим натиском...

— Думать долго нельзя. Я ему показала тебя на фото, где мы все снимались десять лет назад, и он сказал «ничего, подходящая!..»

— Интеллигентный? Читает? Чем интересуется?

— Тобой дура! А если не читает — научишь. После праздников — у вас торговля упадет — возьми отпуск на недельку и кати ко мне. Мы его тут с Костей обработали и накалили. Думаю, что не сорвется. У него две комнаты, сам убирает, сам носит в стирку, умеет себе готовить. Одним словом, не пропадешь. Больше говорить

нельзя, хотя он и обещал заплатить мне за этот разговор 75 центов...

А следом за этим пришло письмо:

> «...и будешь хозяйкой, перестанешь топтаться в магазине по восемь часов в день. Отпадут эти чертовы покупатели, действующие на нервы, отдохнешь, посвежеешь, станешь лучше есть, лучше спать, хорошо будешь выглядеть. Ну, что тебе еще надо? Корабля с мачтами?»

Конечно, все это было очень заманчиво. Вдвоем, без детей (какие уж там дети, в таком возрасте?) можно пожить остаток жизни, поддерживая и заботясь друг о друге. Одиночество очень не сладкая вещь, это-то она знает! Тут и телевизор не спасет и пластинки Лещенко, Зыкиной, Шульженко и Северского. Иногда целые вечера сидит и слушает Зина то «Караван», то «Синий платочек», то «Рязанскую Мадонну», то «Две гитары»... Да мало ли их, любимых.. А «Мы только знакомы?».

Согласие на отпуск Зиночка получила легко. Она была не плохой работник, ее ценили и поэтому не сокращали. Списались, что на русское Рождество к седьмому января, она будет уже у Кати. Было куплено новое платье, занялась она своей внешностью, отхватила чудесные туфли и чулки. Одним словом, когда для пробы, накануне отъезда, сделав прическу и одев все это на себя, она глянула в зеркало, то увидела, что помолодела лет на десять. Как раз подогнала себя к фотографии...

Поехала. Встреча была очень радостной. Подруги обнялись, расплакались и расцеловались. Говорили до поздна. А ведь завтра смотрины! Даже спала плохо. Наступило долгожданное «завтра». Стол был уже приготовлен. Все на нем блестело и сияло. Точно в шесть раздался звонок, Костя побежал открывать, а подруги замерли в живописной позе на диване, но Катя успела шепнуть:

— Забыла сказать, говори громче — он глуховатый.

Слышно было, как тот снимал галоши и спрашивал хрипловатым баском:

— Ну, что приехала? Не даром тащился?

— Приехала, приехала. Ждет не дождется.

Толстоватый гость вошел, потирая руки. Он был в черных брюках, сером пиджаке и желтых туфлях. Только галстук был зеленый с красным. Живописный. Он

снял очки, протер пальцами запотевшие стекла и подходя к дамам сказал:

— Ну, Христос Воскресе! — и протянул руки к Зине.

— Какое «воскресе?» Это же Рождество! — растерялась она.

— Интерес считаться. Тоже ж великий праздник, достойный его отмечания. Нет? — и сразу же сел между двумя дамами. — Ух, как диван нагрели, — похвалил он. — А как вас зовут, между прочим?

— Зинаида Федоровна, а вас?

— А меня, но не между прочим — Василий Федорович. Значит мы уже, как родня.

Поговорили о погоде. Хозяйка поднялась.

— Я приготовлю все и потом сядем к столу.

— Хорошая мысль. Я как с утра каши поел, так это и все. Берег место для ваших деликатесов. А вы умеете хорошо готовить, Зинаида Федоровна?

— Как сказать. Мне нравится.

— Ну, это же совсем ничего не доказывает. Важно, как другие реагируют на ваши борщи и рассольники, да на ваши голубцы и вареники. Вот где главное!

— Главное где?

— Где, где? В семейной жизни, конечно. Хорошая еда — половина настроения.

— Одна половина, а другая?

— А другая — забота о муже. Постирать, выгладить, накормить вовремя, без опозданий, убрать в комнатах, ну там пыль, мойка полов, ковры пылесосить. У меня, правда, один, да и тот на стенке. Хозяйка, у которой все горит под руками — муж слова не успеет сказать — и все готово, и сама как огурчик, это, брат, не всякая сможет.

— Это правда, не всякая сможет.

— Ну, господа, пойдем к столу — сказала раскрасневшаяся Катя.

Гостя посадили рядом с Зинаидой Федоровной. Садясь, он как бы невзначай, погладил ее по спине.

— Гладкая, в теле, — сказал он вполголоса. — Нет, знаете, посадите ее напротив меня. Я хочу любоваться этой женщиной, — и подмигнул. А Зина зарделась.

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты, — сказал «жених», увидав гуся, окорок, сардины и прочие прелести праздничного стола.

— Вот это хозяйка, я понимаю.

«Невеста» пересела и получилось: хозяйка против мужа, а гость против Зиночки. Но теперь при обмене мнениями, она должна была повышать свой голос, чтобы тот расслышал и все разобрал. Говорили больше трое, так как гостю было не до разговоров. Наложив себе в тарелку всего, что было мясного, он уминал за обе щеки. Зинаида Федоровна невольно наблюдала с какой жадностью он ел. И еще: когда пища застревала у него во рту, он ничтоже сумняшеся, запускал туда указательный палец и прочищал накопившиеся залежи. Палец вытирал о скатерть, хотя бумажная салфетка лежала около.

Кушая, он подмигивал своей визави и что-то говорил, но полный рот не давал возможности словам быть понятными. А Зиночка только улыбалась и кивала головой. Катя ей подмигивала — ничего, мол, обойдется. Не каждый же день он будет так жрать!

Когда все замолкли и занялись едой по-настоящему, только тогда можно было услышать, как чавкает голодный Василий Федорович. Дорвался! А потом, вдруг, его «невеста» увидала, как у него во рту исчезли зубы. Ест, жует и вдруг... исчезли! Даже страшно становилось. И так несколько раз. Она побежала в кухню вслед за Катей и сказала об этом.

— Это же пустяки. Они у него вставные. Сносились и соскакивают с места. Ты не бойся, он их не проглотит и не выплюнет на скатерть. Языком вправит на место и опять пошла писать губерния.

— Но ведь ужасно некрасиво...

— А ты что? Хотела рыцаря? Киссингера тебе надо? Это, милая, товар ношеный.

Ели, пили, говорили тосты. Намекали, а когда хорошо поели и убрали со стола, то появился чай, кофе, пирожные и торты. И тут странность: люди пьют, как люди, а этот с ложечки. Да не просто в рот и глотает. Нет, а «сьорбает», втягивает со свистом. Детям, может быть, это бы и понравилось и начали б копировать, но среди взрослых, в гостях и за столом! Помилуй Бог! Так и высвистал три чашки и съел два больших куска торта. Сам отрезал. Обильная еда сказалась, и гость расстегнул воротник, распустив галстук.

— Вот набил утробу, прямо на два дня, — и рыгнул, — ох, извиняюсь. Но это у японцев идет за «спасибо».

Потом перешли в гостиную, хозяин поставил пластинки, будущие супруги сели на диван, а хозяйка любовалась делом рук своих.

Под задушевные мелодии, гость предался воспоминаниям:

— Название «жена» обязывает. Это не пустяки, это титул. Вроде, как королевы, а мы уж, мужья, «как подданные». Правда, Костя? — тот посмотрел на жену и кивнул — у меня была одна такая королева, пылинке не давала на меня сесть. Выкупает, спину нашурует, будто кожа слезла, мозоли мне попарит и срежет лучше доктора, шлепанцы подаст, за папиросами сбегает...

— О, да? — удивилась Зина — а где же она сейчас?

— Сбежала, дура. А жила ведь, как у Христа за пазухой. А до меня, ей, как и вам, некуда было приткнуться.

— Почему это, — обиделась собеседница, — некуда? Сколько угодно.

— А вы ж говорили, — повернулся он к хозяйке. Та вскочила.

— Я вам сейчас Аркадия Райкина поставлю. Вот посмеетесь, — и переменила тему.

Но пока она искала пластинку, гость, сложив лапки на животике, задремал.

Зина бросилась к Кате и зло сказала:

— Я уже охрипла, крича ему ответы на его вопросы. Глухарь и обжора!

— Это потому, что в гостях. Дома он так есть не будет, а здесь на «шармака». Да и разговаривать вам будет не о чем. Видишь, как я со своим? Молчим и душа в душу. Ты хоть слово от моего слышала? Нет, а ходит, как по ниточке. Это все сдается с годами. Так и у тебя получится.

— Это я его должна переучивать?

— А как же? Муж же! — гость открыл глаза и сладко зевнул.

— Это что ж? Я спал что ли?

— Да, немножко, с полчасика.

— И не храпел?

—Нет, нет, что вы? Спали очень музыкально, — воскликнула хозяйка.

— Хотя, да. У меня храп не идет, если сидя, а вот лежа, как мотор у моего авта.

— У вас есть машина? — смягчилась Зина.

— А как же? Она, правда, больше чинится, чем бегает! Год-то 59-ый. Это не шутка.

— А это много для автомобиля?

— Как для человека семьдесят, — и засмеялся. — Вам сколько осталось?

— А не поехать ли нам в кино, — воскликнула хозяйка, — а потом приедем и...

— Еще поедим. Там осталось, — я видел.

Когда уселись в Шевроле, то мотор сначала зачихал, потом закашлял, а потом у него началось что-то вроде отрыжки.

— Ну, просто, как я по утрам, вот изучил хозяина. Посидим минут пятнадцать и он согреется и отойдет, а то иначе поперек улицы станет и ни взад и ни вперед.

В кино Василий Федорович положил руку на спинку кресла своей дамы и прижал ее к себе. Потом вдруг его рука ослабла, и он обмяк. Глянув на жениха, невеста обнаружила, что он заснул. Когда кино кончилось, он вскочил как будто и не спал, но ехать доедать остатки отказался, мотивируя так:

— Нет, вижу, что больше не влезет. Поеду домой, приму слабительного и спать. Завтра с утра надо за продуктовыми талонами идти.

— А вы получаете их?

— А как же. И пенсию и с прежней работы за то, что меня там элеватором стукнуло и от юниона талоны. Что я, дурак? Я всюду успею. Жаль, что вы не живете в Нью Йорке, а то б кожную неделю встречались и в кино б водил.

— Давал бы вам прочитанные номера газет. Вот уж где деньги загребают ничего не делая. Кофий пьют и бла-блакают целый день.

— Что вы? Это трудное дело газету делать!

— Трудно? Хо-хо-хо« И ничего вы не знаете. Народ им пишет и шлет даром статьи, а они их в типографию, а там что? Машины. Раз-раз-раз-тук-тук и вылетает готовая газета, а они ее на авто, да на почту. Всего и делов. А они хныкают и жалуются, паразиты!

Расстались дружески... Ложась спать, подруги еще долго болтали, но все же гостья больше молчала, а хозяйка уговаривала.

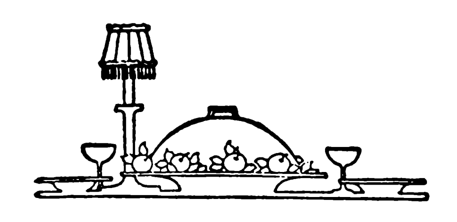
— Ты чудачка. Где ты найдешь человека без изъянов, где? У вас же будет «белый брак», не больше, как совместная жизнь, под одной крышей, а не супружеская.

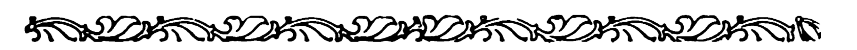
— Ах, почем ты знаешь?

— Так он же сам говорит, что больше предпочитает смотреть, чем претендовать.

Зина уехала с неспокойной душой. Став за прилавок и начав свою беготню, немного забылась, а потом, когда покупательница ее обругала предпоследними словами, а один старик угрожал ей палкой за то, что она не хотела ему обменять носки, которые он поносил неделю, а начальство стало делать выговоры, да еще незаслуженно, она не выдержала и послала «претенденту» письмо, но через Катю, так как его адреса не имела. Ответ пришел такой: «Очень было приятно получить Ваше предложение, о котором мне давно намекала Катерина Сергеевна. Но у меня сейчас три кандидатки, хотящие того же. Я их испытываю и мне легче, так как они живут в этом же городе. Пишу вам, как своему человеку. Их надо проверить на еду, на уборку и на заботу о будущем муже». (Тут Зина вспомнила, что когда были в кино, то билет она себе сама покупала) — они приходят ко мне по-очереди два раза в неделю, а в воскресенье я выходной от них. Они по-очереди готовят, убирают, а я сравниваю, которая из них лучше. Потом выпишу вас. Поживете у меня с недельку, чтобы я уж наверняка знал, кого взять. Если подойдете, то будете, как сыр в масле кат...»

— Дурак набитый, — в сердцах крикнула Зиночка порвала письмо и опять вернулась к своему опостылевшему прилавку. Больше она ему не писала.

С ДНЕМ АНГЕЛА!

Европейский футбол (соккер), ходивший в пеленках в Америке, сейчас подрос и вырвался на просторы спортивных полей с участием больших знаменитостей, и народ валом повалил на этот новый вид спорта для американцев. И в городе, где жил Герасим Яковлевич со своей женой была организована футбольная команда с большой примесью европейских игроков. Команда играла не плохо и город ею гордился.

И вот, объявили, что через неделю приедут из Нью Йорка его футболисты и среди них будет сам Пеле! А Пеле (бразилец) в футболе все равно, что Карпов в шахматах, Нуреев в Балете, Гедда в опере и Солженицын в литературе. Вот написал эти имена и увидел, что все русские. Ну, как не гордиться? Да, так этот Пеле подписал договор на три года с оплатой труда его ног в Четыре миллиона долларов. Чувствуете? И случилось необычное: в один день 17 тысяч билетов были распроданы. И даже появились перекупщики. Это нечто невиданное в европейском футболе!

Как удалось Герасим Яковлевичу достать два билета, он сам не знает. Просто — чудо! Простоял в очереди два часа и достал. Не абы-какие билеты, но билеты. Это было самым главным. Он то не пропускал ни одного матча, но на этот решил взять жену, тем более, что в этот день, как раз и был день ее именин. Не всегда же дарить чулки, одеколон или носовые платки из ирландского полотна, что потом и отстирать невозможно. Домой летел, как на крыльях.

— Лена, — прокричал он, равнодушной ко всем видам спорта, жене, — ты увидишь Пеле!

А она ела сандвич с ветчиной и пробормотала:

— Пели? Где пели?

— Не пели, а Пеле! Знаешь, бразильский негр, футболист, который...

— Биг дил. Очень он мне нужен, твой Келе.

— Пеле, пойми дурная, Пеле! Я хочу доставить тебе большую радость. Ведь я простоял два часа за двумя билетами. Если бы я знал, я бы простоял за одним только час.

— А что это за Желе? И с чем его кушают?

— Кушают не его, а он. Ты бы посмотрела, как он ведет мяч, как пассует, как бьет по воротам, этот виртуоз и король футбола...

— А откуда ты знаешь? Ты же не видел?

— Видел один фильм с его участием, а недавно показывали по тиви его игру. Если я твой билет покажу самой красивой женщине нашего города, она побежит за мной, как миленькая.

— Я тебе покажу, как показывать! Показуха какая. Я иду, я!

А когда Елена Петровна позвонила знакомым, то оказалось, что все ей завидуют, так как русские когда-то все играли в футбол и о Пеле слышали. Таким образом, она поняла, что подарок мужа серьезный и занялась своим туалетом. Ведь она еще никогда не появлялась перед 17 тысячами народу и поэтому, наряду было уделено особое внимание. Выходное платье для балов и гостей пришлось опять расширить на два инча, а зиппер на спине муж затягивал плоскогубцами. Но зато сидело платье, как литое. Только дышать надо осторожно. Лаковые туфельки — картинка. Жмут? Ни у что ж? Зато красиво. Шляпа с большими полями ей очень к лицу. Конечно, косметика и мэйкап нашли себе применение. И даже если из этих 17 тысяч ее увидит половина, то и это отрадно, и будет о чем рассказывать завистницам из русской колонии. Особенно в этот вечер, за именинным столом...

Когда они приехали, то проблема «паркинга» предстала в всей остроте. Мест не было, все стоянки для автомобилей были заполнены. Они отъехали на шесть кварталов от стадиона и в каком-то дворе за два доллара приткнули свою машину. Жена об этих трудностях не знала, а муж не подумал и таким образом, она в прелест-

ном платье (уже перешивалось два раза на «расшир») и в туфлях на изящном каблуке, прошагала, ругая футбол, все улицы, к стадиону, куда непрерывным потоком лился народ. Где были их места они узнали войдя. Указатели огромными цифрами показывали номера туннелей и пройдя их, они начали подниматься по крутым бетонным ступенькам вверх. Никто не смотрел на изящную даму, а только себе под ноги, да и остановиться нельзя, чтобы перевести дух, сзади напирали. На полдороге к вершине Елена Петровна выдохлась и зашла в чужой ряд, чтобы капельку передохнуть, а муж, не обращая внимания, шел все дальше. Задыхаясь от злости жена выползла из чужого ряда и проклиная всех и вся (включая платье и туфли) поплелась дальше, но так как билеты были у супруга, то она не знала, где же конец ее мучениям, а он, добравшись до их мест — а это было примерно на высоте пятого этажа — вытираясь и отдуваясь, начал оглядываться, ища пропавшую половину, боясь, что она пойдет не в тот ряд. Все же из врожденного благородства он не сел, а стоял, чтобы она его увидела. Ее-то было видно по огромным полям шляпы. Уже по ее лицу, он понял, что удовольствие будет отравлено. С такой физиономией люди не идут развлекаться, а только сводят личные счеты... Он вздохнул и подумал:

«Придется кажется, еще чулки купить. А может посмотрит, как Пеле играет, сама восхитится и оттает».

Она увидела мужа и, наступая людям на ноги, пролезла к своему месту.

— Лучших билетов достать не мог, — тяжело дыша сказала она, — тут разрыв сердца схватишь взбираясь на этакую гору.

— Милая, да другие бы и этим были рады, — и развел турусы на колесах.

«Вот бы расстегнуть зипер на спине», подумала она, «снять туфли, что так жмут, сесть в мягкое кресло, со стаканом чая с ватрушкой и смотреть себе телевизор, а потом спать! Так нет-же, дернула нелегкая полезть на Пеле!»

Но не даром они прожили вместе почти тридцать лет, он думал почти тоже:

«Сидеть бы пониже, где лучше видно, держать в руках баночку пива, иметь рядом понимающего соседа

(можно соседку), закурить хорошую сигарету, а после матча зайти еще по дороге в уютную таверну и там пропустить стаканчик красного, на сон грядущий. Ну, не красота?»

Загремела музыка. Потом представляли публике игроков. А когда вышел Пеле, то весь стадион встал, заорал и зааплодировал.

— Ты видишь как его встречают? Это, брат, величина первой величины...

— Биг дил, — ответила она скучая и тихонько сняла туфли. Ноги облегченно вздохнули и два заядлых мозоля притихли и присмирели.

Однако, когда началась игра, Елена Петровна заинтересовалась нападением во главе с Пеле, их передачами мяча другому и ударами. Матч проходил очень оживленно, но восхождение на «пятый этаж» в поисках своего места не прошло даром и...

— Гера, я пить хочу.

— Я тоже. Вот это ударил, так ударил!

— Пойди купи «Пепси» или «Коки».

— Что я сумасшедший? Иди сама.

— Да, я ни за что больше вниз не пойду!

— Пойдешь.

— Почему?

— А когда футбол кончится, ты же здесь ночевать не останешься. Бей! Бей!

— Что ж? Мне значит тут умирать от жажды?

— Не умрешь. В перерыве сходишь и напьешься.

— Да, я сейчас хочу. У меня даже язык не поворачивается.

— Хорошо. Меньше болтать будешь.

— Хороший день Ангела! — и она разозлившись, одела туфли и опять по ногам соседей начала отчаянный спуск с Монблана. И представьте, дошла до туннеля, узнала где буфет, напилась и кофе и «Пепси» и удовлетворенная зашагала обратно. И тут ее обдало ледяным холодком: она забыла в какой туннель надо идти и где их ряд и где их места. А самое главное билет остался у мужа. Разве этот дурак догадается ей дать его? Что же это? Так и стоять здесь до конца? Ну, а когда кончится разве ее «шляпа-муж» найдет ее среди 17 тысяч человек. Идти к автомобилю? Да она и понятия не имеет, где они его оставили. О, Господи, вот мука!

А ожившие мозоли принялись за прежнее. Просто плакать хотелось, но стыдно. Она растерянно бродила, мимо входов в туннели. И у одного — о счастье! — билетер спросил:

— Леди, вы ищете свое место? — она поделилась своим горем. Он ответил:

— Я чех и когда вы проходили тут и говорили со со своим мужем по-русски, я обратил на вас внимание. Это ваш туннель № 13, но место ищите сами.

Боже мой, как она просияла! Первая удача в день ангела. И начался трагический подъем вверх, на вершину Эвереста. Сейчас она шла медленно, никому не мешая, так как все уже сидели и следили за виртуозом Пеле, вышивавшим узоры ногами и мячом... Да, но где же ее ряд? И опять удача. Она услышала такой хорошо знакомый голос, оравший:

— Давай! Давай! Не муди белым светом! Бей!

Так кричать и выражать свои эмоции мог только ее благоверный. Она вползла в ряд, села и сейчас же сняла туфли. Радость, что все в порядке охватила ее, и она занялась футболом. И представьте: все кричали и она тоже, все размахивали руками и она. Увлечение игрой было настолько сильным, что помимо воли Елена Петровна начала двигать ногами, помогая игрокам в трудный момент. И ее старания не прошли даром: в тот момент, когда Пеле забивал гол, она так двинула ногой, что сбила один туфель вниз, в следующий ряд, под сиденья. Но ей было не до этого. Она вопила, как и все. А Пеле и не знал, кто ему помог... Но выпитое кофе и «Пепси», плюс пережитые волнения, не прошли даром и она сказала, чуточку виновато:

— Гера, — мне надо в... в.. в эту... в туалетную.

— Господи, среди игры?! Или хочешь, чтобы я пошел вместо тебя?

— Да, нет. Но что делать?

— Не мешай. Или иди, или сиди.

— Я не могу сидеть.

— Ну ложись... Эй, давай, давай! Растяпа! Дурында! Мазило!

— Нельзя же быть таким бессердечным к же...

— Ну, что тебе нужно? Чем я могу помочь? Ну, чем? чем?

— Пойдем вместе.

— Здравствуйте пожалуйста. Ей нужно, а я пойду в дамскую уборную.

— Да, нет, только проводи. Я ж могу заблудиться.

— На билет и не приставай!

И начались мучения: опять топтать людям ноги, опять жмущие туфли, опять вниз, потом вверх. Это ж какие силы надо? А с другой стороны — попробуй, не пойди. И опять ей повезло. Не даром, значит ее день Ангела. Раздался долгий свисток рефери и первая половина игры кончилась. Народ повалил вниз, кто по спешным делам, как у нее, а кто по буфетным...

Господи! А где же туфель?! Туфля не было. Опять неудача. Вот день, так день.

— Ну, чего ж ты ждешь, иди, а то там будешь стоять еще полчаса.

— Я хочу, но нет туфля.

— Что такое? А ты пришла в двух? Ты уверена?

— Не говори глупостей и ищи. А мне нельзя нагибаться в этом платье — лопнет.

— Шла бы в халате, — и когда Герасим Яковлевич начал ползать под скамейкой, отзывчивые американцы «включились в игру», и туфель был найден на три ряда ниже.

Вот уже страдалица внизу, с билетом в руке. И, о ужас! О, кошмар! Очередь была человек на двести. Конечно, при 17 тысячах это ерунда, но как для кого, а для Елены Петровны это была просто трагедия, и она заплакала. Сердобольные американки засуетились вокруг и узнав, что у дамы сегодня «именной день» пропустили вне очереди. После этого, она уже больше ничего не пила, а взяла только большой кулек кукурузы, чтобы заесть горечь обиды. Мысль о том, что опять надо прошагать 150 ступенек приводила ее в содрогание. С ума сойдешь. Лучше бы дома возиться с тестом или жариться у духовки, чем вымучивать эти минуты. И для чего, спрашивается? А если она не пойдет на свое место, то и автомобиля она не найдет, а тот (муж — называется) преспокойно уедет домой, а она будет трястись в автобусе, да еще с пересадкой. Да еще и виноватой окажется и все это в ее торжественный день. Господи, какая несправедливость. И пошла... И села...

Шляпу, ее красивую шляпу, публика заставила снять еще перед началом игры, чтобы «не засвечивала» и не

мешала видеть главное. А что главное? Ноги Пеле! Ноги прославленного короля футбола. А в них ничего особенного — черные и наверное потные. А вот ее ноги... Да, кто будет смотреть? Все глаза там, на поле!

Муж стонал, вопил, вскакивал, как и все, а какой-то идиот, приходя в восторг, дул в жестяную трубу и звонил в колокол, что вешают коровам на шею. И все это барахло надо было тащить с собой на стадион? Псих!

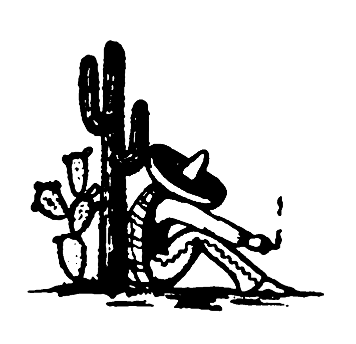
В результате гости выиграли. Знаменитый Пеле не подвел. И когда кончилась игра, муж настаивал, чтобы спуститься на поле и он там пожмет руку чемпиону. Она категорически воспротивилась, а он настаивал. Поспорили, но он хоть и уступил, но надулся... Плевать, отметила свой день! По дороге домой, она высказала мужу все, что она о нем думает...

— Потащил. Подарок, называется. Дурак и уши холодные.

— А откуда ты знаешь про уши? Ты их трогала? У самой год прибавился, а ума убавилось.

— Если и убавилось, то хоть было от чего убавляться. А у тебя его никогда и не было.

Обмен мнений и взаимные поздравления продолжались и дома. Этот день своего Ангела Елена Петровна помнила долго, тем более, что гостям о футбольном матче она рассказывала, захлебываясь от восторга.

ДИАГНОЗ

Да, я и не спорю, вовсе, а считаю, что легче всего тем, кто живет в больших городах: в каком-нибудь Лос Анжелосе, или в нашумевшем Сан-Франциско, или даже на худой конец в Нью Йорке. Посмотрел в газету, нашел русского врача и идешь. А вот таким, как я? Которые живут в глухой провинции? Что им делать? Иди к американцу — другого выхода нет. А тот что? Формалист, бездушная душа, все о долларах мечтает и другой цели у него в жизни не было и нет... Запишешься, дождешься пока придет твой день и ползешь к нему не рассчитывая на успех. Я вот по себе сужу: у меня что-то плохо стало с гландами. Пришел я, объясняю по человечески:

— Доктор, май глайнд! Май глайнд!

А он в ответ:

— Невер майнд, невер майнд!

— Это, — говорю, — последствия кори!

А он: Донт ворри, донт ворри!

— Я мол пришел для принятия мер.

А он: — Ай донт кер!

Ну, скажите с таким договоришься? Споришь, объясняешь, толкуешь этому ироду, до хрипоты так, что температура поднимается. А потом выйдешь в приемную, где его «нерс» сидит, медицинская сестра по ихнему, и шепчешь:

— Мой голос! Мой голос!

А она тянет ручку: — Тен долларс, тен долларс!

Просто на разных языках разговариваем. Доктор слышит шум и выходит, видит, что я топчусь, не ухожу, он и говорит своей «нерс»:

— Дайте ему укол, этс олл, — а ко мне небрежно так, — а вы принимайте беспрестанно две коробки «Дристана».

Ну, что вы скажете? Выздоровеешь от такого? Черта лысого. Только осложнения начинаются и давление повышается. А с русским врачем сразу создается атмосфера полного доверия и радушия. Разве знает американский врач, что такое свинцовая примочка, александрийский лист или гоголь-моголь? Конечно, нет, а ведь на стене пять дипломов налеплено. А мы русские этого не забыли, хотя все это в области прошлого, в области «мечты, мечты, где ваша сладость?» А вот принимали, выздоравливали детей своих лечили этим. Что, неправда, скажете? Ведь, когда придешь к нашему, то сразу ему:

— Доктор, у меня перебои сердца!

— А это от сладкого перца.

— Кроме того затрудненное дыхание!

— Не обращайте внимания.

— Я думаю, что у меня камни в печени!

— Абсолютно не замечены.

И я ему верю, потому что свой, и уходишь от такого наполовину здоровым. Наши врачи по-прежнему остались бессребренниками, перешли на бумажки. Когда мне счастье улыбается, и я могу съездить в Сан-Франциско, я обязательно стараюсь попасть к нашему доктору. Так было и этой осенью. Я приехал, остановился у своего приятеля и рассказал о своей мечте, а его жена сразу, как встрепенется:

— Ничего нет легче. Если вы будете записываться, как все, там вам придется у нас неделю прожить, а я вас завтра же к своему устрою.

И побежала к телефону. Вернулась сияющая. На другой день, я вымытый, выбритый, поехал с нею на такси к ее доктору. Зашли. Кадки с цветами... Ковры... Кресла... Дамы на них... Тихое радио... Одним словом — преддверие рая. Я сел, а она побежала шептаться с «нерс». И вдруг, вижу, что обе начинают хохотать, как сумасшедшие. Это в приемной-то у доктора? Стыд! Анекдоты рассказывают, что ли? Потом она подбегает ко мне и давится, слова сказать не может, развезло женщину. А я ей:

— Имейте совесть. Что вы раскудахтались? Психопатки, какие-то! Воды дать?

А она, наконец, выдавливает из себя:

— Я... Забыла... Я... виновата... Мой же доктор... по женским.

И опять, как зальется, как дурак на ярмарке. И убежала, а я остался, от зла остался. Подумайте сами: натрепалась и убежала, а за такси платил я? Так и стою с носом. А доктор вышел и обращается:

— Вы ко мне?

— Да, доктор, я заразился женской болезнью!

— Хм, какой же? — спрашивает.

— У меня мигрень!

Думаете принял? Держите карман шире. Другой бы «Анасину» пихнул бы или «Бufферину» для отвода глаз, а этот просто подцепил очередную даму и ушел к себе в кабинет, а я опять взял такси и поехал к приятелю. А тот уже все знает и не дает мне рта раскрыть.

— Дорогой, ошибочка вышла. Когда вы поехали, я подумал: неужели на этот раз у моей жены удача будет. Нет, не подвела. Случилось, как всегда — наоборот! Но зато я договорился на завтра с двумя докторами, к одному к десяти утра, а к другому к трем дня. Поедешь на такси, за мой счет.

Ну, немного полегчало. Значит есть еще справедливость на свете. На другой день попал к первому. Говорили о чем хотели, а потом к делу перешли.

— На что, — спрашивает, — жалуетесь?

— На жену.

— Нет, это не моя специальность. С этим обратитесь к моей жене и она пропишет вам ижицу!

Потом он меня давил, щупал, крутил, выслушивал, выдавливал, вымучивал. Одним словом оба остались довольны.

Успел и ко второму. У него и пообедал даже, а за обедом беседовали.

— Ну-с, дорогуша, с чем приехали? Какие неприятности?

— Да я доктор, не перевари...

— Ага, желудочное значит?

— Да нет. Я не перевариваю некоторых своих знакомых!

— Вот тебе раз, совсем, как в нашей колонии. Многие жалуются на это... несварение.

— Потом, — я говорю, — у меня что-то с рукой, с правой. Карежит и пальцы сводит...

— И всегда это у вас?

— Да нет. Когда предлагают лотерейные билеты.

— Ну голубчик, это просто что-то эпидемическое. Кругом подобное! А еще?

— Глаза, доктор. Я уже примирился с тем, что они у меня разные: один правый, а другой левый. Бог с ними. Так уж получилось, но вот иногда косить начинаю и зрачки закатываются так, что одни белки наружу.

— Ого и всегда это или?...

— Нет, не всегда. Особенно это часто, когда дают подписной лист...

А он полчаса смеялся.

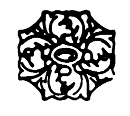
— По всей Америке одно и то же. Поветрие такое среди русских.

Когда прятал деньги, то сказал:

— Пишите, если что — я отвечу.

И вот я диву даюсь. Ведь доктора не сговаривались. Меня раньше не знали, а диагноз одинаковый, как в аптеке поставили. Первый признал, что у меня малокровие и потому «больше мяса, меньше зелени!». А второй — что я полнокровный и поэтому «больше зелени и меньше мяса!»... И что вы думаете? Я верю обоим, ей Богу! И как поздоровел — просто удивительно!

Нет, нет, что не говорите, а наши врачи лучше всех на свете!

ЛЕГКО СКАЗАТЬ...

Он сидит передо мной и столько в его глазах тоски и муки, что у меня даже нет слов для утешения. Он говорит, прихлебывая пиво:

— Вы наверное не раз слышали о том, что преступника тянет на то место, где, он совершил преступление.

— О, да, знаю, слышал. А вы совершили?

— Нет, я жертва и меня тянет туда, где сложил свою голову и погиб. Вот здесь в этом паршивом ресторанчике, я поскользнулся на жизненном пути, упал и не могу подняться. Я сейчас принесу еще по бокалу и вы узнаете историю моей гибели, — он принес. — Правильно сказано, что если бы человек знал, где он упадет, он постелил бы там соломки... Дда...

◆ ◆

Приехал Степан Григорьевич, как и большинство из нас, в Америку, после войны. Устроился на работу и, как каждый славянин оказался на лучшем счету. Начал хорошо зарабатывать, завел знакомства, в основном среди своих, купил домик, но жениться боялся. Почему? Своей, русской, подходящей по духу, не находил, а в отношении американок его предостерегали.

— Берегись, Степан, по ветру пустит. Все заберет и тебя выгонит из дома.

Ну и берегся, а к женскому обществу все же тянуло. Изредка посещал разные рестораны и таверны, где обедал или закусывал. Посидит, выпьет, поболтает и поехал себе домой, благо машина уже была и не плохая... В одном ресторанчике, где был симпатичный хозяин, появилась новая подавальщица, которая обслуживала

столы, мыла посуду и убирала. И вот ни с того ни с сего екнуло сердце у Степана Григорьевича. Женщина была серьезная, в славянском стиле, свежая, привлекательная и расторопная.

«Хорошая хозяйка, наверное», промелькнула мысль у нашего героя и он стал здесь бывать чаще, чем в других местах. Она подавал ему еду и на его вопросы отвечала лаконично и не улыбалась. Заигрывание, как видно не было в ее натуре. Но все же встречала Степана, как своего. Он ее как-то спросил:

— А как же вы домой попадаете?

— Автобусом.

— Но ведь опасно вечером то?

— Ну, что ж делать. Работа есть работа.

Раз так сказала, значит ни мужа, ни «бой-френда» нет. А когда он однажды предложил ее подвезти, она резонно ответила:

— Вы человек наверное работающий и в это время должны уже спать. Встаете то рано?

Все было правдой. И она упорно отказывалась. Это ему нравилось и он уходил. А раз специально приехал попозднее и засиделся. И вышли вместе, и отвез ее домой, и она мило поблагодарила и началось. Так возил и довозился. Даже венчаться согласилась в русской церкви и приняла православие. Все, как у людей. И переехала в свою новую обитель. С ней был чемодан с платьями, обувью и бельем и черная кошка под заглавием «Сноу».

Вот тут и начинается. Она сказала, Долли ее звали, что первый муж от нее ушел, а от второго она ушла. Ушла из-за кошек. Эти глупые мужчины их не любили.

— Ну, ты подумай, Стэпи, как можно не любить такое чистоплотное, мягкое, пушистое, ласковое и преданное животное? Ну, как?

— Нда... Конечно... Почему же...

Сноу всегда спала с ними, в ногах, но иногда, ночью, просилась выйти.

— Ну, вот, хорошо, что ты понимаешь, а те не могли смириться. Правда, кошек было больше.

К концу весны, у них в доме оказалось шесть мягких и пушистых. Пять котят и мама Сноу. Долли радовалась, как ребенок. Когда они обедали — она уже бросила службу и отдалась хозяйству — Сноу сидела у ее тарел-

ки, а котята лазили по ее плечам, звучно шлепаясь на пол. Она смеялась, а Стэпи нет. На его протесты она не обращала внимания. Пример: Степан Григорьевич пьет кофе.

— Что за чорт? Опять полон рот шерсти!

— Покажи, покажи какая? О, Господи, это опять Рыжик линяет. Ну, ничего, выплюнь.

Появились шесть вазочек различных цветов и на каждой имя. Был даже один кот по имени «Аромат», но он никак этому не соответствовал. Каждая кошка имела свою подушку и только того цвета, какого была вазочка для еды. И каждая спала только на своем цвете. У С. Г. подушка была грязная. Утром, не будя жены, он ел, что попало, попадая ногами во что попало, потом вытирал ботинки мокрой тряпкой и расшвыривая кошачье поголовье, шагал к выходу. Мать с детьми усаживалась около спальни и начинала мяукать. Долли спешно вскакивала, одевала халатик и начинала готовить еду и каждому свое, ибо один не переваривал печенки, а другой обожал рыбу, третий привык к курятинке, а четвертый крал все, что давали, а потом рвал. Наш герой, уходя на работу брал с собой список кошачьих консервов, которые надо было привезти, т. к. у каждого питомца было свое меню и не дай Бог спутать. Начнется расстройство желудка (у них конечно) и надо будет везти к ветеринару, и Долли тогда не спит и ставит кошкам согревающие компрессы. Но иногда приходилось, едучи на службу, прихватывать с собой очередную кошку к доктору. Например у Сноу роды всегда проходили тяжело и он ей делал кесарево сечение.

Проветривать комнаты она не успевала и это делал Стэпи, вернувшись, а Долли забрав семейку в спальню, прятала их под одеяло от сквозняков и простуды. Когда хозяин дома ходил по комнатам, то казалось, что он пьян. А это он лавировал между котятами, тарелочками, лужами и кучками... Как надо было любить жену, чтобы выносить все это. Но иногда он взрывался.

— Боже мой, — слышал он в ответ, — как ты можешь возмущаться и не любить кошек? Ведь они же украшают нашу жизнь. Что бы ты делал без них?

— Я? Я бы погиб!

— Ну, конечно. Я вспоминаю анекдот, когда пожи-

лая дама вывела погулять своего котика, а тот выбежал на мостовую и его переехала машина. Огорченный пассажир выскочил и говорил даме:

«Лэди, чем я могу быть вам полезным?» — а она ему в ответ:

«А вы умеете ловить мышей?»

Как-то С. Г. нашел на этажерке журнал «Домашние животные и заботы о них» и прочел нижеследующее:

«205 миллионов американцев содержат 600 миллионов своих любимцев. Из них 100 миллионов собак и кошек. А Гуманитарное Общество Америки сообщает, что каждый час в стране рождается от двух до трех с половиной тысяч котят и щенков. Кроме всего этого у американцев 25 миллионов птиц и 340 миллионов рыб в аквариумах. Есть у них еще 125 миллионов других животных: черепах, кроликов, белых мышей, змей, грызунов, морских свинок и есть даже львы и леопарды. Не забудьте, что есть еще 8 миллионов лошадей, главным образом верховых. Теперь о питании: для лошадок надо всего навсего 300 миллионов бушелей зерна и один миллион кип сена. Другие любимцы требуют на корм 2 миллиарда долларов, а на приобретение новых кошек и собак свыше 300 миллионов долларов в год. А всякие приспособления и другие расходы по содержанию этого животного мира берут еще 2 миллиарда долларов.

«О, Господи», подумал Степан, «где же тут помогать Южному Вьетнаму или Камбодже, когда такие расходы на животных одних!»

В Америке 2.800 ветеринаров, которые зарабатывают много миллионов. Курорты? Да, есть и они. В штате Иллиной есть мотель, где содержание собаки стоит 8 долларов в день. Сюда входит отдельное помещение, с двориком для прогулок, а корм: ростбиф, бэкон, яйца. А в Кастильских горах есть пансион, где за 150 долларов в месяц за собаку, ей гарантируют райскую жизнь. Газета «Балтимор Сан» высчитала, что содержание такого любимца обходится в месяц от 80 до 100 долларов, в то время как Общественное Призрение платит за ребенка только 76 долларов.

«Бюллетень атомных ученых» высчитал, что главным образом в городах, собаки и кошки оставляют на

улицах в день по 3.500 тонн твердых экскриментов и 9 миллионов галлонов мочи.

В одном только Нью Йорке 500 тысяч собак оставляют на улицах 52 тысячи своих твердых «следов». В стране около 20 тысяч магазинов торгующих домашними животными, а фабрики изготовляющие для них пищу, только на ОДНУ рекламу истратили в прошлом году 57 миллионов долларов.

«О, Господи», подумал хозяин дома, «и я среди тех чудаков. И мои деньги тут тоже плавают. Просто какое-то сумасшествие в этой Америке... А я тоже дурака кусок».

В марте, абсолютно не обращая внимания на календарь в саду за домом появлялись кавалеры из других домов и начинался концерт, причем у каждого была своя излюбленная ария. Начинали с девяти вечера и до утра. Эти, что в доме начинали мяукать, и Долли выпускала свою детвору «попастись». Благодарные животные приносили в дом новое потомство и когда Семен Григорьевич посчитал, то пришел в ужас — 19 голов самой разнообразной расцветки и все едят, гадят, путаются под ногами и лезут, куда не надо. А вот Долли ходила по комнатам и никогда не наступала ни на кошку ни на ее «последствия».

— Отдать их надо, ведь не можем же мы...

— Перестань, не будь жестоким!

И раз, когда она поехала к доктору — он знал об этом — муж отпросился с работы, приехал домой, забрал половину кошачьего племени и уехав в какой-то парк, выпустил их всех на волю, а сам не забыл дома открыть окно. Приехав от врача Долли обнаружила пропажу (она увидала открытое окно) и не могла утешиться. С. Г. всячески ублажал ее, но пополнить недостачу не обещал...

Она любила печь всякие торты, печенья и коржики, которые с большой охотой ели ее любимцы. Пироги с ягодами и фруктами почетом у кошек не пользовались, хотя муж их очень любил. Не было смысла расходовать на них продукты и деньги.

Сил, бороться и сопротивляться у несчастного уже не было, и он оборудовал себе в подвале комнатку, поставил раскладушку, купил телевизор и приехав с работы, попивал внизу кофеек и смотрел последние новости. А на

верху блаженствовала Долли со своим потомством. Только собираясь спать, он приходил и осматривал спальню, не завалился ли где очередной котенок. Нельзя сказать, что жена к нему плохо относилась и не заботилась о нем. Нет. И пуговицы всегда у него все пришиты, а где и нет, то можно заменить английской булавкой и обедал он не плохо, но, конечно, коты кормились в первую голову, и он не мог сказать, что его еда хуже кошачьей, бывала и лучше. В прошлом году он получил в подарок ко дню рождения, такую же тарелку, как у Сноу, но больше и с его именем. Цвет посуды был бурый. Заметив, что блохи убегая от зловердных ошейников переходят на него, он заявил бурный протест, и любящая жена сделала ему их пять: один на шею, два на кисти рук и два на подъемы ног. Блохи ужасно растерялись. Но к счастью, виновник их горькой обиды, ошейнички на ночь снимал и тогда, эти обездоленные судьбой существа, наверстывали упущенное. Все костюмы были у него в шерсти, но она легко сходила, если их отдавать в чистку. И вдруг Долли заявила, что она оставила завещание на Сноу и хочет обеспечить ее (она уже в летах) на старость тремя тысячами.

— Пойми меня, Стэпи, правильно. Все может с нами случиться. Если ты ослепнешь, то ты меня не увидишь, а если ты умрешь, то я тебя не увижу. А Общество Защиты Животных возьмет ее на свое попечение.

— Может лучше нам подумать о нас. На старость, а?

— Ты работаешь, у нас есть дом, будет пенсия, а у кошки нет ничего. Ей даже продуктовых купонов не дадут.

◆ ◆

Он хватает меня за руку и говорит умоляюще:

— Ну, скажите. Скажите же, что мне делать? Как бороться с этим кошачьим психозом? С этим тихим помешательством? Ну, как?

— Как? Да, разводитесь и все тут.

— Легко сказать. Тогда я потеряю и дом и жену и сбережения.

—Ну, тогда переезжайте на другую квартиру, а она пусть идет работать.

— Да?! А кошки?

ДУМЫ МОИ, ДУМЫ...

Вот и пост. А я вас спрошу, миленькая, кто это сказал «думы мои, думы, горе мени з вами», а вы и не скажете, хоть и Смольный в Нижнем кончали. Что? Его там и не было? Ну, так еще хуже для вас. Ну а кто? Ага, не знаете? А Тарас Григорьевич Шевченко, что в Каневе похоронен, наш украинский поэт. Ну, ничего, что не знаете. Много будете знать скорее состаритесь. Не все же люди до конца образованные.

Я, теперь в посту и не ссорюсь и не обижаюсь на них. Люди были склочные, так такими и останутся. Горбатого могила исправит... Я вот, на блины пошла в Русский Центр, перед постом, как там и наслушалась. Ендовы, вы же их знаете, он хвастун, а она брехуха, этим летом в Европу ездили, так она уже трепалась, ни стыда ни совести, аж слушать тошно. Пообвешалась стеклом и железом и кричит, что все из Парижа вывезла, а это барахло у Вулворта хоть на вес, а на ней с полпуда висит. Заговорили о ватрушках, а она заявляет, что никаких сыров не ест окромя «ремембера», французского. Ну, все к ней с расспросами.

— А это, — она отвечает, — сыр на песенис... пенеслис... на пенисилине готовлют. Плесень такая целебная. И когда он уже до краю заплеснел, аж коркой взялся — можно есть.

— О, Господи, — народ застонал, — такую гадость?

— О, нет, не скажите, этая плесень попадает с сыром в живот. Сыр там побудет и выйдет, а она остается и всяких паразитов и бактериев убивает. При таком сыре вас никакая холера не возьмет, понимаете?

Ну, а кто с ней спорить будет? А я что-то не верю в такие вещи. У нас в России в подвалах плесени было — завались, но никто ж не ел. Но в посту мне говорить про такие гадости не к лицу, даже грешно. Да и в церкви я тихая теперь, воды не замутю. Потерплю уж до разговен. А сказать хочется, ох, как хочется. Есть у меня такая дума про нас, про православных.

— Почему это мы ссоримся и друг про друга гадости говорим, а в глаза улыбаемся, ручку жмем и хвалим. Ну, почему? Чтобы в гости звали? Вот интересно, а у негров или там китайцев, тоже так душою кривлют? А я так не могу. Я уж, как сказану, так сказану. Потом сама жалеюсь, зачем сказала, а вот не могу, аж кортит-сказать правду в глаза.. Только в посту и передышка.

А то есть у нас такая, фамилии не скажу, потому это этую Скворцову все знают. Так вот она придет в Центер, парик на боку, глаза наподмазанные, сидит потеет, а капли коричневые заместо сметаны на блины каплют. Ну, к чему, спрашиваю? А вы можете и не отвечать — потому пост. Не берите греха на душу. Я ведь знаю, что вы тоже парик носите. Ох, вы думы мои... А то идешь по улице и просто умиляешься: американская мамаша дите везет в колясочке. Там и кружева, и оборочки, и бантики, и матрасик и капюшончик от дождя присобачен (отец видно постарался) и всякие финтифлюшки понавешены. А коляска такая, что и мать посади, так вывезет. Все в семье довольные, только недовольный управляющий того продуктового магазина, откуда мать этую красоту сперла. А то мальчики по домам газеты развозят, тоже в этих колясках из магазина. А родные ихние и видют и знают, а не велят сыну отвезти ее обратно. Ведь украл же! Вот и про это у меня в посту тоже думы разные копошатся... Да, про многое. Помните, дорогая, я рассказывала вам, как в продмаге наши люди яйца подменюют, фрукту едят, да наклейки на рыбу собачьи клеют? Помните? Я же не выдумала, сама видела. Так вдруг мне звонит, по телефону, какая-то тетка и давай облаивать, что я треплюсь про наших. И говорит:

«Моя фамилия Жуликова, Настасья Львовна и мне на вас наплевать, но что вы там людям расказуете про яйца, да про наклейки, да про печенье, да про яблоки,

да про... Я требоваю, чтобы вы мне сказали, кто вам про меня сказал такое...»

«Да, никто и не говорил».

«Как же не говорили, когда вы людям рассказуете, а?»

«Так то ж я не про вас».

«А про кого?»

«Да про Ключниковых».

«А ну тогда другое дело — и повесила».

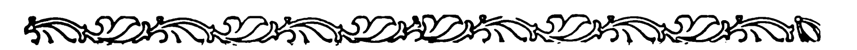
Ну, вы сами видели, как я кротко с нею разговаривала, потому — постюсь. Да и не знаю я такой. Может она из другого прихода? Те могут. А не будь поста, я б ее, сукину дочь, о прости Господи, согрешила... А то, совсем недавно, сынок Кирюша говорит:

— Маманя, сегодня по тиви будут вечером показывать, как народ из Вьетнама тикает. Посмотрите. Ну, я и посмотрела. А лучше бы и не надо. И наплакалась и ночь не спала. Народ один и вера одна и язык один, а друг от дружки бегут. Ну точно, как и мы в свое время. А бегут по дорогам, по тропкам, по лесам, по полям, сотни, тысячи, десятки тысячев. Старики, старухи, калеки, молодые, женщины, мужчины. Легко ли? Грудных детей на коромыслах несут. Детишек своих спасают. А потом доходят до берега, где уже и дальше ходу нет и складуют их на землю, как поломанных куколок. Так те и умирают без еды и без воды. Горе, одно горе... А тут еще прочла **«Легко сказать»**, как это американцы деньги тратют на кошек и собак, на птиц, да на рыб. А голуби, а белки? Господи, сколько можно было бы пользы исделать и своим людям и чужим детям. Да, разве сытый голодного разумеет?

И вот так меня думы в посту одолевают разные и про людей и про животных и вижу я, что людям жить тяжелее, чем зверям. И опять думаю: вот мы скоро разговляться будем с ветчиной, да куличком, с зубровкой, да с колбасками, с сырной, да с гусятиной, а там люди будут траву да кору есть, бо ничего нету, все бросили, все кинули только жизнь спасали свою, да детскую...

Ох, думы мои, думы. Горе мени з вами.

ДУША ОБЩЕСТВА

Среда — Милочка, вы только выслушайте меня. Я просто жертва, самая настоящая жертва общественного темперамента! Все ко мне и все на мне! Вся колония обращается ко мне. Тот за советом, эта с жалобами, те со сплетнями, другие просто с разговорами. Все звонят, все теребят, ну просто рвут на части. Хотела бы я знать, что бы они делали без меня? А кроме того я же несу на себе груз семейной жизни. Да, нет, не перебивайте. Кто не занят? Все заняты. Мой благоверный только и знает свою работу и отдавать мне чек. Но это же не все, поймите меня, ведь так? На этом фундаменте человеческая жизнь очень зыблема. Зыблема? Ну, есть незыблема, а противоположность будет — зыблема. Как — осторожно и неосторожно. Чего и тут не понять? Смешно. Вы-то меня поймете. Я бы с удовольствием к вам приехала, но он же не повезет.

— Да и не надо, конечно. Человек после работы, устал, хочет отдохнуть, посидеть у телевизора поговорить с вами. Нет, нет, мы и по телефону разберемся... А разве он не слышит, что вы о нем говорите?

— Где там, уткнулся в газету и лежит на диване. Хоть из пушек по нем пали. Он, как и все мужья наверное воображает, что если он съездит и привезет продуктов на неделю и пропылесосит ковры и оплатит все счета, да повозится в саду и по дому, так это и все. Ведь нам, женщинам душевность нужна, тепло. Я лично, не знаю, как вы, но я человек с запросами. Я чуткая, я все понимаю, но нельзя же так грубо. Вот вам пример: позавчера я ему говорю: «Сережа, у нас на фронт-ярде, на траве, чужая собака наделала — пойди убери». Так вы знаете, что он мне ответил?

— Не знаю, но думаю, что «успею» или «потом» или а «ты не можешь?»

— Ой, Господи! Откуда вы узнали? Он сказал, нагло, в глаза сказала: «а с тебя, что, корона спадет, если ты это сделаешь»?

— Ну, вот видите. Королевой вас считает.

— Вы думаете? А разве королевы убирают за соба...

— Ну, конечно. А «корона» к чему сказана?

— Да? А я ответила, что я не для того в Америку приехала, чтобы за собаками убирать. А он тогда спрашивает «А я для чего?»... «А ты, — отвечаю, — для всего. Ты муж, глава дома».

— И убрал?

— Ага, держите карман шире. «Пусть, — говорит — лежит в назидание потомству. Я тоже человек!» Так и не убрал.

— И что?

— Ну и ничего. Теперь там все собаки делают.

А один раз он довел меня до такого состояния, что я пригрозила ему самоубийством! Он заинтересовался. «А как спрашивает, ты сделаешь?» «Не бойсь», отвечаю, «ни стреляться, ни травиться не буду, а то в госпиталь отвезут, спасут и страховка не оплатит». «Лучше всего утопиться», он подсказывает. «Да, да, что-б ты знал», кричу я, «и не надо ехать к морю или бросаться с моста, а просто дома! Дома». Он удивляется «дома?»... «Да, в ванне, привяжу к ногам тяжесть, утюг или решетку от камина и пойду ко дну, как пробка!» А он так, даже подпрыгнул от неожиданности. «Знаешь, — говорит, — если ты таким способом сможешь себя утопить, я тебе куплю новое платье!»

— Ну и что, купил?

— От этого скупердяя дождешься. Как же держись. Ах, я так переживаю все эти семейные неприятности. Хотите, я приеду поговорить. А то он прислушивается.

— Да, к чему же? Уже вечер. Зачем человека тревожить. — Его тревожить?! Да, он с места не движется. А когда видишь собеседника, то получается как-то убедительнее. Согласны?

Она еще с часик поговорила и наконец отпустила душу Милочки на покаяние.

Четверг. — Адриан Власович, а Катя дома?

— Да, но она стирает.

— Все мы стираем. А вы что делаете?

— С вами разговариваю.

— Ах, какой смешной. Нет, а до меня?

— Мыл посуду. Сейчас буду вытирать.

— Успетее. А что она делала до стирки?

— Она читала.

— Читала? Вы мыли посуду, а она читала? Хорошая хозяйка. А что читала?

— Нотацию — детям. Один разлил суп на новой скатерти, другой — пальцем размазал, а третий ладошкой хлопал по рисунку и Пикассо получился. А скатерть пасхальная, красивая с узорами и прочими онерами.

— Онерами? А что это такое?

— Ну, как сказать? Кисти, рисунки, каемки, тесемки...

— Ах, как интересно вы рассказываете. Вы просто все знаете.

— Ну, так что позвать Катю?

— Да, нет, мне с вами интереснее. Видно, что начитанный. Не то что мой. Ваша Катя была бы под пару моему. Она у вас домашняя хозяйка, да еще затурканная к тому же.

— А я не нахожу. Мы по мере сил помогаем друг другу. Я не жалуюсь.

— Представляю. Все мужья так говорят, но вы чуткий, я люблю таких. Мой почти такой же. Я — постираю, а он погладит, но собаку. Он выводит ее, а я пятна.

— Ну, что ж и это не плохо.

— Это вы так думаете, а он воображает, что я с ним, как за каменной стеной. А на самом деле он бы без меня пропал. А я Катю не оторву, если приеду к вам поболтать?

— Нет, уж лучше другим разом. У нас сейчас самая страдная пора.

— Какая? Страстная? Как вам не стыдно о таких вещах...

— Вы знаете, Катя меня ждет, будем белье развешивать.

— Успеете. Вот это-то не убежит. А если дама с вами разговаривает, то это даже невежливо с ней о нижнем белье говорить.

— Да, какое ж это нижнее: скатерть, полотенца, чулки, носки?

— Все равно «белье» звучит, как намек.

— Как намек? На что?

— Ну, что вы не понимаете? Ребенок? Интересно было бы видеть ваше лицо сейчас. Ох, чуть не забыла. Знаете ли вы, что в этом году мужчины будут носить рубашки без пуговиц? Я сказала об этом мужу, а он отвечает, что он уже десять лет по этой моде ходит. Вот — дурак. В общем позовите Катю, у меня есть свежая сплетня для нее, а вы меня отрываете.

— Окей, пошел.

И пока он ходил, она уже повесила трубку и набрала другой номер и не напрасно, т. к. Катя просто сказала «пусть она мне голову не морочит!»

Пятница. — Здравствуйте, голубушка, Анна Васильевна. Вы простите, что я к вам, как снег на голову, но уж очень я люблю вашу сырную пасху. Есть? Еще не всю съели? Согрейте кофейку, хотя нет, лучше чаю, а то у меня сердце.

— О, Господи! Да как же ее есть, если еще до Пасхи два дня осталось?

— Что вы говорите? Вот время-то бежит! Ну, ничего, я с собой возьму. Говели? К исповеди ходили?

— Ну, а как же? Пост же.

— Я тоже же. Но мне обидно какие люди хамоватые. Идешь в церковь, настроишься благолепно, а придешь — там и толчея, и разговоры и обиды у свечного ящика. В спешке обсчитают обязательно. А я ведь в приходе чуть ли не 20 лет. Правда, десять была в Митрополии, а потом к вам перешла. Но все равно 20. Я в обе церкви жертвовала и на ковры и на иконостас и на люстру. Одним словом заслуги есть, но я не хвастаюсь. Бог с ними с людьми. Но я все же думаю, что имею право идти к исповеди первой, это всякий скажет. И когда батюшка вышел, я Селину слегка отодвинула, не пихала, нет, а отодвинула, как стул и пошла, а батюшка говорит «Что, гордыня одолела? Она же впереди вас стояла!» Я ему хочу объяснить, сколько я лет в при... а он опять свое «Идите, милая, и станьте по порядку. Пойдете последней!»

А я на зло взяла такси и поехала в другую юрисдикцию и там исповедывалась, а когда хотела у нас причаститься, он опять не допустил. Сказал, что я у него не исповедывалась. Ну, какая разница? А что я ему должна справку привезти из той церкви?

— А вы знаете моя милая, что он прав!

— Что?! А что вы знаете? А вы при этом были? Эта самая Селина, если хотите знать такая штучка, что и пробы негде ставить. Я ее еще раньше знала: она когда-то очень рассердилась на меня, когда узнала, что я о ней такого же мнения, какого она обо мне. А когда, я ее отпихивала, то я ей даже «экскюзми» сказала. У вас телефон-то есть? Я еще позвоню в одно место. Там меня ждут тоже. Ну, знаете, просто разрывают на части, ей-Богу! Ух, чтобы не забыть: Гуркинова говорят к морю ездила, в какой-то санаторий, у океана что-ли, и там нервы лечила. Так после ее отъезда теперь весь персонал свои лечит. Вот — птица! Ха-ха! А Леоновы со своими детьми носятся, как дурак с писаной торбой. А что они? Сын — летчик, а дочь — налетчица.

— Как налетчица?

— Ну, да она то же самое, на самолете работает: еду подает и учит, как выскакивать без парашюта.

Суббота. — А я тебе откровенно скажу, Оленька, что я горжусь своим мужем. Он у меня труженик, каких мало.

— Это хорошо, когда есть чем...

— Вот именно. Дети совсем никуда: и не слушаются и плохо учатся и плохо...

— Что же? Все плохо?

— Да, нет, все хорошо. А что же ты зеваешь дорогая? Не выспалась?

— Нет, но уже пора на боковую. Завтра же Пасха, знаешь?

— Как не знать. Мой чуть свет встает. А который сейчас?

— Скоро десять.

— Ну, это по новому. А так сейчас девять, детское время. Я еще хотела тебе рассказать о том, как Бушмакин мной увлекся.

— Ты уже расказывала, так может отложим.

— Почему же? Есть интересные детали. Это интересно.

— А мне интересно, как ты домой попадешь.

— А твой муж меня не отвезет?

— Да, что ты милая? Он уже спать лег. Мы к заутрене поедем...

— ...Слышала, слышала. Я позвоню домой и мой приедет. Дети уже спят и ему уж не трудно, все равно на телевизоре сидит. Бушмакин...

— А если в следующий раз?

— Не будь дурой. Пользуйся тем, что у меня хорошее настроение. Кофе есть?

— Холодное уже.

— Согрей чашечку и какой нибудь бутербродик сооруди.

— Только не долго — спать надо идти, хоть часок...

— Да что ты меня гонишь? Выпью, позвоню и поеду. В других домах меня отпускать не хотят, на руках носят. Я ведь все сплетни в колонии знаю. Ты знаешь, что когда люди перестают узнавать друг-друга, это значить, что они уже друг друга узнали. Ты вари кофе, я же буду рассказывать про Бушмакина. Это было в позапрошлом году, у него как раз была трепарация черепа, после акцидента, и он тогда влюбился в меня.

— А он был в сознании?

— Влюбился и потерял сознание. Дай ветчины, если есть. Люблю. А торт найдется?

И только в половине двенадцатого она позвонила мужу и тот, ругаясь и отплевываясь приехал.

— Ты не должен на них сердиться, — сказала она ему, — они меня просто не отпускали, а Оленька мне рассказывала про свою жизнь... Жаль ее очень.

Воскресенье. — Евгения Романовна? Ты дома? Вот хорошо. Приеду поболтаем. Сплетня оживляет разговор, как пятно — скатерть.

— Нет, нет, ради Бога — другим разом. Мы не выспались.

— Почему же? У меня много новостей и масса времени.

— Отложим. Ты в прошлый раз как приехала, так и не могла уехать.

— А правда было интересно? Тромбозов рассказывает, что познакомился со своей женой, когда сбил ее автомобилем. А когда она выздоровела, они поженились.

— Ага, недаром говорят, что превышение скорости ведет к аварии.

— Да, а почему Фурина до сих пор не вышла замуж?

— Потому что она достаточно умна, чтобы не выйти за мужчину, который настолько глуп, чтобы на ней жениться.

— Как это ловко у тебя получается. Складно так, а я не могу. А у Лириных просто драма. Не то они разводятся, не то она в положении, не то он потерял работу, не то...

— Все не то, совсем не то! Все что ты говоришь, это не у них, а у Раковых. — А у Шариных просто кошмар. Ее шестилетний сынок решил играть в почтальона и долго не возвращался домой. Она очень беспокоилась, когда он вернулся, она просто набросилась на него, а тот отвечает, что он разносил письма.

«Письма? Какие письма? Где ты их взял? — А малыш отвечает — да в твоем шкафу там лежало два пакета перевязанных розовой лентой».

— Вот колония получит удовольствие. Ну будь здорова, я еду на кладбище, а ты мне звонишь ни свет ни заря.

— Какая же это «ни свет, ни заря» — половина десятого» — но та вешает трубку.

— Свинство какое, — но тут же набирает новый номер — Олимпиада Харитоновна? Здравствуйте, голубушка. Что случилось у Рюминых, не знаете? Вся колония говорит.

— А мне и не интересно. Обождем, когда в газетах будет.

— В газетах?!?! Да, что вы, а я и не знала.

— Да, я это вам для смеха говорю. Знаете «смех для здоровья, как масло коровье».

— Ах, как хорошо сказано. А я вчера целый вечер с Полянской проговорила. Насилу отвязалась. Выдает себя за большую умницу, а сама...

— Чтобы считать себя умнее других — большого ума не надо!

— Ах, как хорошо сказано. И где вы такие мысли достаете, ума не приложу. Я ведь календарь Мартьяно-

ва читаю каждый день и там нет. А это правда, что у Сарациновых самый несчастный брак?

— Не знаю, но счастливым, дорогая, считается тот брак, в котором одна половина храпит, а другая не слышит.

— Правда?! Так это у нас с мужем. Мы оба храпим! Ах, да, Христос Воскресе!

Понедельник. — Вы знаете, время летит так, что не успеваешь ничего сделать. Ведь совсем недавно, в среду, я с вами говорила...

— Вы в среду со мной не разговаривали.

— А с кем же?

— А это вы себя спросите.

— Что вы говорите? Кто же это был? Но в общем это не важно. Факт в том, что я говорила и сама не помню, что и с кем, но я хочу вам сказать...

— Дорогуша, может быть вы позже позвоните? У меня обед на плите, а печка...

— Здравствуйте, пожалуйста. А разве у вашего телефона не длинный шнур. У нас, я, сидя в уборной, разговариваю и слышимость хорошая.

— У нас нет. Вам еще телевизора не хватает туда.

— Есть, японский «Сони» называется, переносной. Очень удобно. Да так вот...

— Извините, но бегу в кухню. Суп — сбежит.

— Обождите, обождите. Я вспомнила, что хотела сказать. Подумайте — повесила! Ну, ничего есть еще с кем поговорить — и она набирает новый номер — Зиночка? Вот хорошо, что застала. Хоть около тебя отдохну. Все считают своим долгом со мной делиться своими троблами и отрывать меня от дела. Та звонит и жалуется на собак, что ее изводят, а эта клевещет на мужа, уверяя, что он ей ничем не помогает. А то вдруг Теретова, что ее в церкви обходят, травят. Елкина, ничуть не стесняясь, свои сердечные дела рассказывает, а Лоева сплетню про Тромбозовых разводит, а если бы ты знала, что она про тебя говорит — уши вянут. Я сейчас приеду и расскажу, а то по телефону подслушают.

— Да, нет, не надо, не надо. К чему?

— Чудачка ты Зина, я же для твоей пользы. Поставь кофе, нет лучше чай. Я же твои интересы блю-

ду... блюжу. А Перлова опять в госпитале. Рак говорят. Была операция. Выживет ли? Жаль бедную.

— А ты ее хоть навещала?

— О, Господи! Да, когда же? Я сама нарасхват. Все несут свои горести мне; как в копилку. А у меня и своих хватает. Вот сейчас приеду и расскажу.

— Да не приезжай ты, ради Бога. Надоела со своими разговорами да сплетнями.

— Я надоела?! Не смеши и не говори глупостей. Кулич есть? Сейчас еду уже. — О Господи!

Вторник (отдыхает).

ПОДКИДНЫЕ ДУРАЧКИ

Я ДАЖЕ имен никаких здесь не ставлю, чтобы потом на меня собак не вешали. Вы же сами знаете, как у нас реагируют на всякие мелочи...

Заболел один старичок. Жил одиноко, но был большой общественник и всюду бывал: и в Русском Центре, и в церковных домах обеих юрисдикций, и на пельменях, и на чашках чая, и на блинах и на обедах. Мы уже не говорим о спектаклях, концертах, докладах и тому подобных видах активной жизни нашей колонии. Имел сбережения и не был скуп. Всегда доллар тратил на «бочку счастья» или лотерею. Был щедр в буфете и если сидел за чужим столом всегда угощал и был весьма общителен и разговорчив.

Его знали почти все. Ценили его доброту, отзывчивость, былую активность и участие во всем, где он только мог проявить себя.

Одним словом был похож на нас с вами! А вот заболел и ни одна собака не вспомнила. Врачи нашли, что где-то открылся артрит, где-то закрылся сосуд, где-то нашли холестерол, но не нашли сахара. Там обнаружили ослабевшую аорту, а тут усиленное сердцебиение. Ну, одним словом, как у нас с вами. Когда он звонил кому-либо, его утешали, а он в ответ:

— Нет, уж пора (он бывший военный) к расчету строиться.

— Что вы, что вы, — гудело в трубке, — мы еще потанцуем с вами, выпьем и анекдотик соленый расскажем!

И что вы думаете? Через две недели приехал на такси, пил немного, и анекдот привез свежий, не танцевал,

но блины ел, смеялся и шутил. В общем, как говорится, — отошел. Но не в лучший мир, а в лучшем смысле слова.

Дома же, в глубине души, подумывал, что его одиночество добром не кончится, и жалел, что в свое время не обзавелся подругой жизни, хотя бы подержанной. Все же с живым человеком было бы легче. А вот, когда захворал, то испугался.

— Хм, даже стакана воды некому будет подать.

Посмотрел американские газеты и в отделе «Бэбиситтеров» нашел, что многие дамы предлагали свои услуги для ухода за больными. Плата по соглашению. Позвонил одной — приехала. Закурила, надымила, набросала пеплу, выпила, разговаривая, шесть чашек кофе и один «хайбол». Насилу уговорил ее уехать и обещал позвонить. А у самого даже температура поднялась. Такая куря — выкурит из дому! А он-то не курил никогда.

Позвонил другой. Явилась. Это была полной противоположностью первой. Не курила, не пила, не была многословной, а сразу сказала свою цену.

— Вы играете, — спросила она, — в бридж или в покер, или в «шмэн де фэр» или в двадцать одно? Одним словом в азартные игры?

— Нет, только в подкидного дурака!

— Ну, это мы можем делать и без карт! А так бы я могла пригласить знакомых, и мы бы чудесно проводили время. Да и вам полезно общество людей!

Старичок уклонился и от покера и от общества. Так и не договорились. Тогда его, как осенило. А ведь есть русские одинокие (или даже семейные дамы), которые берутся за такую работу. Да и что это за работа? Утром накормила, в полдень повторила, а вечером — ужин. Так? Днем — постирала, потом с ним погуляла, сменила белье (на нем, конечно), убрала в квартире, почистила ковры и диваны, разморозила холодильник, заморозила свежее мясо, что успела уже купить, бегая за молоком. Поставив на плиту обед, пойти за остальными продуктами, помыть потом ванную и уборную, почитать ему книгу или газету. Написать под его диктовку несколько писем и позвонить по его поручению по телефону, снести в чистку штаны и брюки, а остальное время делай, что хочешь! Что не правда, разве?

Позвонил старичок батюшке, а тот сказал:

— Я по существу таких не знаю. Все капризные и гордые, но вот созвонитесь с председательницей сестричества, она в курсе этих дел. А то я порекомендую вам кого-нибудь, а вы потом в обиде будете. Пусть лучше не на меня, а на нее, а то теперь батюшка всегда во всем виноват.

Позвонил председательнице, и та дала ему два номера телефонов, но просила не говорить, что это по ее рекомендации. Так спокойнее.

Сделал старичок, как она просила. Сказал, что слышал от знакомых. Было очень приятно поговорить по-русски и поделиться своими трудностями.

Дама сказала, что у нее предложений много, и она на расхват. Стаж-де большой, но приедет через два дня посмотреть, что он за человек. Так лишь «с бухты-барахты» она не идет на такую работу. Важно знать с кем имеешь дело. Слово сдержала и приехала. Высокая, худая, с зонтиком, в очках и теплом пальто. До начала разговора обошла всю квартиру (три комнаты с кухней), осмотрела ее и сказала:

— Вы, наверное, не знаете, что есть всякие расценки. Одно дело смотреть только за вами, а другое — уборка, стирка и жить при вас. Это радости мало!

Ее деловитость, понятливость, и то, что она русская расположила старичка. Договорились, что шесть дней она будет здесь безотлучно, а в воскресенье — выходная, чтобы и в церковь попасть и свои две комнаты почистить и к знакомым сходить и просто отдохнуть у себя дома. Хлеб-то не сладкий. Все было по началу хорошо, хотя она была строга, а бывший военный знал, что такое дисциплина, но кормила она его тем, что он любит. Хоть мясо было староватое и жесткое, но старичок своими вставными зубами вгрызался так, что оторвать было невозможно. Она делала для него сырники (а себе тюфтельки).

Он был доволен, а она еще больше. На ночь пила баттер-милк и его заставляла. Когда он протестовал, то слышал:

— Много вы понимаете. Да я на нем выросла, на кислом молоке и желудок работает, как будильник!

— Почему не как часы, а как будильник?

— Потому что тарахтит в неурочное время.

Уборку она производила по-своему (возможно, что на такой выросла): носовым платком помашет по пыли, а с этажерки и с книг просто сдует и все.

— А почему вы не пользуетесь пылесосом?

— Много ему чести будет. Шумит, гудит, ток тянет, а пользы, как кот наплакал...

— Но другие же...

— Мне другие не указ. Нет, я сказала.

Уходя домой, в субботу, всегда что-нибудь уносила: то картину в раме, то раму без картины, то кастрюлю, то скатерть, то тарелки. Приходила она с чемоданом, а когда старичок спросил, для чего он ей, ответила:

— А тут моя одежда, что я меняю здесь, да рабочее платье. Не буду ж я все время в затрапезном ходить. Я ведь дама и чистюха при том.

Логично. Так прошло месяца три и как-то вечером, когда они смотрели телевизорную программу, она сказала:

— Вот что я, дорогой, надумала. Для чего вам три комнаты, а мне две, да две кухни, да две ванны, да две уборные, да два расхода, когда это можно упростить.

— Как это? Не понимаю.

— Чудачок, да очень просто. Я ликвидирую свое жилье и приеду сюда на постоянное жительство. Или еще лучше, — сбережения у вас есть?

— Ну есть, допустим.

— Ну, вот. Запишемся, как супруги и купим дом и заживем своим домком и ладком!

Старичок даже затрясся.

— Да для чего же это? Разве так плохо?

— Вам, как мужчине, может и хорошо, а я имею репутацию и слышу как наше бабье за моей спиной шушукается. Вы думаете это приятно? Я женщина еще в соку, а вы человек с положением и вам не к лицу давать повод чесать языки по нашему адресу. И священник косится.

А никто не косился и не чесался. Кому это было интересно? Ей только!

— Я не знаю. Я не думаю...

— А вот подумай, дорогой. Я на вас смотрю, как на родного мне человека. Я ведь всю душу свою вкладываю

при уходе за тобой, а в награду... И прослезилась сухими глазами.

— Ну, уже слезы ни к чему.

— Тебе, дорогой, ни к чему, а я уже подметные письма получать стала. Люди упрекают, глаза колют, за мою доброту, за мою преданность.

Конечно, он к ней привык, но зачем же она вещи тащит? Ведь это же неприятно. Встанешь, а на стене одна рама. Ляжешь, а на полу одна картина. Потом сказала, что кофейник перегорел, в починку отнесла, а пока воду кипятили в кастрюльке. Обед ели на разномастных тарелках, а ведь был где-то сервиз и чашки фарфоровые, а сейчас из кружек пили.

Это обижало, а сказать не решался, но понять не мог. Зачем это?!

А «сиделка» нажимала.

— Меня, милый, с руками оторвут, только слово скажу. Но я не хочу его говорить, потому что привыкла, а кидать жалко.

Да и ему не хотелось, чтобы она ушла. Кто его знает, кого найдешь на ее место. В десять, она аккуратно укладывала его спать, а потом смотрела кино, разговаривала по телефону и пила какао со сливками — спится лучше! Перед сном, как правило, он принимал «сонную таблетку» и спал, как младенец.

В этот роковой вечер, он взял у нее из рук таблетку и нечаянно уронил. Боясь, что «хозяйка» будет сердиться и погонит его под стол искать эту крошку, старичок сделал вид, что кладет ее в рот, потом запил водой и улегся, глазки закрыл и вздохнул. Лежит и не спится ему без привычки и всякие мысли одолевают.

«А вдруг, как она бросит его? А запишутся, так она все обратно принесет? Что делать? Как быть?»

А та уселась в гостиной перед телефоном и давай отводить душу. А дверь-то из его спальни (она спала на диване) всегда открыта и все слышно. Сначала он не вникал, а потом стал прислушиваться. Правда, о чем это она всегда разговаривает? Встал старичок тихонечко и пристроился у двери. А она сидит в его бархатном халате (сказала, что он в чистке), перед ней бутылка вина, типа «Кагор», которое она всегда покупает, от его имени для церкви.

Но что это? Голова ее покрыта весьма скудной растительностью, а парик проветривается на телевизорной антене. Пьет большими глотками:

— Ха-ха-ха! Да, уламываю, но не знаю сколько у него в банке. А книжку эту может на себе носит и так и спит с ней. Есть такие. Были у меня. А? Почему я вещи беру? — смеется. — Ей-Богу, объяснить не могу. Клептомания у меня что ли? Но, нет, я так думаю, что уходя от людей хочется что-нибудь; то — подстаканник, то — блюдо хрустальное, то — лампу настольную. Я не жадная много не возьму, а потом жертвую на лотереи или «бочки счастья». Конечно, не все, а что побарахолистей. Я и от его базарных расходов откладываю, но это же гроши! Тут надо убить медведя покрупнее. Часто мы играем в подкидного, а он радуется, когда выигрывает. А я поддаюсь. Что мне от этой игры? Но вижу, что уже не выпущу дурачка, не выпущу. Записаться законным — лучше всего. Поскрипит он еще годик-два и тогда и дом и сбережения (дом он сдает в наймы) мне достанутся.

Старик даже затрясся. Вот змея подколодная! Войти? Выгнать, сейчас же выгнать! А картины, а посуда, а коврик? И он не спал до утра... А утром... Недаром люди говорят «утро вечера мудренее!». Утром он встал, попил с нею кофеечку и говорит:

— Вы знаете, сон мне странный приснился о том, что картина, что висела в коридоре, опять на месте, что рама золоченая опять в чулане, что кофейник кипит-заливается, что сервизные тарелки все на столе и мы сидим с вами, как новобрачные, я в фате, вы в подвенечном. И счастливые мы и довольные. Да, еще за руки держимся. И так задушевно, так тепло разговариваем. Неужто сон в руку будет!

— Будет, голубок, будет!

И сказала, что ей надо спешно домой смотаться на часик, а сама рассуждает:

— Раз старичка так уже развезло, что фату напялил, надо ковать железо пока оно горячее!

А он и не задерживал. Схватила она пустой чемодан и подалась. И откуда скорость взялась? Как молодая побежала!

Через два часа (а он в окно смотрит) на такси прикатила. Бежит, а картина подмышкой, рама через пле-

чо, кофейник в одной руке, а кастрюля — в другой. А таксист целый ящик за ней тащит. Наверное с тарелками, чашками и бельем. А старичок лег на диван, у него послеобеденный сон полагался. Слышит, как она расплатилась и на чай щедро дала, а потом сама все спешно расставляет по местам, даже молотком стучала. Он встал и охает от восторга. А она:

— Запишемся, еще не то будет. У меня ведь всего этого — не сосчитать.

В субботу уехала укладываться, а в понедельник приехала с корзиной и тремя чемоданами. А он дверей не открыл, а конверт с деньгами через цепочку подал:

— И чтоб духу твоего тут не было, старая карга. А приедешь — полицию позову! — и побежал валерианку пить.

Вот какая история.

ИНФЛЯЦИЯ

Я ЕГО сразу узнал. Он шел впереди меня в шляпе с засаленной лентой, помятом пальто и в туфлях со сбитыми каблуками. Двигался довольно энергично. Я нагнал Сидора Архаровича и толкнул в спину указательным пальцем. Он вздрогнул, приложил руку к правому карману и обернулся с громким восклицанием:

— О, но, нет, но, плиз, — увидев меня, он продолжал, — фу, черт, а я думал, грабители!

— Почему?

— Револьвером ткнул в спину, а сегодня получка по чекам пенсионным и многие из нас меняют их в это время. Жулики это знают и поджидают нас в подъездах домов, в лифтах, а то и на наших этажах.

— Но это же улица?

— А ему что? Он и улицей не брезгает. А я как раз из банка иду. Проследили и готово. Они и в банках стоят и у кого увидят в руках голубую карточку чека — тот уже обречен. Выйдет-то человек с деньгами... Все мы рискуем. Квартиру тоже нельзя оставлять пустой. Жена дома — я иду. Я дома — она на работе. Идем к нам кофейку выпьем. Да и мне не так страшно одному.

— Но ведь сейчас ясный день?

— Не говорите глупостей. Теперь такая инфляция, что они и днем нападают.

— А при чем тут инфляция?

— Ну, просто, как ребенок. Цены растут, деньги падают, а они свое хотят собрать и на выпивку и на наркотики, и на карты и на женщин. Если они в день грабили трех, то теперь надо не менее пяти. А это тоже не легко. Риск-то есть? У них выходных дней нет и отпуска

не полагается. Круглый год шпарят! Правда, такой тип до суда под залог выйдет, не убийца, ведь, не насильник, хотя и те идут под рубрикой «не в своем уме»...

Мы пришли к нему домой. Жена его мне обрадовалась.

— Вот хорошо, теперь вы со мной в банк сходите.

— Здравствуйте, пожалуйста. Я привел человека в гости, а ты его по банкам таскать будешь. Иди, у тебя декольте есть.

— Что? — спросил я.

— Декольте. Она в банке деньги кладет туда, а сумкой идет и размахивает. Те сумку вырвут и бежать, а она идет, как ни в чем не бывало. А я же не буду в банке рубаху расстегивать, а под ней майка не первой свежести — и класть деньги за пазуху?

— Ну, хорошо, хорошо. Разговорился. Угощай гостя, а я пошла. Если через 25 минут меня не будет, значит что-то случилось.

Она ушла, а мы сели к столу. Он налил в чашки кипятку, взял из какой-то баночки мешочек мокрого спитого чая и сказал:

— А мы лучше чаю выпьем. Лучше для сердца. А то кофе, знаете?.. Хорошо, что правительство объявило бойкот на мясо. Наличники завалены всеми сортами, а американцы идут себе мимо. Тот рыбки возьмет, тот курьи ножки, другой — компоту.

— Вы думаете поможет?

— А как же? Правительство приказало и народ послушался.

— Ну, нет, оно не приказывало. Оно призывало к сознательному бойкоту. Народ понял и поступил, как считал нужным. Это Америка.

— Но вообще цены не приведи Господь. Что же будет? Мы прежде умудрялись от двух чеков сотнягу в банк положить, а теперь? Четвертной, да и то с трудом. А у нас дома все время спор об экономии. Прямо «вотергэйтский скандал» друг другу устраиваем. Когда-то в Советском Союзе смеялись над режимом экономии, а теперь его уроки с благодарностью вспоминаем.

— Ну и что ж? Вы на еде экономите? На продуктах?

— А что плохо? Мы еще до конины не дошли, но два раза в неделю без мяса, три — без рыбы, четыре —

без курятины и пять — без молока. Правду один доктор сказал, что единый способ сохранить свое здоровье — есть то, что не хочешь, пить то, что не любишь, и делать то, что не нравится.

— А я считаю, что на еде экономить не следует. Ведь от этого страдает ваше же здоровье, можете заболеть. К чему это?

— Да нет, жене идет на пользу. Даже в весе прибавила. На бананы нажимает. Порченные совсем дешево достаем.

— Порченные покупаете?

— Я покупаю, а она ест. Ничего, не болеет, но сердится. А мой организм только ананасы переносит. Нежный, что ли?

— Да, но ананасы ж не дешевы?

— А я один ананас три дня ем, а она три банана в день сжевывает. Разницу чувствуете? Ага! У меня много проектов борьбы с инфляцией, но разве с ней кашу сваришь?

— С инфляцией?

— Да нет. С женой. Все не так. Возьмите такой пример: арбуз стоит 15 центов фунт. А когда я дома (купили половину) отделил мякоть от кожуры, то получилось, что четыре фунта съедобной мякоти и четыре корки на выброс. Я ей предложил есть арбуз вместе с кожурой, там же тоже витамины, а она отвечает, что она не свинья и есть не будет. Ну, не свинство? Теперь смотрите дальше: у нас счетчик на всю квартиру, а свет на уборную и ванную идет почему-то за счет дома. Так? Что можно сделать? Приделать внизу, в ванной штепсель и тогда можно и чай и кофе и борщ варить в уборной, на плитке. Ток пойдет за счет хозяина. Так, куда там — на стенку лезет.

— Кто — хозяин?

— Причем тут хозяин. Жена. Она заявляет, что не для того приехала в Америку, чтобы суп варить в ванной комнате, а котлеты жарить, сидя на унитазе. Ну, не глупо? А вот еще проект: белье мы стираем в угловой прачешной — автомате. Смотрите, что получается: мыльный порошок — 25, белье — 25, сушилка — 25, туда-сюда — 25 и доллара нет. А моя идея такая: я выкупался — жена в моей воде стирает свое белье, а она выкупалась — мое!

— А почему так?

— У нее вода чище. А сушить в комнатах на веревке.

— Да, но вы высокий, ходить будете, а мокрые кальсоны вас по лицу.

— Ну, их можно с краю вешать, у стенки. И никуда таскать не надо.

— Но не эстетично, как-то. Как у Плюшкина...

— Плюшкина-Пушкина. Она опять не хочет. Кричит, ссорится. Как будто я для себя предлагаю. Интерес общий. Или еще: мы меняем белье раз в неделю. Можно раз в две недели. Я еще не все сказал. Мы прежде расходовали один рулон туалетной бумаги в неделю. А теперь вдруг — два. Я посчитал листики, их шестьсот в каждом рулончике. Вы только подумайте, что делается. Так же по миру пойдешь. А она тонкая, нежная.

— Кто, жена?

— Причем тут жена? Бумага. А она еще смеется надо мной.

— Ну, знаете, это еще удача. Другие бы от такой вашей арифметики плакали бы.

— В кино не ходим, вечером сидим при одной лампочке в 25 свечей. Спать ложимся раньше, чтобы не ужинать...

— Ну и как? Не тошно?

— Да почему же? Я вам правду скажу: если бы все мои проекты прошли, то жили бы припеваючи и плевали бы на инфляцию с высокого дерева, а тут она жить не дает...

— Кто, инфляция?

— Да какая там инфляция? Жена. Спорит по каждому пустяку, ей-Богу. Поговорите вы с ней. Может повлияете. Я скажу больше: в газете «Новое Русское Слово» от 30 марта было письмо в редакцию и там было написано, что пенсионеры в Канаде питаются собачьими консервами...

— Господи, да как подобная мысль могла прийти вам в голову?

— А почему нет? Собака ест и здорова, как собака, а что с нами сделается? Абсолютно, ничего. А я даже боюсь начинать об этом разговор — сбесится! А вы, как посторонний... Я уверен, что она от нее не поправится, а сыта будет. А нам больше ничего не надо...

А тут, как раз пришла жена Сидора Архаровича, довольная и сияющая.

— Вот повезло, купила для благоверного старый салат, а себе молодую редиску...

— Вот видите, вот видите! Почему же мне старый, а себе молодой? Почему?

— Голубчик, старый салат ты прожуешь, а об молодую редиску зубы сломаешь, а они у тебя вставные. Хочешь пойти к зубному?

— Нет, нет. Что ты? Это мне не по зубам.

И толкнув меня под столом, прошептал:

— Скажите ей...

— О, — начал я, — Екатерина Сильфидовна, — как вы смотрите на то, чтобы ваш супруг перешел на подножный корм?

— То есть?

— Продается корм для животных. Для собак, кошек, птичек, золотых рыбок. Он дешевле нашего и вот моя идея...

— Дорогой мой. Эта идея никак не ваша, а моего ступида...

— Я — ступид?! А ты ступидиха!!!

— Я уже два раза обнаружила в сорном ведре банки из под собачьей туны. Ему нравится — пусть ест, а я не сумасшедшая. Он уже во сне лаять начал. Наверно хочет сто лет прожить и отказывает себе в насущном, а мы в Америке и при инфляции не помрем с голоду, это не Советский Союз!

— Вот видите, вот видите! — воскликнул муж, — она еще себе платье купить хочет.

— И буду, и куплю, и не в «Сальвейшен Арми», а настоящее. Для того и работаю.

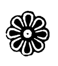
— О, Господи! Вы видите в каких условиях я живу? Если вы собираетесь уходить, то я вас провожу.

И мы вышли. Хозяйка нас не задерживала.

Когда дверь за нами захлопнулась, его глаза зловеще сверкнули.

— Ничего, ничего. Я ей такие биточки сделаю, что никогда и не узнает. Я могу, я пробовал.

И засмеялся нехорошим смехом.

"САМИНЕКС"

МНЕ недавно рассказали житейский случай, в котором косвенным образом, если не главным, принимала участие старушка, напоминавшая своей внешностью наших старых, уходящих в далекое прошлое, нянь. Но только внешностью. В остальном она оказалась вполне современной.

Она вошла в вагон скорого поезда Сеаттл—Сан-Франциско, предъявила билет, весело обменялась репликами с кондуктором и начала устраиваться. Он внес в вагон ее чемодан, а большую, старую, ковровую сумку она несла сама. Из нее (из сумки, конечно) уютно торчали спицы для вязанья и виднелись комки шерстяных ниток. Усаживаясь, она спросила кондуктора много ли пассажиров едет (— осталось пять минут до отхода —), но он сказал, что мало, т. к. цены на билеты поднялись, и люди предпочитают брать автобус, и дружески добавил, что поесть в вагоне-ресторане сегодня стоит очень дорого, а есть-то надо три раза в день. Старушка одобрительно кивала гловой.

— Знаю, милый, знаю. Я то к внукам еду, то к детям в гости, меня все выписывают к себе погостить или малышей понянчить так, что я все испробовала. Только самолетом не летала. Это нам молчаливому большинству не по карману. Зато, у меня, — она показала на сумку, — тут целый ресторан: и какао горячее и пироги, и гамбургеры и булочки, и сандвичи, и ветчинка и даже кэтчуп везу. Все свое. Люблю покушать. Да и аптечка со мной, и витамины и таблетки, для сна и для нервов, и от кашля, и от простуды. Все есть. Иной раз едешь, а мать какая-нибудь мучается с ребенком, того кашель разры-

вает. Я ему чайную ложечку «Петрусина» или еще что-либо. Смотришь — успокоился и заснул. И мать рада, да и пассажирам легче. Кашель многим спать не дает.

Кондуктор тоже понимающе кивал головой, а потом пошел по своим делам. Ведь в Америке уже переводятся такие старушки. Другая войдет в вагон трамвая или автобуса, а щечки розовые, губки красные, шляпка зеленая, юбка желтая. Да и какая это юбка? Намек. А даме уже далеко за шестьдесят. Она сядет, а ноги, как колоды и весь фундамент, на чем она держится, наружу. А она не унывает, щебечет так, что никто и слушать не хочет.

А ведь старушка — этого у нее не отнимешь. Да, разные старушки бывают, а возраст — одинаковый... Она еще спросила проводника:

— Если мне будет неудобно, я смогу пересесть на другое место или перейти в другой вагон? Я капризная.

— Конечно, конечно, а я помогу нести чемодан, — и ушел.

А она сразу же одела другие очки — домашние, так сказать хозяйственные — круглые, в медной оправе, достала из сумки недовязанный детский свитер, и спицы тихо позвякивая, замелькали в привычных руках. А если прислушаться то было слышно, как она мурлыкала какую-то мелодию.

За минуту до отхода, в вагон ввалился солидный дядя, прекрасно одетый, с большим чемоданом и портфелем в виде чемоданчика. Он явно запыхался, так как боялся опоздать. Усевшись на свое место, снял шляпу, вытер вспотевший лоб и довольный протянул ноги в новых, красивых, желтых туфлях. Поезд тронулся и он достал из заднего кармана металлическую плоскую фляжку и отхлебнул два небольших глотка. Радостно вздохнул. Пассажиров в вагоне было не более пятнадцати.

Мужчина раскрыл свой изящный портфель и достал оттуда солидную рукопись, уже отпечатанную на машинке. Читая, он делал попутные исправления, дорогой золотой ручкой. Когда, спустя час, проводник шел через вагон, он спросил:

— Вагон-ресторан уже открыт? Можно поесть?

— Только через два часа, в двенадцать.

— Ух, ты. Еще два часа ждать? — проводник улыбнулся и ушел.

Старушка слышала этот разговор и отложив в сторону вязанье, достала из необъятной сумки большую белую салфетку и постелила ее на соседнее, с собой кресло. Затем на салфетке, как на «скатерти-самобранке» появились бутерброды, термос, чашки, спелый помидор, колбаса и всякая другая снедь.

— Прошу вас, — сказала старушка, — со мной откушать чем Бог послал.

— Что вы?! Что вы?! — замахал руками пассажир, — я обожду, я не хочу есть, я еще успею, я не голодный, — он просто растерялся.

Старушка дала ему высказаться, а потом (он сидел в ее же ряду, только у противоположного окна) встала и понесла ему бутерброд с сыром и чашку горячего какао, из термоса. Тот даже подпрыгнул.

— Да, что вы? Да зачем же? Да, ради Бога! Ну, что вы в самом деле? — и пересел в ближнее кресло так, что теперь между ними и импровизированным столиком старушки, был только проход вдоль вагона.

— Ешьте, дорогой ешьте! У меня сын такой, как, вы. Тоже мечется из города в город и ест, как попало, и где попало и что попало.

— А что же он делает?

— Рекламирует различные товары. Разъездной агент от фирмы. А в Спокене семья, дети. Кормить же надо? Не легкий хлеб у него.

— О, да, я понимаю, я знаю, — жевал ее собеседник. — А вы почему не едите?

— Буду, буду. Только, простите меня старую, дайте мне хлебнуть из вашей фляжки. Свою-то забыла у сына.

— О, Господи, конечно, конечно, — и он налил ей в металлический стаканчик.

Так кушая и задушевно разговаривая, они продолжали свой путь. А когда негр из ресторана прошел по вагону, объявляя о его открытии, мужчина пошел и принес старушке бутылочку севенапа и два яблока.

— Спасибо, дорогой. Эти напитки я не пью, желудок не держит, а яблочки — внукам.

И они подружились. Она рассказала о себе, а он оказался кинописателем и ехал в Холливуд (через Сан-Франциско) с готовым сценарием, где его с нетерпением ждали. Он рассказывал своей собеседнице содержание буду-

щей кинокартины, а она ему о своих детях, внуках и старческих немощах. Он вспомнил о своих:

— Я не больной человек, но со сном у меня не ладно. Засыпаю с большим трудом, ложусь нерегулярно. Пишу вечером, а то и ночью, а потом под впечатлением написанного долго думаю и не могу уснуть.

— И у меня, родной, так бывает. Я хоть и не пишу, но много думаю. Много и о всех...

— Вот, вот. Одним словом у нас обоих сон хромает. А без сна человек чувствует себя разбитым и не в своей тарелке.

— Нет, уж, дорогой, точно, как в чужой тарелке. А вы молодой еще и изведете себя сна лишившись. Это ведь самое главное для здоровья.

Она порылась в сумке и достала оттуда коробку из-под сигар.

— Вот моя дорожная аптечка. Все тут, на все случаи жизни. Но и не только для себя, но и для людей тоже. Вот вы в дороге, съели что-то, вас тошнит. Пожалуйста — эту розовую, и все как рукой снимет. Или расстройство, скажем — эта микстура. А вот для сына держу: он нервничает, волнуется, а я ему пилюльку и успокоился, все в порядке.

Потом писатель опять принялся за работу. Вечером уже перед сном, он сказал с беспокойством.

— Вот, завтра у меня важные встречи и деловые разговоры, а если не посплю, как следует может не смогу отстоять мой сценарий. Обо всем приходится спорить и отстаивать свою точку зрения.

Старушка заволновалась.

— Говорю вам, как мать, как друг, как пожилой человек, — она порылась в коробке, — вот мои таблетки «Саминекс». Они продаются без рецепта, но действуют удивительно. Вы встаете бодрым, свежим и спите, как ребенок всю ночь. Я и в дороге и дома, да и когда гощу у детей, и сама принимаю и им даю. Сын всегда возит с собой. Я ему в карман кладу. А вам по дружески говорю, как сыну, примите как я, одну на ночь и не раз меня вспомните. Только уж не пейте из фляжки. Это отпадает. Вот еще мы с вами покушаем по-дружески, перед сном, а часиков в девять-десять, как и я, примем по одной и пойдем «баиньки».

Писатель был растроган. Давно уже с ним так ласково никто не говорил. Жена только о деньгах, а дети... Лучше и не спрашивайте.

Он еще поиграл со старушкой в карты, в игру «хард» называется, пошутил, посмеялся и по-просту говоря оттаял. Это были простые человеческие отношения, от которых он давно отвык. В Холливуде дела и вопрос денег, а дома лицемерие и вечное недовольство и им и всем окружающим. А тут простая, бескорыстная старуха отнеслась к нему, как к родному сыну, с заботливостью матери и друга.

Часов в десять он сам напомнил ей о таблетках.

— Ой, Господи, а я так хорошо себя чувствую, что о ней и забыла. Давайте примем: как-же как-же!! — она опять достала свою заветную коробку и обнаружив склянку с «Саминексом» достала одну для спутника, а другую для себя. Он запил «Севенапом», а она сказала, что и так проглотит.

— Вы и туфельки снимите — с материнской заботой сказала бабушка — пусть ножки отдыхают, дышут, так сказать. А я всегда на ночь одеваю в дороге шлепанцы. Это для усталых ног незаменимо.

И правда, на ее ногах уже были синие бархатные туфли вышитые ярким бисером.

— Все моя работа. Жили бы мы с вами в одном городе, я бы вам и чулки теплые связала, как сыну, ей Богу.

Еще с полчасика поговорили и отошли ко сну. Все уже спали.

* *

Проснулся драматург от грубых толчков проводника.

— Мистер, эй, мистер! Да, проснитесь же! Уже приехали. Все давно вышли, а я случайно зашел, а вы спите!

Писатель тяжелым, непонимающим взглядом посмотрел вокруг и начал приходить в себя.

— Крепко спите, — сочувствующе сказал проводник, — а где же ваши туфли-то? Правда, их не было. Впрочем не было и большого чемодана и маленький, со сценарием тоже исчез! Вот теперь дядя окончательно пришел в себя и вскочил. В одних носках, по мокрому снегу, чуть

не плача, пробежал он по перрону и сидя у начальника вокзала рассказал полиции всю эпопею.

Все молча слушали, потом человек в штатском, по-видимому детектив, спросил:

— А у старушки была ковровая сумка, на ногах шлепанцы, показывала карточки детей и внуков?

— Да, да. Точно так и было!

— Ишь, ты, ловкая. Она прежде на линии Чикаго—Нью Йорк работала, а теперь переехала в теплые края. Старость — не радость.

— То-есть? Что это значит?

— А это ее специальность: усыпить, взять, что можно, и на ближайшей станции выйти. Потом она берет такси и уже на автобусе едет в обратном направлении. Чемодан ваш идет в багаж. Пока кинутся разыскивать, так она уже три автобуса переменит и заметет следы. Так называемый «сын» потом выкупит чемодан, и через недельку-две она уже в Канаде или во Флориде.

— Боже мой, но она же отнеслась ко мне, как к сыну...

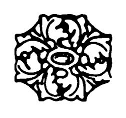
— Но спали хорошо?

— Да, но проспал свой сценарий и кинокартину и гонорар.

— Не беспокойтесь, она честная. Она все вернет по почте. Это ей не нужно.

И правда. Через неделю сценарий был получен (на нем был адрес) с припиской: «Не обижайтесь, дорогой. Вы живете тем, что пишете. Ну, вот и опишите это приключение. Уверена, что оно вам даст больше, чем мне встреча с вами. Желаю успеха. А туфли ваши мой сын носит и благодарит. Писать мне не надо, я вечно в разъездах», и подпись.

Вот, что мне рассказали.

ДЕНЬ ГРУСТНОЙ КУЛЬТУРЫ

Колония, как колония. Небольшая, но дружная. Так и жили крепко держась друг за друга. Буйно подрастала молодежь и сразу же переключилась на английский язык, потому что школа и улица делали свое дело... Попытки родителей спасти русский язык были тщетными и если в некоторых семьях дети говорили по-русски и если еще читали, то это счиласоь чудом. Но чего это стоило родителям — никто не знал. А родители и не хвалились. Это была дорогая цена: и спорами и угрозами, и упрашиваниями и подарками и личным примером. Не всем была под силу эта борьба, и большинство складывало лапки и плыло по течению.

Согласитесь, что если в одной комнате, мать у иконы шепчет: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко!», а в другой надрывается пластинка с Битлс — добра от этого не будет, но на рожон не полезешь и так это в одном доме уживалось, пока еще птенцы не вылетели. А как этого не хотелось родным, и как этого хотели птенцы!..

Самое плохое наступило когда раскололась церковь и стало их две. На фразу:

— А вы собственно какой юрисдикции? — следовал ответ.

— А вот оно что. А я не вашей!

И в связи с этим затрещали все кружки, объединения и союзы. Иногда получался просто анекдот: председатель и секретарь ушли в другую церковь, а казначей и половина членов — в этой. Объединение хирело и умирало. Нельзя же все-таки (к примеру) при 18 человеках иметь два союза ветеранов или при 7 — две кают-кампании. Смешно. И дело замирало.

А кто-то третий — смеялся и радовался! Всякая культурная и общественная работа разваливалась потому, что зачах драм-кружок, рассыпались инженеры и угасло объединение сестер милосердия и если собирались в клубе, то выпивали, пели и немного танцевали под радиолу.

Но не все смирились! Кое кто сознавал, что если почти нет хора при церкви и треснула казачья станица, то из этого не следует, что надо опускаться на дно. Конечно, возраст брал свое, но пока есть порох в пороховницах надо биться до последнего. Хотя таких было и мало, но бились! Вот, в частности в этом вопросе о «Дне культуры». Хотелось каждый год хоть как-нибудь отметить этот торжественный для русских день. А тут еще подвернулся американский праздник «Празднование 200-летия со дня основания Америки». Конечно, она это отметила с размахом достойным этой великой страны, но и другие нации, населявшие этот небольшой город: и скандинавы, и немцы и югославы и итальянцы, провели соответствующие вечера или концерты. Ну, а как же отстать нам — русским?!

И тут, мадам Бисквитная (активистка нашей колонии) показала себя во всем блеске. Она не только обзванивала и дергала всех кого нужно, но даже ездила на дом и уговаривала, стыдила и призывала к сознательности.

— Да, я уж и не знаю, право. Когда-то, правда, танцевал и соло и в дуэте, а сейчас... В коленках так хрустит, как будто по стеклу хожу. А если упаду?

— И ничего. Ноги раздвинете, и люди подумают, что это ваша концовка.

— Как раз может и получиться настоящая концовка.

— А то еще можно и так: я ведь тоже не лыком шита и когда-то в балетной школе подвизалась. Вот и изобразим вместе «умирающего лебедя».

— Здравствуйте, вдвоем?

— Ну и что? Два лебедя. Лебедь и лебедка. Очень эффектно получится.

— Ну знаете, «це дило треба разжуваты».

Потом она нашла человека, который когда-то играл на баяне и сейчас помнил только «Голубой Дунай».

— Ничего, сойдет на нашем базаре.

Скрипач на покое Игнацио Ликьоров (до получения паспорта он был Игнат Водочкин) согласился выступить, но требовал, чтобы ему достали скрипку только Страдивариуса. Бисквитная сразу же обещала. Нашелся и певец который сознался, что он просто актер.

— Я играл и Шекспира и Отеллу и других авторов, но голос у меня в эмиграции открылся. В Советском Союзе я был лишен голоса.

Медленно, но верно программа составлялась, но сколько сил, нервов, хитрости и лести требовало ее создание. Люди капризничали, отказывались, соглашались, ставили требования. Комиссия (была создана такая) делала акцент на русский репертуар, русскую музыку и русский язык, а оно не получалось, но неутомимая мадам Бисквитная всех успокаивала и ободряла.

— Знаю, знаю, но легко говорить. Попробовали бы сами с этим народом.

Она была права, но что-то скрывала. Главным и боевым номером, она готовила свою дочь Лелю, которая должна была продекламировать «с чувством, толком и расстановкой» какую-нибудь вещь русского писателя... Мать выбрала «Стрекозу и муравья». Когда-то в дни оны она читала эту басню на школьном утреннике и имела шумный успех. Теперь она хотела создать такой же успех и дочери. Разница была только в том, что Леля по-русски понимала через «пень-колоду», но не говорила, даже за деньги. Значит надо было ее «натаскать», заставить вызубрить и пусть оттарабанит громко и смело, а то, что не понимает о чем говорит, это дело второе. Кто об этом догадается? И вот по два-три раза в день мать и дочь вымучивали друг-друга. Леле была обещана пятерка, но не как классная отметка, а зеленая пятидолларовая бумажка. Мать читает, дочь повторяет. Потом дочь пытается повторить, а мать тут же подсказывает. Бились долго. Как это отчаянная мамаша могла рассчитывать на успех — непонятно. Но создавалось впечатление, что дочь все же выучила. Но на утро оно рассеивалось. И опять начиналась зубрежка. И только из программы любопытные узнали, что Лелечка Бисквитная исполнит мелодекламацию «Стрекоза и муравей» по басне Крылова. Слово «мелодекламация» было пущено для пущего

блеска, т. к. никакой музыкой исполнение не сопровождалось. Гордая мать была уверена в успехе, хотя знала, что дочь ее смелостью не обладает. А отец так просто боялся идти.

— Опозорит на всю колонию!

— Волков бояться в лес не ходить! А у нас одни бараны. Вот увидишь!

И торжественный день наступил. Утром «еще раз, много раз» мать и дочь прочли — (Леля повторяла) текст написанный матерью. Там было:

«Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза! Потемнело чисто поле (с грустью произносила мать), нет уж дней тех ясных боле (мать мрачнела), где под каждым ей листком был готов и стол и дом. (она в отчаянии разводила руками и никла головой). Все прошло с зимой холодной, стрекоза уж не поет. И кому ж на ум пойдет — на желудок петь голодный». Злой тоской удручена к муравью ползет она (мелкие шажки по сцене). «Не оставь меня кум, милый», (заискивает Бисквитная — старшая) «дай ты мне собраться с силой и до вешних только дней — накорми и обогрей!» — «Кумушка» (это басом), «мне странно это. Да работала ль ты лето? — муравей ей говорит. — «Ох, до того ль голубчик было? В мелких муравах у нас — песни, резвость, каждый час! так что голову вскружило.

«О? Ты все пела (злая ирония в голосе)? Это дело. Так пойди же попляши».

— Ну, понятно? Это же пустяки такие.

— Хорошие пустяки, — дрожала дочь, — я уже и пятерки не хочу.

— Ну и дура. Я бы это за три доллара прочитала.

— Ну и прочитай. Папа даст тебе три доллара.

— Папа?! Плохо, брат, ты знаешь своего папу. Он за фифти цент задушится.

Как прошла вся программа рассказывать не будем. Тот, кто живет в колонии вышеуказанного ниже размера — знает. Один исполнитель не пришел, другой опоздал, третий отказался, четвертый врал и фальшивил, пятый заменил заболевшего, шестой забыл слова и музыку, седь... Ах, да что говорить... Но когда конферансье (мадам Бисквитная) в декольтированном платье, на самом низ-

ком уровне и на каблуках, как копыта, на самом высшем уровне, с сияющей улыбкой объявила:

— А сейчас Леля Бисквитная прочтет басню Крылова («Стрекоза и соловей»).

В зале раздался смех и чей-то наглый голос крикнул:

— Нет такой.

— Как нет? Это же моя дочь!

— Дочь есть, а басни такой нет.

— Ох, извините. «Стрекоза и муравей», — запуталась мать и ее ошибка оказалась роковой. Она вывела на сцену трепещущую дочь, погладила по головке и прошептала улыбаясь.

— Не дури! Сто раз учили! Главное не бойся. И смотри на меня! Андестенд?

А вот смелости то у Лели не было. Черный зал, в котором было понатыкано так много голов, смутил ее окончательно. Она молчала.

— Ну?! — прошипела мать из-за кулис. — Давай, давай!

Девочка открыла рот и что то прохрипела.

— Громче, Леля, громче! — раздалось из зала.

И она начала путаясь и заикаясь.

— Состригунчик-попрыга то-есть Попрыгунчик сострига. Квасня Брылова.

Лето красное проела
Успегнуться не оглела,
Как зима глазит в кота...
Почистело мертво поле,
Нетуж дней так, дней поболе,
Как под листым ей каждом
Был потом и стол и дом.
«Все прошло с хомой зилодной
Стрекозей уж не поет!
И к кому же кум пойдет,
На желудок петь не модный?
Злой друкой утолщена
К ползавью мурвет она.
— Не оставь меня кум хилый,
Дай ты мне согреться с силой,
И до днешних только вей,

Проморги и обмокрей...
— Страннушка мне кумно это,
Да работала ль ты летом?
Муравьит ей говорит.
Да, голуб товольчик было,
В мягких мўркавках у нас,
Песни, резность, чашкий квас,
Так, что кружево взглавило!
— О, ты вся пела? Это смело...
Бело... Тело... Съело...
А так ты... Я... Без души?
Так давай, давай — пляши!!!

И вся в слезах Леля убежала за кулисы.

Мать стояла ни жива ни мертва. Давно уже так не хохотали у нас в колонии, как в этот день. Гром аплодисментов и крики не прекращались. Обалделая мамаша шесть раз выводила свою дочурку по требованию публики, но она и до сих пор не понимает, что же той понравилось?

А вам?

РОКОВАЯ ОШИБКА

УДИВИТЕЛЬНАЯ женщина! Просто удивительная во всем, хотя бы сначала. Офелия Гамлетовна Картинная. Картинная через два «н». Этим она подчеркивала свое иностранное происхождение. Да и судите сами. Где вы видели у русских такое имя и отчество? Офелия Гамлетовна. А вот вам наглядное опровержение. Есть такая! Правда, в далекие времена, она была просто Феня, а уж потом, идя в ногу с эпохой, «ошекспирилась» и стала еще Гамлетовной. Как звали ее отца по-настоящему, так никто и не знал. А потом война, беженство, эвакуация, переезды из страны в страну и наконец Америка. Ну и кому интересно, как звали отца Фени Ракитиной. Со временем тут одна буква стерлась, другая пристала, третья переставилась и стала женщина Картинной. А была интересной, пикантной даже. И такое «заглавие» говорило только об ее вкусе и понимании того, что важно в жизни. А жить с фамилией Говядины или Оплеуховы не очень приятно.

А теперь о ее внешности: красивый профиль и слева направо, и справа налево. А это не всякому удается! Волосы? Пышные и в зависимости от необходимости — яркая брюнетка или жгучая блондинка! Ну, а если уж очень нужно, то и шатенка, или ярко рыжая, или даже платиновая. Дамы зло говорили, что у нее прическа — «вихри враждебные веют над нами». А ей наплевать! Говорите, сколько хотите, но держите мужей на привязи, а то... Ресницы — восторг! Она покупала самые дорогие. Губная помада девяти оттенков, в зависимости от климата, времени года и потребности. Была даже синяя у нее как символ глубоких переживаний. А ино-

гда отчебучит одну губу ярко красной, а другую — бледно-розовой. Это, мол, темперамент играет! На это не всякая женщина пойдет, а вот Картинная шла. Чутье ее не обманывало. Мужчин это волновало. И какая-нибудь Марья Никитишна ее возраста и комплекции тускнела в присутствии Офелии Гамлетовны и сходила на нет. Ну, как ее любить за это?!

То, что она третий раз замужем, это не минус, и в наши дни даже большое достоинство. Каждый брак приносил ей только выгоду. Ни о каких чувствах (с ее стороны) не могло быть и речи... Ногти накладные от багровых до бледно серебряных, в тон к платью. А глаза?! Глаза-то ведь зеркало души. Лучистые, яркие и цветные, потому что «контакт-линзы» надевались смотря по платью или сезону, или какая встреча предстоит, и вообще все делалось тонко, со вкусом и пониманием мужской психологии.

Шея — красивая, отнять нельзя, но следы возраста (морщиночки и полоски) прикрывались чудесными восточными шарфиками, небрежно повязанными, или закрытыми платьями, как у артистки, играющей по тиви в программе «МОД». После аристократической шеи-лебединой, просто — шло то, что является лучшим украшением женщины: царские плечи, великолепные руки, королевская грудь, величественные бедра, придворная походка и демократическое поведение. Это значит, что Картинная не зазнавалась и из каждого знакомства извлекала максимум пользы. Это тоже надо уметь. Будь она мужчиной, давно бы была дипломатом. Чтобы заполнить картину описания внешних и внутренних данных Офелии Гамлетовны, закончу графскими (особенно левая) ногами в туфлях со стеклянными каблуками и малюсенькими — на балах — на них колокольчиками. Так, что когда эта королева шла, они позвякивали, как шпоры у гусар, малиновым звоном.

— У, гадина! Рекламируется, — общее резюме прекрасного пола.

А уж употреблению косметики и всяких «мекапов» мог бы позавидовать любой профессионал. Женщины сгорали от зависти и осуждали ее изо всех сил. А ей наплевать. Она своего добивалась и поклонников хватало. А это главное!..

Конечно, другие писатели нашли бы поярче краски на своей палитре при описании этой женщины, ее красоты и привлекательности, а я при скудности своего воображения ограничивался одними прилагательными. Может быть и не получилось так ярко, как хотелось, но представление читатель все-таки имеет. Скудное, но вполне картинное имеет! А мне больше и не надо. Сказать, что все ее браки были бракованные, это значит присоединиться к хору клеветников, а я не таковский, тем более, что и мне она здорово нравится. Справедливость и честность ее оценки залог моего успеха у нее.

Вот, хотя бы первое замужество: оно состоялось в Баварии, в лагере Пюртен № 1. Там люди занимались чем только могли, чтобы улучшить свое существование. И некто под фамилией Чернилов начал разводить свиней, потом колол и продавал сало, сырое и копченое. Дело было поставлено на широкую ногу: кухня на кормежку свинок давала отходы от обедов, а комендант получал ежемесячную мзду. Рука руку мыла, а иногда и вытирала. И наша Офелия предложила свиноводу свою помощь по уходу за этими милыми животными. Тот, холостяк, решил, что и тут можно кое-чего достичь и согласился, а она преданно и умело носила в закут корм, убирала грязь и сор после свиней. Как она подложила свинью их хозяину, никто не знает, но увидев его деловой размах и кучи денег, которые Чернилов привозил из Мюнхена, отвозя туда сало, Офелия заморочила голову свиному Гамлету, они поженились, и она сразу же бросила возню с юшкой и чавкающими питомцами, а организовала продажу сала в более широком масштабе; мужа держала в черном теле и закупала валюту. К моменту отъезда за границу у супругов была более чем приличная сумма денег в долларах и в драгоценностях. А на пароходе она отколола номер, прибежав к своему Семену, вся дрожа и в слезах.

— Помощник механика мне сказал. что будет повальный обыск всех вещей. Все, что относится к валюте, заберут, да еще осудят и засадят в тюрьму! Где наше золото, доллары и бриллианты?

Тот, трясясь, сказал, что в желтом чемодане и у него в подкладке.

— Давай! У женщин искать не будут. Это ж американцы — и вся под платьем обвесилась кулечками и мешочками с драгоценностями. Ты же держись от меня подальше, чтобы и тени подозрений на тебя не навести!

Обыска не было, но держала своего Семена все время под угрозой. Обратно ничего не положила, и когда приехали в Нью Йорк, она на пристани исчезла, так как в пути успела завести роман с помощником механика, и тот увез ее к себе в Чикаго. Тут она осваивала американскую жизнь и вникала в суть.

Пожив со своим вторым мужем и осмотревшись, она узнала, что в Нью Йорке большая русская колония и, оставив своего механика с его механизмами, она с кулечками и мешочками, даже не простившись, улетела и обосновалась на ферме Рова. Но тут ей показалось и скучно, и невесело, хотя жизнь тут била ключом. Но особенно ей стало скучно, когда она увидала своего Чернилова живым и здоровым. На его вопросы, куда она исчезла, она со слезами рассказала (умела плакать когда надо), как ее арестовали сразу же на пристани, но она его не выдала. У нее все отобрали, она отсидела четыре месяца и потом ее отпустили без суда. Муж был растроган.

— А я, брат, тебе тогда не все отдал. Часть оставил. А вдруг не заметят. Так, что я и тут не пропал.

— А что б ты пропал, — подумала она и уже через полгода очутилась в Сан-Франциско, получив развод. Судья ее спросил:

— По какой причине вы требуете развод?

— У нас полное несходство во взглядах.

— В чем это выражается?

— Я хочу развестись, а мой муж не хочет.

Суд пошел навстречу бедной женщине.

А здесь случилось такое: как-то она подъехала к газолинке (уже была своя машина) и решила переменить масло. Пожилой хозяин не торопился, с удовольствием поглядывая на интересную клиентку.

— Тоже копается, черт лысый! — сказала она негромко.

— Так как я здесь один мужчина, то следовательно, черт лысый — я, — прозвучало по-украински. Она весело захохотала. Вот ведь совпадение.

— Какой шутник. Значит вы русский?

— Да, нет. Полуполяк-полугаличанин. С под Белоруссии. Да, отошел от них. Дел много; у меня ведь четыре газолинки, а сегодня я здесь, так как заболел рабочий. Обычно я не работаю, а только объезжаю, контролирую работу и собираю деньги. Вот стоит моя лошадка!

Да, в стороне стоял красавец Кадилляк, сияющий и блестящий. Последняя модель. Эта машина решила судьбу ее хозяина. Картинная теперь брала бензин только в его газолинках и имела кредит. Она сказала, что она вдова и в одну из встреч подтвердила, что ищет честного, могущего ее полюбить человека. И прослезилась.

— Я знаю такого, — радостно сказал газолинщик. И они поженились.

Он оказался богатым разведенным мужем со взрослыми детьми, жившими отдельно от отца и матери. Теперь у «молодоженов» оказался очень хороший дом, прекрасно и дорого обставленный, со всеми новинками техники, которой славилась Америка! Офелия каталась, как сыр в масле. Вот подвезло! Однажды даже супруги поехали в кругосветное путешествие, а старший сын (ничего себе парень, как отметила Картинная) в это время жил в доме, да еще получал от отца двести долларов за эту услугу.

Но жизнь с пожилым супругом мало радовала не особенно молодую жену, и она стала бывать в Русском Центре, завела обширные знакомства и флиртовала во-всю. Супруг один раз поехал с ней, но отсутствие в буфете «хат-дога», «Пепси-Колы» и жареной кукурузы разочаровало его. Он сказал:

— Недаром у них в России ничего нет. Все от нас вывозят.

Больше он туда не ездил, а Офелия Гамлетовна «развернулась». Вот тогда-то ее возненавидели все дамы-посетительницы и активистки, и никто (почти никто) Картинную к себе в дом не приглашал. А она и не стремилась к этому. Она прекрасно обходилась и без их домов. У нее свой был! Злая на язык ее подруга пустила про нее крылатую фразу:

— Кокетка с круговым обстрелом. Всех желает обольстить! Всех!

Она только смеялась. На ловца и зверь бежит, — говорит народная мудрость, и «кокетка» не скучала, еще больше веря в свою неотразимость.

Как-то, кто-то видел ее на Гавайях с каким-то арабским шейхом. Они были в ювелирном магазине, и он шел сзади нее, катя перед собой коляску из продуктового магазина. Размах!!!

А на пляже она была в купальных трусиках, сделанных из... из... Ну, вы помните, когда-то в старину у нас в России шили лоскутные одеяла из сотен кусочков разноцветного материала? Помните? Ну вот, ее купальник (плюс бюстгальтер) состоял из шести кусочков шелка, кисеи, парчи, тюля, бархата и чертовой кожи. А сзади позванивали все те же колокольчики, но только не на пятках, а значительно выше. И звучали они громче. Может резонанс получался?

И вот, что с ней произошло:

Имея кредитные карточки, она посещала хорошие магазины, где покупала себе дорогие и красивые вещи. Все отборное и самое лучшее. А из поездки с мужем она привезла из Аргентины сумку. Но какую? Из крокодиловой кожи, с ручкой из позолоченных колец, с карманчиками, отделениями, замочками. Очень красивая. Вот это тогда муж ей сказал:

— Вы, женщины, многим обязаны животному миру.

— То есть? Что ты хочешь этим сказать?

— А вот, дорогая: котик вам дает мех для шубок, крокодил — кожу для сумок, теленок — для пальто, змея — для туфель, лайка — для перчаток, козлик — на сапожки, чернобурая — на шею, овца — каракуль, верблюд — шерсть на жакеты и, в конце концов, всегда находится еще и осел, который за все это платит!

— Что ты хочешь сказать? Это закон природы. Мир так устроен. Мы, женщины, не собираемся этот порядок менять. Тогда вам нечего будет делать! Понял?

Да, так с этой сумкой она просто не расставалась. До того она была красивая и дорогая. Всегда с ней. И на этот раз она зашла к Пенни, хотела купить мужу ко дню рождения подтяжки, так как он ей купил (безо всякого дня рождения) каракулевый сак. Но тут ей понадобилась туалетная комната и она помчалась туда, где она была.

Я не знаю, как удругих, а у Пенни кабинки не сплошные, а их стены начинаются, примерно на фут от пола. Крючка, на который она могла бы повесить сумку, не было, и Картинная поставила ее на пол и села. В самый разгар событий, сумка дернулась и исчезла.

Грамотные люди, а особенно дамы, знают, что в таком виде не выскочишь из кабины, а когда уже можно было, то никого не было. Боже мой! Боже мой! Ее любимая сумка! Все карточки, вся ее походная косметика, деньги... Ну, одним словом — все! Но это «все» — ерунда. Главное — сумка. Сумка! В Америке такой не купишь! И Офелия Гамлетовна побежала в контору магазина. Здесь, плача и захлебываясь от слез, она поведала сотруднице свое горе со всеми подробностями и о том, как выпорхнула сумка из кабины. Сотрудница сочувственно кивала головой.

— Это не первый случай, мадам. Не первый. И не только у нас. Но могло быть и хуже!

— Что хуже?

Та пояснила.

— Ну, это не страшно, а вот сумки такой я не достану!

Сотрудница все записала и даже при пострадавшей позвонила в полицию и все рассказала. Оттуда равнодушно ответили:

— Пусть забудет. Сто случаев в день. Есть дела поважнее, — и повесили трубку.

— Ну, что они сказали?

— Все записали. Расследуют и позвонят.

От слез у Офелии получились потеки на щеках и под глазами, и сердобольная конторщица дала ей свое зеркальце и все остальное, чтобы устранить недостатки.

— Нельзя же в таком виде выйти на улицу!

— Вы — милая, спасибо, — вздыхала Картинная.

Полная горестных переживаний, она поехала домой, взяв у конторщицы на автобус. Не успела войти, как зазвонил телефон и женский голос сказал:

— Госпожа Занудко? (Это после Картинной-то!). Могу вас обрадовать. Можете приехать за своей сумкой. Она уже у нас. Не откладывайте! Мы ждем.

Господи, везло ей в жизни! Часто везло! Но чтобы такое везение?! Она выскочила, в чем мать родила (я преувеличиваю) на улицу и побежала к остановке автобуса. Знаете, когда нужно и тогда нет? Так и тут, но дождалась. Приехав, побежала в контору магазина и по пути все думала:

— Как? Почему? Почему вор не унес сумки?! — и сама же отвечала:

— Он не рискнул днем идти в лифт или по улице с такой бросающейся в глаза сумкой. Он попросту вынул содержимое, плюс 137 долларов, а ее бросил. В общем, как и почему — не важно. Главное, что сумка нашлась! И когда она уже подходила к дверям конторы, ее окликнул красивый тенор с такой же наружностью:

— Госпожа Занудко? Минуточку, — жгучий красавец отогнул борт пиджака и там, на левой стороне жилета, где бьется сердце (и какое, наверное!) блестела золотая эмблема полицейского управления, — вы за сумкой. Знаю, знаю. Я позволю себе задержать вас на несколько минут для уточнения некоторых обстоятельств. Вор почти в наших руках. Нужны детали... Присядем?

К счастью, в коридоре оказался уютный диванчик. Бывшая Картинная не сводила глаза с говорившего. Много она видела на своем веку мужчин, но такого!

— Господи, погибаю!! — они сели.

— Дело в том, что я из Эффбиай. Часть из нас для усиления работы с уголовщиной перебросили в полицию, и вот я имею радость быть вам полезным! Его глаза говорили о многом, а другая пара глаз тоже не сидела сложа руки.

— Я вас слушаю, — простонала Офелия.

Мужчина раскрыл портфель, достал лист бумаги, похожий на анкету, и стал задавать вопросы, порой весьма вестактные, вроде:

— Что вы делали, когда были в кабине? — дама порозовела.

— Я... Я... Сидела.

— Ах, да, простите. И вы не видели лица похитителя? Не можете описать?

— Да, как же я могла. Он не подглядывал. А когда я выскочила, то его не было уже.

— Дело в том, что у нас есть веские подозрения на уборщицу магазина.

Они беседовали долго и обстоятельно. Потом он ей пожаловался, как ему трудно работается, как их травят в прессе, как вмешиваются в деятельность их полезной организации.

А она ему многое рассказала о себе, превирая конечно. Ей так не хотелось с ним расставаться. Такой милый и по всему видно, что работа ему не по душе. А когда он заикнулся, и так робко:

— Внизу есть кафетерия. Можно угостить вас чашечкой кофе? — она просто обмерла.

— О, Господи, конечно... Боже мой, что со мною делается?!

Они пили кофе, и тонкие ниточки дружбы и взаимной симпатии начали плести сети большого, взаимного увлечения. Она беззвучно шептала себе:

— Я потеряла сумку, но я ведь нашли любимого человека! Такое слово! Любимого?!

Она еще себе никогда в этом не признавалась. Да, этого никогда у нее в жизни и не было. И пока они (вернее он) говорили, Феня впервые в жизни почувствовала, что такое любовь! А он гладил ее руку и говорил о своей тяжелой жизни, полной ответственности и гнетущего одиночества... Если бы этот человек сказал: — Бросай все! Иди со мной! — она, не задумываясь, оставила бы своего, пропитанного бензинным духом и машинным маслом, супруга. Бросила бы роскошный дом с богатейшей обстановкой, все эти Кадилляки, наряды, счета в банке, драгоценности и пошла бы на страдный путь жены этого человека, каждый день рискующего своею жизнью, честью и репутацией.

— Сказать ему? Сказать?! Но ведь он ее не допрашивает, зачем же признаваться?! А вот, сейчас, сию минуту, он уйдет. И... навсегда, а она будет по-прежнему кривить душой, лгать, обманывать, увлекать и увлекаться, а спящее сердце будет безучастным свидетелем ее скучной(безрадостной жизни! Какой ужас!!!

Впервые в жизни она почувствовала, что ее сердце бьется не для нее одной... Ее глаза сияли. В них была (на этот раз) настоящая правда!

— Неужели?! Неужели она способна на настоящее жертвенное чувство? Она уже счастлива! А что будет, когда они будут вместе? Лишь бы он не ушел из ее жизни? А она... Она готова на все!

А когда Эрик — так его звали — попросил ее о встрече еще раз, но дружеской, а не служебной, она поняла, что и он не устоял... Да, но и она готова... Сколько их было, но такой легкой победы для него и сладкой гибели для нее, она никак не предполагала...

Они расстались, обменявшись номерами телефонов... Сказка любви дорогой! Прощаясь он поцеловал ей руку и ушел, унося в своей душе (наверняка) образ этой обаятельной женщины.

— Я позвоню завтра, дорогая!

Он ушел, а она смотрела на то место руки, где были совсем недавно его рубы. Она взяла пластиковую чайную ложечку, которой он размешивал свое кофе и поцеловала ее. Ведь там же были его губы! Она захотела положить ложечку в сумку, но... Тут только она вспомнила, что сумки у нее еще нет. Боже мой! Два часа пролетели, как сон!

Когда Офелия Гамлетовна пришла в контору и спросила о сумке, там ей удивленно ответили:

— Сумку? Так она же у вас украдена?.. Мы звонили вам, что она нашлась?! Да ничего подобного. Она и не нашлась, и мы и не звонили!

Объяснялись долго, но так и не пришли к общему знаменателю. А когда она упомянула о допросе ее агентом Эфбиай, сотрудница магазина крикнула:

— Езжайте сейчас же домой! Старый трюк!! Вас обманули!!! Вас задержали здесь нарочно!!! Езжайте, немедля!!!

Голубые небеса потускнели! И светлый день стал мрачным для Фени! Так вот оно что!! Господи, такое коварство!

Она бросилась на улицу, вскочила в такси и полетела домой... Да, дверь была открыта, а внутри было голо и пусто. Все вывезли. Все! Подчистую! Как злая насмешка, на столе в кухне стояла кастрюля из-под борща и в ней букет желтых роз, с запиской. «Никогда не забуду! Эрик».

Вот уже когда она наплакалась до отказа. И не так было жалко шведской мебели, голландских картин, персидских ковров, увезенного нового автомобиля Мерседес-Бенц, подаренного мужем на Валентайн день, и всей американской электроники в виде телевизора, стерео и

радио, как горькая обида жестоко обманутой женщины не давали покоя!

Ее обмануть?! Ее?! И кто?! Мужчина?! Как это пережить?!

Да, на другой день раздался звонок. Но это позвонили из магазина. Дело в том, что уборщица, унося «гарбич-кэн», обнаружила в нем пропажу. Она тоже знала всю эту историю и принесла сумку в контору.

— Алло, госпожа Занудко? Говорят от Пенни. Ваша сумка нашлась. Можете прие...

— Как же! Так я вам и поверила!! Ищите другую дуру!!!

И она со злостью хлопнула трубкой.

СКОЛЬКО ЛЕТ — СКОЛЬКО ЗИМ!

Оно, по правде сказать, никаких ни лет, ни зим не прошло, но все ж таки с Рождества я вам не звонила и не разговаривала, а хочется, аж язык зудит. А причина? О, Господи! Да болезни, да хвори разные и до того дошло, что и в госпиталь попала; Кирюша отвез. В боку колит, в спине тянет, в животе бурчит, в крови давление, а на сердце сомнение. Ну вот и отвез, сынок. Вся моя механизма рассыпается, смазать надо, подвинтить. А сам он, душой болея, раз в день заезжал спросить меня «что и как»... Даже невестка была два раза, ей-Богу. Все же хорошая она баба, хоть и американская. А внучка даже отца не спросила куда бабка подевалась. Нету, ну и хрен с ней. «Биг дил», как они говорят. А я все боялась, как буду в шпитале без английского языка. Вдруг доктор чего спросит, а я «ни бэ, ни мэ, ни кукареку». Так и тут мой сынок постарался. Сказал доктору, что он автами торгует, так тот меня сразу в палату, где какая-то полька лежала. А та и по украински хорошо понимает. Ну, мы с ней цельные дни «бла-бла-бла» и «яки-яки», аж другие пациенты взбунтовались, а нас там восемь в одной комнате. Им-то говорить не о чем, а мы с полькою обо всем можем и ничего нам не скучно... А смешно еще то, что в шпиталях санитаров и сиделок не хватает и берут они на этую службу кого попало, абы человек. Ну и получается: Раз я лежу и приходит негр, здоровенный такой бугай и талдычит мине чего-то. Я до польки.

— Что он трепется-то?

— А он говорит, что мыть меня пришел.

— Он?! Меня?! Да меня окромя мужа, ни один негр на свете не трогал.

— Да, он и не трогать, а мыть! Видите губка и ведро в руках?

— Нет, скажите ему, нет! Умру немытая, а ему не дамся.

Она ему переводит, а он смеется, зубы скалит.

— Не хочет — не надо. Я драться не буду. Ну, а ноги?

Ну, ноги дала. И представьте, отмыл ноги до бела, хоть и черный. Я б сама так сроду б не помыла... Нет, нет, я уже дома. Вчера Сулимовскую видала. Идет хромает. Где-то оступилась. Я ей от чистого сердца:

— Да, вы, милая, на больную ногу меньше ступайте. Больше ходите здоровой. Легче будет.

А она уставилась на меня, как баран на новые ворота и мигает:

— А как же это? — спрашивает.

— А уж это дело ваше, — отвечаю, — ноги-то не мои.

А недавно Кирюша повез нас всех в Зоопарк. Хорошо. И солнце и звери и только куры, петухи, да цесарки так просто ходют по аллеям, про-между людей. Сели мы в закутке, под кустиком, на скамеечке и кушаем, что невестка в сумке привезла. Смотрим идут два парня, хиппи не иначе. У одного в руках картонная коробка, а у другого куртка. И вдруг один, как прыгнет, как хлопнет курицу!!! Она и крикнуть не успела, как он ее в коробку, а сверху курткой припхнул, чтобы не кудахтала. И идут себе, как гуляют. Невестка к ним:

— Вы что же это делаете?! Вы что... — а они в ответ:

— Вы уже покушали? А мы еще будем часа через два! — и ходу из сада. Вот тебе и Америка! Докатилась! Скоро наверное при уходе из Зоопарка обыскивать будут. Как бы кто льва не спер; — ей Богу, так будет. Туда идем... Тот наш Гриша, Кирюшин приятель, что в Советский Союз ездил, новую анекдоту принес. Будто Косыгин вызывает к себе главного по переселениям:

«А скажите», он спрашивает, «скольки у нас всего евреев в Эсэсэсэрии?»

«Три мильона», отвечает.

«Ага, ну а если мы разрешим выезд скольки человек подадут прошения?» А мильонов семь, т. Косыгин».

Мы так смеялись. А что, не правда, разве? Там кем хочешь назовешься лишь бы уехать. Кому охота на чужих хлебах жить.

— Как на чужих?

— Ну, а чей же они хлеб едят? Альбо с Америки, альбо с Канады. Своего то нету. Уж и сейчас люди оттуда письма с намеками получают. Одна дама от сестры отхватила письмо, а в нем: «Хлеб нам так надоел, что мы на пирожные перешли». Разве не понятно? И кто его знает, на что намекает. Американец прочитает и скажет жене «вот живут, так живут!»... А что же, дорогая, у вас нового? Платье? Ну, это в Америке не новинка. Я по своей невестке знаю, что ни одна женщина не отложит на завтра то, что можно одеть сегодня!

Вот теперь за президентское кресло бьются: Форд, что автомобили делает и актер какой-то с русской фамилией Рыгал. Сейчас у них — Кирюша пояснил — репитиция идет кто-кого. А я так думаю, что актеру легче, потому что он уже тыщи раз в репетициях участвовал, а вот Форду не легко. А мне Картер наравится. Была бы американской ситизенкою, я бы и за Картера и за Рыгала. Обои мне по душе. Но невестка говорит, что Форд играет в футбол, а Рыгал на сцене. Обои играют, а надо такого, который не проиграет. А я кинула на карты и выходит, что ни тот и ни другой, а Картер-Карты-Картер! Очень жизнь невеселая, очень. А тут опять неприятности: невестка пришла вечером и рвет и мечет. Кирюша мне потом перевел уж. Оказуется, что в сенате одна секретарша (и тоже ее Елизабет зовут) Рэй, по фамилии, окромя секретарства и другой работой замалась. Правда, очень красивая блондинка. Ну, не всем же Лизам брюнетками быть. Той, что Тайлор, тоже не легко: не успеет развестись и уже опять замуж надо.

Так этая Рэй и сама подрабатывала и подружкам кусок хлеба доставала, а сенаторы, они не жадные, касса то народная. Ну и платили за все, не жалея. И даже в сенате комната была такая специальная, где можно было дела государственные обдумать с секретаршей на коленях.

Все б так и шло, да только эти девушки не то на страйк стали, не то больших денег захотели, не то задумали юнион ихний сделать... Не знаю. Но сенаторы народ строгий и на дыбы — они тоже народную копейку берегут. А этая Рэй все об чем на диване с сенаторами говорила — записывала на машинку, а теперь и по тиви

выступает и книгу выпустила, где все описано. По русски ее нету. Скандал вроде Ватергэтского, тоже радости мало. А сынок меня спрашивает:

«А что, маманя, как вы думаете в Кремле тоже такое случается» а я ему:

«Ого-го! Да у самого Енукидзе, что был правая рука Сталина, цельный гарем был и то ничего. Но потом, правда, застрелился. Но не от стыда — там этого нету, а припекло, ну он и того. Эх говорю сыну «было бы корыто, а свиньи найдутся» И невестка согласилась.

А еще думаю: всю ведь технику в Советах одолели: и через северный Полюс летают, и вокруг луны мотаются, и оружию первоклассную делают пол-мира намереваются захватить, а вот то, что под руками им не дается. Ни пшеницы, ни ржи не хватает. Чужой пробавляются. Хорошо, что дают, а то б? Невестка сказала, что была такая французская королева, которая сказала: «Когда хлеба нет, можно на пирожные перейтить!» А что бы она запела в Советах живучи? Они б ей показали пирожную — держи карман шире. А баланды с рыбьим шкилетом не хочешь? Вот тебе и весь «наполеон»! А мы живем в Америке и на нее же гавкаем. А «что имеем не храним, а потерявши плачем» — это забыли? А может быть, ох может быть! К этому идем. Я уже давно не смеюсь. Может еще во сне, а на яву — ни Боже мой! С чего смеяться-то? С чего? С себя разве?

А сегодня Кирюша сказал, что ихняя репетиция кончилась и Форд с Рыгалом бегут рядышком, а Картер вроде всех обогнал и вот в ноябре будет настоящая спектакля, кто кого обскакает. А мне, знаете Рыгал симпатичнее всех, и не знаю, почему это, но супротив карт не попрешь. Все время король бубновый выпадает, а это он, Картер и есть.

Гриша рассказует, что его хороший знакомый сидит в тюрьме по ошибке: торговал мархуаной, а думал, что это простая трава. Ну, его за траву и посадили на два года. А он за этии два года обучился в тюрьме на слесаря и даже тюремную диплому получил. Теперь вышел, получает пособие по безработице и хочет требовать судом за два года деньги с тюрьмы, за то, что не мог работать, как слесарь. Адвокат говорит, что это плевое дело — выиграть. Ну?..

А вы мадам Пацюк не знаете? Нет? Христина Игнатьевна. Так вы только посмотрите насколько люди подлые бывают: села я в автобус, надо платить 15 центов, а у меня доллар бумажный. Я — тык-мык, хоть выходи. Вижу она сидит. Я к ней:

«Разменяйте, голубушка, — говорю, — выручайте, а то этот аспид меня высадит».

«Да, мне самой, отвечает, нужна мелочь сейчас. Но я вам могу дать за ваш долляр 75 центов».

А что мне делать? Вылезать и пешки топать? Я ж из церкви и она тоже. Обои помолившись. Отдала ей мой долляр и взяла у нее три по 25 центов. А это опять мне не годится. Надо ж 15. Я опять к ней, а она спокойно так:

«Я могу вам разменять ваши 25, но дам только — 20».

«Давайте», говорю, «давайте. Автобус же стоит. Он меня высадит».

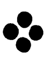
Она дала мне две по 10 центов. А это опять же не годится, а ее в душе кляну, но опять с поклоном и с улыбочкой обращаюсь, а она:

«Могу разменять, но дам за ваши 10 мои — 5».

И дала и я взяла. И получилось, что она содрала с меня 35 центов, да плюс за автобус я заплатила — 15. Вот и весь полтинник. Ну, не подлая?! И еще рядом посадила и рассказывает как теперь трудно живется. Это ей-то?! Ну, мы ехали, а ей под шум автобуса сказала, что я об ней думаю. А она улыбается, как ни в чем не бывало.

А когда стала уходить, то она разжала мой кулак и насыпала мелочи и ушла, я тогда и пересчитала. Полный полтинник! Значит и за мой проезд заплатила. Чего ж ты на жизнь то жалуешься, если так деньгами разбрасываешься? Ну, не глупая? Но я все же как домой приехала так ей и позвонила и сказала, что об ней думаю. А она ведь не плохая, правда?

Вот так, милые и живем. Грустно живем и душой болеем за Америку. Она празднует свои 200 лет, а вокруг одни пакости и гадости. Разве не больно, скажите?

ИЗ ИСКРЫ ПЛАМЯ...

...а ОТ СВЕЧКИ — копоть! Я бы сказал проще — от пятнадцати центов. Ну? Разве не ерунда? Но у нас в эмиграции это переходит в серьезное, — в серьезное недоразумение и переносится на принципиальную почву. Престиж! Так вот, что произошло: в прошлую воскресную службу Софья Андреевна пришла в церковь в самом радужном настроении. Во-первых, ей удалось на распродаже подцепить две простыни почти за бесценок, пять носков для мужа — правда, все разноцветные, — но кто же ему под брюку будет взглядывать? Видят, допустим, что один носок зеленый, то совершенно ясно, что другой красным не будет. А он — розовый. Муж протестовал, а она резонно:

— Легче носить такие, чем вечно штопанные! Видишь — себе же не шпотаю.

Не врала женщина — покупала новые. Дальше: в субботу была в Сэйфвэйе и достала чудную курятину. Она хоть и кожа да кости, но 37 центов фунт. Где вы теперь курицу за такие деньги достанете? Во сне, только. Потом успела схватить несколько коробок мексиканского печенья с перцем. Знала, что она с мужем к нему и не прикоснется, но если в церкви будут блины или пельмени, то можно будет коробки две пожертвовать, а остальные гостям скормить. А в колбасном отделении появилась в этот день «болонья», немножко зеленоватая, правда, но и цена за то... Они порченными продуктами не торгуют. Одним словом все складывалось, как нельзя лучше... И вот — нате вам!

У свечного ящика стоял помощник старосты благообразный старичок, но очень подвижной и энергичный.

Он мог одновременно продавать свечи, укладывать просфорки в целофановые кулечки, принимать от людей поминовения и «за здравие» и «за упокой» получать деньги, давать сдачу, здороваться, улыбаться и бегать в алтарь с подносом.

Но Софья Андреевна не считала его симпатичным. До него был Лушаков, так тот продавая свечи говорил комплименты и дам отпускал вне очереди, даже если впереди стоял мужчина. Это был джентльмен с большой буквы. Но он ушел. Куда — не спрашивайте. Туда, где «несть воздыхания и жизнь вечная». Может он и там говорит комплименты.. А этот совсем не то. Хотя он и поздоровался, но без улыбки, а по обязанности, чтобы больше свечей брали...

Она взяла пять свечей по пятнадцать центов и пошла их ставить, неся все в левой, опущенной вниз, руке, а правой крестилась. И представьте себе, одна свечка выскользнула из руки и упала на ковер, а она пошла дальше.

У нее было пятеро святых, которым она, как правило, «курила фимиам», по ее собственному выражению. Подойдя к четвертому, она обнаружила пропажу. Выходило, что один святой оставался без свечи.

Шедший за нею худой и лысый мужчина, увидев лежащую на полу свечу, поднял ее, пошел дальше, зажег и поставил перед иконой. Он не стал ходить по церкви и спрашивать у всех, со смирением: — Простите, это не вы уронили свечечку?

Поставил и забыл.

А Софья Андреевна поняла, что в спешке помощник старосты всучил ей четыре свечки, а взял за пять... Другая бы решила: — Ну, ошибся, большое дело. Не себе же в карман. Дело церковное. Но вы плохо знаете Софью Андреевну. Она вернулась к свечному ящику. А там, как раз стояло несколько человек.

— Простите, извините, позвольте, прошу вас! — проталкивалась она. Люди удивлялись ее напористости, но считали, что дама напирает по важному делу, не иначе. Подойдя вплотную к ящику, она сказала:

— Вы мне свечу недодали.

— Как?

— Свечку. Я вам уплатила семьдесят пять, а получила четыре свечки.

— О, вы уплатили за пять, но позвольте я вам дал пять свечек.

— Я же ее не съела — показывая на пустые руки сказала дама громче — как раз Пантелеймону и не хватило.

— Мы потом разберемся, а может вы сейчас пропустите лиц желающих купить свечи и их поставить?

— Нет, дайте мне мою свечу. Это церковь, а не лавочка.

— Тогда я уверяю вас, что вы получили пять и знаю это потому что отпустив вам последние пять, сразу же открыл новую коробку.

— Открывайте хоть Америку, а мне недодали одну свечу. Если так с каждым...

— Вы говорите, госпожа Нулина, недопустимо обидные вещи и дерзости, не имея на то никаких оснований.

— Я? Не имею? Никаких? Оснований? А где же моя свеча, я вас спрашиваю?

Пока она так разглагольствовала помощник старосты успел отпустить двух прихожан и один из них уловив суть дела сказал Софье Андреевне:

— Да, охота вам волноваться. Нате вам мою и весь сказ.

— Я не нищая — вспыхнула Нулина — я могу вам купить сразу десять.

— Купите, буду благодарен. Рука дающего не оскудеет.

— Вы мне отдадите мою свечу или нет — почти крикнула Софья Андреевна.

— Нет, вы получили все пять.

— Ах, так? Ну, вы еще ответите за эти слова. Я никогда не лгала и лгать не буду!

Резко повернувшись она пошла, разрезая людскую толщу, как хороший ледокол. Схватив мужа за руку, она потащила его к выходу.

— Что такое? В чем дело?

— Дома узнаешь!

Брюки у г. Нулина были чуть короче обычного и поэтому на паперти разноцветность его носков была особенно привлекательна.

— Мы едем домой. Волкович меня оскорбил словами.

В машине она дала волю своему гневу. Оказалось, что помощник старосты, пользуясь толкотней и своей

рассеянностью, всучил ей под шумок четыре свечки, а взял за пять и (она уже не помнит) возможно, что и сдачи не дал. А когда она подошла и в самой вежливой форме попросила вернуть 15 центов, то он ее выгнал из церкви.

— Ну, что ты на это скажешь? Что же ты молчишь, дурной? Меня отлучают, а он как пень...

— Что-то это на него не похоже. Да еще в церкви...

— Ах, так, я значит вру по твоему? Еще этого не хватало — клеветать на церковь?

И пошла и поехала. Тогда только муж понял и вник в положение и решил позвонить батюшке.

— Ты? Батюшке? Ха-ха. Ты не умеешь разговаривать. Батюшка тоже человек и с ним надо по человечески, — решила жена и взяла трубку: — Отец Николай, вы наверное уже слышали, что сегодня произошло в церкви? Как, нет?! Весь приход уже говорит. Вся колония уже взволнована!

И описала жуткую историю унижений и оскорблений пережитых ею.

— Я выясню, милая, я выясню.

— Тут и выяснять нечего. Дело ведь не в пятнадцати центах. Его надо немедленно сменить. Человеку, наживающемуся за счет церкви и прихожан, не место...

— Господь с вами. Не грешите. Так нельзя о людях. Вы себя обижаете, говоря так.

— Нет, это меня все обижают. Все, включая мужа. он не чуткий. Никто не может понять! — и повесила трубку. Потом взяла тетрадочку, где у них были телефоны всех знакомых и начала обзванивать страничку за страничкой. К шести вечера она устала и передала дело мужу. Обедали в восемь. Но труд не пропал даром.

Приход загудел, заволновался, забурлил и зашевелился. Часть стала на сторону Нулиной, часть против, а благоразумные решили выждать.

Наиболее рьяные советовали Софье Андреевне настаивать на созыве экстренного общего собрания и там во всей остроте поставить вопрос о травле заслуженной прихожанки, неоднократно жертвовавшей и многократно поддерживавшей (мексиканское печенье для чего?) все церковные начинания.

Эпизод со свечой обрастал жирком и мясом, становясь в центре внимания.

Когда батюшка через два дня сказал милой прихожанке, что признает ее права, но сознает, что помощник старосты не ошибся, она его оборвала:

— Батюшка вы же настоятель, вы же при этом не были. Как вы можете...

— Вам придется, милая, считаться с моим авторитетом и я...

— Весь приход, вся колония возмущены до глубины души, и мы настаиваем на общем собрании, которое у нас намечено через месяц, для избрания чего-то там. И чтобы на нем поставить вопрос о Волковиче.

— Да, у нас, дорогая, на повестке вопросов невпроворот. Кроме обычных есть еще: о ремонте куполов, о покупке ковров в церковный дом, о поддержке монастырей в святой Земле, о посылках нуждающимся, о церковном базаре перед Пасхой, о покупке церковных книг, об увеличении жалованья регенту, инфляция, ведь!

— Батюшка, вы же настоятель, и меня удивляет, что вы ковры-мовры, купола-шампола ставите выше страданий живого человека... Мой муж уже второй день не спит и пьет только валерианку. А обо мне и не спрашивайте — целую коробку транкилайзеров съела. Ведь таким отношением можно разогнать всех прихожан и развалить приход. Что скажет владыка? Мы (я и муж) сегодня пишем ему письмо обо всем и о вашем отказе поддержать...

— Я не могу вам этого запретить, но знаете, как говорят «поспешишь — людей на смешишь». Так, что семь раз отмерьте...

— Ах, батюшка, вы же настоятель, поймите же, что если вы не поставите этот вопрос в повестку дня, мы и еще многие на собрание не придем и других будем отговаривать. Если Владыка не ответит, то муж берет отпуск за свой счет и мы едем в Сан-Франциско. Мы этого дела так не оставим. Правильно сказал один из прихожан. Так как возможно, что тут орудует рука Москвы, и я не хотела бы, чтобы люди подумали, что вы не хотите ударить эту руку по рукам!

Все попытки о. Николая уговорить строптивую прихожанку ни к чему не привели. Пятнадцатицентовая свечка вырастала в многодолларовую. Где-то по домам собирались подписи с протестом, о нарушении канонов, догм и прав прихожан и основателей этого храма.

Владыка не ответил и Нулины поехали в Сан-Франциско, пообещав о. Николаю выйти из прихода и перейти в магометанство.

Вернувшись, они ни с кем не говорили о поездке, а многозначительно намекали, что настоятель будет вызван в архиерейское подворье с докладом о событиях в приходе.

В день, общего собрания, когда люди после церковной службы пили чай в церковном доме и ели пирожки (мексиканское печенье осталось дома), в ожидании пока все соберутся и явится батюшка, Софья Андреевна, стоя в группе прихожан, с жаром, в сотый раз, рассказывала историю со свечой...

И вдруг, худой, лысый мужчина, слушавший со вниманием ее выступление, спросил:

— А простите, вы не помните, когда это было?

— Это? Это было два месяца назад. Да, второго февраля, как сейчас помню. Я ведь все записала.

— Вы подумайте, — сказал мужчина, а второго февраля как раз мой день рождения, и я был в церкви. И теперь вспоминаю, что вы шли впереди меня, в модном, красивом пальто, этого нельзя забыть (дама расцвела) и уронили свечу. Уронили и пошли дальше. Я же, не желая вас тревожить по пустякам, поднял свечу, зажег ее и поставил ее перед образом святого Пантелеймона. Я как раз туда и шел. Как же помню, помню.

Наступила тишина.

И магометанская религия потеряла двух преданных своих последователей. Жалеет ли она?

КОТИК И ЗАЙЧИК

Они взаимно дополняли друг-друга. Она была высокая, худая, грустная и не особенно разговорчивая. Он низенький, толстенький, веселый и болтун. И когда они появлялись вместе, где нибудь, ну например в клубе, в церкви, на концерте или на общем собрании, то получалось от сложения этих противоположностей — нечто гармоничное и целое. Но это только на людях. Правда, он был внимателен, всегда подавал ей стул, а то и поддерживал на ступеньках лестницы и замолкал, когда видел, что она недовольна им или сама хочет что либо сказать. Согласитесь, что сегодня это редкость. Но это была та сторона медали, которую все видели и ставили другим в пример редкого душевного содружества, чувства верности и взаимной поддержки.

Так и считали люди, что они живут душа в душу. Вторая сторона медали имела более тусклую сторону, потертую и поцарапанную житейскими бурями и невзгодами...

Так и полагали, что супруги Гордеевы жили душа в душу, но душевности не было потому что при обмене мнениями она его называла бездушным человеком, указывая что отдала ему лучшие годы своей жизни, а он отвечал:

— Если это лучшие, то воображаю какие будут худшие?

У каждого из них были свои слабости и она, любя «бинго» уезжала с друзьями играть в эту высоко-культурную игру, а он имея слабость к биллиарду с приятелями поупражняться.

Ну, где-же тут «душа в душу»? Я полагаю, что это автор так выразился для красного словца. Кроме биллиарда Петр Андреевич любил пропустить стаканчик-другой пивца или винца... Но не дома, что вы?! О, нет! Там попробуй выпей — сразу поперхнешься.

— Мы должны, — шумела супруга, — на черный день откладывать, а не пивы распивать!

— Но ты же в лото играешь? Деньги расходуешь?

— Да, но иногда и выигрываю.

— Вот именно, что иногда, а если подсчитать твои выигрыши и расходы, то даже «так на так» не получится...

— Я лучше знаю, что получится. Во всяком случае перчатки для работы в саду я на выигранные деньги купила!

— Хо-хо! Бааальшое дело — девяносто пять центов. Да я их тремя ударами кия заработаю...

— Мели Емеля. А вино, а пиво? Думаешь я не знаю? Пропьешь больше.

Ну, в общем очень задушевно получалось. Сами видите.

И как это часто бывает накал теплых взаимоотношений усиливался и когда однажды супруг явился домой утром, началась гроза с громами и молниями.

— Пьяница несчастный, даже дорогу домой забыл!!

— И ничего и не забыл. А у нас на работе было важное заседание и оно затянулось. А я забыл, что приехал на машине и побоялся ехать домой автобусом. Во-первых, как я к нему дойду? Ограбят. Во-вторых, как я от него до дома доплетусь? Убьют. И как я поеду на автобусе, если у меня ни гроша за душой. И еще одна мелочь: как я поеду, если в городе автобусная забастовка, а? Ну, что скажешь?

— Взял бы такси, а дома расплатился бы.

— Да, а если ты не дашь денег, а у меня их нет, тогда что?

— В общем проигрался в дребезги! С такими друзьями-приятелями и в тюрьму попасть не трудно.

Так и жили. Ну и конечно, добром такие дела не кончаются. Мадам Гордеева узнав, что ее подруга едет к морю, взяла и укатила с нею на три дня, несмотря на грозные предупреждения мужа.

Когда она вернулась в доме была мерзость запустения, так как, как раз к ее возвращению муж взял недельный отпуск и уехал с приятелем на Грустную Речку раков ловить, как он потом выражался.

Жена навела порядок, но решила что этого не простит и, когда Петр Андреевич вернулся, она не откликнулась на приветствие, не приняла купленных им в магазине рыб, как его удачный улов и пообедав ушла. Муж сделал тоже самое и тоже ушел... Одним словом эпицентр землетрясения приближался к зениту и когда взрыв произошел вся колония ахнула! Вот тебе и «душа в душу».

Как рассказывал потом возмущенный до глубины души (опять — душа!) супруг, он придя как-то с работы, нашел на столе записку: «Котик, прощай. Встретимся у адвоката. Рассольник в духовке. Твой Зайчик».

Котик звонил во все знакомые дома и нигде жены не нашел. У адвоката? Да, этих адвокатов в городе, как собак! Но собака откликнулась сама и пригласила его к себе с визитом. Гордеев пошел; адвокат был очень любезен, рассыпался в комплиментах, сочувствиях и сожалениях. Но вся суть разговора свелась к тому, что жена хочет развода, считая, что подобная жизнь более немыслима. Когда же Петр Андреевич описал ему свою жизнь, то адвокат просто удивился, как он еще жив и пояснил, что у жены те же доводы и таким образом лучше разойтись по хорошему.

— А что? У нее есть кто нибудь?

— О, нет. Не думаю. Судя по ее словам, она хочет пожить спокойно и подлечить свои нервы. Она нашла даже работу. Лучше всего, если мы все трое соберемся и обсудим все проблемы и материальные и моральные.

Они собрались. Для тех из читателей, кто эти испытания проходил, бередить старые раны не следует, а тем, кто этого еще не знает, лучше и не рассказывать, потому что о моральной стороне никто и не вспоминает, а главное — это денежное. Как поделить нажитое? Вот в чем вопрос!

Поэтому буду краток: так как Петр Андреевич вложил в дом много своего труда (сам ставил желоба, менял трубы, красил, ремонтировал и т. д. и т. п.), то ему с

домом расставаться не хотелось и поэтому он согласился дать жене отступного, в счет ее половины, платя ежемесячно ей довольно круглую сумму. А остальные мелочи были улажены довольно быстро.

И... осиротелый супруг остался на хозяйстве один. Ставил любимые программы на телевизоре и никто не возражал, приходил поздно вечером домой и топал ногами, как хотел, обедал в ресторанах... Одним словом нашел в своем одиночестве много плюсов. Друг развода с женой, не одобрил, но кто слушает советы близких? Адвокат дороже и в буквальном и в переносном смысле.

Такая веселая и бесшабашная жизнь длилась с полгода, а потом холостяк признал справедливость поговорки «торговали веселились, подсчитали — прослезились». Почему то счета на воду, свет, мусор, телефон, электричество, налоги, ремонты и всякие другие расходы по дому стали особенно ощутительными и бросались в глаза. Вся тяжесть их легла на нежные плечи Гордеева. Так было и прежде, но теперь стало обидным одному жить в восьмикомнатном доме и он пошел к другу.

— Что я тебе скажу? Продай его, сними комнату или две в семейном доме и сразу полегчает.

— Да, но не будет так свободно, просторно и независимо?

— Согласен, но значительно дешевле, — мудро ответил друг, в душе (опять!) ему завидуя. А то еще лучше: недвижимость сегодня в цене, а доллар падает так не продавай, а сдай в аренду за пару сотен. Это выгоднее, т. к. и дом сохранишь и еще две сотни ежемесячно на оплату твоих житейских расходов. И комнату оплатишь и телефон, а дом-то твой в двух кварталах от госпиталя, а желающих жить по ближе к месту работы тысячи и ты повесь объявление у них в столовой и увидишь, как клюнет...

И правда, не успел он в кафетерии повесить записку, как начались звонки и паломничества: посмотреть, поговорить и дать задаток. Были сестры, звонили и врачи, спрашивали просто служащие, Всем хотелось жить рядом с работой. Ни тебе транспортных проблем, ни потери времени на «туда и обратно», а другой еще и в обеденный перерыв забежит домой перекусить — тоже эко-

номия. Прямо, хоть аукцион устраивай, такой спрос. Значит сдать, что плюнуть, а вот себе угол обеспечить. И опять мудрый друг не подкачал:

— Чем тебе по чужим домам мотаться, возьми у меня угловую комнату — жена не возражает — она не ахти какая, но ведь и тебя целый день нет дома. Только спать будешь приходить. Ведь так? Холостякам раздолье!

— Да, но она же темноватая, сыроватая, тесноватая и грязноватая.

— Чудак с половиной. Темноватая — повесь лампу поярче. Сыроватая — высушим. Тесноватая? А что тебе там танцевать что ли? Поспал и аут. Так? Грязноватая? Жена ее подчистит, вымоет, а там уже твое дело чистоту блюсти. И твою и комнаты. А денег-то возьму — полста. А теперь меньше, чем за сотнягу приличной комнаты не достанешь. А я тебе полуприличную даю и в приличной семье. Ну?

Все было крайне заманчиво. А тут еще подвернулся помощник заведующего хозяйством госпиталя. Он давал 250 долларов в месяц, но требовал, чтобы дом освободить от мебели. У него датская и шведская, а на американское барахло он и смотреть не хочет. Гордееву свою продавать не хотелось и опять друг выручил:

— Господи, да чего же проще? Это же Америка. Есть специальные склады, куда люди сдают на хранение все, начиная от самолета и до мышеловки. Плати только. И этот вопрос уладился, но пока Гордеев сдавал вещи, помзавхоза снял дом в другом месте, и Петр Андреевич остался на бобах. Опять объявление и появился врач, но он предпочитал с мебелью, т. к. он приезжий из другого города. Пришлось брать мебель обратно, но чтобы уже и доктор не передумал, то по совету друга был взят задаток. И свершилось — въехал доктор и съехал Гордеев, поселившись в побеленной комнате, у друга. Да, он почувствовал, что экономия была большая, а с доктором у него был подписан контракт на два года, с тем, что доктор не может съехать раньше времени, а Петр Андреевич не имеет права повышать арендную плату... Все были довольны!

Теперь бы жить и благоденствовать! Но человек предполагает, а Бог располагает. Мы ведь ни слова не сказали о жене друга. Теперь скажем. Она начала при-

дираться к тому, что квартирант шумит открывая двери, топает ногами, включает тиви, когда уже надо спать... Начались лады-неполады. И друг смущенно заявил, что надо возвращаться не позже 12, не греметь на кухне кастрюлями и пользоваться телевизором только до полуночи.

— Когда ты приходишь, жена уже спит. Мы ж работаем. А ей кажется, что это жулик.

— Ну, знаешь...

— Я понимаю, что ты не жулик, но лучше съехать, а то она съест обоих.

— Съехать? Да вы не имеете права! Это дискриминация!

— Какая к черту дискриминация? Что ты негр или мы цветные?

В общем и целом, когда однажды Гордеев пришел домой около двух ночи, то парадная дверь оказалась на засове и ему не открыли. Он переночевал в каком-то захудалом отельчике за десятку, а утром забрал у друга свои чемоданы.

И его, как осенило. А что если он снимет комнату у доктора, в своем доме? Для чего тому восемь комнат? И пошел к нему. Это была суббота и тот был дома. Как всякий врач он выслушал посетителя и сказал:

— Идея не плохая. Посмотрим, что скажет жена?

Та оказалась очень практичной.

— Шестьдесят в месяц, стричь траву и ходить с черного хода.

— Но почему же с черного?

— А потому что мы вам дадим комнату рядом с черным ходом и оттуда входа к нам нет, и таким образом мы изолированы от всяких случайностей, если к вам кто-либо и заберется, то дальше он не пойдет. Дверь к нам будет всегда на запоре. И можете приходить домой, когда угодно.

— Ну, хорошо. А почему же еще и стричь траву?

— За право жить в своем доме. Это знаете тоже удобно — сдать дом, да еще в нем жить. Нам вас просто жалко, а живя в своем доме, вы будете за ним присматривать и беречь. Не правда ли?

Вздохнул и согласился. Всетаки в своем доме. Это не всякому дано, когда домовладелец снимает комнату

в собственном доме. И по началу все было, как будто бы хорошо. Но потом выяснилось, что докторова собака (помесь болонки с сенбернаром) очень нервная и когда Гордеев с заднего хода, копошится в темноте стараясь открыть дверь, то собака просто разрывается на части и будит хозяев. Доктор ей давал «транквиляйзоры», бром, валерианку, но как видно организм собачий был крепче и лечению не поддавался.

А квартирант даже и не знал, что где-то в доме разрывается собачье сердце от лая и желания укусить. И жене доктора был предоставлен выбор: «собака или Гордеев». Ну, уж тут — вы сами знаете — двух выборов быть не может, и Петру Андреевичу пояснили, что здоровье Сузи превыше всего и рисковать им это безумие. Она должна иметь спокойную жизнь, потому что когда доктор понес ее к ветеринару, и спросил:

— Скажите, доктор, может ли быть у собаки нервная болезнь? — тот ответил:

— О, да. Если ей создать человеческие условия существования.

А раз так, то Гордееву было отказано в проживании в своем доме. Ни ссоры, ни уговоры не действовали и когда он один раз заскандалил, то доктор встретил его приход с работы, на улице, с двумя чемоданами. И опять под дождиком, безо всяких перспектив. Опять в отель? А ведь уже прошел год такой безалаберной жизни. Снял номер и это в городе, где много русских, добрых и отзывчивых к своим горестям и нуждам. Все же позвонил в один дом. А оттуда:

— Теперь не время для разговоров. Куличи подходят, сырную замешиваем, яйца красим.

«Вот тебе раз», — подумал бедняга, «у людей Пасха будет, а у меня великий пост, значит?»

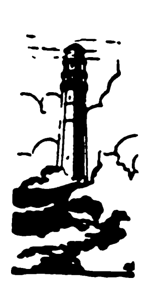
Но светлая голова ему не изменила. Он вспомнил о жене. Ведь она же человек? Взял такси и поехал. Та была очень удивлена его визиту.

— Ко мне, да еще с чемоданами? Что случилось? — и он жалобно и красиво описал всю эпопею своих страданий и мытарств, где его никто не понимал и не сочувствовал. А она и поняла и посочувствовала.

— Ну, что-ж. Я тебя понимаю. Поселяйся, временно у меня. Будешь спать в кухне, на раскладушке. — Вечер провели очень мило. Ели кулич, пили вино, сидели на диване и смотрели ее любимые программы. Хорошо поев и благодушно настроившись, бывший муж уходя в кухню, спросил бывшую жену, с затаенной надеждой:

— Зайчик, а если мы опять сойдемся, ты мне вернешь деньги, что получила за дом? И в ответ получил такой взгляд, что всякая надежда сразу угасла. Лег и подумал:

— О, Господи. Почему женщины так жестоки? Или это только у русских так?

"РОШАМОН"

Давно, лет двадцать тому назад, на экраны мира вышел японский фильм под этим названием. Суть его была в том, что произошло гнусное преступление и о нем рассказывают на суде: муж пострадавшей — по своему, жена его — по своему и пойманные разбойники — по своему. И все эти три варианта их рассказов показывались на экране. Получилось очень интересно. Я взял и дал название этого фильма моему рассказу. Насколько это удачно, пусть судит читатель.

* *

С чего началось? Ко всей довольно красивой мебели и обстановке в их квартире они приобрели шкаф из черного дерева, со стеклянными дверцами и на четырех полках этого красавца расположили довольно ценные вещи. А электрическая лампа, горевшая внутри шкафа, освещала все эти сокровища. Вот неполный перечень того, что мы увидели, попав к ним на Рождество: золотой подстаканник, два серебряных портсигара, четыре фигуры Будды из красного янтаря, дутые браслеты из червонного золота, с драгоценными камнями, рыцарь в латах из литой бронзы, комплект позолоченных чайных ложечек оригинального рисунка из Китая, статуэтка Дон-Кихота на лошади эбонита, полуфутового размера, серебряный кофейный сервиз, столовый набор на 12 персон, фарфоровые фигурки всяких пастушков и маркизов, ножи и кинжалы с ручками в драгоценных камнях, дюжина чайных чашек тончайшего фарфора, севрского по-видимому, четыре флакона из под духов из чистейшего хрусталя, весьма необычной формы, четыре рыбки из уральского

камня на серебряной подставке, в виде волны. Старинные золотые монеты и серьги... Да, всего и не перечислишь. Мы все просто ахали.

— О, Господи, — удивлялись гости, — не было ни гроша, а вдруг алтын!

— Нет, нет, — смущались хозяева, — все это было, но лежало по коробкам, комодам, ящикам и корзинам. Мы и решили все это вытащить на свет Божий, благо такой шкаф подвернулся. Вот теперь и сами любуемся и других радуем.

— Очень хорошо придумали. А шкаф-то заперт? — протянул руку один из гостей.

— Заперт, заперт, — успокоил его хозяин, — но замочек то в нем символический, если шпилькой не откроете, то уж перочинным ножиком замок выколупнете в одну минуту.

— Вот тут-то и горе. Велик соблазн. За минуту открыть, а за две в мешок ссыпать — и Филькой звали. Вы-то не всегда дома?

— Да, мы это понимаем, но держать под спудом жалко, уж очень все красивое... А сдать в банк на хранение? Жизнь-то проходит. А так, каждый день, проходя мимо, глазом кинешь и порадуешься. Три поколения здесь.

— А что вы добавили?

— А мы вот тот нож для разрезания книг. Он из трех металлов: аллюминия, жести и чугуна. В Советском Союзе купили в «Березке», когда ездили. Это большая редкость. Да-да и вот эта ваза, что стоит на шкафу. Когда мы ее покупали, то она была этрусская, а когда постояла, то клеймо слезло и оказалось что она теперь «русская» 1-го госзавода имени Семашки». А раз так, то мы ее наполнили битым стеклом, булыжниками и кирпичами.

— Да, что вы? Для чего?

— А вы видите, где она стоит? Как раз в самом центре, на верху шкафа. А знакомый механик приспособил все так, что если шкаф открыть не ключом, а взломав его, и потянуть за дверцу, то под вазой приподнимается пластинка, она сдвигается и грохается сверху на голову вора, разбивая ему череп и полосуя стеклом и камнем физиономию.

Гости отодвинулись.

— Здорово продуманно.

* *

Жена рассказывала по телефону (без мужа) дальнейшую историю, так:

— Мы легли спать поздно. Я была вся под впечатлением любовного конфликта показанного в этот вечер на экране телевизора. Очень было все печально и глупая ревность мужа и ненужное увлечение жены и влюбленный друг дома и попытка на убийство, но очень жизненно, как и всегда...

И вдруг, примерно через час — муж уже спал — в гостиной раздался страшный грохот. Все можно было подумать: что провалился потолок, что в дом въехал автомобиль, что началось землетрясение... Но меньше всего я думала о том, что случилось на самом деле.

Я вскочила и, не думая об опасности, так как была в розовом пеньюаре, с распущенными волосами, взволнованная и решительная в своем испуге, бросилась в гостиную... И что же?! Смуглый красавец, я бы даже сказала, что более чем смуглый, почти черный, с вьющимися волосами, бледный и дрожащий, с кровью на лице, держась за разбитую голову, стоял передо мною. Шкаф был открыт и вазы уже не было. Мы оба растерялись. Во-первых, такая необычная обстановка, во-вторых, некоторая вольность в моем туалете, и в третьих, чужой мужчина, ночью, в квартире и в-четвертых, я одна, одинока и беззащитна.

— Позвольте, а муж?

— Муж? Ха, ведь это же ирония судьбы, а не муж. Когда он засыпает, то уже все кончено до самого утра. Положите его в ванну с горячими угольями и он не проснется. Безразличен ко всему, как крокодил... Тут я вспомнила, что я его не раз видела (не мужа конечно), как он проходил мимо нашего дома, внимательно присматриваясь к окнам. И когда он видел меня, то смущенно отворачивался. Теперь мне стало все ясно, и я покраснела. Я поняла на какие рискованные поступки толкает влюбленных огромное чувство. Глупец, неужели нельзя написать или в крайнем случае позвонить? А сейчас видя его лицо, которое обливалось кровью, у меня

сердце облилось тоже. Молчать дальше было уже неудобно.

«Что с вами? Кто вас ударил? Вам нужна моя помощь? Садитесь?»

А он молчал и пожирал меня глазами. Потом он начал бледнеть и грохнулся без чувств на пол. Как видно его чувство оказалось сильнее здравого смысла... Этот второй стук разбудил моего Отелло, и он тоже полураздетый вбежал в гостиную и, увидав меня полураздетой, а его в крови и на полу, все понял. Понял, что я, защищая честь моей семьи, убила человека. Я его не разубеждала. Муж вызвал полицию, а я упала в обморок, рядом с тем безумцем...

Муж рассказывает (без жены) знакомым вот что:

— Легли спать, как обычно. Жена смотрела всякую сентиментальную белиберду и переживала, а мне было не до этого, я человек работающий и поэтому в одиннадцать я уже спал на полный ход. Но сплю я как сурок, особенно в наше тревожное время: в каждом малейшем звуке уже чудится какая-то опасность.

Жена знает мою чуткость и поэтому надеется на меня, как на каменную гору. Так что когда я проснулся от каких-то тревожных симпотов, а я не ошибаюсь, я понял, что в доме опасность. Я соскользнул с кровати и на цыпочках, босиком, двинулся к гостиной.

Дверь туда была полуоткрыта и лампа из нашего шкафа давала достаточно света. И вдруг я увидел, что чья-то рука протягивается к дверцам шкафа. Крикнуть, остановить? Я знаю джиу-житцу, карате, бокс, французскую борьбу, покер так, что встреча один на один меня нисколько не пугала. Тут только я задумался над тем какую систему применить.

Грабитель попробовал открыть шкаф отмычкой, но так ничего не получилось, он применил силу и в ту минуту, когда я хотел броситься на вора, думая ударить его под ложечку, а он уже взял что-то из шкафа, в ту же минуту судьба решила иначе: ваза свалилась и всей своей десятифунтовой тяжестью, огрела его по голове, засыпая осколками стекла лицо и крепко долбя по черепу камнями. Он в ужасе отпрянул, но я бросился на него, и мы сцепились.

Я знал, что я могу его убить одним ударом, но не было удобно, а до кинжалов было далеко. Боролись мы молча, но я все время кричал жене, чтобы она вызвала полицию. Ну, та курица пока проснулась, пока пришла в себя, а когда увидала, то сразу же хлопнулась в обморок. Теперь вся надежда — (я все-таки не хотел его лишать жизни) — оставалась на результат падения вазы. И она сработала хорошо. Помимо разбитой головы, израненого лица у этого жулика, еще и я наносил ему удар за ударом, и он теряя силы и мужество, все же пытался вырваться и бежать, но последним ударом в челюсть я его нокаутировал, и вор упал. Тогда я схватил его за уши и стал бить головой об пол. Этот звук привел жену в себя, и она бросилась к телефону, а я сидел на этом мерзавце, не давая ему очнуться... Потом приехала полиция.

Грабитель рассказывал (в тюрьме сокамерникам) так:

— Но почему меня черт дернул полезть в этот дурацкий дом, я сам не знаю. Но куда-то все равно лезть надо было. Собственное для меня оправдание это, что я уже присмотрелся к нему и знал, что там живут двое, окна низко и замок на дверях слабый. Но главное, что когда-то, очень поздно, я заглянул в окно гостиной и увидал там шкаф, в котором горела лампа и я рассмотрел в нем и золото и серебро и хрусталь и фарфор. Одним словом — наполнить рюкзак, вскочить в машину и исчезнуть — дело десяти минут. И я решил, что это моя судьба. Дверь я открыл, как у себя дома, не глядя. Замок дурацкий и старый. У этих идиотов даже задвижки на дверях не было. Но тогда бы я вошел через окно, слишком заманчивый шкаф был. Товару в нем на несколько тысяч, а продал бы за несколько сот. Вошел, огляделся. Все шло, как по маслу, а я глаз не сводил с сокровищ шкафа. Выходит, что с улицы я еще не все увидел. Но когда я открыл дверцу что-то грохнуло меня по голове, так, что искры из глаз посыпались. Я ничего не понимал. Схватился за голову — кровь, на лице — кровь. Повернулся, а в дверях стоит какая-то ведьма в красном, с распущенными волосами и смотрит на меня, как на сатаниста. Рожа — смотреть тошно, но я вижу, что она сейчас закричит и тогда все пропало. Я решил играть ва-банк, дать ей по кумполу, схватить из шкафа что попало и

бежать. Пусть хоть половину. Но удар, что эта гадюка мне нанесла по голове вазой и отбежала, оказался сильнее меня и у меня закружилась голова.

«Черт», подумал я, «надо уходить пока не поздно, а то засыплюсь в два счета», сделал шаг и... упал.

Очнулся, когда в доме появилась полиция. Ну, как вам понравится такая удача?

Адвокат (на суде): Ваша честь и вы господа присяжные, хотя их нет. Тут перед вами необычный случай сведения личных низменных счетов при абсолютном отсутствии момента воровства или грабежа. Все это притянуто за волосы. А тут просто-напросто ревность, причем человек был обманным образом заманут в дом и избит ревнивым мужем и хитрой женой, старающейся выйти сухой из воды в романе с ночным гостем.

Из того, что мне рассказал мой подзащитный стало ясным, что женщина остыла к своему объекту или разочаровалась и вместо откровенного признания в этом и мирного разрешения больного вопроса, она решила одним ударом избавиться от некогда любимого человека.

Но как же это сделать, если он продолжает любить ее? А просто: в сговоре с мужем приглашают его к себе и здесь устраивают самосуд над беззащитной жертвой былой страсти. Ваша честь, если кого-то и надо судить, так только эту супружескую пару полную коварства и низменных инстинктов первобытных дикарей живущих в цивилизованном обществе?

Если бы не вмешательство полиции, вызванной сердобольными соседями, возможно, что сегодня, здесь, на этом месте сидел бы труп моего подзащитного. Вы только посмотрите на его голову. Без повязки только одно ухо, один глаз, одна ноздря и один рот. Все остальное забинтовано, чтобы миазмы, бактерии, бациллы и палочки Коха и гонококка не проникли в его кровоточащие раны.

Нет, ваша честь, этот невинный человек сейчас нуждается в ласке, в уходе, в заботе, в курорте, но никак не в тюрьме. Не плачьте, дорогой, еще не все потеряно.

Я кончил, ваша честь!

Судья (к залу): — Конечно, можно было бы выслушав адвоката принять его версию, как наиболее вероят-

ную и правдоподобную и даже привлечь к ответственности этих супругов за нападение с применением необычного оружия. А сидят они здесь в зале с совершенно невинным видом, как будто бы сознавая, что избить человека до полусмерти и выдать его за уголовника — предел вероломства и морального падения. Но все же некоторые моменты этой драмы освещенные в процессе допроса, плюс показания полицейских, несколько меняют ситуацию и наводят на мысль, что адвокат был введен в заблуждение.

Согласитесь, что, приглашая человека в гости, муж и жена не будут в пижамах и босиком. А они были. Дальше: если подсудимый был в гостях, то почему входная дверь была взломана, в карманах его, далеко не вечернего костюма, нашли отмычки, а в рюкзаке — кто же ходит по гостям с рюкзаком за плечами? — набор отмычек и сверл различного размера.

Он гость, вы говорите? Так почему же он начал открывать шкаф с драгоценностями, а не сардины за столом?

Никакие соседи полиции не вызывали, а вызвали ее хозяева дома. И наконец, в полицейских архивах есть фотокарточки ночного гостя и его личное дело, указывающее на то, что ночные визиты по чужим домам вызваны отнюдь не романтическими причинами, а глубоко прозаическим тяготением к чуждой собственности.

Исходя изо всех этих соображений, я приговариваю подсудимого к шести месяцам тюремного заключения, но учитывая его чистосердечное раскаяние и телесные повреждения, даю ему право через две недели подать прошение на амнистию. Но, все же расходы связанные с его лечением возлагаю на лиц виновных в избиении нижеуказанного выше преступника (и обращаясь к одному): а вы, когда отсидите свой срок приходите ко мне, я вам помогу, чем могу.

Подсудимый (к судье): Ваша честь, но ведь у вас же нет никакой практики!

СЛОВАРЬ

Как-то, кто-то сказал мне:

— Напишите что-нибудь серьезное, а то пробавляетесь литературными семечками. Публика этого не любит. Она человек серьезный.

Ну, вот я и вспомнил историю, недавно происшедшую в нашей колонии. Смешного совсем, как кот наплакал, а грустного много. Даже печального, я бы сказал. Дело в том, что один интеллигентный человек (а у нас вся колония состоит из них только) решил написать мемуары о своей жизни и издать их в поучение потомству.

— Жизнь моя яркая и необычайная и если ее описать, то получится хороший роман, подстать Достоевскому — говаривал он знакомым.

— А вы опишите, да издайте, а мы будет читать да похваливать. Еще и заработаете. Теперь всякий дурак пишет.

Он намека не понял и решил приступить к делу. Купил бумаги, пять самопишущих ручек и хотел уже приступить к работе, но вспомнил, что некоторые писатели пишут вычурным слогом, с употреблением иностранных слов, вошедших в русских язык. Читающая публика увидит зрелого мастера, и книга пойдет нарасхват. И Дмитрий Павлович вспомнил, что есть такой словарь Павленкова, чуть ли не в три тысячи страниц и в пять фунтов весу, где все эти слова объясняются. А то подчас говорим, а сами не понимаем, вроде «конгломерат» или «демагог» или «клерикал» или «фантасмагория» или «мадригал». Да и до черта, этих слов. И он решил словарь купить, чтобы быть во всеоружии. Написал Мартьянову, Камкину, в «Знание», Нейманису и в книжные склады рангом поменьше.

Через три недели пришли три отказа, а на остальные запросы не ответили. Тогда Дмитрий Павлович вспомнил об одном чудаке в их колонии, который сидит на книгах и их не читает, имеет телевизор, но не смотрит, владеет патефоном, но не слушает пластинок, обладает пишущей машинкой, но ею не пользуется. Пришел он к Павлу Ивановичу и рассказал про словарь.

— Первый раз слышу про такую книгу, — но начали искать и к вечеру нашли ее в коробке из-под ботинок.

— Почему сюда запрятали?

— Коробка нужная, и чтобы она не смялась. Размер как раз!

Начался разговор о купле и продаже. И вдруг, как гром среди ясного неба:

— А она мне и не нужна — берите даром!

— А??? — не поверил ушам Дмитрий Павлович, схватил книгу и убежал. Вот счастье-то!

Утром пошел на работу, как именинник. Теперь уже все препятствия преодолены и надо только вспоминать и писать воспоминания. Пришел с работы, а на столе две посылки и обе из книжных магазинов. Он уже по объему понял, что это долгожданные словари.

— Здравствуйте, пожалуйста, не было ни гроша, а теперь алтын!

— Что ж ты будешь делать, — спрашивает жена, — продавать? Надо ж за эти заплатить.

Но Дмитрий Павлович не был глуп и на одной посылке написал «Адресат умер, в связи с отъездом в Австралию», а на другой «выбыл в неизвестном направлении». Свой адрес зачеркнул, а вместо него написал адреса магазинов и отправил. Вернулся с почты, а жена опять:

— Тот-то словарь тебе даром достался, так ты хоть подари ему что-нибудь.

А у них на этажерке стояла красивая пепельница в виде страусового яйца на лапках. Оригинальная вещь. Он ее упаковал и понес, но чтобы не очень демонстрировать свою доброту — не зашел, а повесил подарок на ручку двери. Это получилось деликатно и ненавязчиво. Ну и, конечно, небольшая записка со словами благодарности. Одним словом, красивый поступок. Пока это делалось, в другом доме шел разговор.

— С каких это пор ты стал вещами разбрасываться. Так и по миру пойдем. Если он будет писать книгу, то чем ты хуже? У тебя жизнь красивее прошла. Помнишь, как ты в лагере за супом в очереди стоял? То-то!

— Да, я уж и сам жалею! Думаю книгу забрать! Правда. Мнит себя писателем. Ха! Так каждый воображать станет о себе!

Вышел, хлопнул дверью, не заметив пакета, и отправился за словарем. Пришел, поздоровался и культурно и обоснованно объявил, что жена сердится, потому что она пользуется словарем, как прессом, когда делает сырную пасху и привыкла к нему, да и ему де он тоже часто нужен.

— Но он же у вас под кроватью был, в коробке?

— Ну и что ж? Давайте, в общем, давайте. Моя вещь, и забрал.

Дмитрий Павлович и его жена были страшно возмущены и под горячую руку написали Павлу Ивановичу оскорбительное письмо. Приводить его содержание нет смысла, так как в нашей колонии часто такие письма пишут и шлют только без подписи. Павел Иванович сияющий и довольный вернулся домой с книгой под мышкой, а жена его встречает такими словами:

— Вот он тебе подарок сделал, и записку приложил очень милую, а ты книгу забрал!

Павлу Ивановичу стало совестно. Это бывает у людей. Бывает, но редко.

— А знаешь что? Я ему отдам книгу. А пепельница хорошая.

И отнес, стыдясь своего порыва, поэтому не постучал, а повесил на ручку.

Дмитрий Павлович вышел прогулять песика и увидел пакет. Открыл — книга. Ясно, что Павел Иванович раскаялся. Они с женой были очень рады и не так словарю, как пробуждению в человеке таких благородных чувств. Сели чай пить, а жена как закричит:

—А письмо? Ты ж ему ругательное письмо послал! Как сделать, чтобы он его не...

И утром, рано позвонив на службу, что из-за болезни жены, он опоздает, Дмитрий Павлович побежал к дому, где жил Павел Иванович и стал ждать почтальона. Тот пришел и, выдавая себя за другого, Дмитрий Павло-

вич получил чужую почту: счета, газету, но письма не было. Помчался на работу, а на другой день, с утра, опять «на дежурство». Когда появился почтальон, он весело с ним поздоровался, но письма не было.

— А оно какое? Простое? Заказное? Воздушное? Какое ждете и откуда?

— Да, нет, я послал простой почтой.

— Как это вы послали? — удивился почтальон. — Самому себе? Давно не виделись?

— Нет, нет, это я не так выразился. Я не знаю какое оно, но жду.

Почтальон покосился на адресата, но ничего не сказал. Главная опасность, что мог из дому выйти в этот момент Павел Иванович и что тогда? Чем объяснить этот ранний визит, да еще при почтальоне. Что тогда? Гроб!

На работе он получил выговор за опоздание, но расстроенный вид служащего показывал, что жене его плохо.

На четвертый день они все встретились: письмо, Павел Иванович, почтальон и Дмитрий Павлович. Как в жизни часто бывает, получилось, как в кино. Павел Иванович вышел за продуктами (он уже не работал), а в это время подошел почтальон. Они начали разговаривать и у обоих были удивленные и растерянные лица. В это время подоспел запыхавшийся Дмитрий Павлович. Почтальон показал на него и пошел себе дальше.

— С каких это пор вы получаете мои письма? — строго спросил Павел Иванович, держа в руках злополучное «письмо запорожцев турецкому султану». Но Дмитрий Павлович увидел свой конверт и ни слова не говоря, вырвал его из рук собеседника.

— Это не ваше письмо, а мое!

— То есть как это? На конверте ясно сказано — кому оно адрес...

— Это очень даже ничего. А писал его — я!

— Да, но адресовано мне!

— Плевать! Никакой роли не играет. Главное — кто писал!

— Главное — кому написано!

Дом был большой, четырехэтажный и в нем жило много русских. Начали открывать окна.

— То, что вы писали, мне известно, но то, что на конверте моя фамилия — факт!

— То, что ваша фамилия — это фунт дыму. Я мог написать какую хотел. Хоть — Форду!

— Да, но написали мне. Давайте сюда!

— А дулю не хотите?

— Мне дулю? Да, как вы смеете?

На втором этаже жил слесарь Ушаков. Он высунулся в окно и крикнул:

— Да, дайте ж друг другу по морде. Слова не помогут. Гав да гав!

Павел Иванович повернулся к окну и стал объяснять Ушакову суть дела. А пока суть да дело, Дмитрия Павловича и след простыл — помчался на работу.

Придя вечером домой, он нашел два письма и оба от книжных магазинов. В одном письме лежала фотокопия его заказа и на нем приписка: «И ваш заказ и ваше извещение, что вы умерли, написано одним и тем же почерком. Врать надо умеючи».

А на втором: «Никуда вы не выбывали. Почта подтвердила ваш адрес. — Брехун!»

Оба без подписей.

Что можно добавить к этому?

Только то, что книги в жизни человека играют большую и полезную роль.

"С ЖИРУ БЕСЮТСЯ!"

Вот, слава Богу, и телефон свободный и ваш и мой. А то к вам позвонишь — у вас «бизи»; сама потом хочу позвонить, у нас «бизи» — невестка висит на телефоне. И так кожен день. А сейчас уехала к доктору, хотит свое «бади» проверить спереди и сзади. А там и проверять-то нечего — худая, как подошва. А ведь и «стэйки» ест и маслом не брезговает, а вот не в коня корм. Но правда, то гимнастику делаит, то таблетки гложет, то массаж берет, ну вот, все наружу и выходит, в середке ничего не остается.

Да, дорогая, после истории с Никсоном, уж очень я огорчилась, очень. Верила я в него, да и сейчас верю, но раз сам ушел, то ему виднее. Только скажу про него, что «дурак и радость обратит в горе, а разумный и в горе утешится». Неправда, скажете? Конь о четырех копытах и то спотыкается, а тут на кожнем шагу ему подножки делали. Он наверное и не знает, что у нас есть такая молитва «Господи, научи мя оправданиям Твоим». Сначала нагрешим, а потом просимся «научи!» А я, как Форд сказал «молитесь за него» и молюсь. За обоих молюсь и за Форда и за Никсона. Мой Кирюша автами торгует, так уже и новую анекдоту принес. Вот она. Один сенатор говорит: «Мы живем в тяжелое время и нам бы сейчас Линкольна надо, а нам Форда дали...»

Но я не потому звоню, а хочу вам рассказать, как я к богатым американцам в гости ездила. О, Господи помилуй, вот навидалась!

Повез меня Кирюша на «партию». Я бы ни за что не поехала, но он сказал, что там будет одна старуха из

Болгарии, которая к дочери приехала. А дочь ее за этим-то богатым американцем замужем, а он сам из Техсаса, штат такой. Так там говорят все самое лучшее и самое большое. У них говорят апельсины такие большие, что на дюжину идет только десяток... Болгарка эта ни в зуб ногой по-английски, а я ни «бэ ни мэ». Вот, мол, маманя тебе пара будет, наговоришься до схочу, по-русски. Ну, я и поехала.

Сад там, как — картина, клумбы цветов кругом, на деревьях фонарики, а посреди сада «свининг-пул» для купанья выкопан. В нем молодежь купается, а мы смотрим. А купаются голяком, а родители смотрют и похваляются, у кого фигура покрасивше. Ну, чем не Содом и Гоморра? А можст у меня тоже фигура? Так я даже при невестке или внучке раздеваться ни в жисть не буду. А тут при всем честном народе и голые. Я и подумала:

— Сколько не купайтесь, а грязи не убавишь!

Ни стыда, ни совести. А этая из Болгарии сидит с закрытыми глазами и пытает:

— А если полиция узнает, что тогда?

— Еге, — отвечаю, — если б все только голышом ходили, то полиции и делать было б нечего. А тут дела похлеще бывают.

И рассказала ей про дочку Херстов, про этую самую Патрицию. Она аж застонала.

— Жила на всем готовом, на отцовских харчах и пошла на этакое дело?

— Ага, с жиру это. Пороли б в детстве, так шелковая была б.

Много мы говорили. Я ей про маруханy рассказала и про другие наркоманы, про молодежные пьянки и про свальный грех. А она только ахает.

— Да у нас бы в тюрьму посажали всех!

— А разве не все сидят?

Но не поняла намека. Потом по саду ходили. Смотрим дубы такие хорошие, просто красавцы, а на них халабуды, вроде собачьих будок, сколочены.

— Что это? — спрашиваю.

А старуха отвечает:

— Ой, дорогая, это к дочерниной дочери молодежь в гости приезжает. Так они на деревьях, как обезьяны

живут. В этих будках спят, а сверху гадют. Садовники потом убирают. Что они, в них, в этих ящиках ночью выделывают — не знаю, не лазила, но радио орет день и ночь, пиво глушат, аж пар идет и козьи ножки курят. А отец с матерью говорят, что лучше у себя дома, чем если из дому уйдет. Может и правда.

Потом дом смотрели: телефоны висят где надо и не надо. Даже в саду есть. Но это, милая, пустяки. В доме четыре уборные и пять ванных для купанья. И в кожней на стене телевизор. Мойся и смотри. А в уборной, как бумагу потянешь, так и музыка заиграет. Болгарская дочка хвалилась:

— Тот мастер, когда ставил телевизоры, то упреждал: «вы смотрите, мадам, телевизоры под электрикой работают. А вы, мокрая, повернетесь невзначай, да сырой частью по проводу. Он вас, как шибанет, так сразу сухая будете. Даже больше, чем надо. Дверь вышибите, вылетаючи!

А радио повсюду: и в саду, и в кухне, и на лестницах, и в «пуле», где плавают, ну и на деревьях конечно. Аж, ухи вянут.

А гости пьют, как в яму льют. Ящики такие, «бары» называются и в саду и в доме и на кожнем этаже. Врать не буду — в уборных нету. Там только вода.

А этая старуха меня спрашивает:

— А как же вы, дорогая, без английского живете?

— А кому он здесь нужен? Вот, смотрите, мой сын Кирюша, автами торгует. Ну? Машины стоят рядком и на кожней цена обозначена. Приходи, выбирай, плати и бери. Сама видела. Всего и делов. А я? Ну, надо спросить невестку про который час. Пожалуйста: «хау мач юр вач?» Да и не надо это мне вовсе. А продукты? Наберу в повозочку, заплачу в кассе и дуй домой. Можно и с коляской. Теперь все так делают. Вот и весь язык.

— Да, — вздыхает болгарка, — а моя дочка-то со мной говорит по-английски. Ну, а модница — не приведи Господь. Она очков не носит, а стеклышки одевает на самые глаза. «Контакты» называются. Так она их меняет под цвет платья. Ну? Идет в гости, а платье красное с белым. Так в один глаз красный контакт, а в другой белый. Просто, как бельмо! — плачет старуха. А мне

и утешить ее нечем, потому что моя невестка цельную коробку этих «линзов» имеет и меняет, как перчатки, то «очи черные», а то уж голубоглазая, как ангелочек. А все равно — выдра...

Потом нас угощали, на подносах, девки нанятые, печенье с селедкой или с огурчиком или с сыром, а кожнее печенье величиной с пуговицу. Их можно жменями есть. Так болгарская старуха весь поднос забрала у девки и мы с ней под кустиком все и умяли. Не плохая бабка. А гсоти пьют и жрут. Чуем мы, что чадом запахло. Воняет горелым на весь сад. Пошли мы. А это хозяин, муж ее дочери, а за хорошим мужем и свинка-господинка, так он надел дурацкий передник и колпак на голову и стоит перед жаровней и жаркое палит. Дымит, чадит, воняет, а он довольный — дорвался. А потом гостей зовет. Угорели мы и пошли дальше, а там у «пула» цементная площадка и там танцуют, под радио. Господи, Боже мой! Ну, просто припадочные. У нас в России была такая болезня «Пляска святого Вити». Ну вот и они: дергаются, крутятся, выворачиваются, визжат, руками и ногами махают и кричат. Диким криком кричат...

Дамы все в бриллиантах да в камнях. А уж на ухах, на руках, на пальцах, на шеях и не спрашивайте. По полпуда навешано.

И пиво хлещут, но и от водки не отмахиваются. Кто зарядится, как следовет, то идет танцевать.

Но мы со старухой ушли от греха подальше. А то такой вальс отчебучат, что от стыда сгоришь... Старуха говорит:

— Скорее бы мне домой поехать. Ни к селу я тут. Как чужая, а у родной дочери. Она мне посылки шлет. А мне хоть и тяжело, но на родной земле.

Тут уж мы обои заплакали. Ну, вот, вешаю трубку. Внучка латается с боем-френдом поговорить. Ну, я вам позвоню еще. Хоть ваш голос слышу, а то все я, да я. Бувайте здоровеньки, милая.

ДНИ ЗА ДНЯМИ...

Вот уж, правда, что «лет-лет и памяти нет», сколько времени я с моим Кирюшей в Америке. А, ей-Богу и считать не хочется, но знаю, что внук вырос и ушел, но заходит выкупаться и хорошо подкушать, а внучка тоже крыла расправляет... Вот-вот вылетит из отцовского гнезда. О, Господи, а как-же иначе? Мне еще муж говорил «мать, что у людей поведется, то и у нас не минется». Точно. А все-таки душа болит. Растили, поили, кормили, на ноги поставили, танцевать заставили. А вот этого, как раз и нет. Под нашую дудку ни дети, ни внуки танцевать не хочут. Они все другую дудку ищут, а не то, так она их сама находит, дудка эта. Да, и Кирюша стареет, седой стал. Ведь сегодня автами торговать совсем не сладкий хлеб. И обманут, и обжулят, а то и просто украдут кар и смоются. Ищи ветра в поле. А в кождем штате свое поле, а их 50. Ну и плакали денежки. Кто держится и не стареет, а може я и не видю — это невестка. А не вру или глаза мои послабшали, но как была сухая и тонкая такая и осталась. Быстрая, резвая, толковая и деловая. Сынок мне говорит:

— Маманя, знайте, что жена, которая не толкает своего мужа вперед, тянет его назад. А она не тягнет, она толкает его всю времю, как мы живем вместе. Но умно толкает, учит. Она ж то американскую жизню лучше знает. Хучь моему Кирюше тоже в рот пальца не клади — откусит. Это так говорится, а скольки раз он зубы ломал, об чужие пальцы. Охо-хо!

На нашее православное Рождество мы все в церкву поехали, даже внучка. Но та у меня два долляри за это дело стягнула. А мне не жалко, нехай хочь лоба пере-

крестит. И вот я смотрю и жалюсь себе, как наш народ стареет. Только посмотреть и пожалеть.

Эта вот вошла и сразу на стул и рот раскрыла и молчит, как рыба об лед. Тольки дышет и глазами поводит. Тот, в одной руке палочка, а в другой зонтик, а уж шапку и держать нечем и шкандыбает от свечного до икон — по часу не меньше, а по дороге еще зацепится с кем-то поздоровкаться — еще время. И пока обходит, да повидается со знакомыми — пол службы, как не бывало. И та слышит плохо, да не признается и получается конфуз. Все хотит показать, что другие не так говорят, а ее подводют.

— Дайте, — она говорит, — три свечки по 25, две по 15, одну за полтинник и сдачу.

Ну староста, раз-два и выдал, как полагается, а она свечки взяла, а мелочь в сумку ссыпала. А когда свечи расстановит, где хотела, то начинает сдачу пересчитывать и ей не хватает гривенника или четвертака. Она обратно ползет к ящику и тут начинается «кто про Фому, а кто и про Ерему». Он ей одно, а она ему другое. Староста махнет рукой и дает ей пятиалтынный, чтобы тольки отвязаться. А она идет и еще бормочет, недовольная.

Другой наровит на колени стать, но это рискованно, так он за людей хватается и становится, а те боятся, что он у них рукавы оборвет — сторонятся. А когда ему вставать, то опоры уже нет — разбеглись. Так он тихонько до людей обертается.

— Хельп, люди добрые, хельп! — ну, добрые ему и подсобляют.

Я понимаю, что это все, как говорит Анна Ивановна «склероза» людей ломаит и никак над ими не смеюсь, а все жду, когда сама такая буду. А будет же. Может в двери уже стучится, только я делаю виду, что не слышу.

Что ж, все мы люди, все мы человеки. Придет и наш черед. Ждем Господи, ждем. Федосья Степановна, та еще казакует. Придет, грудь выпятит и крестится, как будто крошки с бюста смахивает, а там и бюста-то как кот наплакал. А сама на людей «зырк-зырк». Мол, смотрите, какая я еще «ого-ого!»

А где там «ого-ого»? Где? Через полчаса стула ищет, как наседка на насест. Люди ей:

— Устали, голубушка? — а она:

— Ну, что вы? Нет, я салат делала, так молоток на ногу уронила и как раз на указательный палец. И теперь им пользоваться не могу.

А чего она этиим пальцем делает, хоть убейте не доберу. А все видю, хоть и стою в церкви в самом переди, но как то мой глаз так устроен и ухо работает, что ничего и не пропускают. Но я без злобы все это, а подружескому, по-хорошему. Все люди братья, особенно мы — русские.

А то есть певцы в хоре. Он уже, голубчик, и по телефону-то слабоват говорить, а на хоры лезет. Пол-дороги по лестнице пройдет и сядет, а люди и ни туда и ни сюда. Ну, его берут за руки и за ноги и наверх втягнут. И он там поет. Чего поет, как поет, об чем поет, один только Бог знает, но звуки тянет. Но никто не обижается, потому что все понимают к чему дело идет... Все там будем, не на хорах, конечно. А он поет и сам не слышит про что. Кончится служба, подойдет он до регента, похлопает его по плечу и кажет:

— Ну, вот, дорогой, помог, как мог, а если в следующую воскресенью запоздаю, начинайте без меня. Народ не заметит. А я приеду и сразу выручу.

Регент вздохнет, улыбнется и в ответ:

— Да, вы уж, голубчик, лучше не опаздуйте. Такие люди нам, ох, как нужны.

А что сам думает, то пусть ему Бог простит:

А я про себя скажу:

— Ну, кому я нужна старая? Ну кому? Разве сыну? Да и то с вопросом. Невестке? Это больше, потому что помогаю по хозяйству: и с посудой и с бельем и с уборкой. Хучь какая польза, а есть. А внучка про бабку вспоминает, когда пуговицу пришить или «зиперу» наладить. А так? А что, дорогие, разве у вас лучше? И вот, представьте, хочим уезжать из церкви, после службы, а одна дама, Ефросининя Фроловна подходит ко мне и говорит:

— Запрошую вас к себе на обед. Уж очень вы мне мою покойную маму напоминаете.

— Так я ж еще не покойная?

— Не беспокойтесь. Все будет в свое время. Не откажите.

А что я дура, что ли? Села в ихнюю машину и «бай-бай» сынок. А он с невесткой, тоже радые, что я

куда-то смылась. Приехали. Мать моя родная! Стол, как у Форда в Белом Доме и со скатертями и с посудой. Ёлка в углу, красавица, лучше не надо. А хозяйка поясняет:

— Она вечная. Не живая. Опосля Нового года мы на нее пластику одеваем и так с игрушками и лампочками — в подвал. Год постоит — опять наверх.

А я подумала, что жалко с людями так нельзя сделать. В пластику и в подвал. Она пояснила, что живая ёлка кусается. Ёлка? А мертвая рыба не кусается? А мертвая телятина не кусается? Огурец и тот голой рукой не возьмешь. Теперь ко всему не подступись. Но все равно в Америке, люди, как бы дорого не было, а праздник справляют. И американцы и мы, да и другие нации: и японец и негр, и китаец, и араб, и француз и индеец — все они люди. Конечно, им далеко до нас, но ничего не сделаешь. Раз Бог их создал — нехай живут...

А как начали еду подавать. Ух ты, ну-ты, ножки гнуты! Гости, как с голодных краев. Навалились и пошла писать губерния. И гуси и утки и индейки, и колбасы и малясы и печеное и вареное. На всякий вкус и смак. Даже и я старалась во-всю. А что я хуже других, что-ли?

А потом, как я глянула на хозяйку, так даже вилку выронила. Накрошила она себе в тарелку серых сухариков, залила рисовым супиком и хлебает. А я:

— А что же на второе то вам?

— Мне? — и слезы ее кап-кап в тарелку — мне? Манная кашка на кипяченной водичке.

— Господи! Да за что же такое наказание?

— А за пышную жизнь, как приехали. Я уж и жрала, я уж и жрала, я уж и ела, я уж и пила, я уж и жила, как никто, а теперь и есть я, как никто. Все собрала в себя, как в копилку: диабета, два давления, склероза, ревматичный артрит, желудочные несварения от варения, подагра, алержик, амнезия, зубы вставлены.

Сердце на таблетках, на глаза линзы одели, на голову парик напялили, на морщины «мекап» навели, брови налеплены, ресницы наклеенные, на шею апосля натяжки кожи ожерелья, понавесили, как ошейники. А резали сколько? Полжелудка удалили, желчный пузырек вырезали, почки вставили телячьи, грыжу вынули, гемор-

рой убрали, печень укоротили, об мозолях уж и не говорю, прямую кишку жгутом свернули и все живу, ничего доктора со мной сделать не могут. Одна только у меня слепая кишка здоровая, профессор сказал, вот она-то меня и поддерживает, хучь и слепая.

— Совсем?

— Ни в одном глазу.

А потом, — она расказует, — что лекаря нашли у нее какую-то щитоводную жалюзу, что росла, как на дрожжах. Ну, ее и вырезали, а другую, я уж не помню, как ее звали, оставили до поры до времени. Вот так и живет. О, другую называли представительной...

— А у вас, — спрашиваю, — душа не болит, глядя, как народ нажимает и зубами хрумкает?

— С одной стороны болит. На наши деньги объедается. А с другой, думаю, что и они скоро в мою бригаду запишутся.

Ну, опосля этих слов, и я на сухарики перешла.

А так хорошо было и весело и зажиточно. А ведь только один муж у нее и работает она говорит. Но в одном месте работает, в другом подрабатывает, а уж в третьем овертаймы держит. Оно и понятно, сколько докторов кормится. Главная его работа на железном заводе, где он в трубах дырки делает, чтобы труба трубой стала. Хлеб не легкий, а вот у Сениной муж — ее слова — муж на сыроваренном заводе у Крафта в швейцарском сыре дырки сверлит. И норма есть: на фунт сыру — четверть фунта дыр.

А я пока хозяйка про свои страдания рассказувала на гостей глядела. Как звери ей Богу. Ведь не голодные, а потому что на дармовщинку. Та схватила гусиную ногу и грызет, а жир ей прямо в декольту капает. А ей — плевать. Тот свиных отбивных навалил, свреху подливка и в одной руке вилка, а в другой стакан с виской. И уплетает, да еще как! А другой норовит с русской еды гамбургер исделать, совсем как американец, а не получается: кладет хлеб, а на него салями и лучок, потом опять хлеб и котлета, с огурчиком, снова хлеб, а на ем ветчина с помидором. Толщина в полфута и все это в рот пихает, а оно не лезет, распадается, крошится, каплет, тикёт. Куда спешишь, дурной? Просто стыдно за чело-

века, но зато и вкусно наверное. Лучше б разделил на части. Что съел, а что в салфетку, и дома и дожуешь. Так нет, давится, а ест. Одна дамочка, что рядом сидела в глубокую тарелку наложила заливной рыбы, на нее паштету, потом холодного винегрету, а сверху картофельный салат и все это столовой ложкой ест.

— С чего это вы так торопитесь? — спрашиваю.

— А я, — отвечает, — постилась — и теперя догоняю.

Хозяйка мне потом объяснюет, что они нарочито таких жадных гостей приглашают, потому что у ее мужа нету аппетита и доктор советовал ему, на таких людей глядя, свой аппетит раздразнивать. Да не помогает. Он насмотрится и его тошнит. Меня б тоже стошнило. А хозяйка видит, что ей сочувствующая.

— Ах, — плачется, — если б сюда едучи знала до чего людей пельмени да блины, да икра, да сметана, да жаркое, да торты, да жареные пирожки да шоколады, да слоенные пироги, доводят, сроду б не ела. На одной клюкве б сидела, а то после тюльки и камсы захотелось колбасы — думаю.

— Бреши, — думаю, — бреши. Кто это выдержит апосля голодной Европы или Азии в Америке на клюкву сесть? Все мы одинаковые, сначала годами объедаемся, а потом глядь и желудок не работает, сердце кожные десять минут на полчаса останавливается, прямая кишка уже кривая стала, только один бульон и проходит. Ох, горе мое.

Забувают люди, что не век живем... День за днем, день за днем и смотришь уже лысый, жирный, глухой, видит плохо и ни к чему интересу нету. Разве тольки к клизме, да и то из редьки... А моя невестка на одной траве сидит, ей-Богу. Какие-то щавели, салаты, листики, травки, ягодные навары пьет и как стрекоза и по сей день. Кашки себе позволяет такие, что даже кошка нос воротит. Ну? Ни сладости, ни радости. Одна преснота. И гимнастику делает. И ей всегда надцать...

Ох, чуть не забыла. Гриша, это Кирюшин приятель, что в Россию ездил новый анекдот рассказал. Значит так было дело: в Минске, коло одного магазина, что мясом торгует с вечера народ стал собираться потому что утром обещалось мясо. Много собралось, много, а

утром завмаг выходит, посмотрел на солнышко и:

«Да, говорит, думали, что по два кило на брата выйдет, а видим, что нет. Привезут меньше. Уже звонили. Так вот что: пускай евреи домой идут, на них все равно не хватит, да и свинины обещается больше».

Евреи побурчали, побурчали и пошли себе. Через два часа, а погода стала портиться, зав опять на пороге:

«Плохо дело, товарищи. Я звонил, запрашивал. Может по кило на рыло выйдет. Поэтому там решили, чтобы инвалиды и пенсионеры топали домой. Дадим только работающим».

Уходили те и крича и ругаясь. А туч все больше. Опять через два часа зав стоит:

«Дела швах. Привезут совсем мало, потому что там недостача большая. И потому пусть только члены партии останутся, а беспартийные уходют по домам».

Обругали его обиженные и ушли. С кем же спорить? Осталась там какая сотня и дождь полил, как с ведра, а они стоят. Вымокли здорово. А зав дверь открыл, морду высунул и:

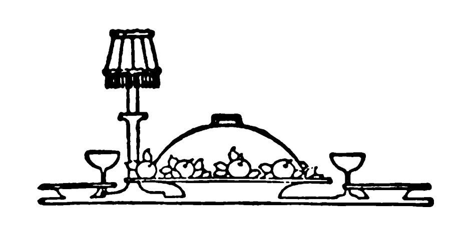
«Сейчас сказали по телефону, что ничего не привезут. Переучет начали. Идите домой!»

Люди стоят мокрые, холодные и голодные. И вдруг один как крикнет:

«А ведь евреи опять всех перехитрили!»

— Как?

— А раньше всех домой ушли!!!

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

— Не звонила я вам, не звонила цельный век. А почему? Болела. Такой уж возраст подошел, что все болячки собираю, и свои и чужие... Кирюша, сынок, повез меня к своему доктору, у нас страховка, дорогая, на всю семью так, что доктор, он добрый, ничего не берет, а только счета выписует. Он американец, обсмотрел меня, обслушал и на «тесто» послал. Это по ихнему значит всякие анализы и проверки. Прошла я все «тесты» и он сказал Кирюше по телефону, что у меня полноекровие и что я должна есть меньше мяса и больше овощей. А я запросилась к русскому. Повез Кирюша, он матери никогда не отказует. Наш русачок попил с нами чаю, побалакал про Россию, про тое и сее... Ну, в общем все было, как у людей, а потом уже почал выспрашивать, да подслушивать. И сказал строго, что у меня малоекровие: больше мяса и меньше зелени! Вот так, милая и живу. Делаю, как обои доктора сказали. Через день, то мясо, то овощу. И что вы думаете? Полегчало! Попробуйте, я вам не враг! О, да, вы на диете сидите? Ну, сидите, сидите. А когда встанете — поговорим...

— Ну, вот и мы дождались нового президента. Все смеются, что он смеется и орешками торгует. А какая разница? Мой дед отходами от жмыхов торговал, два дома имел и многое другое. А пришла советская власть и не стало ни деда, ни жмыхов.

— Кирюшин приятель, Гриша, я вам об нем рассказувала, так кожный раз, как придет, так анекдот новый приносит. Вот и сейчас, припомню и вам расскажу. Ага. В школе ждали с визитом товарища Брежнева. Ну, учи-

тели все и волновались, а одна, в своем младшем классе, сказала:

— Детки, надо чтобы кто-то с вас приветствие сказал вождю. Сознательность выявил.

Ну, там малый Ваня и выскочил: — Тетя, я скажу!

— Ну? А что же ты скажешь?

— А скажу так: Дорогой т. Брежнев, у нас в доме кошка есть и у ней пятеро котятков родились и все они коммунисты!

— Ух, ты! Это здорово! Скажи, скажи!

А Брежнева, как на грех только через три недели черти принесли. Он восходит в класс, а учительница моргает Ване «говори, мол, а то уйдет!»

Ну, мальчонка вскакивает и лупит: «Дядя, Брежнев, у нашей кошки пять котенят и все они беспартийные!

Брежнев похлопал Ваню по голове, скосил глаза на учительку и уехал. А она:

— Что же ты сказал, рыбий глаз?! Ты же должен был сказать, что коммунисты!!!

— Тетя, так они ж тогда были слепые!

— Ага, про что я хотела сказать? Да, про нашего президента. Ну, что с того, что он маленький да плюгавенький? А Джонсон большой был, да войну затеял. Тут не важно, что за величина, может быть человек маленький, да удаленький. Дай ему Бог! Пусть, кто и не голосовал про него, но сегодня он наш президент, так будем же помогать ему! А помогать ему — это помогать Америке! Она ж, когда мы приехали — помогла нам, не спрашивала кто мы и что мы. А видит люди без кола и без двора, ну и помогла. А какие мы стали! И колы, и дворы, и дома, и закрома, и уважения и сбережения. А уж об еде и говорить не приходится: зимой ананасы жрем! Кирюша требовает, чтобы я грейфрукты кождое утро съедала. А я ем и давлюсь. Там на родине колхозник над картошкой трясется, соски для дитя не имеет, а я сахарцом посыплю и лошкой ковыряюсь. Душа болит! Что, не правда, скажете? Но ем. Там витямины! Я вам правду скажу, что хорошо иметь, то что желаешь, но еще лучше ничего не желать, акроме того, что имеешь!

Я сказала, что у нас семья. Да, дорогая, было да сплыло. Внук ушел и живет с какой-то шантрапой. А когда деньги надо приходит до Кирюши. А он, как мой муж, весь в отца и говорит своему сыну:

— Деньги в Америке — говорит — даром не дают-ся. Хочешь заработать — мой мои кары! А их у него до сотни, он же торгует ими. Тот и моет, аж пар с него идет! Сама видела. А я вспоминаю, как нас прежде лупили и все было хорошо. А теперь все с «плизом». Ну, вот этот «плиз» боком и выходит. А внучка, та стрекоза, учится лучше всех, награды приносит. Уже ей за ученье пенсию дали! Вся в бабку, хочь я и не грамотная. Но и тоже у нее свои интересы. Со школы придет и за телефон, аж пока мать не отгонит. А вот, сейчас, с вами говорю потому что никого дома. Мать-то ее американка, тоже слабая на «яки-яки» и «бла» «бла»! Одна я в доме в телефоне не нуждаюсь.

— Вы спрашиваете, как у нас в приходе? О, Господи, да никак. Посмотришь — одного нет, поспросишь — уже в старческий дом съехал, позвонишь, а она в госпитале, повидишь, а он с палочкой ковыляет, а хорохорится. Тоже — герой, кверху дырой! Но некоторые дамочки еще казакуют, дай Боже! На ногах кожа от крокодила, на плечах мех от тигры, на руках змеиные перчатки, на всем теле — дакрон-макрон первого сорта, а от него потеешь. И уж она вертится, уж она выхваляется, а из самой давно пилилки сыплются. А вы не знаете, что такое «пилилки»? А я еще когда там жила, то дочке куклу изделала и ее опилками набила для толстоты. А потом где-то дырочка выявилась и они сыпаться стали. А дочка и говорит: Мам, а мам, пилилки сыплются!

Так я этой даме на паперти и сказала:

— Вы, милая, сбросьте свою корону. Она у вас «секонд хэнд». Чего Бог не дал, того и взять негде!

Ух, ты! Чуть она меня не разорвала, ей Богу!.. А Гриша рассказует так просто верить нельзя. Будто один приехал из третьей эмиграции и выпустили его потому, что у него деревянная нога со дня рождения. Вот, судьба у человека.

А я на Рождестве в русском клубе была, Кирюша повез. Ну, ничего: и поют, и пьют, и танцуют. Есть еще порох. А больше всего мне старый танец понравился. «Поди-спать» называется. Очень красивый...

— А вот теперь такое несчастье на страну свалилось: снега, ветры, морозы. Видели по тиви? Это же надо такое горе? Люди в домах замерзают, в карах гибнут.

В дороге то некуда деваться. Он и сидит в машине пока не замерзнет. Машина-то не идет. Вся Америка на сочувствие и помощь перешла. Президент позвал экономию наводить. Сам в шерстяных сподних и фуфайке ходит и отопление в Белом Доме проверяет. Моя невестка по одной лампочке на комнату оставила. Купаться только под душем. Умываемся через день. Может — поможет! А и правда. Мы в тепле сидим, а там в польтах спят, потому что оил не могут подвезти. Пароходы с нею посреди реки позамерзли. Теперь шланги положили по лёду и день, и ночь оил качают. Потом лёд начали бомбами взрывать, чтобы пароходы сдвинуть и ледоколы пошли на помощь! Все фабрики и заводы закрыли, чтобы хоть людям в дома дать тепло. А еще что будет, когда все это начнет таять?! Наводнения не дай Боже! А у нас соседка женатых братов в Казахстане имеет. Они живут на курорте Боровое, где кумыс. Там работают. Так там, вы не поверите, они пишут 50 градусов ниже нуля! А? Ниже нуля! А эти несчастные браты после 20 лет ожидания получили две комнаты в новом доме, а до того в хибарке жили. Так в ней печка была и она дровами топилась. И как бы во дворе холодно не было, а в хатенке тепло. Только дрова со двора носили. Попили, поруби и носи. А сейчас в том новом доме паровое отопление. Так оно до того малокрвное на эти 50 ниже нуля, что уборные позамерзали, трубы лопаются и люди и в кроватях в том в чем и на улицах! А когда жильцы пошли в управу жалиться, то там им резонно сказали:

Нам ваши жалобы до лампочки! У нас есть предприятия, что план выполняют. Им надо топливо дать. А вы и до весны обождете. Тут контр-революцию разводить нечего!!!

И люди зараз же вспомнили, что у них безклассовое общество, а класса три: один — кто сидит, второй — кто сидел и третий — кто будет сидеть! А я бы сказала, что есть еще и четвертый — это те, кто раньше времени лежать будут!

И жалобщики сразу потухли и на цыпочках домой пошли. Подастовали с унитазов куски лёду, потаяли его и попили холодного чаю. Вот, как живут при коммунизме!

— Ох, чуть не забыла. Заставили моего Кирюшу негра на работу взять. Машины мыть. А он говорит:

— Дык у меня сын для этого есть, — а они:
— Сын приходящий, а этот постоянный будет.

Ну, не стал спорить — принял и парень прижился. Представьте — хороший оказался. Мой сынок считает, что «не делай людям добра — ругать не будут!» Парнишка даже иногда ночует в будочке, где Кирюша днем сидит. А то по ночам машины, воруют. Мы его и в гости зовем — чай пить и ужин кушать. Он привык к нам и любит нас. А меня иногда просит сырники изделать или зеленый борщ с яйцом. Очень ему он по душе.

Так он нам как-то сказал, а Кирюша перевел:
— Почему вы нас «цветными» называете? Почему? Когда вы загораете — вы коричневые становитесь; холодно вам — синеете; болеете — краснеете; тошнит — зеленые станете, а умрете так и вовсе — серые. А я? Всегда черный; чтобы со мной не случилось!

Много мы смеялись. Ну, до-свиданья, дорогая. Заговорили вы меня. Пойду вареники лепить. Сегодня негр у нас ужинает, а потом с внучкой в кино идет.

Дожили!

ВНУЧАТА

СТАРИКИ Говядины жили на востоке Америки, где-то не то в Си-Клиффе, не то в Петерсоне, где обосновались сразу же после приезда из Германии. Здесь работали и выращивали дочь Леночку, которая изо всех сил требовала, чтобы они при получении гражданства переменили фамилию на человеческую, ибо русские дети ее дразнят: «Говядина, говядина сколько за тебя дадено?»... И они стали Биф. Три буквы и расписался без ошибок.

Отрастив крылья, она поселилась отдельно, устроилась на работу, как будто бы влюбилась и вышла замуж за — ну, тут нельзя не рассмеяться — за типичного американца, мистера Биф! Ну, бывает же такое совпадение? Кстати он был вегетарианец. По-русски, конечно, ни «бум-бум». Когда они записывались и венчались, то возникли трудности: нужно было до брака доказать, что они не родственники. Они доказали и все обошлось. Дочь сказала:

— Слава Богу, что не Стэйк и не Гамбургер. А так, я как будто и замуж не вышла.

Но это она переборщила, ибо доказательства были на лицо: родился сын.

Муж у Лены был покладистый — может это от вегетарианства — и разрешил крестить в русской церкви. Старики — Говядины (простите ради Бога — Бифы) были в восторге, когда внука в честь деда нарекли Федором. Правда, сразу же переделанного в Фреди.

Джони — это муж, получил лучшую работу на Западе, где-то в Калифорнии, захватил жену и сынка и отбыл в солнечные края, а Говядины (можно их так называть?

Как-то звучит роднее) остались. Куда уж трогаться? Тут и работа и друзья и церковь. Одним словом — корни были пущены и на старости лет рвать их не охота, да и не так уж родители были нужны дочери и зятю, чтобы срываться с насиженного места.

Потом они узнали из писем Лены, что у нее есть второй сын, а у них следовательно второй внук и затосковали. Очень уж хотелось их повидать. Дочь не особенно-то их приглашала, но когда они стали настаивать и уточнили, что поедут туда и обратно за свой счет и даже готовы харчеваться за свои деньги — согласилась тем более, что Биф № 2 купил новый дом, где легко нашлась бы лишняя спальня для стариков. А прокормить? Ну, уж это в Америке, даже при сегодняшних ценах, не проблема. Было решено приурочить приезд родителей к Рождеству, так как дети будут иметь школьные каникулы и будут больше дома, на радость дедушки и бабушки. По их расчетам старшему было уже десять, а младшему восемь. Вот, как время пролетело!

Самолетом лететь было не плохо, но уж очень накладно. Поэтому выбрали автобус, а он не дороже поезда, но как говорили знающие люди, а их всегда очень много, особенно никуда и никогда не ездивших — на остановках можно поесть на станциях, что значительно дешевле, чем в вагоне ресторане. Ну и поехали, а это вышло четыре ночи и три дня.

Извелись до одурения: ноги поопухали, сна не было, ибо какая-то дура ехала с грудным ребенком, еда невкусная, ешь наспех, потому что сам ешь, и сам боишься, что автобус по глупости уйдет раньше времени, а то и так бывает, что, поев сдуру, не в тот автобус влезешь. Потом: внутри жарко, а вылезешь — холодно. Вот и простудились. Они зареклись обратно ехать не тем же транспортом. Пусть дороже, но удобнее...

Всего боится русский человек, который едет раз в двадцать лет в далекое путешествие по чужой стране, а Говядины хоть и любили Америку, но привыкнуть к ней не могли...

Дочь была предупреждена о том, когда они выехали из Нью Йорка и знала, о часе прибытия автобуса в Сан-Франциско, где должна быть пересадка. И она планировала взять родителей в свою машину и отвезти к себе в

Бурлингейм, а это рукой подать от красавца Сан-Франциско.

Когда старики, обалдевшие, с красными от бессонницы глазами и опухшими носами, вылезли на центральной станции Грейхаунда, то огромное количество людей и вагонеток с багажом, сновавших в разные стороны, их ошеломило, и они стояли не двигаясь, не зная, где-же в этом столпотворении найти свою Лену. И найдет ли она их? А одна вагонетка с багажом, на которой повисли двое мальчишек, чуть не сбила их с ног. Дети орали и свистели им, а человек управлявший ею сурово прикрикнул на Говядиных же.

— Что же делать, Федя? — спросила жена.

— Ждать!

А в это время мимо них промчалась женщина, которую они приняли было за «прошлую» Лену, но она так озабоченно смотрела во все стороны и расталкивала пассажиров, что можно было и ошибиться. Когда же через пять минут она шла обратно, волоча за руки тех зловредных мальчишек — сомнения рассеялись. Это была их дочь!

— Леночка! — завопили родители.

— Мама! Папа! — закричала она, — но, извините, я не могу вас обнять, я должна держать этих горлохватов.

— Ничего, ничего. Мы вас всех обнимем, — обрадовались Говядины.

Мальчики удивленно смотрели на странную пожилую пару, целовавшую их маму, а потом облизавшую их тоже.

— Они, — сказала дочь, — по-русски не говорят, не пишут и не читают, но все понимают!

— А что же они делают?

— А все остальное!

Ребята притихли, у них появился новый интерес. Дочь выглядела уставшей и постаревшей. О, Господи, да какую женщину не старят семья, заботы и дети?

— Мне надо получить ваш багаж, но с ними мне будет трудно.

— Ну, что ж. Оставь их нам и иди.

— Ну, папа, тогда я никого из вас не найду, потом.

— А... А ты отведи нас всех в автомобиль, и иди.

— Вот это мысль, — воскликнула Лена и все пошли к машине. Она не заметила, что приехав, впопыхах оставила в машине ключи и теперь, убежав за багажом, забыла о них окончательно. Как только мать скрылась, дети усевшись на первое сиденье (старики сели сзади) сразу же обнаружили заманчивую находку. Старший немедля включил мотор, а младший дал гудок.

Говядины ахнули и закричали в два голоса:

— Вы что, обалдели?! Что вы делаете?

Дети залопотали что-то в ответ и начали переводить какие-то рычаги. Какое счастье, что перед ними стояла чья-то машина. Они стукнулись об нее раз-другой и мотор заглох. Дедушка успел перегнуться и вытащить ключ, но младший пытался отнять, однако у него ничего не вышло. Спорили на двух языках. А это, как известно из истории построения Вавилонской башни ни к чему не привело. Наконец появилась Лена, волоча два тяжелых чемодана.

— Что вы в них везете, кирпичи?

— Да, нет же, детка, у каждого свой багаж.

Мать взволнованно рассказала дочери об истории с ключом. Та и в ужасе и свирепо посмотрела на сыновей, глянула на чужую машину и сказала:

— Надо скорее выезжать, задним ходом. Мальчики помяли зад у чужого автомобиля.

Уехать успели.

— Ну и детки у тебя.

— У других не лучше.

В пути Говядин почувствовал, что его голове холодно, но шляпы не обнаружил и тогда вспомнил, что в пылу борьбы за ключ, уронил ее с головы на переднее сиденье. Он перегнулся.

— Что ты ищешь, папа? — спросила дочь на ходу.

— Шляпу. Она была на месте, а теперь только голова осталась.

Мать строго посмотрела на сыновей.

— А ну, где шляпа, отдавайте!

Тогда старший вытащил из под себя какой-то блин, на котором сидел и с улыбкой отдал дедушке, сказав при этом:

— У нас ничего не пропадет!

Даже при участии кулака, былое великолепие головного убора, купленного для поездки в гости, ни к чему

не привело. Он был спрессован внуком на славу. Когда приехали, то старики сами взяли свои чемоданы и понесли. Дочь поехала в гараж, чтобы не оставлять машину на улице, а внуки повели родню. При доме был сад, но теперь была зима.

— Какая досада, — сказала бабушка, — холодно и теперь не до сада.

Потомки по-прежнему внимательно рассматривали своих предков, оживленно критикуя их внешность и наряд.

Пришлелась запыхавшаяся Лена и ввела родителей в дом. В гостиной стояла неубранная еще ёлка. Дочь, помогая родителям, потащила их на второй этаж, где показала им комнату, ванную и уборную.

— Вы можете принять ванну и отдохнуть с дороги. Муж приедет к шести и будем обедать. Он любит сам готовить, но это по выходным дням.

Но и старики предпочли отдохнуть и заснули сразу, т. к. долгий путь и первые впечатления после приезда сказались на усталых людях... Но когда Говядин, проснувшись захотел выйти по личным делам, то дверь не отворялась. Он дергал, дергал и, наконец, начал стучать, так как терпеть больше не мог. Прибежала взволнованная Лена и отвязала ручку двери от приставленного к ней стула.

Дети объяснили, что они к этому отношения не имеют, но если бы старики вышли, то забыв спросонья, что они в чужом доме могли бы «загреметь» вниз по лестнице, а страховки у них наверное нет. Что бы было?

В этом была своя логика и здравый смысл... Зять оказался миролюбиво настроенным и вечер прошел более или менее гладко. Правда, когда дети начали смотреть по телевизору картины не по их возрасту, старики взволновались и запротестовали. Старший внук понял о чем идет спор и подсев к деду положил перед ним пачку журналов «Плэйбой».

— Вот, — сказал он, — смотри, это папины и не вмешивайся, если тебя не просят!

— Подумайте, — сказал старик Говядин, — сначала чуть не переехали нас вагонеткой, потом пока матери не было хотели разбить нас с машиной вместе, затем расплющили мою шляпу и чуть не довели до катастрофы, когда

дверь спальни была закрыта, а мне надо было срочно. Что же это? И это за один день!

— Ну, уж это ты преувеличиваешь, это просто совпадение, — ответила жена.

Ложились спать с тяжелым чувством; особенно боялся старик, что ночью дверь опять не откроется. Тогда что? Он тогда мол, пропал! А изобретательная жена успокоила:

— А окно для чего?

Откинув одеяло на своей кровати дед ахнул. Там опять лежал «Плэйбой», но со страницей тройного размера и на ней во всей красе была мисс «Декабрь». Из прожиточного минимума она имела серьги и одно колечко.

— Что ты там копаешься? Ложись уж.

Говядин лег, но упругая бумага журнала так захрустела, что он торопливо вытащил из-под себя «мисс Декабрь» и спрятал под подушку.

— Что ты там никак не успокоишься? — сердилась супруга.

— Ничего, ничего. Это я с непривычки.

Ночь прошла благополучно, но бабушке приснилось, что видит в руках мужа этот злополучный журнал, данный внуком, и что она вырывает его из рук мужа, крича при этом. «Это не для твоего возраста, отдай зятю!».

Проснулись рано так как внизу раздавался шум и грохот. Оказывается, что зять уехал на работу, дочь возится на кухне, а дети носятся друг за другом, роняя по пути кресла и стулья. С головной болью спустились вниз.

— Сейчас дам завтрак, а на них не обращайте внимания, это каникулы.

— А разве нельзя почитать книжки или порисовать картинки?

— Как же, дожидайтесь. Они не из того теста. Что видят по тиви, то потом...

— О, Господи, — вздохнула бабушка, вспомнив вчерашние три убийства, два отравления и четыре драки показанные по телевизору. — Ну и дела, не дай Бог никому.

Выгнав детей во двор дочь уселась с родными.

— Ну, как же так, — сказал отец, — делают, что хотят, смотрят, что желают...

— Это они выторговали себе за более или менее благополучное поведение в школе. Я с мужем обещала им, что они будут отдыхать по своему. Ну и вот...

— Недопустимо подобное. Если бы мы жили вместе, то я бы...

— Ну, расскажите мне как вы живете, — переменила тему Леночка.

— А вот вечером увидите, — продолжал дед на больную тему, — вместо тиви я им почитаю книжки русские. Мы привезли несколько, думая что они грамотные.

— Да, я безумно рада, что они хоть понимают по-русски. Я ведь с ними только по-русски говорю — муж не возражает — даже на людях. Сначала стыдились, скандалили, а потом привыкли. Отвечают по-английски. Еще сами спасибо скажут!

— Честно говоря, — сказала бабушка, — у других родителей, у нас, где мы живем, дети не бельмеса не понимают. Да и вообще они как не русские.

— Ну, а мои что? — горестно вздохнула дочь. — Им, что Россия, что Гватемала — все одно.

— Жаль, что мы вместе не живем, мы бы за них взялись со старухой, как следует...

— А вы попробуйте хоть эти две недели.

— Да, да, — воскликнула Говядина, — научу их лоб крестить, молитву читать, стихи выучим. Уважать старших. Может азбуку успеем.

— А я, — добавил Биф № 1, — сказки, историю государства Российского и беседы...

Дочь только иронически улыбалась.

— Не улыбайся, вот увидишь, — сказал дедушка и вспомнил «мисс Декабрь». — Слава Богу, что понимают, а то читать русские сказки по-английски это ни Богу свечка, ни черту кочерга! Главное — терпение! С детьми это главное!

— Да я себя спасаю. Если буду делать, как надо, так они меня живьем съедят.

— Лупи их. За битого двух небитых дают!

— А вы с мужем поговорите, — надоело это Лене, — может он сделает по вашему.

Старики насели на зятя, а он уставший после работы, ответил:

— Вы отстали от сегодняшней жизни. То, что было хорошо в ваше время, то сегодня никак не подходит, а то, что делается сегодня в ваше время было бы принято за сумасшествие. Мы родители живем, как все и иначе не можем. Вы приехали в гости, так и будьте гостями, а мы — родителями. Точка!

На четвертый день пребывания, гостья-бабушка повела беседу с внуками.

— Дети вы хотели бы иметь сестренку? — Лена ей кое в чем призналась.

Молчание.

И так трогательно было видеть старую русскую бабушку сидевшую на новом диване с американскими внуками, разговаривающую с ними на бессмертную тему о деторождении.

— Ну, что вы не понимаете? Вы мальчики, а будет у вас сестра девочка, а?

— А почему нет?

— А вы бы ее любили?

— А почему нет?

— А вы знаете, кто принес вас папе и маме?

— А почему нет?

— А вот знаете, да не совсем: аист, такая птица с длинным носом.

— Знаем, видели их на открытках. А ты веришь этому бабушка?

— А как же. Я сама так появилась у своей мамы. Аист прилетает днем или ночью и приносит родителям деток.

Внуки переглянулись.

— А для чего же женщин отвозят в госпиталь? Аиста ловить?

— Нет, но может быть она была больна в это время.

— Нет, у нашей соседки всегда так получается: поедет, а приедет с малышом. Уже четыре раза так было.

— Это деточки, случайно получилось.

— А другого способа ты не знаешь? — спросил старший внук.

— Нет, только аист.

— Окей, Оскар, принеси энциклопедию на букву «п» и объясни бабушке.

Малыш помчался в кабинет отца, а бабушка сидела ни жива ни мертва. Оскар быстро вернулся, открыл на соответствующей странице и начал:

— Смотри сюда, вот видишь, это ты в разрезе, а это ребенок, а потом...

Говядина в ужасе захлопнула книгу и побежала наверх в свою комнату.

— Ты смотри, — сказал Фреди, — она вправду не знала. Так испугалась картинки!

Слышно было как бабушка наверху кричала на дочь:

— Да, вы что все с ума посходили? Что он мне показывает, а? Это же ужас!

— А чего она спорит, — сказал младший, — ведь в книге нет аиста, а папа?

— Теперь на аисте далеко не уедешь, — добавил старший, улыбаясь деду.

Вечером убирали ёлку, но так бурно, что она два раза падала. Родители сидели и улыбались, а попытки стариков помочь детям ни к чему не привели. Старший отвел его на диван и сказал строго:

— Ты дедушка? Твое дело смотреть, а это наша работа. Понял?

С грехом пополам и с дракой, ёлку украсили. Так прошел этот день, а на другой, вечером отец сказал, что тиви не будет, а дедушка почитает сказки по-русски. Поднялся крик и рев, но отец был неумолим. Все уселись и бабушка сказала, что она прочтет стихотворение с дикцией. Став посреди гостиной начала:

— Зима, крестьянин торжествуя...

— Кто? Кто? — закричали ребята.

— Ну, фермер, — пояснила мать.

— А второе слово? Второе?

— О, торжествуя? Это вроде «вери хэппи», понятно?

— На дровнях обновляет путь, — красиво вывела бабушка.

— Бууу! Бууу! Не понятно!

— Тихо, — закричала мать, — на дровнях — это на дровах.

— Да нет, что ты? — вмешался Говядин. — Это сани такие, большие. Ну а «обновляет» это значит едет по снегу, по которому еще никто не ездил. Он первый.

Мать перевела, а бабушка ждала, а потом:

— Его лошадка снег почуя...

— А что это «лошадка»?

— Маленькая «хорс». А снег почуя — я сама не знаю.

— Очень просто: она давно не видела снега, как мы в Калифорнии.

— Плетется рысью, как нибудь, — красиво закончила Говядина.

— Плетется? Хм, — смутилась Лена, — это коса плетется, а как же лошадь?

— Плетется, — это идет медленно «словли».

— Ну, а рысью?

— А это быстро, «спид» такой!

— Так как же: быстро или медленно?

— Пушкин ясно объясняет, что «как-нибудь». То так, то так. Понятно? Мама — дальше.

— А дальше я забыла, — смутилась бабушка.

После этого дети закатили такой скандал, что пришлось включить тиви и смотреть, что они хотят, тем более, что это соответствовало и вкусу родителей.

— Ой, — вспомнил Фреди, — давайте играть в «хайджакера».

— А что это? — спросил осторожный Говядин.

— А это про тех, что самолеты похищают.

— Давайте, давайте, — согласился дедушка лишь бы не смотреть телевизор, — а как?

— А вот смотри, — говорили ребята, расставляя стулья и кресла, — это самолет.

— Ты идешь с чемоданом, но сначала надо пройти проверку, что нет оружия. Дедушка, можно твои чемоданы?

Ну, как отказать любимым внукам в безобидной игре? И дети сволокли вниз их чемоданы, но не несли, а сбросили по ступенькам. Те скатились, но не раскрылись.

— Крепкие они у вас. Ну, вот ты иди и предъявляй для контроля, а мы проверим.

Говядин взял чемоданы и пошел на контроль. К этому времени спустились сверху бабушка и Лена. Когда старик раскрыл чемоданы, то внуки одним махом вывернули их на пол.

— Ой, что вы делаете, несчастные?

— Надо проверить, как следует. Теперь, ты бабушка садись на пол и собирай вещи обратно в чемодан, а мы проверим дедушку на оружие.

Пока шли эти разговоры, Фреди протянул от стены провод и сказал деду:

— Мистер, если у вас нет оружия в карманах, то все будет хорошо. На-те, держите.

Доверчивый Биф № 1 взялся за оголенный провод, а внук сразу же его подключил к стене. Дед заорал благим матом и запрыгал, как кукла на веревочках! Фреди отключил ток, а его отец улыбался.

— Да ты же мог убить моего папу! Что ты сделал, негодяй?? — закричала Лена.

— Биг дил. Это же игра. Мы у одного мальчика всегда так играем...

Обозленный Говядин пошел к себе, дуя на руку. Дрожащая и испуганная бабушка шла сзади. На другой день, утром удивленная Лена увидела родителей сидящих в передней на чемоданах. Они объяснили, что уезжают немедля, пока живы. Дочь не особенно их отговаривала, но сказала:

— Я очень сожалею, что не могу вас отвезти в Сан-Франциско, потому что сегодня по тиви, днем выступает знаменитая негритянская баскетбольная команда «Глобтроттер» и мы все будем ее смотреть.

— Что же, нас на негров променяла? — зло спросила мама.

— Нет, но мы давно этого ждали и думали, что и вы будете смотреть...

— Вот что, — сухо сказал отец, — вызови такси и пусть он нас отвезет в Сан-Франциско, а там уж как-нибудь не пропадем...

Дочь побежала к телефону и когда такси приехало, она радостно сообщила:

— Я говорила с шофером и он, если вы дадите ему пятерку, и билеты вам купит и усадит в нужный автобус.

— Дадим, дадим, пусть не сомневается.

Шофер сделал все и даже дал им на дорогу бутылку «Кока-Колы».

И бедные старики провели американское Рождество в ненавистном им автобусе.

ВЕЧЕР БЫЛ...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Я УВЕРЕН, что те из читателей, которые носят в в кармане карточку «Медикер» и те, которые ее вот-вот получат, помнят это:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.

Дальше идут трогательные строки о том, как его подобрала старушка, отогрела и накормила сироту. Мы, в свое время, со слезами слушали эти проникновенные стихи читаемые в школах на утренниках, приуроченных к празднованию Рождества. Потом ситуация несколько изменилась, и мы взрослые и синели и дрожали и холодали и голодали. А малютки, наши дети, требовали от нас и тепла и еды... Вторая война разбросала нас в разные стороны. Одни сложили свои головы в Архипелаге ГУЛаг, другие на полях сражений, а третьи, наиболее удачливые избежали и того и другого. Проскочили всякие скрининги и проверки, отсиделись на Тубабао или в немецких лагерях для Дипи, опекаемых Унррой и Иро. Все было...

И переплыв океан, обосновались мы в благословенной Америки, где забыли о синеве, дрожании, холоде и голоде. Наоборот, раздобрели, налились жирком и апломбом. Жить по настоящему стало и лучше и веселее. Дорвались до ананасов, ветчины, грэйпфрутов, сыров, авокадо, колбас, папайя, сгущенного молока, тор-

тов, анчоусов и шоколада, а такие прозаические вещи как яблоки и груши вспоминались лишь когда держали в руках бокалы с крепкими напитками и пели «Катюшу»!

Одним словом, что там расписывать на бумаге, когда каждый из нас ест клубнику в декабре и на четвертое к обеду неаполитанское мороженное и бразильское кофе с английским печеньем. Что скажете? Нет? То-то! Даже пенсионеры и те раз в месяц варят себе кисель.

На этих страницах был опубликован очень правдивый рассказ (неизвестного автора) «ВНУЧАТА», где рассказывалось, как бабушка и дедушка Говядины поехали в гости к замужней дочери в другой город и там познакомились со своими внуками. Старики были рады, что уехали раньше времени живыми и здоровыми. Да и наслушались тоже всякого. И тот рассказ был не так рождественским, как торжественским. Встреча с дочерью и зятем и их детьми умиляла до слез. Но только Говядиных — остальные смеялись.

А тут, сейчас, опять подоспел рождественский сезон и возникла необходимость создания соответствующего рассказа, в традициях, старого, милого, прошлого времени. Вышеуказанный ниже автор решил быть правдивым в пределах своих сил и дать возможность читателям умилиться по настоящему..

Семья, о которой идет речь живет в вашем городе. У них двое детей, мальчику 12, а девочке 10. Всеми правдами и неправдами (неправдами — больше) родители добились того, что дети хоть и не читали и не писали, но говорили и понимали по-русски. Пусть это было «твоя-моя», но все же в доме присутствовал русский язык. А как у вас, дорогой читатель? Вы-то, конечно, а дети? А уж о внуках и спрашивать не приходится. Ни в зуб ногой? Но не будем портить праздничного настроения, указывая на кого-то пальцем. Чем кумушек считать — трудиться, не лучше ль на себя оборотиться? Помните Ивана Андреевича Крылова? Вот уж, светлой памяти человек! Ему и Шолоховы и Фадеевы и в подметки не годятся! Хотя, впрочем, когда-то, кто-то, в пылу спора крикнул Шолохову:

— Да, вы ему в подметки не годитесь! — а он спокойно ответил:

— Ну, это еще вопрос!

Но не будем отвлекаться. Так вот та семья, зная, что Говядины уже к дочери не поедут, после событий прошлого года, а она (семья эта) дружила с их Леночкой в свое время и, зная, что старики будут одни сиротливо сидеть перед искусственной ёлкой и есть кислое молоко с бубликом, решили пригласить их к себе на американское Рождество. Тут уж традиции ломались, т. к. у детей каникулы, у американцев самый большой праздник, значит надо тянуться за всеми. А русское Рождество можно будет отметить посещением церкви, вкусным обедом и приглашением друзей или же самим пойти к кому-нибудь, только... Только ребят нельзя оставлять одних... Такого натворят. Ну, там видно будет, а пока Агрипина Васильевна позвонила Говядиным и расстрогала их своим вниманием.

— Ну, чего там, сидеть дома и киснуть. Придете, посидите, покушаете, а потом у ёлки устроим что-либо в традициях вашего времени. Конечно, деда-мороза не будет, хоровода вокруг ёлки тоже водить не будем, а поговорим, а дети пусть послушают настоящий русский язык, а то и мы уже с мужем шкандыбаем через пень-колоду. Да, оно и понятно: практики то нет. Так приходите часикам к шести в ихний Сочельник. Будем очень и очень рады.

— Хорошо, дорогая, спасибо за память.

— Ну, как же. Я же с Леночкой, с вашей, подруги. И ей будет приятно знать, что ее родители в такой день не были забыты.

— А она-то откуда будет знать?

— А я ей распишу это так, что она от зависти лопнет! Я ее люблю и знаю по себе, как ей трудно с двумя мальчишками. Вы сами знаете, какие сегодня дети.

— А школа не воспитывает? — с надеждой спросила Говядина.

— Не говорите, а то я умру от смеха. Да, они из школы такое приносят, что...

— Значит, как и Леночкины дети.

— А ну-да. Какая же разница? Все школы одинаковы, а учителя еще хуже. Ждем.

Говядины в пределах сил принарядились и в пол шестого разорились на такси. Ведь в автобусах только отчаянные рискнут ездить.

— Родная дочь так не радовалась нам как вы!

— Так у ней же муж американец, а мы — русские. Это тоже играет роль.

Дети подали ручки, шаркнули ножками (а может это Говядиным только показалось) и все весело разговаривая уселись за стол. Ну, конечно, уселись то все, но «весело разговаривали» только взрослые. Дети разговаривали с трудом, но на вопросы отвечали, сопровождая ответы резиновой улыбкой. Поели вкусно. Было почти все, что упомянуто в начале рассказа. Не было только кокосового ореха и черепахового супа. Но гости не заметили. Потом все перешли в гостиную, уселись вокруг пышно украшенной ёлки (из года в год одни и те же украшения, плюс электрические лампочки) и повели теплую беседу.

— У нас завтра большой прием, — сказала хозяйка, — но я уверена, что вам в такой обстановке лучше, чем в большой компании, да еще с американцами, сослуживцами мужа...

— О, Боже! Конечно же. Тут просто чувствуешь себя как в России среди своих, среди родных. А у дочери муж ее слушает, а ничего не понимает. Стыдно за него.

— А как дети Леночки?

— Знаете, милая, лучше не спрашивайте. Растут два хулигана и удержу нет.

— Да, — вздохнул отец, — вижу сам и понимаю. А что делать не знаю.

— Ну не будем огорчаться по этому поводу хоть сегодня, — воскликнула хозяйка, — вы же когда-то читали по памяти, я помню, разные стихотворения, ведь правда же?

— О, да. Да, многое я уже перезабыла, годы-то идут. Я вам прочту, вернее детям, мое любимое. Окей?

— Окей! Окей! — обрадовалась детвора знакомому слову.

Говядина стала у ёлки и вдохновенно закатив глаза, начала:

— Вечер был сверкали звезды, на дворе мороз трещал. Шел по улице малютка посинел и весь дрожал.

— И ничего и совсем не понятно, — заорала детвора.

— Как это? Почему? Что непонятно?

— Что это «вечер был»? Был? Значит его уже нет? А что это «на дворе»?

— Ну, сзади дома что у вас? Как это? Ну, «бэкярд». Понятно?

— А что за «мороз»? Это что «дед-мороз»? Санта Клаус? А почему он трещал? Это даже неприлично!

— Ну, мороз, это когда очень холодно и все от холода трещит.

— Мы никогда не слышали, — запротестовали дети.

— Потому что вы американские дети и сидите в тепле всегда.

— Это правда, это да. А что это за «малютка»?

— Малютка? Ну, как бэби, поняли?

— Бэби по улицам не ходят, да еще вечером, без мамы. Да теперь и мамы не ходят.

— Ну, не бэби, а как вроде ты. Вроде бой-скаута.

— О, это другое дело. А почему он синий? Индеец?

— Ничего не индеец, а от холода. Попал бы ты, тоже посинел бы.

— Я купался в Санта Барбара в Тихом океане. Вода была очень холодная, а я был розовый. Правда, мама?

— Ты бы на Колыме искупался, — прошептал Говядин, так узнал бы почем фунт лиха.

— Внимание, внимание. Будем слушать дальше.

«Боже», — говорит малютка. «Я прозяб и есть хочу. Кто напоит и накормит, Боже правый сироту?»

— А что это «прозяб», — опять раздался вопрос.

— Это, когда холодно, — сказал отец. — Помнишь у нас в прошлом году, в доме испортилось отопление, мы три часа сидели в пальто и шапках, пока мастер исправлял то, что поломалось. Мы тогда все прозябли.

— Какое смешное слово «прозябли». Ну, «есть хочу» я понимаю. Я это люблю. Только я никогда не бываю голодный. Я — американский малютка.

— Потому что обожрался, — опять пробормотал Говядин.

— А что это «сироту»?

— Когда у детей нет ни папы ни мамы, тогда они...

— А как же они родились? — спросила девочка.

— Ну, — вмешалась мать, — когда мы умираем, я и папа, то дети называются «сирота».

— Я читаю дальше, — с грустью сказала гостья Шла дорогой той старушка, услыхала сироту. Приютила и согрела и поесть дала ему».

— Старушка? А что это такое?

— Старая леди, а по-русски старушка. Очень просто.

— Совсем не просто. Вечером ни старые, ни молодые леди у нас по улицам не ходят. Они берут такси. А то у нее не только сумку заберут, но и убить могут. Разве вы на тиви не видели? Очень интересно! И даже смешно бывает, когда она бегает от них.

— Это стихи не про Америку.

— О, а мы не знали, — сказали дети, — а что это «приютила»?

— Это когда... э... Ну, вот ты идешь по улице, а у тебя нет квартиры и...

— Это тоже не в Америке? Наверное в Совет Юнион? Диссиденты или кто?

— И кто возьмет тебя в дом, то это значит, он приютил тебя.

— Диссидента? А он не боится? Там так не делают. Кагебе вызовет и...

— Делают, делают, — разозлился Говядин, — у русских больше сердца, чем у американцев, а она старушка, настоящая русская бабушка.

— Но можно было бы мальчика отдать в Сольвейшен Арми. Там все есть, а потом уже...

— Никакая ни Сольвейшен, — вспыхнула Говядина. — Старушка взяла его к себе. Это значит приютила. Потом накормила и спать положила. Это хоть понятно?

— Мы поняли, но она же мальчика не знает. Хорошо, если он только деньги заберет и телевизор, а если задушит и сделает огонь в доме?

— Это американские дети так сделают, — крикнула мать, — а не русские. Понял?

— А я какой?

— Ты русский-американец!

— Значит фифти-фифти. Тоже плохо!

«Спать в постельку уложила. Как тепло», промолвил он. И вздохнув, закрывши глазки, он заснул спокойным сном».

— Ах, какая красота, — вздохнули родители. Дети молчали.

— Ну, а вам, детки, понравилось?

— Нет, — раздался решительный ответ, — стихи надо такие, чтобы мы не спрашивали каждое слово, а чтобы понимали. Тогда это интересно.

— Вам нужны американские стихи, а я их не знаю, — обиделась Говядина.

— Нет, можно русские, но понятные.

— Так вы же не все понимаете. Как же это можно?

— А надо «фифти-фифти».

— Не понимаю.

— Ну, так говорить, чтобы и американец понимал и русский. Это будет перфект!

— А я так и не умею.

— Мы это видим. Мама, мы эту стихотворению с сестрой сейчас сделаем, чтобы все понимали.

— Как же это?

— Мы его будем сочинять. Ты его будешь писать и нам помогать словами, а папа и гости пусть пойдут чай пить с кэйком.

Мать очень обрадовалась. Дети зацепились за что-то культурное, а не просят включить телевизор и не берутся читать дурацкие «комиксы» с глупыми картинками.

— Да, да я конечно помогу, с удовольствием. Что надо делать? А вы идите чай пить, мы вам прочтем потом, все что сделаем.

— Интересно, интересно, — скривились гости, — как это можно переделывать такую класическую вещь? Ведь это же без пяти минут Пушкин.

— Без пяти? сказал мальчик, — ну, а мы за пять минут все сделаем и тогда будет Пюшкин.

— Олрайт! Окей! — сказал отец и увел Говядиных в столовую.

Правда, прошло хороших полчаса, когда гости и отец были позваны обратно, но до этого они слышали смех, восклицания, споры и веселые реплики в углу гостиной, где засели трое «поэтов». Когда все уселись, мать и дети стали перед ёлкой и она с гордостью прочла первое поэтическое произведение подающих большие надежды, детей. Может быть из этого пустяка получится потом что-то более серьезное. Вот оно:

Вечер есть, сверкают старсы.
На бэк ярд мороз стоял.

Шел по улице бойскаут
Вери блю анд хи дрожал.
— О, мой Лорд — он вдруг сказает —
Я и хангри, я и колд!
И бойскаут весь рыдает.
Нет ни сильвер, нет ни голд!
Но по авеню олд леди,
В супермаркет шла она.
«О, ай си», тут плачет бэби!
И в свой хауз повела.
Бой поел бэкон с омлетом
И ложился в варминг бед,
Он заслип скорей при этом.
Было гуд! Совсем нат бэд.
И закрыв свои он айс,
Бой сказал «Гуд найт-с, гуд найт-с!»

* *

Молча, ни говоря ни слова, но опрокинув стул Говядина пошла одеваться, а за ней поспешил и муж. Если некоторые читатели скажут, что этот рассказ совсем не рождественский, то Америки они не откроют. Я сам это знаю!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДЛАГАЮТСЯ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

серьезные рассказы того же автора напечатанные 15-20 лет тому назад.

Они переизданы фото-способом.

ВОТ ИХ НАЗВАНИЯ: «Трус», «Кисельные берега, «Дипи в воздухе», «На резиновых колесах по Америке», «Опасная игра», «Сладкий яд», «Женское сердце», «Мираж», «Врачебная этика», «Падение столицы», «Наши пришли», «Кошмар», «Правое дело», «Путь к счастью», «Вечный перманент», «Жена товарища» и много других.

ЮМОР: «Записки неудачника» — это семь рассказов о человеке, которому не везло в Америке. Их названия: «Коварный телевизор», «Кольцо с рубином», «Верный заработок», «Пасьянс Наполеона», «Дом с резонансом», «Собачья жизнь», и «Болезненная история. ДРУГИЕ: «Оскорбление чести», «Депутат в кандидаты», «Зуб наркома», «Нежность» и много других.

ВСЕ ЭТИ РАССКАЗЫ (в фото-копиях) предлагаются по пять долларов за четыре рассказа и по восемь за десять долларов.

КРОМЕ ТОГО: две вещи «Коса на камень» и «Ласточкины гнезда» (обе с английского) построенные на фактическом материале, с захватывающим сюжетом по 3 д. 50 ц. за вещь. Еще: «Как погибла царская семья) (с австрийского). Это воспоминания участника этого кошмарного преступления. Цена — 3 д. В этом экземпляре несколько редких снимков.

ЕЩЕ КНИГА ПРОФЕССОРА КУЭ «Самовнушение, как путь к господству над собой». Фото-копия с редкого издания 1926 г. в Берлине. Цена. — 5 д.

«ДАМЫ, будьте здоровы!» — фото-копия с книги о которой сказано: «Это НЕ лечебник, но она чинит нервы, улучшает сон, исправляет настроение, изменяет цвет лица и возвращает апетит. Что еще нам нужно?» Ц. 5 д.

ФОТО-копии с больших произведений В. МОРТ: Роман-трилогия «Ржавчина», «Брачные узы» и «Эпилог» — 11 долл. «Белая ворона», «Тихоня», «Гадина», «Горькое счастье» — эти по 3 д. 50 ц.

НОВЫЕ юмористические рассказы: «Средь шумного бала», «Дни за днями», «Женская логика», «Самовар», «Душа общества!, «Сколько лет — сколько зим», «Пятна на солнце», «Яки-яки», «Ноктюрн Шопена», «Кофейная гуща», «Чертова дюжина», «Деньги на бочку!», «Рай на Гавайях», «С жиру бесюца» «Кондоминимум» и «Демоническая женщина», Эти рассказы по 40 ц. за шт.

РАСПРОДАННАЯ книга «Хэппи энд» в виде фото-копии всех рассказов. Коплект 7 д.

КНИГА «Мера подлости» — 7 д., Книга «Белая ворона» (по английски) фото — 4 д.

КНИГА «Мечты... Мечты...» — 5 д.

ЗАКАЗЫ, чеки и запросы направлять по адресу:
VICTOR MORT 45-535 Luluku Rd., 61-B
Kaneohe, Hawaii 96744.

Автор просит читателей книги «ГРИМАСЫ ЖИЗНИ», если она им понравится рекомендовать ее своим друзьям и знакомым, а если нет, то написать об этом ему.

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар.

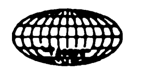
Технический редактор А. В. Гибанов.

Обложка и художественное оформление
Ирины Драгомирецкой.

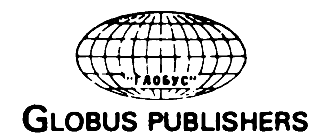
Редактор книги Н. Савченко.

Корректор К. З. Марсов-Тишевская.

**Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»**

**GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.**

"ГЛОБУС"
GLOBUS PUBLISHERS